JAN 18 1935

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

15 65-66

ТОМ ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ
ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ

PERIODICAL ROOM
GENERAL LIBRARY
UNIV.

СОДЕРЖАНИЕ

Первые дни мировой войны. — Разгром Сербии в 1915 г. и „помощь“ союзников.—Англо-русские отношения в Персии во время мировой войны.— Солдатские письма в годы мировой войны. — Московский Военно-революционный комитет. — К истории революции 1905 г. на заводе „Сормово“. — После Цусимы.

ЦЕНТРАРХИВ
ОГИЗ ■ СОЦЭКГИЗ ■ МОСКВА
1934

ОГИЗ * СОЦЭКГИЗ * КОГИЗ

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ
следующие книги:

ПОКРОВСКИЙ М. Н.

Историческая наука и борьба классов.

(Историографические очерки, критические статьи и заметки). Сборник подготовлен к печати Институтом истории Комакадемии. Соцэкгиз. 1933. (Коммунистическая академия). Выпуск I. Стр. 327, вкл. портрет. Ц. 4 р., в пер. 5 р. Выпуск II. Стр. 450. Ц. 4 р., в пер. 5 р.

ПОКРОВСКИЙ М. Н.

Русская история с древнейших времен.

В четырех томах. Соцэкгиз. 1933 г. (Институт истории Коммунистической академии).

Том I.

Стр. 272. 3 карты. 1 портрет. Ц. 2 р. 75 к. в пер. 4 р.

Том II.

Стр. 372. 10 карт. Ц. 3 р. 95 к., в пер. 4 р. 50 к.

Том III.

Стр. 276. 10 карт. Ц. 3 р. 50 к., в пер. 4 р. 75 к.

Том IV.

Об'ем 28 л. Ц. 4 р. (печ.)

Продажа во всех магазинах, отделениях и киосках Когиза

Почтовые заказы направлять „Книга почтой" во все областные (краевые) отделения Когиза.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ—ПЯТЫЙ
(ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ—ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ)

1934

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1934

Сдано в произв. 31 VII — 1 X 1934 г. Подписано к печати 11/XI 1934 г.
Статфор. Б. 176 × 250 16 п. л., 60480 зн. в п. л. С.-Э.(п) № 30. Зак. 651
Уполн. Главлита Б—3910? Тираж 26 25

Интернациональная (39-я) тип. «Мособлполиграф», ул. Скворцова-Степанова, 3.

Первые дни мировой войны

Публикуемые ниже документы, относящиеся к первым дням мировой империалистической войны, извлечены из той коллекции дипломатической переписки, которая составляет содержание подготовленного к печати VI тома III серии публикации «Международные отношения в эпоху империализма» [1]).

Еще не закончена процедура всех дипломатических формальностей, связанных с объявлением войны. Еще не вручены паспорта австрийскому послу в Лондоне и французскому в Вене. Еще царская армия не успела перейти германской границы. Но дипломатия вступивших в вооруженный конфликт коалиций уже ведет ожесточенную борьбу за вовлечение в войну стран, оставшихся нейтральными.

Вопрос о борьбе за нейтральные, а прежде всего балканские страны является главной, стержневой темой всей дипломатической переписки в эти дни.

Для царской России вопрос этот приобретал особенно острое значение, потому что от его разрешения зависело, как определится расстановка сил на не сформировавшемся еще балканском театре, географически ближайшем к проливам.

Отсюда — та энергия, страстность, даже нервность, с какою царская дипломатия начинает вести переговоры с балканскими нейтральными странами. В условиях напряженной военной конъюнктуры предстояло разрешить все те противоречия, которые во время балканских войн вскрылись со всей остротой и которые этими войнами остались неразрешенными. Сербо-болгарские противоречия в Македонии, греко-болгарские во Фракии и южной Македонии, болгаро-румынские в Добрудже, итало-сербские и итало-греческие в Албании — весь этот туго завязанный узел противоречий предстояло распутать, а для того требовалось погасить взаимную вражду между этими странами, примирить непримиримых антагонистов, удовлетворить каждого из них подходящими территориальными «компенсациями».

Тот запасный фонд, из которого дипломатия Антанты могла черпать эти будущие территориальные «компенсации», могли составить, с одной стороны, земли Австро-Венгерской монархии, с другой — территориальное наследство Турецкой империи, еще не определившей своей позиции в войне, но в предшествующие годы достаточно сильно втянувшейся в орбиту политики австро-германской коалиции. Этим дело, конечно, не могло ограничиться, и на очередь ставились также вопросы о необходимых взаимных «уступках» и «жертвах» одних нейтральных в пользу других, о многообразных разграничительных комбинациях между ними.

Неожиданно выдвинутое турецкою дипломатиею предложение русско-турецкого военного союза, объективно отражавшее те внутренние противоречия, которые намечались в пределах австро-германской коалиции, несомненно, осложнило и без того сложную организационную работу дипломатии Антанты: в это самое время начались переговоры с Болгарией, и последней приходилось обещать компенсации не только

---

[1]) Документы VI тома «Международных отношений» охватывают период с 5 августа 1914 г. по 13 января 1915 г. Том подготовлен к печати А. Л. Поповым при участии Б. Я. Галиной.

за счет сербских, но и за счет турецких земель. Если русский посол в Константинополе М. Н. Гирс верил в возможность русско-турецкого соглашения, то Сазонов относился к нему с большим скептицизмом. Позиция Сазонова в этом вопросе должна была определиться не только соображениями о тактическом, маневренном характере турецкого дипломатического выступления. Грей не переставал поучать Сазонова об обязанности России как члена Антанты думать прежде всего о нанесении поражения Германии и при всяком удобном случае подчеркивал второстепенное, локальное значение турецкой проблемы и отсутствие какой-либо опасности для России с турецкой стороны. Более откровенные из французских политиков высказывали предельно ясную мысль о том, что «было бы выгоднее втянуть Турцию в число наших противников, дабы таким образом покончить с ней» [1]).

Во всяком случае, послу в Константинополе Сазонов давал директиву: переговоры с Энвером продолжать, имея в виду необходимость «выигрыша времени». Появлением в турецких водах «Гебена» и «Бреслау» под командой германских офицеров замаячивший на короткое время призрак русско-турецкого соглашения был снят с очереди. Вопрос о том, какую позицию займет в войне Турция, был теперь предрешен: через три месяца (29 октября) она открыто выступила на стороне Тройственного союза.

Чрезвычайные трудности представляло разрешение задачи воздействия на Болгарию. Ненадежность объявленного Болгарией нейтралитета подтверждалась всей предшествовавшей историей сербо-болгарских, греко-болгарских и болгаро-румынских отношений. Срастание интересов Болгарии с интересами австро-германской коалиции было для всех очевидным фактом. Но на Болгарию нельзя было махнуть рукой: она как плацдарм перед проливами представляла собой для царской дипломатии фактор первостепенной политической и стратегической важности. Когда-то, в 1912—1913 годах, Болгария являлась одним из основных звеньев антитурецкого «Балканского союза», который она потом взорвала своим выступлением против Сербии. Теперь царские дипломаты стали мечтать о восстановлении прежнего балканского блока, о привлечении Болгарии на свою сторону. Отсюда понятна та щедрость, какую Сазонов готов в отношении ее проявить и за счет Сербии, и за счет Греции, и за счет Румынии: он требует дальновидности от Пашича, уступчивости от Венизелоса, сговорчивости от Братиану. Но здесь-то и вырастали перед царской дипломатией непреодолимые препятствия: ненасытные аппетиты болгарских политиков, поощряемых Германией и Австро-Венгрией, великосербские настроения правящих кругов Сербии, пан-эллинские тенденции в политике Греции, поощряемой и защищаемой англичанами, уклончивая и скользкая позиция румын, поддерживаемых Францией.

Вопрос о вступлении в войну Болгарии неразрывно связывался и с вопросом о позиции Греции и с вопросом о позиции Румынии. С первых же дней войны царское правительство повело дипломатическое наступление по всему фронту нейтральных балканских стран. Объявление нейтралитета Румынией, которая была формально связана с австро-германской коалицией, само по себе было уже фактом, который дипломатия Антанты могла вписать себе в актив. К тому же проект русско-румынского военного соглашения, пусть вежливо Румынией отклоненного, фигурировал и всерьез обсуждался в самые первые дни военной поры.

Еще больше надежд возлагалось дипломатией Антанты на Италию, которая, подобно Румынии, входила до войны в австро-германскую коалицию и подобно ей теперь осталась в нейтралитете. Исторических предпосылок для откола от Тройственного союза Италии было еще больше, потому так убедительно звучал проект англо-франко-русско-итальянского военного соглашения, набросанный в первые же дни войны частью рукою бар. Шиллинга, частью рукою итальянского посла в Петер-

[1]) См. ниже № 65, прим.

бурге Карлотти. На Италию в эти дни Сазонов повел столь энергичную лобовую дипломатическую атаку, что был остановлен напоминанием союзников о необходимости соблюдать бо́льшую осторожность. Грей часто повторял, что позиция нейтральных определится не размером обещаемых им компенсаций, а положением на театре военных действий, решительным военным успехом на фронте.

В дальнейшем, поскольку военные действия приняли затяжной характер и начатая с расчетом на эффективность стремительных молниеносных операций война превращалась в позиционную, окопную войну, затягивалось и разрешение вопроса о вовлечении нейтральных стран в войну. Но и независимо от того, относящаяся к первым дням войны дипломатическая переписка сама по себе показывает, что борьба на этом дипломатическом фронте должна была принять затяжной характер, характер упорного торга с переторжками. В разгар первой большой империалистической схватки за передел мира нейтральные страны ловили момент, чтобы извлечь максимальные выгоды для себя при дележе добычи, а между тем в первые дни войны еще и не видно было, на какой стороне будет победа...

Как известно, из всех этих стран Италия первая покинула свою позицию нейтралитета: 20 апреля 1915 г. она подписала секретный договор со странами Антанты и в конце мая начала войну против Австро-Венгрии. Борьба за Болгарию продолжалась более года и закончилась в пользу австро-германской коалиции: 5 октября 1915 г. Болгария начала военные действия против Сербии. На торги с Румынией потребовалось целых два года, и только в конце августа 1916 г. она окончательно решилась связать свою судьбу с Антантой. Что касается Греции, то, прежде чем она примкнула к союзникам, последние после целого ряда насильственных актов по отношению к ней, в конце концов, должны были совершить в Афинах государственный переворот (в июне 1917 г.).

Из других проблем, нашедших свое отражение в дипломатической переписке царского правительства за данный период, на первый план выдвигается проблема англо-русских противоречий в Персии (см. №№ 40, 73). Проблема эта была далеко не новой, она уже имела крупный исторический стаж. Теперь, в условиях военного времени, требовавшего от каждой из борющихся коалиций максимальной консолидации ее рядов, она осложнялась продолжаемой царизмом агрессией в Персии, с одной стороны, и с другой — повышенными страхами англичан перед мусульманской опасностью в соседней Индии. Англо-русские противоречия в Средней Азии получили, как известно, в дальнейшем свое «разрешение» в плане передела турецкого наследства, в плане разрешения важнейшей для царизма проблемы о Константинополе и проливах. Публикуемые документы первых дней империалистической войны застают эту нарастающую на среднеазиатском фронте внутреннюю борьбу в пределах одной из империалистических коалиций лишь в эмбриональном состоянии.

На Дальнем Востоке Япония, под флагом вступления в войну и под прикрытием разговоров об «углублении дружественных связей» с царской Россией, выдвигала проблему своей безраздельной гегемонии на Дальнем Востоке (см. №№ 10, 11, 85). Смысл японского выступления стал ясным, разумеется, только в свете последующих фактов: в начале 1915 г. японский империализм выступил с развернутой программой захвата Китая — программой, которую во время мировой войны удалось осуществить лишь в сравнительно небольших размерах и которая полностью осуществляется японской военщиной теперь, через 20 лет... Для того времени это была только музыка будущего, которая в первые дни великой тревоги явственно еще слышна не была. Балканские мотивы по преимуществу, торг за вовлечение нейтральных в войну, вопросы согласования военных действий союзников довлели в те дни над всей работой дипломатических канцелярий.

А вне стен дипломатических кабинетов слышался рев разъяренной черносотен-

но-патриотической толпы, в шовинистическом угаре громившей здания посольств враждебных государств (см. № 1).

И в те же дни — как повествуют публикуемые документы (см. № 67) — председатель Международного социалистического бюро в своем телеграфном воззвании к с.-д. депутатам Государственной думы, царской полицией переданном беспрепятственно по назначению, подписывал свое отречение от учения революционного марксизма: еще до того, как на главных фронтах войны открылся смертоносный ружейный и орудийный огонь, запылало и рухнуло здание II Интернационала, подожженное изменническою рукою его вождей, вступавших в содружество с поджигателями мировой империалистической бойни.

А. Попов.

№ 1. Докладная записка министра иностранных дел Николаю Романову.

5 августа (23 июля) 1914 г.

В трудные минуты, переживаемые нами теперь, весьма важно для нас обеспечить себе содействие иностранных государств, а одним из средств к этому является стяжание себе сочувствия их общественного мнения.

Вашему императорскому величеству благоугодно было лично отметить, что Россия встретила ниспосланное ей испытание «со спокойствием и достоинством». Именно такое отношение сильно содействовало заметному до сих пор повсюду сочувственному нам настроению.

С тем большим прискорбием приходится говорить об ужасающем и позорном событии, происшедшем прошлою ночью. Под предлогом патриотических манифестаций толпа, в которую вошли подонки столичного общества, совершенно разгромила здание германского посольства и даже убила одного из служащих посольства, а власть, на обязанности которой лежало предупредить или пресечь подобные недопустимые в цивилизованной стране неистовства, не оказалась на высоте требования.

Ночью многие аккредитованные при высочайшем дворе дипломатические представители, из которых некоторые оказались очевидцами этой дикой картины, обращались с тревогой в министерство иностранных дел, заявляя о намерении своем выехать из Петербурга, а некоторые — даже о желании вытребовать свои военные суда для ограждения личной и имущественной безопасности своих подданных, ввиду того, что императорское правительство, по их мнению, видимо, не может достаточно ее обеспечить, ибо раз, несмотря на установленное здесь военное положение, события, подобные вчерашнему, возможны, есть основание опасаться развития новых беспорядков.

Сегодня известие о происшедшем несомненно облетит весь мир, производя всюду крайне невыгодное для нас впечатление, которое нам приходится учитывать с точки зрения нынешнего международного положения.

Вследствие сего приемлю в верноподданнический долг мой доложить вашему императорскому величеству, что для смягчения такого впечатления было бы необходимо, чтобы возможно скорее было вынесено строгое осуждение попустительству и бездействию власти, проявленным теми, на чьей ответственности порядок и безопасность в столице.

Сазонов.

№ 2. Министр иностранных дел поверенному в делах в Сербии Штрандтману.

Телеграмма № 1684. 5 августа (23 июля) 1914 г.

Срочная.

Сообщается в Софию исключительно для личного сведения.

Ваша телеграмма № 289 [1]) получена.

Прошу расшифровать лично. Доверительно. Прошу вас сообщить Пашичу следующее.

Мы полагаем, что в настоящую минуту надо, откинув мелочные расчеты, действовать решительно и быстро. С этой точки зрения мы полагаем, что содействие Болгарии, независимо от исхода войны, может быть обеспечено только отдачей ей теперь же Иштиба и Кочан с территорией до Вардара. В случае же победоносной войны Болгария получит так называвшуюся [2]) спорную территорию, предусматривавшуюся второй статьей тайного приложения сербо-болгарского договора 13 марта (29 февраля) 1912 года, от вершины Голема, севернее Кривой Паланки, до Охридского озера со включением Струги.

Если бы Болгария затруднилась выступить с военными силами, то за добросовестное соблюдение нейтралитета она могла бы быть вознаграждена Кочанами и Иштибом с территорией до Вардара лишь после победоносной войны, в чем Сербия теперь же даст обязательство России, которая сообщит таковое Болгарии.

Делая настоящее сообщение, выскажите Пашичу следующую нашу общую точку зрения: начиная войну, требующую напряжения всех своих сил, войну, вызванную защитою Сербии и которая с божьей помощью приведет к исполнению ее народных идеалов, Россия не сомневается, что сербское правительство без колебания пойдет навстречу ее заветному желанию восстановить братство всех славянских народов и прежде всего Сербии и Болгарии. Жертвы, которые придется для этого понести Сербии, несоизмеримы с тем, что она может получить. Они несоизмеримы также с теми жертвами, которые несет Россия. Само собою разумеется, условия, сообщаемые ныне Пашичу, не должны быть нами сразу сообщены болгарам. Для нас необходимо лишь быстрое и категорическое согласие сербского правительства предоставить России полномочие начать переговоры в указанных выше пределах. Какие-либо колебания в настоящий момент мы считали бы прямо пагубными.

Сазонов.

№ 3. Посол в Лондоне министру иностранных дел [3]).

Телеграмма № 255. 5 августа (23 июля) 1914 г.

Асквит огласил вчера в парламенте ультиматум, посланный Германии. Мне говорят, что никто не запомнит подобного взрыва энтузиазма. Радикальная оппозиция раздавлена. Если исключить «Manchester Guardian», то же наблюдается в прессе. Выход «Darkest Russia» прекращен, так как время нападок на Россию прошло. Растет глав-

[1]) См. «Международные отношения в эпоху империализма», т. V, № 505.
[2]) Так в подлиннике.
[3]) Перевод с французского.

ным образом антигерманское настроение. Обнародование прекрасного ответа императора королю[1]) произвело большое впечатление. Я вижу во всем этом оправдание точки зрения Грея, неоднократно повторявшего мне, что без общественного мнения он ничего не может сделать, что сербское дело оставило общество совершенно равнодушным, что он не может обещать больше того, что может сдержать, но что общественное настроение может измениться втечении 12 часов. Сделать это взял на себя германский император. Результат был вполне достигнут. Позиция Грея, когда я говорил ему о высокой политике, объясняется тем же. Он уклонился от разговора по существу, и его советы сводились к реплике: «Вы склоняете на путь истины обращенного». Не имея возможности писать, считаю своею обязанностью констатировать приведенное выше.

Бенкендорф.

№ 4. Посол в Лондоне министру иностранных дел[2]).

Телеграмма № 267. 5 августа (23 июля) 1914 г.

Копия в Париж.

Получил № 1667[3]). Никольсон ознакомился с его содержанием с большим удовлетворением. Тем не менее он настаивает на том, что нам необходимо дать шведскому правительству несколько более положительные и определенные заверения и гарантии добрососедских отношений на будущее время. По мнению Никольсона, если Швеция выступит против России, то Норвегия присоединится к Швеции. Он заметил, что Швеция и Норвегия занимают по отношению к нам то же положение, что Бельгия и Голландия по отношению к Англии.

Бенкендорф.

№ 5. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 239. 5 августа (23 июля) 1914 г.

Копия в Лондон.

Получил №№ 1668 и 1670[4]).

Английское правительство сделало здесь те же шаги относительно Бельгии, Голландии и Норвегии. До того оно предложило здесь заявить Швеции, что от нее ожидается сохранение нейтралитета и что при этом условии Россия, Англия и Франция гарантируют ей теперь и на будущее время ее нейтралитет, в противном же случае три державы не принимают относительно ее никаких обязательств. Думерг сказал мне, что французское правительство вполне согласно с вышесказанными предложениями. Что касается Румынии, то Вивиани сказал мне что он принимает ваше предложение[5]), но что, по его мнению, следовало бы несколько смягчить последнюю фразу о том, что выступление против России будет рассматриваться как действие, враждеб-

[1]) См. «Международные отношения», т. V, 6 451.
[2]) Перевод с французского.
[3]) См. «Международные отношения», т. V, № 525.
[4]) См. там же, №№ 526 и 528.
[5]) См. там же, № 528.

ное против всех трех держав. Он предлагает заменить ее редакцией, предложенной Англией по отношению к Швеции, а именно, что в случае выступления Румынии против России три державы не принимают на себя относительно ее никаких обязательств. Эта поправка внушается ему соображениями о необходимости избежать всего, что может быть истолковано как угроза по адресу Румынии.

Извольский.

№ 6. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 241. 5 августа (23 июля) 1914 г.

Копия в Лондон.

Австрийское посольство все еще находится в Париже, и граф Сечен не обнаруживает никакого намерения испросить свои паспорта. Думерг видит в этом уловку, чтобы вызвать первый шаг к разрыву со стороны Франции и указать на него Италии как на «casus foederis». Поэтому здесь думают, что как Франция, так и Россия должны поступать с Австрией особенно осторожно и не подавать ей повода обвинить их в нападении. Дабы однако австрийское посольство не могло злоупотребить в пользу Германии своим пребыванием в Париже, здесь только что воспрещены шифрованные телеграммы всем посольствам, кроме русского и английского, и миссиям, кроме бельгийской.

Извольский.

№ 7. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 242. 5 августа (23 июля) 1914 г.

Шебеко телеграфирует за № 145:

Прошу доложить министру: Берхтольд заявил мне сегодня, что союз, связывающий Австро-Венгрию с Германией, обязывает ее в настоящую минуту к разрыву отношений с нами. Она намеревается поэтому отозвать Сапари [1]). В ответ на это я попросил министра иностранных дел дать мне возможность со всем составом посольства вернуться в Россию единственным оставшимся путем — через Румынию.

Извольский.

№ 8. Посол в Константинополе министру иностранных дел [2]).

Телеграмма № 628. 5 августа (23 июля) 1914 г.

Срочно.

Прошу срочных указаний.

По моему поручению генерал Леонтьев посетил сегодня Энвер-пашу, который заявил ему, что мобилизация отнюдь не направлена против России, что, если это будет отвечать интересам России и может успокоить ее со стороны кавказской границы, то она [3]) согласна взять

[1]) В тел. от 6 августа (24 июля) за № 249 Извольский отмечал, что, по сведениям французского посла в Вене, Берхтольд заявил Шебеко, что Австро-Венгрия считает себя в состоянии войны с Россией. Австро-венгерский посол, по сообщению Извольского, заявил Думергу, что он не получил из Вены никаких указаний об отъезде.

[2]) На подлиннике помета Николая Романова: «Любопытно», и далее рукой Сазонова: «Петергоф, 25 июля 1914 г.».

[3]) Так в подлиннике.

оттуда часть войск из 9-го и 11-го корпусов. Далее он заявил, что Турция сейчас ни с кем не связана и будет действовать сообразно с своими интересами. Если бы Россия пожелала обратить внимание на турецкую армию и использовать ее для своих целей, то он и такую комбинацию не считает невозможной. Эта армия могла бы быть использована Россией как для нейтрализации армии того или иного балканского государства, которое намеревалось бы выступить против России, так и для содействия армиям балканских государств против Австрии, если бы России удалось примирить балканские государства между собой и с Турцией на условиях взаимных уступок. На вопрос генерала Леонтьева, какие именно могли бы быть эти уступки, Энвер ответил, что они могли бы выразиться для Турции в Эгейских островах и в области Западной Фракии, причем Греция могла бы получить компенсацию в Эпире, Болгария — в Македонии, Сербия — в Боснии и Герцеговине. На ряд сомнений, выраженных генералом Леонтьевым, Энвер ответил утверждением, что он убежден в возможности такой комбинации с турецкой стороны. К ней с радостью примкнут и правительство и турецкий народ, раз только будут знать, что она может принести реальные результаты[1]). Леонтьев просит передать копию этой телеграммы в военное министерство.

Гирс.

№ 9. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 631. 5 августа (23 июля) 1914 г.

Срочная.

Прошу срочных указаний. Ссылаюсь на №№ 628[2]), 629[3]), 630[4]).

Сегодня же посетил меня болгарский посланник и, оговорив, что он высказывает лишь личное свое мнение, настойчиво доказывал мне,

---

[1]) В тел. Гирса от 5 августа (23 июля) за № 629, передававшей содержание разговора Леонтьева с Энвером по вопросу о германских офицерах в турецкой армии, между прочим значится: «Энвер ответил, что он не удерживал немцев, но не имел прямых оснований просить их об отъезде, пока политическое положение не выяснилось... Он лично не сомневается, что, оставляя их в Турции, германское правительство преследовало свои цели, именно в смысле вовлечения Турции в свою орбиту, но что эти цели не будут достигнуты, так как Турция будет преследовать только свои собственные интересы. Если только состоится комбинация, о которой говорится в телеграмме № 628, то он в тот же день скажет немцам: «Теперь вы наши враги, и я прошу вас удалиться».

В своей тел. Гирсу от 6 августа (24 июля) за № 1705 Сазонов признавал желательным, чтобы ген. Леонтьев продолжал объяснения с Энвер-беем в благожелательном смысле, хотя бы для известного выигрыша времени, избегая каких-либо связывающих заявлений.

В тел. от 8 августа (26 июля) за № 637 Гирс сообщал о своем разговоре с вел. визирем по поводу сделанных Энвером заявлений о мобилизации турецкой армии, причем вел. визирь выразил сочувствие «всему, что могло бы дать нам удовлетворение на этом пути». Гирс отметил при этом, что Энвер «является в совете министров самым убежденным сторонником активного выступления Турции» и что, повидимому, он не сообщал вел. визирю своего разговора с Леонтьевым.

В тел. от 9 августа (27 июля) за № 651 Гирс сообщал, что вел. визирь «теперь вполне в курсе объяснений Энвера с генералом Леонтьевым и, повидимому, сочувствует им, хотя официально стоит на почве сохранения полного нейтралитета Турцией, не соглашаясь, что присутствие германских офицеров нарушает этот нейтралитет».

[2]) См. № 8.

[3]) См. прим. 1.

[4]) См. стр. 17, прим. 5.

что наступил момент возвращения Болгарии в орбиту русского влияния и нравственного единения с балканскими государствами. На мой ответ, что я искренно сочувствовал бы всякому почину Болгарии на этом пути, и что она имеет полную возможность взять его именно в настоящий момент, подав руку... [1]) Сербии, Тошев выразил, что к сожалению, раздражение болгар против сербов еще настолько велико, что он сомневается в возможности немедленного выступления болгарской армии в союзе с сербской. Однако он, будто бы, убежден, что она и не поднимется против Сербии и что Болгария вполне, будто бы, искренно будет придерживаться строжайшего нейтралитета втечении всего нынешнего кризиса. Она хотела бы при этом быть гарантированной от нападения со стороны Турции и видела бы такую гарантию во взаимном обязательстве Греции, Турции, Болгарии и Румынии не принимать участия в настоящей войне. В таком обязательстве он видел бы зачаток балканского блока против Австрии. За сохранение нейтралитета балканские государства получили бы территориальные компенсации. При этом Тошев высказал по их поводу решительно те же предположения, которые в тот же день излагались Энвер-пашой нашему военному агенту [2]). Это последнее обстоятельство несомненно доказывает, что между Турцией и Болгарией велись переговоры касательно общности действий в нынешнем кризисе, опираясь на Австрию и Германию. Болгарии пришлось отказаться от активного выступления под угрозой вмешательства Греции и Румынии. Присоединение же к нам Великобритании в борьбе с Германией несколько отрезвило и Турцию. Полагаю, что опасение немецкой неудачи и страстное желание все же получить какую-либо реальную пользу от нынешней войны и побуждают Турцию, а может быть и Болгарию, заигрывать ныне с нами. Нисколько не доверяя их искренности, я все же полагаю, что нам не следовало бы их отталкивать, так как этим мы бросили бы их в объятия наших противников. Сама же идея образования балканского блока, со включением в него Турции, может быть нам лишь полезной до того времени, пока обстоятельства не позволят нам самим стать твердой ногой на проливах. Поэтому позволяю себе высказать предположение о желательности вовлечь Порту в дальнейшие разговоры с нами на тему возможного между нами соглашения.

Гирс.

№ 10. Посол в Токио министру иностранных дел [3]).

Телеграмма № 112. 5 августа (23 июля) 1914 г.

Если императорское правительство... на это согласно, проектированное соглашение могло бы быть заключено в следующей редакции:

Вводная часть. Россия и Япония, одушевленные искренним желанием поддерживать постоянный мир на Дальнем Востоке, принимая во внимание солидарность их интересов в этой области, согласились между собой в следующем:

Статья 1. Оба правительства подтверждают договоры, конвенции и соглашения, заключенные между ними и сохраняющие в настоящее время свою силу.

[1]) Здесь и далее многоточие обозначает пропуск в подлиннике.
[2]) См. № 8.
[3]) Перевод с французского. Публикуемый документ, повидимому, является продолжением одной из предыдущих тел. Малевского, которая в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

Статья 2. Если интересы и права, предусмотренные упомянутыми дипломатическими актами... оказались бы под угрозой, оба правительства договариваются между собой о тех мерах, которые необходимо принять для охраны этих интересов и прав.

Статья 3. Если та или другая из высоких договаривающихся сторон подверглась бы на Дальнем Востоке нападению... другая сторона должна оказать ей поддержку или при помощи своих армий или соблюдая самый строгий нейтралитет.

Статья 4. Это соглашение, заключенное на время... вступает в силу с момента его подписания и может быть автоматически возобновлено или... никоим образом не затрагивает положений союзного договора, существующего между Японией и Англией... и пунктов политического соглашения, подписанного в 1907 г. Францией и Японией.

Малевский.

№ 11. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел [1]).

6 августа (24 июля) 1914 г.

Посольство его величества на основании указаний, полученных от сэра Э. Грея, имеет честь уведомить его превосходительство императорского министра иностранных дел, что между правительством его величества и японским правительством состоялось соглашение о том, что в случае нападения на Гонконг или Вей-хай-вей или в случае подобного же конкретного акта нападения японское правительство окажет немедленно поддержку правительству его величества [2]).

В случае возможного захвата английского торгового судна или в случае возможного возникновения вопроса о китайских и русских территориальных водах японское правительство согласно обсудить вопрос и посоветоваться с правительством его величества, прежде чем принять определенные меры [3]).

№ 12. Нота австро-венгерского посла в Петербурге министру иностранных дел [4]).

6 августа (24 июля) 1914 г.

По приказанию своего правительства нижеподписавшийся посол Австро-Венгрии имеет честь довести до сведения его превосходительства г. российского министра иностранных дел нижеследующее:

«Ввиду угрожающего положения, занятого Россией в конфликте между Австро-Венгерской монархией и Сербией, и при наличии того обстоятельства, что вследствие этого конфликта Россия, как это явст-

---

[1]) Перевод с английского. Содержание публикуемого документа передано Малевскому тел. Сазонова от 8 августа (26 июля) за № 1739.

[2]) В тел. от 7 августа (25 июля) за № 127 Малевский сообщал, что, по мнению англ. посла, «японцы, не ожидая обращения своей союзницы, подготовляют нападение на Киаочжоу, ища лишь благовидного предлога, чтобы напасть на германские владения на Дальнем Востоке».

[3]) В своем ответе на заявление англ. правительства японское правительство изъявило согласие поддержать его. Текст японского ответа передан Малевским в Петербург тел. от 7 августа (25 июля) за № 120.

[4]) Перевод с французского.

бует из сообщения берлинского кабинета, сочла необходимым открыть военные действия против Германии и что последняя таким образом находится в состоянии войны с вышеназванной державой, Австро-Венгрия равным образом считает себя с настоящего момента в состоянии войны с Россией» [1]).

Сапари.

№ 13. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 1703. 6 августа (24 июля) 1914 г.

Срочная.

Сообщается в Константинополь.

Доверительно. Наше морское ведомство считает возможною попытку Австрии при сообщничестве Турции, поведение коей весьма двусмысленно, направить свой флот в Черное море, где он имел бы несомненное преобладание над нашим флотом, усилившись присоединением германских и, быть может, турецких судов.

Таким маневром достигнуты были бы как безопасность австрийского флота, так и вместе с тем возможность нанести нам чувствительный удар.

Вследствие этого представляется крайне желательным возможно скорее выяснить, на какое содействие Франции и Англии мы можем рассчитывать для недопущения австрийского флота к производству указанной операции. К сему следует присовокупить, что наше положение затрудняется еще тем, что какие-либо предупредительные меры, принятые нами в непосредственной близости с Босфором, получили бы враждебный против Турции характер, что крайне желательно избежать, ибо это только побудило бы турок присоединиться к нашим противникам. Успех, который одержала бы Австрия против нас в Черном море, мог бы предопределить в неблагоприятную сторону положение Румынии, не принявшей еще решения.

Кроме того Турция стала бы хозяином на Черном море. Одновременно австрофильское течение в Болгарии могло бы одержать верх. Содействие Франции и Англии в указанном вопросе способствовало бы обеспечению доставки из наших южных портов хлеба в оба эти государства.

Прошу вас срочно сообщить отзыв правительства, при коем вы аккредитованы, на наш запрос [2]).

Сазонов.

---

[1]) Нотой от того же числа Сапари испрашивал у мин. ин. дел свои паспорта. Тел. от того же числа (без номера) Сазонов извещал Шебеко об объявлении Австро-Венгрией войны России и предписывал возвратиться в Петербург, передав защиту русских интересов испанскому послу.

[2]) В тел. от 7 августа (25 июля) за № 1708 Сазонов поручил Извольскому и Бенкендорфу обратить внимание французского и английского правительств на следующее: «Чем скорее нанесен будет удар австрийскому флоту, тем скорее определится отношение Италии и Румынии к войне. Участие этих держав в войне против Австрии даст нам возможность направить значительную часть наших сил против Германии».

В тел. от 7 августа (25 июля) за № 712 Сазонов, сообщая Гирсу о нежелательности «несвоевременными мерами дать основание Турции перейти на сторону наших врагов», указывал на необходимость установления особенного наблюдения за действиями австрийской эскадры. «В случае обнаружения несомненного намерения ее пройти через Дарданеллы,— писал Сазонов,— что, конечно, не будет пред-

№ 14. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 1706. 6 августа (24 июля) 1914 г.

Сообщается в Бухарест.

Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 239 [1]).

В переговорах с нами о возможных совместных действиях против Австрии ценою Трансильвании румыны настаивают на гарантии их территориальной неприкосновенности, ссылаясь на опасность, угрожающую со стороны Болгарии.

Так как единоличная наша гарантия неудобна для нас, ввиду наших отношений с Болгарией, мы дорожили бы согласием Франции и Англии на коллективную гарантию, если бы наши переговоры приняли благоприятный оборот.

Такая гарантия имела бы вид акта, параллельного нашим общим выступлениям в нейтральных государствах — Бельгии, Голландии, Норвегии [2]).

Сазонов.

№ 15. Посол в Лондоне министру иностранных дел [3]).

Телеграмма № 260. 6 августа (24 июля) 1914 г.

Копия в Париж.

Турецкий посол явился вчера к Никольсону и дал самые успокоительные заверения насчет намерений Турции. Турция останется нейтральной и примет лишь некоторые меры предосторожности. Я действительно думаю, что турецкий посол использует все свое влияние в Константинополе для того, чтобы настоять на сохранении нейтралитета, но я не знаю, как велико это влияние.

Бенкендорф.

№ 16. Статс-секретарь по иностранным делам Грей английскому послу в Петербурге Бьюкенену [4]).

Телеграмма № 454. 6 августа (24 июля) 1914 г.

Я полагаю, что мы должны приложить все усилия к тому, чтобы побудить Турцию предоставить торговым судам свободный проход че-

принято без уговора с турками, необходимо принять все меры быстрого оповещения адмирала Эбергарда».

В связи с этой тел. Сазонов в тел. от того же числа за № 1713 поручал Демидову «войти в доверительное сношение с греческим правительством для содействия возможно быстрому осведомлению о всех движениях австрийской эскадры». Как и в тел. Гирсу, здесь обращалось внимание на важность обеспечения «возможной точности сведений во избежание прискорбных недоразумений».

[1]) См. № 5.

[2]) В тел. от 8 августа (26 июля) за № 277 Бенкендорф передавал ответ Грея на предложение Сазонова. Содержание ответа Грея см. № 37.

[3]) Перевод с французского. В тел. от 7 августа (25 июля) за № 638 Гирс сообщал, что захват англичанами купленных турецким правительством в Англии дредноутов вызвал в Турции «сильное негодование против Англии и, что для некоторого успокоения турок английский поверенный в делах ходатайствует перед своим правительством о выдаче им, сверх стоимости судов, некоторой премии». Гирс отмечал при этом, что Турция, выговорившая себе ранее от завода, сверх стоимости судов, определенную сумму отступного на случай захвата судов Грецией, отказалась теперь от этого требования ввиду заверений английских министров о том, что «английские законы не допускают такого захвата английским правительством».

[4]) Перевод с английского. Тел. расшифрована в росс. министерстве ин. дел.

рез проливы. Это чрезвычайно важно для русского экспорта через порты Черного моря. Надеюсь, что российский посол в Константинополе употребит все возможное влияние для достижения этой цели [1]).

№ 17. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 245. 6 августа (24 июля) 1914 г.

По просьбе сербского посланника, энергически мною поддержанной, французское правительство открыло Сербии кредит на 90 миллионов франков золота и обещало ему полное содействие к получению и доставке военных припасов, заказанных заводу Крезо. Вместе с тем французское правительство просило сербского посланника передать сербскому генеральному штабу совет, как можно скорее перейти к наступлению, ибо здесь известно, что Австрия ослабляет выставленные ею против Сербии силы посылкою частей против России и Франции. Сербский посланник тотчас сообщил об этом своему правительству, а также черногорскому министру иностранных дел.

Извольский.

№ 18. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 303. 6 августа (24 июля) 1914 г.

Доверительно.

Из Албании получены известия о том, что австрийские агенты стараются двинуть албанцев против Сербии. В том же направлении действует князь Вид, заявивший албанским депутатам-эмигрантам из Новой Сербии, что ныне настала минута подумать о создании Великой Албании. На-днях прибыл в Ниш секретарь Эсад-паши с поручением просить для последнего разрешения сербского правительства на проезд его в Албанию. Пашич ответа еще не дал, хотя и полагал бы возможным [в]пустить Эсада, при условии конечно получения достаточных гарантий в том, что он будет действовать заодно с Сербией. Во втором случае Пашич считает необходимым предварительно выяснить под рукою взгляд на вопрос Италии, против желания которой он считал бы опасным выступать [2]).

Штрандтман.

№ 19. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 311. 6 августа (24 июля) 1914 г.

Срочная.

Получил № 1684 [3]).

Личная. Доверительно. Ознакомившись с ее содержанием, Пашич сказал, что, к своему глубокому прискорбию, он решительно не может

---

[1]) Тел. от 7 августа (25 июля) за № 1714 Сазонов предписывал Гирсу присоединиться к англ. и франц. послам, если они будут уполномочены сделать Порте представление «о необходимости сохранить свободу плавания через проливы».

[2]) Тел. от 4(17) августа за № 388 Штрандтман сообщал, что в связи с подготовкой албанскими вождями движения против Сербии Пашич считает желательным выработать определенный план «относительно Албании» и что, по мнению Пашича, «сербам совместно с французским флотом, и при благоприятном отношении Италии, заинтересованной в этом деле, можно было бы без особых трудностей покончить с албанским вопросом».

[3]) См. № 2.

делать себе ни малейших иллюзий относительно мнения своих товарищей по кабинету о предлагаемом плане действий. В указанном виде они его не примут, в этом он убежден, ибо, затронув с ближайшими из своих друзей, на которых он рассчитывает, вопрос о привлечении Болгарии на свою сторону путем предоставления ей территориальных компенсаций, ему пришлось столкнуться с самым решительным отпором, основанием коему служат следующие соображения: положение Болгарии таково, что она не может выступить против России, не рискуя своим существованием. Греция и Румыния гарантировали Сербии безопасность в тылу от Болгарии, и последняя об этом поставлена в известность. Хотя между Турцией и Болгарией за последнее время значительно улучшились отношения, тем не менее существует неизгладимое недоверие. Теперешнее болгарское правительство сознает ошибки прошлого, но винит в них не столько сербов, сколько Гешова и Данева. По зрелом обсуждении питаемых двумя славянскими соседями взаимных чувств следует опасаться совместных действий двух армий, еще год тому назад с ожесточением дравшихся друг против друга, и, наконец, впечатление, которое произведет на сербские войска известие об уступке территории взамен активной помощи Болгарии, которой они не просят, не поддается учету и может быть гибельным для нравственных сил армии. Пашич полагает, что сближение между Сербией и Болгарией неминуемо будет достигнуто в ближайшем времени. Он считал бы при вышеуказанных условиях необходимым заручиться «благожелательным» нейтралитетом Болгарии[1]), причем, если ваше превосходительство признаете возможным, Россия могла бы заявить ей, что в случае честного соблюдения такового и победоносного исхода войны для Сербии она—Болгария—получит территориальное вознаграждение, точные размеры коего однако теперь лучше не определять. Исключительно для осведомления вашего высокопревосходительства: Пашич доверительно сообщил мне следующую проектированную им в общих чертах новую границу с Болгарией: по Брегальнице с отдачей Иштиба и Радовитше болгарам и затем южнее от впадения речки Лакавицы в Брегальницу по ближайшему к Вардару с восточной стороны водоразделу. Кроме того Пашич знает, что румынское правительство с беспокойством следит за сербо-болгарскими отношениями и предпочло бы, если бы к тому представилась необходимость, внести в Бухарестский договор соответствующие изменения сообща со всеми подписавшими его государствами, не исключая возможности, дабы окончательно успокоить Болгарию, добиться для нее уступок не только со стороны сербского правительства. Для последнего это обстоятельство имело бы громадное значение, облегчив значительно его ответственность перед общественным мнением. К сказанному должен добавить вынесенное мною из последних разговоров с Пашичем впечатление, что в случае получения Сербией Боснии и выхода к Адриатике она в своих

[1]) В тел. от 6 августа (24 июля) за № 312 Штрандтман сообщал: «Благожелательный» нейтралитет Болгарии Пашич понимает в том смысле, что она будет пропускать все необходимые Сербии военные материалы, держать сообщения Сербии с Россией открытыми, не посылать банд в Македонию, уважать сербскую границу и, в случае надобности, выступить активно против Турции». В тел. от 7 августа (25 июля) за № 169 Савинский, соглашаясь «с глубокой основательностью соображений Пашича», отмечал, что «единственно целесообразным было бы потребовать ныне же от Болгарии открытого объявления «благожелательного нейтралитета», специфицированного в № 312 из Ниша».

уступках пойдет дальше, но теперь об этом решительно не может делать какие бы то ни было заявления [1]).

Штрандтман.

№ 20. Военный агент в Турции в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Телеграмма № 270. 6 августа (24 июля) 1914 г.

В среду послом отправлена телеграмма [2]), копию которой он просит передать огенквар [3]). В ней изложены сделанные мне заявления Энвера по поводу возможности присоединения Турции к России для нейтрализации враждебных России балканских государств или же для совместного с ними действия против Австрии. Полагаю, что заявление Энвера заслуживает внимания, ибо согласованное с другими балканскими государствами выступление Турции против Австрии могло бы значительно ускорить ход войны и в то же время послужило бы к разрешению всего балканского вопроса на общую пользу заинтересованных сторон и согласно нашим желаниям. Конечно, соответствующие шаги только тогда приведут к желательным результатам, если будут сделаны немедленно, ибо немцы и австрийцы настойчиво работают, чтобы спутать все карты и, сблизив Болгарию с Турцией, бросить их потом на своих врагов [4]).

Леонтьев.

№ 21. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 1711. 7 августа (25 июля) 1914 г.

Весьма доверительно.

Сообщается в Лондон.

Не найдет ли французский министр ин. дел возможным в силу более тесных отношений Франции и Англии побудить последнюю при-

---

[1]) В тел. от 7 августа (25 июля) за № 320 Штрандтман сообщал, что Пашич «ради выигрыша времени», не дожидаясь ответа Сазонова, заручился согласием сербского правительства на предоставление России права начать в Софии переговоры.

[2]) Повидимому, имеется в виду тел. Гирса от 5 августа (23 июля) за № 628 (см. № 8).

[3]) Отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

[4]) В тел. от 5 августа (23 июля) за № 680 Гирс на основании полученных ген. Леонтьевым сведений сообщал, что «Турция зондировала почву для военного соглашения с Болгарией, причем, якобы, по мысли немцев, турецкая мобилизация должна устрашить Болгарию и побудить ее к военному единению с Австрией».

В тел. от того же числа за № 632 Гирс со слов Тошева сообщал, что «между Турцией и Германией состоялось, будто бы, уже соглашение об общности действий против нас, но Турция сохранила, будто бы, за собой право выступить, когда обстоятельства ей позволят». Не отрицая возможности такого соглашения, Гирс отмечал при этом, что «оно не может быть применимо так скоро, ввиду неготовности турецкой армии», но что «оно приняло бы более опасное значение, если бы Болгария присоединилась к нему».

В тел. от 7 августа (25 июля) за № 167 Савинский, основываясь на сообщении итальянского посла в Берлине, передавал, что «вчера должен был выехать из Берлина в Константинополь специальный курьер с текстом турецко-германского соглашения, в силу которого Турция обязуется предпринять против нас на кавказской границе военные действия».

В тел. от 8 августа (26 июля) за № 649 Гирс на основании итальянского источника сообщал, что «турецко-германское соглашение может быть подписано еще сегодня».

соединиться к Франции и России, чтобы, как это предвидится нашим союзным договором с Францией, когда наступит время заключения мира, переговоры касательно такового велись не иначе как совместно и по взаимному соглашению между Россией, Францией и Англией?

Сазонов.

№ 22. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 1718. 7 августа (25 июля) 1914 г.

Сообщается в Бухарест. *Срочно. Лично.*

Прошу расшифровать лично. В переговорах с румынским посланником мною предложен текст следующего соглашения, о котором последний уведомил свое правительство [1]):

«Королевское румынское правительство и императорское российское правительство, сознавая заинтересованность обеих стран в поддержании равновесия на Балканах и считая, что нападение Австро-Венгрии на Сербию имеет целью поколебать это равновесие, согласились между собою о нижеследующем:

1. Румыния обязуется оказать всеми своими военными силами содействие операциям России против Австро-Венгрии, с момента подписания настоящего соглашения.

Русскому и румынскому главным штабам будет немедленно поручено договориться между собою о формах этого сотрудничества.

2. Россия обязуется не прекращать войны против Австро-Венгрии, прежде чем области Австро-Венгерской монархии с румынским населением не будут присоединены к Румынии. Размеры предусматриваемых этой статьей областей обозначены на прилагаемой к сему карте.

3. Румыния обязуется не заключать мира с Австро-Венгрией иначе как по соглашению с Россией и одновременно с ней.

Настоящее соглашение останется в силе впредь до заключения мира между Россией и Австро-Венгрией» [2]).

Помимо того необходимо, чтобы одновременно с подписанием нашей конвенции представители трех держав в Бухаресте были уполномочены в письменной форме сделать тождественное заявление по вопросу территориальной неприкосновенности Румынии в смысле моей телеграммы за № 1706 [3]).

Необходимо также, чтобы вместе с тем представители Франции и Англии заявили румынскому правительству, что им известен объем территориальных уступок, обещанных нами Румынии, и что они против них не возражают [4]).

Сазонов.

---

[1]) Нижеследующие 6 абзацев представляют перевод с французского.

[2]) Тел. от 9 августа (27 июля) за № 1753 Сазонов уполномочивал Поклевского подписать соглашение.

[3]) См. № 14.

[4]) В ответной тел. от 8 августа (26 июля) за № 252 Извольский сообщал, что французское правительство согласно с условиями предложенного Сазоновым русско-румынского соглашения и что франц. посланник в Бухаресте получит соответствующие указания.

№ 23. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу [1]).

Телеграмма № 1722. 7 августа (25 июля) 1914 г.

Из моих разговоров с английским послом мне удалось, я полагаю, установить, что затруднения, которые мы встречали со стороны Англии в Персии, вызваны исконным страхом англичан за безопасность их владений в Индии.

Это привело меня к мысли предложить послу заключить англо-русское соглашение, взаимно гарантирующее неприкосновенность наших азиатских владений. Осведомленный послом об этом предложении, сэр Э. Грей отнесся к нему сочувственно. Настоящие события навели меня на мысль о тройственном соглашении между Россией, Англией и Японией с вышеуказанной целью — взаимно гарантировать их владения в Азии.

Мне представился случай намекнуть об этом английскому послу, причем я не встретил возражений с его стороны.

Благоволите конфиденциально переговорить с сэром Э. Греем, чтобы выяснить его точку зрения на проект такого рода конвенции.

По-моему, конвенция должна была бы иметь целью: 1) укрепление и сохранение мира в Азии и 2) обеспечение территориальных прав и особых интересов договаривающихся сторон в этой части мира. Пункты конвенции включали бы обязательство договаривающихся сторон: 1) в случае если эти права и интересы окажутся под угрозой, сговариваться о мерах, необходимых для их защиты, и 2) не заключать с другими державами никакого соглашения касательно вопросов, предусмотренных конвенцией, не сговорившись предварительно с другими договаривающимися сторонами.

При нынешних политических обстоятельствах заключение конвенции мне представляется неотложным. Бьюкенен разделяет мое мнение.

Сазонов.

№ 24. Министр иностранных дел послу в Риме Крупенскому.

Телеграмма № 1731. 7 августа (25 июля) 1914 г.

Сообщается послам в Париже и Лондоне.

Лично. За последние дни между итальянским послом и мною происходили весьма доверительные переговоры о возможности общности действий Италии с державами Тройственного согласия против Австрии. При этом путем сношений с Парижем и Лондоном выяснилось, что Россия, Франция и Англия склонны предоставить Италии приобретение Трентино, Триеста и Валоны с преобладающим положением в Адриатическом море, где были бы допущены также приращения по берегу в пользу Сербии и Греции, под условием, чтобы Италия, в свою очередь, немедленно под любым предлогом объявила войну Австрии и, выставив свой флот для преграждения выхода австрийскому флоту из Адриатики, заняла бы своими войсками Трентино. Нами было указано, что время не терпит и что Италия должна решиться скорее, так как иначе ее помощь может стать для нас менее ценною, и она упустит случай получить от трех держав согласие на столь крупные приобретения.

[1]) Перевод с французского.

Благоволите, сговорившись с вашими французским и английским сотоварищами, переговорить в изложенном смысле с министром иностранных дел и убедить его в необходимости быть решительным в подобную историческую минуту. В случае сочувственного отношения к вышесказанному переговоры о подробностях соглашения могли бы быть поручены представителям четырех держав согласно желанию Англии в С.-Петербурге, не останавливая выполнения вышеуказанных главных условий [1]).

Сазонов.

№ 25. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 1732. 7 августа (25 июля) 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1731 [2]).

Благоволите попросить правительство, при коем вы аккредитованы, поручить своему представителю в Риме высказаться перед итальянским министром иностранных дел в том же смысле. Мне кажется необходимым притти, как можно скорее, к соглашению и убедить Италию, что она не может рассчитывать получить крупные приращения без соответственного действительного участия ее в военных действиях. Более точное определение ожидаемой от Италии помощи должно составить предмет переговоров, которые могли бы вестись в ближайшие дни в С.-Петербурге, согласно желанию Англии (телеграмма Извольского № 250) [3]). Ждем срочного ответа с подробным указанием желательных условий соглашения [4]).

Просьба подтвердить получение.

Сазонов.

№ 26. Военный агент в Бельгии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Телеграмма № 206. 7 августа (25 июля) 1914 г.

Правительство официально объявило о своем согласии на проход английских войск через Бельгию. Голландская армия, повидимому, будет бездействовать. Имею сведения о сильных трениях, существую-

[1]) В ответной тел. от 9 августа (27 июля) за № 75 Крупенский сообщал, что англ. посол еще не получал инструкций. В тел. от 10 августа (28 июля) за № 76 Крупенский сообщал, что согласно полученной англ. послом тел. Грей считает «столь определенное выступление здесь преждевременным, пока не получится верных указаний, что Италия готова примкнуть к нам». По словам Крупенского, того же мнения придерживается Баррер.

[2]) См. № 24.

[3]) В тел. от 7 августа (25 июля) за № 250 Извольский сообщал, что английское и французское правительства согласны на ведение переговоров с Италией на указанных Сазоновым основаниях и что, по мнению Грея, переговоры с Италией должны вестись через посредство России.

[4]) В ответной тел. от 8 августа (26 июля) за № 251 Извольский сообщал, что французское правительство согласно на предложение Сазонова. В тел. от того же числа за № 276 Бенкендорф сообщал о согласии Грея на предлагаемое Сазоновым расширение итальянской территории. В тел. от 10 августа (28 июля) за № 287 Бенкендорф сообщал, что Грей запросил мнения англ. посла в Риме относительно заявления итальянскому правительству; Бенкендорф высказывал предположение, что Грей не решится на подобное выступление в настоящий момент.

щих между бельгийским и французским штабом, особенно в вопросах командного характера. Затруднение чинит Бельгия[1]).

С появлением английских войск можно ожидать еще больших трений между союзниками.

Майер.

№ 27. Посланник в Гааге министру иностранных дел.

Телеграмма № 72. 7 августа (25 июля) 1914 г.

Вернувшись сегодня при первой предоставленной мне французским правительством возможности выезда через Бельгию, виделся сейчас с министром иностранных дел, который подтвердил мне решимость твердо охранять нейтралитет Голландии[2]).

Свечин.

№ 28. Посланник в Копенгагене министру иностранных дел.

Телеграмма[3]). 7 августа (25 июля) 1914 г.

Английский посланник сообщает, что датское правительство предупредило его о намерении Дании самим минировать Бельты и Зунд во избежание того, чтобы это было сделано Германией. По сведениям из секретного источника, германский посланник уведомил датское правительство о том, что мины будут положены Германией, если Дания этого не сделает.

Буксгевден.

№ 29. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 171. 7 августа (25 июля) 1914 г.

Срочная.
Строго доверительно.

Копии в Бухарест, Софию, Ниш.

Посетивший меня сегодня, тотчас по возвращении моем в Афины, Венизелос поведал мне, что он считает момент наступившим и более

---

[1]) Тел. от 6 августа (24 июля) за № 189 Майер доносил, что по имеющимся у него сведениям, «после взятия Льежа бельгийцы намерены оставаться пассивными», отказываясь «атаковать немецкие войска, прикрывающие фланговый марш немцев через Бельгию».

[2]) В тел. от 5 августа (23 июля) (без номера) Бенкендорф передал тел. Ону за № 70, в которой сообщалось о получении голландским правительством от Германии заверения «в ее намерении не нарушать нейтралитета Голландии».

В тел. от 10 августа (28 июля) за № 39 И. Кудашев сообщал, что в бельгийском штабе подозревают существование «молчаливого согласия между Германией и Голландией».

В тел. от того же числа за № 42 И. Кудашев сообщал, что, ввиду получения бельгийским правительством категорических заверений о намерении Голландии сохранить нейтралитет, подозрения относительно ее соглашения с Германией, к тому же ничем не подтвердившиеся, рассеялись.

Тел. от 12 августа (30 июля) за № 81 (переданной через Бенкендорфа) Свечин в ответ на запрос Сазонова (от 11 августа/29 июля за № 1806) доносил, что голландское правительство издало декларацию о нейтралитете Голландии в русско-германской войне.

В тел. Извольского от 13 августа (31 июля) за № 274 сообщалось о сделанном Франции голландским правительством заявлении, что в случае нарушения нейтралитета Голландии, последняя «поступит так же, как Бельгия».

[3]) Номер отсутствует.

чем благоприятным для восстановления Россией балканского блока против Австрии. На его взгляд, императорское правительство могло бы безотлагательно предложить всем участникам соответственные компенсации, а именно: Румынии — Трансильванию, Сербии — Боснию и Герцеговину и Северную Албанию, Болгарии — Македонию вплоть до Монастыря включительно, против чего греческое правительство ныне возражать не будет. Греция же претендует лишь на Южную Албанию до линии, установленной своим секретным соглашением с Сербией, то есть южнее Шкумби, причем побережье с Валоной могло бы перейти к Италии. Такая комбинация должна, по мнению министра, всех удовлетворить и тут же сплотить против общего врага. Он просит, чтобы при предложении этом, требующем быстроты действия и исходящем от нас, мы его не называли, ибо ему неизвестно, как отнесется к нему Сербия. Венизелос абсолютно убежден в правоте нашего дела и не сомневается в торжестве оружия Тройственного согласия. Он прибавил, что король неуклонно отвечает на повторные обращения императора германского как телеграммами, так и собственноручным письмом, третьего дня переданным через германского посланника, что Греция твердо решила остаться верной союзу с Сербией[1]). Надеюсь повидать короля завтра.

Демидов.

№ 30. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 199. 7 августа (25 июля) 1914 г.

Срочно. Доверительно.

Копии в Константинополь, Софию, Ниш, Афины.

Здешние политические круги крайне озабочены будущим поведением Болгарии и Турции и распускаемыми тут враждебною нам дипломатией слухами о заключении этими двумя государствами соглашения с Германией и Австрией. Братиану и Порумбару осторожно, но вполне ясно высказались за желательность обеспечения нейтралитета Болгарии путем соответственных уступок со стороны Греции и Сербии. Оба министра при этом совершенно определенно дали мне понять, что в настоящее время главнейшею заботою румынского правительства является обеспечение Румынии от опасностей, какими ей угрожает общеевропейская война, а потому она не может теперь же твердо охранять основы Бухарестского трактата, которые все равно будут изменены в конце войны, какая бы воюющая сторона ни вышла из нее победительницей. В Румынии общественное мнение начинает также очень сочувственно относиться к идее балканского блока. Со своей стороны, полагаю, что обеспечение нейтралитета Болгарии крайне важно и с точки зрения наших интересов, ибо она может побудить румынское правительство к занятию желательного для нас положения. В заключение позволю себе просить о сообщении мне копий

[1]) В тел. от 6(19) августа за № 187 Демидов излагал имевшую место 5(18) августа беседу свою с греческим королем, которого он «нашел прекрасно к нам расположенным, хотя он и не может отделаться от германского военного гипноза». «Король, — по словам Демидова, — не без горечи отозвался о кайзере, угрожающие призывы коего к союзу с Германией на него не могут повлиять».

главнейших телеграмм наших представителей на Балканах, что является крайне необходимым для своевременного обмена сведениями и взглядами со здешним правительством.

Поклевский.

№ 31. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 316. 7 августа (25 июля) 1914 г.

Осведомившись от военного агента о выраженном нашим главным штабом желании, чтобы сербская армия теперь же перешла в наступление, и имея данные полагать, что Пашич в этом отношении сдерживающим образом влияет на верховную команду, я считал долгом переговорить с ним об этом и отметить, что, по моему мнению, для Сербии было бы выгоднее быстро занять своими войсками возможно большую часть австрийской территории. В случае немедленных решительных успехов оружия Тройственного согласия война может быть столь кратковременной, что Сербия из [-за] лишней потери времени не успеет закончить своей задачи. Конечно,— добавил я,— готовность вашей армии имеет решающее значение. Пашич ответил, что и он так думает и, выезжая завтра к верховной команде, намерен там говорить в изложенном смысле.

Штрандтман.

№ 32. Министр иностранных дел поверенному в делах в Пекине Граве.

Телеграмма № 1738. 8 августа (26 июля) 1914 г.

№ 407 получен [1]).

Не видим необходимости ни затягивать решение баргинского и алтайского вопросов, ни спешить с их ликвидацией. Одобряем ваше предложение вести с китайским правительством переговоры по всем очередным вопросам вне связи с событиями войны.

Сазонов.

---

[1]) В тел. от 5 августа (23 июля) за № 407 Граве сообщал, что китайский министр иностранных дел «выразил намерение содействовать достижению компромисса» в баргинском и алтайском вопросах. Граве выразил согласие передать российскому правительству новые китайские пожелания. «Прошу указаний вашего высокопревосходительства,— писал Граве,— следует ли мне затягивать переговоры по этим вопросам ввиду войны на Западе или же разрешение таковых для нас теперь желательно». Как передавал Граве, у него сложилось впечатление, что китайское правительство заинтересовано в скорейшей ликвидации этих вопросов и что «фактически от результата переговоров зависит разрешение в ту или другую сторону вопроса о железных дорогах в Северной Манчжурии». Граве сообщал также, что «китайцы сильно обеспокоены войной в Европе и боятся, что военные действия разыграются также на Дальнем Востоке». «Они опасаются агрессивных замыслов японцев, — продолжал Граве, — и министр иностранных дел неоднократно спрашивал меня, в чем состоят те уверения, которые Япония дала нам в связи с войной и о которых сообщили сюда агенты Рейтера». Граве высказывал мнение о том, что «следует использовать это беспокойство китайцев и продолжать переговоры с ними по всем вопросам на очереди, подчеркивая, что события на Западе не отражаются на нашей политике на Дальнем Востоке».

№ 33. Министр иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

Телеграмма № 1746. 8 августа (26 июля) 1914 г.

Срочно.

Сообщается в Париж и Лондон и адмиралу Эбергарду.

Ссылаюсь на телеграмму № 1733[1]).

Если «Гебен» и «Бреслау» придут к Дарданеллам, вам надлежит совместно с французским и английским послами настаивать на оставлении ими проливов или в крайнем случае на их разоружении. Поднятие ими турецкого флага и вступление в состав турецкой эскадры сделает положение серьезным, ибо наша Черноморская эскадра, по словам морского ведомства, хотя и будет поставлена в более трудное положение, однако может принять бой с турецким флотом, хотя бы и усиленным обоими названными судами, если бы у турок явилось подобное искушение. Поэтому, стараясь добиться удаления или разоружения этих судов, не доводите дела до разрыва. Если же «Гебен» и «Бреслау» останутся под германским флагом, мы будем вынуждены принять меры, о коих можете сказать туркам, что они диктуются необходимой предосторожностью.

Для М. Н. Гирса:

Телеграмма эта сообщается Эбергарду.

[Сазонов.]

№ 34. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 1747. 8 августа (26 июля) 1914 г.

Сообщается в Константинополь. *Срочно.*

Ссылаюсь на телеграмму № 1746[2]).

Усиленные военные приготовления Турции под руководством германской миссии оставляют мало сомнений в желании Турции под воздействием Германии воспользоваться обстоятельствами.

Полагая необходимым установить солидарность интересов и действий трех держав на всех театрах войны, предлагаем поручить нашим представителям в Константинополе заявить Порте, что всякое действие турок, направленное против одной из трех держав, будет рассматриваться как акт, враждебный каждой из них[3]). [Сазонов.]

---

[1]) В тел. Гирсу от 8 августа (26 июля) за № 1733 Сазонов, сообщая о движении «Гебена» в направлении к Дарданеллам, предлагал «совместно с английским и французским послами сделать представление Порте об ответственности, которую она примет в случае пропуска «Гебена» через Дарданеллы».

В тел. от 7 августа (25 июля) за № 7035 Эбергард сообщал, что в случае пропуска неприятеля через проливы «выход из Босфора будет заминирован как неприятельский военный порт».

В тел. на имя начальника морских сил в Черном море от 8 августа (26 июля) за № 689 Гирс, передавая «категорическое» заявление вел. визиря о том, что «Гебен» и «Бреслау» он через Дарданеллы никоим образом не пропустит» и что «он будет продолжать строго придерживаться нейтралитета», отмечал, что положение следует считать «очень серьезным ввиду крайней впечатлительности турок, сильного влияния военной партии, возбуждаемой немцами, и недостаточной авторитетности великого визиря».

[2]) См. № 33.

[3]) В тел. от 9 августа (27 июля) за № 254 Извольский передавал со слов Маржери, что «французскому послу в Константинополе предписано сговориться со своими

№ 35. Посол в Лондоне министру иностранных дел[1]).

Телеграмма № 275. 8 августа (26 июля) 1914 г.

Получил № 1703[2]).

Имел по поводу этой телеграммы подробный разговор с Греем, который понял всю важность вопроса. Он сказал, что в действительности дело идет об объявлении возможно скорее войны Австрии, что он ожидает лишь объявления войны Францией. Франция,— сказал он,— еще этого не сделала, так как ее флот занят охраной весьма значительных транспортов войск, отправляемых из Алжира во Францию. До тех пор пока нельзя располагать французским флотом, английская эскадра, занятая преследованием крупных германских крейсеров, оказывается слишком слабой, чтобы вступить в бой с австрийским флотом. Между прочим, это является причиной, почему Грей готов широко итти навстречу пожеланиям Италии, в случае если ее удастся склонить к союзу. Я привлек все внимание Грея на серьезные последствия, которые могло бы иметь для войны против Германии появление австрийской эскадры в Черном море не только для нашего флота, но и ввиду того, что нам пришлось бы вести новую войну против Турции, а в этом случае и против Румынии при помощи войск, предназначенных против Германии, что заняло бы весьма многочисленные армии. Грей мне ответил, что он прекрасно отдает себе отчет в серьезности вопроса, но что объявление войны Австрии зависит в настоящее время от Франции, так как Англия не может объявить ее ранее Франции, ввиду недостаточности английского флота в Средиземном море.

Бенкендорф.

№ 36. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 321. 8 августа (26 июля) 1914 г.

Весьма доверительно.

Копия в Цетинье.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 257[3]).

Черногорское правительство, давшее в свое время согласие на подчинение своих военных операций общему с сербами генеральному штабу, ныне, пользуясь широкой материальною помощью Сербии, не считает нужным действовать сообразно уговору. Оно на запросы отвечает уклончиво и, по имеющимся здесь сведениям, вместо того, чтобы двинуться из Плевлье внушительными силами в Боснию, собирается

русским и английским товарищами, дабы самым серьезным образом предостеречь Турцию против каких бы то ни было совместных действий с германскими и австрийскими военными судами».

В тел. от 10 августа (28 июля) за № 1776 на имя Извольского и Бенкендорфа Сазонов, передавая сообщение французского посла о том, что в связи с окончанием перевозки алжирского корпуса французская и английская эскадры могут освободиться для действия против австро-германских судов, указывал на необходимость «принятия всех мер обеспечения против возможного прохода австро-германских судов в проливы».

[1]) Перевод с французского.

[2]) См. № 13.

[3]) См. «Международные отношения», т. V, № 264.

вести самостоятельную кампанию в сторону Скутари и Каттаро [1]). Сербское правительство весьма озабочено этими известиями, считая подобный образ действий Черногории опасным с военной точки зрения для сербской армии, имеющей левый фланг недостаточно обеспеченным и, кроме того, весьма неосторожным по отношению к Италии. Поэтому Пашич надеется, что ваше высокопревосходительство не откажете преподать в Цетинье настоятельный совет, в видах общей пользы дела, не уклоняться от выполнения главной задачи обоих королевств, т. е. нанесения чувствительного удара Австро-Венгрии по направлению ее главных сил [2]).

Штрандтман.

№ 37. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел [3]).

9 августа (27 июля) 1914 г.

Посол его британского величества, согласно инструкциям сэра Э. Грея, имеет честь сообщить его превосходительству, что правительство его величества не может дать гарантий применения им в будущем военной силы для защиты одного из балканских государств против нападения на него другого балканского государства. Если бы однако императорское правительство полагало необходимым, в условиях настоящего кризиса, дать Румынии подобную гарантию, правительство его величества могло бы обещать свою дипломатическую поддержку после окончания войны.

Правительство его величества, конечно, готово втечении войны применить имеющиеся в его распоряжении меры принуждения против любой страны, активно выступившей против Франции или России.

№ 38. Министр иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

Телеграмма № 1748. 9 августа (27 июля) 1914 г.

Ссылаясь на телеграмму № 1746 [4]).

На случай, если «Гебен» пройдет под германским флагом через Дарданеллы, адмиралу Эбергарду предоставляется принять все зависящие от него меры для преграждения ему выхода в Черное море и для уничтожения «Гебена», хотя бы для этого пришлось действовать

---

[1]) В тел. от 6 августа (24 июля) за № 84 Обнорский сообщал, что черногорский король в беседе с англ. посланником указал на возможность занятия черногорцами Скутари; итальянский посланник в разговоре с Обнорским «тоже как бы мимоходом указал, что в связи с дальнейшими событиями, быть может, сам собой разрешится и весь албанский вопрос, причем Скутари может достаться Черногории».

[2]) В тел. от 9 августа (27 июля) за № 1749 Сазонов просил Обнорского передать черногорскому правительству «наше настоятельное безусловно сообразовать все свои действия с Сербией». В ответной тел. (переданной в министерство тел. Штрандтмана от 11 августа/29 июля — без номера) Обнорский передал «категорическое обещание» черногорского правительства «со строгой точностью следовать указаниям России и безусловно сообразовать свои военные операции с распоряжениями сербского генерального штаба». Черногорцы просили вместе с тем «о скорейшей присылке сюда из Сербии нового стратегического плана» и об ускорении приезда ген. Янковича, «который должен стать во главе штаба черногорской армии».

[3]) Перевод с английского.

[4]) См. № 33.

в территориальных турецких водах. При этом однако адмиралу поручается по возможности избегать, за исключением крайней необходимости, мероприятий, направленных непосредственно против Турции, так как войну с последней я считал бы в настоящую минуту несвоевременной.

Сазонов.

№ 39. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 1750. 9 августа (27 июля) 1914 г.

Сообщается в Бухарест.

По соглашению с французским и английским послами я предлагаю их правительствам, не теряя времени, поручить своим представителям в Бухаресте сделать румынскому правительству следующее заявление: [1])

«1) Получив сообщение об условиях, предложенных Россией за активную кооперацию Румынии против Австро-Венгрии [2]), Франция (Англия) присоединяется к этому предложению, и 2) поскольку Румыния будет сражаться совместно с Россией против Австро-Венгрии, Франция (Англия) будет считать себя в войне со всякой державой, которая в это время напала бы на Румынию».

Заявление это, по нашему мнению, должно быть сделано письменно, чтобы точнее установить тождественность выступления обеих держав.

№ 40. Советник III политического отдела посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 1757. 9 августа (27 июля) 1914 г.

Копии в Тавриз, Хой, Соуджбулаг, Урмию и Ардебиль.

В письме военному министру [3]) мы решительно высказались против вывода наших войск из Персии. Что касается вооружения сирийцев и курдов, равно как и отправления на турецкую границу шейха Барзана и Абдур-Резака, то, считая принципиальное их содействие в случае осложнений полезным, признаем пока преждевременным вызывать с их стороны какие-либо действия. Поэтому мы просили воен-

---

[1]) Следующий абзац представляет перевод с французского.

[2]) В ответной телеграмме Бенкендорфа от 10 августа (28 июля) за № 286 сообщалось, что Грей согласен сделать в Бухаресте предлагаемое Сазоновым заявление с заменой в п. 1 слова «присоединяется» словами: «не имеет возражений против». В пам. записке от 11 августа (29 июля) Бьюкенен, уведомляя о вышеуказанной поправке Грея, сообщал, что англ. правительство не возражает против предоставления Румынии предложенных ей Россией территорий, но не может взять на себя обязательство участвовать в присоединении этих территорий. В тел. Извольского от 10 августа (28 июля) за № 257 сообщалось, что французскому посланнику в Бухаресте поручено сделать совместно с английским посланником предлагаемое Сазоновым заявление.

[3]) В делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

ного министра лишь подготовить все необходимое для их вооружения на случай враждебных нам выступлений турок.

Клемм.

№ 41. Министр иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.

Телеграмма № 1768. 9 августа (27 июля) 1914 г.

Срочно.

Сообщается в Нищ и Бухарест.

Получил ваш № 174 [1]).

Вызвав болгарского посланника, я сказал ему, что письменный ответ, полученный нами на запрос Болгарии о ее намерениях, я не могу признать искренним.

Переложение ответственности за возможное восстание в сербских областях неспособно ввести нас в заблуждение.

В настоящую минуту всякая двусмысленность крайне опасна. Поэтому я прошу серьезно предостеречь его правительство от тех последствий, которые Болгария навлекла бы на себя какими бы то ни было выступлениями против Сербии, с которой мы состоим в союзных отношениях.

Последствия эти были бы пагубны для Болгарии.

Наоборот, если Болгария сохранит благожелательный нейтралитет, обязывающий ее противиться наступательным движениям Турции, мы можем обеспечить ей территориальные приращения с Иштибом и Радовиште.

В случае победоносной войны, которая может сулить Сербии значительные приращения, мы, конечно, приняли бы во внимание возможность и более широкого удовлетворения Болгарии.

Объяснитесь в том же смысле с болгарским правительством [2]).

[Сазонов.]

---

[1]) В тел. от 8 августа (26 июля) за № 174 Савинский сообщал ответ болгарского правительства на заявление, сделанное им на основании тел. Сазонова от 3 августа (21 июля) за № 1655. В своем ответе болгарское правительство обещало, соблюдая нейтралитет, не вызывать смут в Македонии и препятствовать образованию вооруженных банд и переходу их на сербскую территорию; вместе с тем оно снимало с себя ответственность за беспорядки, могущие возникнуть в Македонии по вине сербских подданных.

[2]) В тел. от 19 августа (28 июля) за № 1771 Сазонов предлагал Савинскому заявить болгарскому правительству, что, в случае неполучения «совершенно точного и незамедлительного ответа» на свое предложение, «Россия оставляет за собой полную свободу действий, вытекающую из ее союзных отношений с Сербией». Утвердительный же ответ, по мнению Сазонова, даст Болгарии возможность рассчитывать на содействие Черноморского флота. В тел. от того же числа за № 1774 Сазонов предлагал Демидову и Штрандтману сообщить греческому и сербскому правительствам «сущность нашего шага в Софии, не упоминая однако о возможном содействии нашего Черноморского флота». Он поручал им вместе с тем заявить, что «наша готовность воздействовать на Болгарию будет соразмеряться» с готовностью балканских государств «принести жертвы общему делу». В тел. от того же числа за № 1780 Сазонов поручал Поклевскому сообщить Братиану о русском заявлении в Софии и высказать уверенность, что Румыния поддержит в Афинах «наш совет» и в случае необходимости предпримет в Константинополе согласованные с Россией выступления.

№ 42. Посол в Лондоне министру иностранных дел [1]).

Телеграмма № 280. 9 августа (27 июля) 1914 г.

Телеграммы №№ 1731 [2]) и 1732 [3]) получены.

Копия в Париж.

Просьба срочно выслать инструкции.

Лично. Камбон получил такие же инструкции. Он их еще не применил. Я думаю так же, как и он, что вмешательство трех послов в Риме заключает в себе неудобство весьма серьезного характера. Это означает поставить короля и Сан-Джулиано в чрезвычайно затруднительное положение. Чтобы достигнуть цели, мне кажется, необходимо считаться с весьма щепетильным характером того и другого. В день объявления войны они порвали со своими союзниками и объявили нейтралитет. Они решатся перейти в наступление против своих вчерашних союзников, лишь увлекаемые сильной волной общественного мнения Италии, стимулируемого военными успехами держав Согласия, и не ранее, как заручившись секретным образом целым рядом обещаний. Вмешательство послов получит огласку и, принимая характер давления, боюсь, повредит нам и ослабит намечающиеся тенденции. Мне кажется,— и Камбон всецело разделяет мое мнение,— что было бы несравненно лучше вам самому переговорить с итальянским послом, в особенности, если вы сможете сказать ему, что выступаете от имени других двух держав. Это легко достижимо. Таким образом цель будет достигнута без шума, Италия получит иллюзию самостоятельного решения без всякого давления с нашей стороны, согласно своим желаниям и интересам. Мне представляется невозможным, чтобы король или Сан-Джулиано приняли решение в близком будущем. Пока же неопределенность занимаемой ими позиции нейтрализует часть морских и сухопутных сил Австрии.

Прошу срочного ответа.

Бенкендорф.

№ 43. Посол в Лондоне министру иностранных дел [4]).

Телеграмма № 281. 9 августа (27 июля) 1914 г.

Получил № 1732 [5]).

Я сделал вторую попытку добиться от Никольсона получения для Румынии постоянной гарантии Англии. Он мне ответил, что телеграмма Бьюкенену точно воспроизводит мысль Грея. Англия одобряет территориальные приобретения, но обязуется после войны оказать лишь дипломатическую поддержку в деле защиты неприкосновенности Румынии. Тот же ответ был дан французскому правительству, несмотря на твердую поддержку, оказанную мне Камбоном. В действительности мне кажется, что присоединение Англии с оговоркой, которую она делает, может удовлетворить Румынию, так как гарантии Франции и в особенности России одни имеют практическое значение,

[1]) Перевод с французского.
[2]) См. № 24.
[3]) См. № 25.
[4]) Перевод с французского.
[5]) См. № 25.

в то же время признание Англией ее завоеваний для нее [Румынии] обеспечено. Эта точка зрения Грея, я думаю, главным образом основана на новом значении, которое имеет в Англии вопрос о территориальной гарантии со времени настоящей войны. Какова бы ни была подоплека дела, он [Грей] воспользовался грубым нарушением нейтралитета Бельгии, чтобы заставить Англию решиться на войну. Уважение к договорам, охраняющим суверенность малых стран, было тем лозунгом, который поднял страну и был принят широкими массами населения. Я пользуюсь этим, чтобы установить связь между русской политикой на Востоке Европы и английской политикой на Западе. Но из этого также вытекает, что Грей должен скупиться на предоставление гарантий в будущем. Равным образом именно известие о бельгийских успехах окончательно наэлектризовало Англию, которая изо дня в день становится более решительной в деле ведения войны на любом ее театре.

Бенкендорф.

№ 44. Военный агент в Бельгии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Телеграмма № 250. 9 августа (27 июля) 1914 г.

При современном стратегическом положении активность Голландии поставила бы в чрезвычайно трудное положение немцев, которые, судя по целому ряду данных, оказывают Голландии все знаки внимания. Голландия до нового нарушения своего нейтралитета бездействует и даже не собирается занять угрожающего для германской армии стратегического положения.

Майер.

№ 45. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 178. 9 августа (27 июля) 1914 г.

Народное собрание вотировало третьего дня прекращение процесса бывших министров-стамбуловистов. Если в связи с этим и уходом Радко Димитриева болгарское правительство поставило бы кандидатуру Геннадиева на петербургский посланнический пост, было бы весьма мудро ее принять. Болгария избавилась бы от самого неспокойного нам здесь человека, а в Петербурге он был бы не только обезврежен, но при его беспринципности вы могли бы его с легкостью приручить. Есть указания, что такое предположение существует.

Савинский.

№ 46. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 180. 9 августа (27 июля) 1914 г.

Копии в Ниш, Афины и Бухарест.
Ссылаюсь на телеграмму Поклевского № 199[1]).
Прошу срочных указаний.

Получив подтверждение об усиленной работе здешней австрийской дипломатии, вчера имел длинный и энергичный разговор с Ра-

[1]) См. № 30.

дославовым, в котором доказал ему всю невыгодность для Болгарии следовать вероломным и эгоистическим советам Австрии и указал, наоборот, что если к моменту окончания войны Болгария не нарушит по собственному почину дружественного России нейтралитета и Россия не будет в состоянии ее ни в чем упрекнуть, то она может ожидать самых щедрых вознаграждений. Этот разговор произвел впечатление на Радославова, который спросил, может ли он передать его совету министров. В самое последнее время появились указания, что работа австро-германской дипломатии потерпела некоторый урон: от нападения на Румынию, с целью заставить ее вернуться в лоно Австрии, Болгария, повидимому, отказалась к большому негодованию Вены, направившей тогда свои усилия совместно с Германией на Турцию в надежде таким образом заставить Болгарию под страхом турецкого нападения выступить против Сербии. Из вчерашних слов Радославова было ясно, что болгарское правительство ждет с вашей стороны более определенных обещаний. Это подтвердилось в полной мере сегодняшним разговором с военным министром. Последний под большим секретом сообщил, что у Болгарии имеются письменные обещания Австрии и Германии, что, в случае успешного для них исхода войны, Болгария получит нынешнюю сербскую территорию с Пиротом и Нишем, Македонию с Вардаром и Салониками. Как ни несбыточны эти обещания, однако болгары ими дорожат, и мне кажется, что для того, чтобы привлечь Болгарию на нашу сторону, нам непременно нужно, не теряя ни минуты, сделать им также письменные предложения, не входя, конечно, в детали, а определив в общих чертах будущие территориальные приращения Болгарии. Теперь, когда начинает появляться надежда действительно удержать Болгарию от австрийского соблазна и когда не только Греция и Сербия, но и Румыния убедились в невозможности сохранения неприкосновенности Бухарестского договора, мысль о возобновлении балканского блока становится вновь осуществимой. Конечно, пока следовало бы тщательно избегать всяких частностей. Мой румынский коллега во вчерашнем разговоре пошел дальше, чем Братиану в беседе с Поклевским, и дал понять, что за Трансильванию Румыния охотно отказалась бы от болгарской Добруджи. Мне кажется, это было бы только справедливо, ибо нет причины обеспечивать желательный Румынии нейтралитет Болгарии лишь греческими и сербскими уступками, как о том высказался Братиану и Порумбару. Но с другой стороны, немыслимо допустить, чтобы Сербия, из-за которой мы объявили войну и которую ожидают богатейшие приращения, ставила теперь какие-то условия вроде тех, которые изложены в телеграмме Штрандтмана № 311[1]), или высказывались мысли, заключающиеся в его № 331[2]). Казалось бы, Сербия должна совершенно довериться нам. Если ваше высокопревосходительство найдете целесообразным сделать Болгарии вышеупомянутые обещания, необходимо не терять ни минуты, так как враждебная нам дипломатия должна не сегодня-завтра произвести на болгарское правительство последний сильнейший натиск[3]).

Савинский.

---

[1]) См. № 19.

[2]) См. № 47.

[3]) В тел. от 11 августа (29 июля) за № 1827 Сазонов, ссылаясь на настоящую тел. Савинского, указывал Штрандтману, что он совершенно устраняет возмож-

№ 47. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 331. 9 августа (27 июля) 1914 г.

Срочная.

Ссылаюсь на телеграмму из Афин № 171 [1]) и из Бухареста № 199 [2]).

Из них можно заключить, что Румыния и Греция готовы покинуть почву Бухарестского договора, и ради обеспечения... Болгарии желали бы теперь же побудить Сербию согласиться на территориальные уступки в Македонии. Тем самым однако они лишили бы сербское правительство той поддержки, основываясь на которой, оно могло до сих пор, несмотря на козни софийского кабинета, направить все свои силы против Австро-Венгрии, чувствуя свой тыл достаточно обеспеченным. Не говоря о той громадной важности, которую это обстоятельство имеет с нашей стратегической точки зрения, преждевременное ослабление гарантии постановлений Бухарестского договора со стороны Румынии и Греции может, если станет известным, только поощрить мстительные наклонности короля Фердинанда и затруднить наши задачи в Болгарии. Сербское правительство по причинам, изложенным в телеграмме № 311 [3]), не может теперь итти на определенные территориальные уступки, оно не может рисковать, имея перед собою тяжелую кампанию, равновесием нравственного состояния армии, которая неминуемо в случае уступок потеряла бы доверие к руководящему ее действиями правительству, и последнему пришлось бы тогда сложить власть. Совершенно иначе дело будет обстоять по окончании войны. Справедливые ныне доводы сербского правительства этим потеряют свою силу, а учитываемое им громадное приращение территории даст ему возможность, несмотря на последние свои заявления, пойти навстречу нашим требованиям об уступках болгарам, которые в то время тем легче будет сделать, что, повидимому, Греция не отклоняется нести некоторые жертвы в Македонии за соответствующее вознаграждение в ином месте. Принимая во внимание вышеизложенное, позволяю себе высказать предположение о крайней необходимости для Греции и Румынии в настоящую важную минуту твердо стоять на почве Бухарестского договора, поставив возможные в будущем компенсации Болгарии за честное соблюдение нейтралитета в зависимость от степени ее благожелательного отношения к Сербии и от успехов сербского оружия [4]).

Штрандтман.

ность для Сербии «торговаться с нами за счет определенных уступок Болгарии теперь же и более широких обещаний, если того потребуют обстоятельства». Отмечая необходимость «дать болгарам» в случае их желания «пойти нам навстречу» «удовлетворение в разумных пределах обещаний, связанных с победоносной войной» (см. № 2), Сазонов высказывал сомнение в возможности уступок со стороны Румынии, «крайне ревниво» относящейся «к обеспечению за собой недавних приобретений». В тел. от того же числа за № 1828 Сазонов просил Демидова «воздействовать на Венизелоса, дабы побудить и Грецию к необходимости уступок».

[1]) См. № 29.

[2]) См. № 30.

[3]) См. № 19.

[4]) Ответной тел. от 11 августа (28 июля) за № 1804 Сазонов поручал Штрандтману передать Пашичу, что территориальные уступки, предлагаемые им Болгарии за благожелательный нейтралитет последней, «являются, на наш взгляд, минимальной ценой» и неизбежны при всяком исходе войны.

№ 48. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 650. 9 августа (27 июля) 1914 г.

Прошу срочных распоряжений.

Согласно данному поручению телеграммой № 1705 [1]) генерал Леонтьев сегодня снова посетил Энвера. Военный министр заявил, что он стоит на прежней точке зрения, т. е. за союз с Россией. Он не скрыл, что может встретить сильную оппозицию в правящих кругах, но надеется ее побороть, тем более, что армия в его руках. Вопреки существующему мнению, Турция еще не связана с Тройственным союзом, он знает, что на правительство оказывается сильнейшее давление со стороны немецкого и австрийского послов. Последние дни начали формулировать свои предложения и болгары, но он убежден, что при конкретной постановке вопроса восторжествуют национальные оттоманские интересы. Военный министр ставит вопрос ясно и коротко: турки убирают с кавказской границы все, что у них есть, с целью дать русским полную гарантию своих добрых намерений и возвратить с Кавказа большую часть войск на западную границу. Вместе с тем они собирают в ближайший срок сильную армию во Фракии и ставят ее в наше распоряжение, с готовностью двинуть ее против любого из балканских государств, в том числе против Болгарии, или совместно с ними против Австрии. В день, когда будет установлено соглашение, он обязуется удалить с турецкой службы всех немецких офицеров. В заключение Энвер-паша ставит условие: возвращение Турции Западной Фракии и Эгейских островов и заключение с Россией оборонительного союза на срок от 5 до 10 лет, дабы Турция могла быть обеспечена от мести своих соседей на Балканском полуострове. Энвер-паша все время говорил в спокойном и доброжелательном тоне и с большой искренностью, совершенно правильно нарисовав генералу Леонтьеву картину общего политического положения с точки зрения турецких интересов. Вызванный Леонтьевым, он ответил, что он отлично понимает, что Турции и Болгарии придется считаться с ненавистью немцев, но, как он выразился, это обстоятельство не испугает, ибо даже в случае победы немцев им трудно будет причинить ей серьезный вред, так как у них нет общих границ, и он по примеру войны в Ливии знает, какое противодействие может быть организовано против морской экспедиции. Генерал Леонтьев вынес убеждение, что дело может быть сделано, если только решение будет принято немедленно. Вся сила теперь в руках Энвера, тем более, что он только что назначен главнокомандующим. Генерал Леонтьев, не имея времени шифровать, просит копию этой телеграммы передать в военное министерство.

Гирс.

№ 49. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 652. 9 августа (27 июля) 1914 г.

Срочная.

Прошу срочных указаний.

Ссылаюсь на телеграмму 650 [2]).

Почитаю долгом высказать, что нам надлежит немедленно принять предложение Энвера, не входя ни с кем в какие-либо предваритель-

[1]) См. стр. 10, прим. 1.

[2]) См. № 48.

ные объяснения, так как время не терпит. Если победа останется за нами, мы всегда сумеем вознаградить и Болгарию и Грецию. Между тем наш отказ несомненно и бесповоротно бросит Турцию в объятия наших врагов. Если даже Энвер не вполне искренен, наше согласие выяснит положение, которое в настоящем обостренном фазисе не может не привести к кризису и разрыву.

Гирс.

№ 50. Министр иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

Телеграмма № 1779. 10 августа (28 июля) 1914 г.

Сообщается в Париж и Лондон.

Пока не получим ответа из Софии, имейте в виду необходимость в переговорах с Энвером выигрыша времени. Имейте в виду, что действия Турции непосредственно против нас мы не опасаемся.

Вместе с тем, сохраняя вполне дружественный характер объяснений с турками, постарайтесь им внушить, что в случае действий, не получивших нашей санкции, они рискуют всей Малой Азией, ибо нам они не в состоянии вредить, а в союзе с Францией и Англией мы можем подвергнуть риску все ее существование.

Сазонов.

№ 51. Министр иностранных дел посланникам в Афинах и Бухаресте и поверенному в делах в Сербии — Демидову, Поклевскому и Штрандтману.

Телеграмма № 1781. 10 августа (28 июля) 1914 г.

Сообщается в Константинополь, Париж, Лондон и Софию.

Ссылаюсь на телеграмму Штрандтмана № 315 [1]).

Вполне разделяем мнение Пашича. Полагаем крайне желательным, чтобы Сербия и Румыния вместе с нами повлияли на греческое правительство, дабы получить от него обещание, в случае присоединения к Греции Эпира, соответствующей компенсации Болгарии. Это отвечало бы мысли Венизелоса о восстановлении балканского блока, который должен быть необходимым последствием нынешней войны.

Уступки со стороны Греции тем более естественны, что сербское правительство, со своей стороны, дало нам возможность обещать болгарам за доброжелательный их нейтралитет присоединение Иштиба и Радовиште, кроме того, мы указали болгарам на возможность и других приобретений в связи с результатами войны.

Сазонов.

№ 52. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1787. 10 августа (28 июля) 1914 г.

Копия в Тегеран.

При настоящих условиях какие-либо беспорядки в Персии были бы крайне несвоевременны. Нашей миссии и консульствам даны уже

[1]) В тел. Штрандтмана от 7 августа (25 июля) за № 315 сообщалось, что, по мнению Пашича, в случае согласия Болгарии выступить против Турции Греция получила бы гарантию «от возможных агрессивных намерений» последней, что могло бы ее побудить в будущем «за соответствующую компенсацию, быть может, в Южной Албании, уступить Болгарии Кавалу».

указания соблюдать должную осторожность и действовать в полном согласии с их британскими коллегами. Желательно, чтобы последние получили такие же инструкции.

Особенно заботит нас положение дел в Исфагани, где местный губернатор проявляет открытую враждебность нам, отказываясь выполнять законные требования нашего консульства. На этой почве легко могут произойти крупные осложнения, так как русско-подданные могут оказаться вынужденными прибегнуть к самозащите.

Поэтому Коростовцу поручено потребовать отозвания из Исфагани Самсам-эс-Солтане с возложением на шахское правительство ответственности за убытки, могущие быть причиненными русско-подданным действиями этого губернатора [1]). Весьма желательно, чтобы в этом оказана была поддержка великобританской миссией.

Коростовцу предложено обсудить с Тоунлеем положение дел в Исфагани и подыскать компромисс для устранения жалоб британской миссии на ущерб, причиняемый, будто бы, действиями нашего консульства британским интересам в означенной провинции [2]).

Благоволите спешно переговорить с Греем и о последующем телеграфировать [3]).

Сазонов.

№ 53. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1801. 10 августа (28 июля) 1914 г.

Получил вашу телеграмму № 281 [4]).

Повидимому, произошло недоразумение. Мы никогда не просили Англию гарантировать неприкосновенность Румынии на вечные вре-

---

[1]) Тел. Нератова Коростовцу от 3 августа (21 июля) за № 1648 (см. т. V, № 483). В ответной тел. от 11 августа (29 июля) Коростовец сообщал, что на сделанные им соответствующие представления шахскому правительству «последнее ответило, что Самсам-эс-Солтане отданы строгие приказания, но что все недоразумения, будто бы, происходят от вмешательства нашего консула во внутренние дела управления».

Указывая далее на продолжающиеся безрезультатные жалобы Преображенского на деятельность Самсам-эс-Солтане, Коростовец писал: «Если мы не поддержим Преображенского, который не сходит с законной почвы, мы, несомненно, подорвем положение консульства и усилим наглость Самсам-эс-Солтане. Опасаюсь однако настаивать на отставке последнего, не имея уверенности, что это не будет истолковано как шаг против англичан. Объяснение с Тоунлеем считаю бесцельным, ввиду предвзятости его отношения к нашим действиям в Исфагани».

[2]) Тел. от 10 августа (28 июля) за № 1792 на имя Коростовца Сазонов высказал пожелание, «чтобы Тоунлей конкретно указал, в чем заключается ущерб, наносимый, якобы, нашим консульством в Исфагани английским интересам и торговле, после чего можно будет подыскать компромисс». В ответной тел. от 12 августа (30 июля) за № 378 Коростовец сообщал, что он «переговорил с Тоунлеем, который выразил готовность пойти навстречу нашим пожеланиям, в смысле замены Самсам-эс-Солтане другим лицом», и что некоторую задержку может вызвать вопрос о нахождении «необходимого заместителя».

[3]) В тел. от 9 августа (27 июля) за № 476 (расшифрованной в российском м-ве ин. дел) Грей передавал Бьюкенену со слов Бенкендорфа о полученных последним инструкциях требовать удаления Самсам-эс-Солтане ввиду проявленной им враждебности к русским интересам. Как явствует из той же тел., Грей заявил Бенкендорфу, что «русское правительство свободно в выборе любых мер в русской зоне», но что, по его мнению, «вина Самсама только в том, что он защищал интересы Персии». Между прочим, Грей передавал, что Бенкендорф сказал ему, что «он лично не отвечает за политику, которая ведется в Центральной Персии из Петербурга».

[4]) См. № 43.

мена, а только на время нынешней войны. Надеюсь, что моя телеграмма № 1750 [1]) достаточно разъяснила это и что теперь Англия не затруднится дать Румынии просимую гарантию в предложенной нами означенной телеграммой форме.

Сазонов.

№ 54. Министр иностранных дел послам в Париже, Лондоне и Риме — Извольскому, Бенкендорфу и Крупенскому.

Телеграмма № 1803. 10 августа (28 июля) 1914 г.

Французский и английский послы телеграфируют сегодня своим правительствам, предлагая им сделать через своих представителей в Риме следующее заявление: [2])

«Французское (английское) правительство согласно на нижеприводимые, формулированные г. Сазоновым предложения:

1. Итальянские армия и флот немедленно выступят против армии и флота Австро-Венгрии.

2. После войны Триент, порты Триест и Валона будут присоединены к Италии.

Французское (английское) правительство надеется, что королевское правительство согласится на эти предложения.

Ввиду этого, а также ввиду спешности дела, французское (английское) правительство было бы весьма признательно королевскому правительству, если бы оно препроводило маркизу Карлотти необходимые полномочия для выработки совместно с г. Сазоновым условий соглашения, которое должно быть заключено между Италией и правительствами Тройственного согласия».

Прибавка для Рима: Благоволите переговорить в этом смысле с министром иностранных дел и побудить его дать испрашиваемые указания Карлотти.

Сазонов.

№ 55. Посол в Лондоне министру иностранных дел [3]).

Телеграмма № 283. 10 августа (28 июля) 1914 г.

Получил № 1746 [4]).

Как вы знаете от Бьюкенена, британскому поверенному в делах поручено настаивать в Константинополе на изгнании или немедлен-

---

[1]) См. № 39.

[2]) Заявление в подлиннике—на французском языке.—В Арх. Вн. Пол., в деле С. А. 645, имеется черновой набросок французского текста, сделанный рукою Палеолога (карандашом), под заголовком (рукою Шиллинга): «Набросок, сделанный (10 августа) 28 июля 1914 г. французским послом во время совещания с английским послом у министра иностранных дел». Под тем же заголовком он сохранился и в поденной записи м-ва ин. дел.

[3]) Перевод с французского.

[4]) См. № 33.

ном разоружении военных судов воюющих стран, которые могли бы войти в проливы, и возобновить настойчивые требования сохранить нейтралитет. Грей считает преждевременным доходить сейчас до угрозы. Он полагает, что это могло бы оказаться неосторожным и могло бы ускорить турецко-германское выступление [1]).

Бенкендорф.

№ 56. Посол в Лондоне министру иностранных дел [2]).

Телеграмма № 285 10 августа (28 июля) 1914 г.

По французским сведениям и по мнению Никольсона, если Турция решится на выступление, последнее будет направлено против Греции и, быть может, против Сербии. В этот момент в Константинополе будет господствовать страх перед Россией. Поэтому нападение на Кавказ является маловероятным [3]).

Бенкендорф.

---

[1]) В тел. от 11 августа (29 июля) за № 1809 на имя Извольского и Бенкендорфа Сазонов передавал радиограмму Тухолки, сообщавшего, что «Гебен» и «Бреслау» вошли в Дарданеллы и что турецкое правительство заявляет, что оно их купило. Сазонов настаивал при этом на необходимости, «если не поздно, силой воспрепятствовать их проходу через Дарданеллы, безразлично под каким флагом».

Тел. от того же числа за № 288 Бенкендорф передавал сообщение адмиралтейства о том, что «Гебен» и «Бреслау» вошли в Дарданеллы «вчера в 6½ часов».

В тел. от того же числа за № 289 Бенкендорф передавал предположения Камбона о том, что на прибывших в Дарданеллы судах после их разоружения будет поднят турецкий флаг и что свой образ действий турки будут оправдывать ссылкой на секвестр двух турецких судов в Англии.

В тел. от 11 августа (29 июля) за № 661 Гирс сообщал о заявленном им. вел. визирю протесте против пропуска судов через Дарданеллы. «Великий визирь мне ответил, что эти суда куплены Турцией, и вся немецкая команда, как офицеры, так и матросы, будут удалены... Турция, выразив некоторое время тому назад согласие на их покупку, не думала, будто бы, что последняя действительно состоится, не предполагая, что судам удастся дойти до Дарданелл»... «Хотя, — замечал Гирс, — мы имели бы право настаивать на обезоружении судов и задержании команды, полагаю, что с практической точки зрения лучше допустить отправление ее в Германию, иначе во всякое время она могла бы вновь оказаться на судах в турецких мундирах»... По сообщению Гирса, после него с аналогичными представлениями выступили франц. посол и англ. поверенный в делах.

В тел. от того же числа за № 662 Гирс сообщал, что вел. визирь вновь подтвердил ему, что «он искренно надеется притти к соглашению с нами».

В тел. от 12 августа (30 июля) за № 1846 Сазонов уведомлял Гирса о своем согласии с его мнением относительно предпочтительности высылки германской команды ее задержанию, предлагая ему указать турецкому правительству, что «внезапное приобретение «Гебена» и «Бреслау» в то время, когда они начали переговоры с нами, едва ли облегчит задачу нашего сближения. Если турки не вышлют немедленно германскую команду и офицеров на родину, нам едва ли удобно будет продолжать с ними начатый обмен мнений».

[2]) Перевод с французского.

[3]) В тел. от 13 августа (31 июля) за № 517 (расшифрованной в росс. мин. ин. дел) Грей сообщил Бьюкенену, что, по имеющимся у него сведениям, российское правительство «придерживает» («are holding back») часть войск на случай войны с Турцией, и поручил ему указать российскому правительству на то, что главная цель союзников заключается в поражении Германии, чего необходимо достигнуть возможно скорее, так как «в противном случае Франция и Англия окажутся в критическом положении».

№ 57. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 256. 10 августа (28 июля) 1914 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 255 [1]).

Австрийское правительство ответило через французского посла в Вене, что по франко-германской границе не имеется австрийских войск. Здесь австрийский посол ответил в несколько иной форме, а именно, что австрийские войска не участвуют в военных действиях Германии против Франции. Думерг вызвал сегодня утром графа Сечена и, указав на разницу этих ответов, заявил, что ввиду достоверности имеющихся здесь сведений о движении австрийских войск против Франции он считает дальнейшее пребывание французского посла в Вене невозможным. Граф Сечен ответил на это просьбой о снабжении его и посольства паспортами. При этом слово «война» не было произнесено ни с той, ни с другой стороны. Отъезд Сечена состоится, вероятно, сегодня вечером с оказанием ему полнейших удобств и внимания. Думерг сказал мне, что главной причиной, побудившей его ускорить дипломатический разрыв с Австрией, является наше указание на необходимость оказать противодействие возможному движению австрийского флота [2]). Впрочем, по имеющимся здесь сведениям, флот этот укрывается в Поле и не обнаруживает намерения выйти в Адриатическое море [3]).

Извольский.

№ 58. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

Телеграмма № 41. 10 августа (28 июля) 1914 г.

Вчера французский посланник, сговорившись со мной и английским посланником, доверительно запросил министра иностранных дел, каков будет его ответ на наши тождественные декларации [4]. Министр иностранных дел ответил французскому посланнику, что, ободренное нашей декларацией, шведское правительство заключило с норвежским правительством опубликованное вчера соглашение о нейтралитете [5]). Соглашение с Норвегией подтверждает публично и наперекор стремлениям шведской аристократии твердое желание королевского правительства не присоединяться ни к одной из воюющих сторон. Министр иностранных дел подтвердил настоятельную просьбу свою, чтобы наши декларации не были опубликованы; он просил далее позволения не

---

[1]) В тел. от 9 августа (27 июля) за № 255 Извольский сообщал, что Думерг заявил Сечену, все еще не испросившему своих паспортов, что французское правительство, «осведомившись... о посылке австрийских военных частей против Франции, желало бы узнать о намерениях Австрии». Подобный же запрос, по сообщению Извольского, был сделан через французского посла в Вене.

[2]) См. № 13.

[3]) Так в подлиннике. В царск. экз.: «из Адриатического моря».

[4]) Имеется в виду заявление англ. посланника от 4 августа (22 июля) о сохранении неприкосновенности Швеции в случае соблюдения ею нейтралитета и тождественные заявления росс. и франц. посланников от 6 августа (24 июля) (тел. Неклюдова от 6 августа/24 июля).

[5]) Тел. от 9 августа (27 июля) Неклюдов доносил об опубликовании официального сообщения, в котором шведское и норвежское правительства заявляли о своем намерении соблюдать строгий нейтралитет и обязывались не нападать друг на друга.

уведомлять нас о принятии нашей декларации к официальному сведению, ибо подобный письменный ответ мог бы быть истолкован в советах у короля как доказательство приближения кабинета к Англии, к Франции и России. Сегодня министр иностранных дел повторил мне эти доводы, добавив, что он всетаки уведомит каждого из нас о получении декларации [1]). На мой вопрос, был ли сообщен текст нашей декларации норвежскому правительству, министр иностранных дел ответил, что он устно заявил ему об уверенности шведского правительства, что Швеции не угрожает никакой опасности со стороны России, Англии и Франции. Министр иностранных дел закончил самыми определенными и даже горячими заверениями в искреннем желании шведского правительства не примыкать ко врагам нашим. Мы все трое вполне доверяем прямодушию министра иностранных дел и благоразумию короля и потому не настаиваем на опубликовании нашей декларации, что действительно могло бы вызвать здесь внутренний кризис и борьбу между кабинетом и аристократической партией. Политика министра иностранных дел сводится к следующему: есть все основания опасаться, что войско не пойдет, если бы пришлось защищать нейтралитет Швеции против германского насилия; следовательно, нужно всячески избегать поводов к подобному насилию, а тем временем обстоятельства войны выяснят дальнейшие решения Швеции. Во всяком случае падение нынешнего кабинета будет предшествовать всякому воинственному повороту; король же весьма дорожит теперешним кабинетом и боится быть вовлеченным в войну, понимая огромную ответственность свою. Вчера Стааф опубликовал открытое письмо министру-президенту, заявляя, что он и его партия искренно присоединяются к кабинету в его стараниях сохранить нейтралитет и достоинство Швеции. Стааф не поступил бы так, если бы не был убежден в искренности министра-президента и министра иностранных дел.

Неклюдов.

№ 59. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 205. 10 августа (28 июля) 1914 г.

Копии в Константинополь, Софию, Ниш и Афины.

Согласно объяснениям министра иностранных дел, немного более недели тому назад греческое правительство предложило Румынии и Турции объявить как бы совместный нейтралитет во время нынешнего кризиса с тем, чтобы заставить Болгарию занять такое же положение. Турция отнеслась, будто бы, сочувственно к этому предложению, а Румыния высказалась за необходимость предварительного улажения турецко-греческих недоразумений. Однако все усилия Румынии в этом направлении не дали никаких результатов, и великий визирь уклонился даже от свидания с Венизелосом. Болгарское правительство продолжает давать здесь самые дружественные заверения и предложения даже союза, стараясь при этом обеспечить себе свободу действий при нынешних обстоятельствах. Румынское правительство отвечает уклончиво, указывая, что оно готово лишь заключать оборонительные соглашения, основанные на доказанности общих интересов. Вообще же

[1]) В тел. от 14(1) августа за № 43 Неклюдов сообщал, что Валленберг уведомил трех посланников о получении и принятии к сведению их деклараций.

здесь продолжают считать поведение Болгарии подозрительным и находят, что обеспечить ее нейтралитет можно только путем самых дружеских с нею переговоров и ценою значительных и необходимых территориальных уступок со стороны Сербии. Здесь также предполагают, что в случае нейтралитета Болгарии Турция останется спокойной. Румынское правительство прилагает все дипломатические усилия, дабы предотвратить вооруженный конфликт на Балканах. Однако Братиану заявил мне вполне определенно, что все внимание румынского правительства устремлено теперь к тому, чтобы Румыния не пострадала в результате войны между великими державами, а потому она не примет никакого участия в войне, которая может вспыхнуть, тем более, что она не в силах отстаивать при нынешних условиях неприкосновенность Бухарестского трактата.

Поклевский.

№ 60. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 658. 10 августа (28 июля) 1914 г.

Срочная.

Прошу срочных распоряжений. Ссылаюсь на № 1769 [1]).

Чтобы не вышло недоразумения и чтобы из-за него не было задержки в заключении соглашения, столь важного в политическом отношении в смысле приобретения, может быть, исключительного влияния на Балканском полуострове, почитаю долгом высказать, что вопрос об отводе 9-го и 11-го корпусов выставлен самим Энвером в виде гарантии искренности Турции и сам по себе является побочным. Смею думать, что он мог бы быть решен, как впрочем и все остальные вопросы, касающиеся организации и действий турецкой армии, в полном соответствии с указаниями августейшего верховного главнокомандующего. Цель, к которой нам необходимо стремиться, заключается в совершенном устранении всегда враждебного нам господства Германии в Турции. К достижению этой цели представляется теперь крайне благоприятный случай. Если мы его выпустим, то бесповоротно бросим Турцию в объятия Германии, которая, даже ослабленная и побежденная, будет все же весьма враждебна нам на Ближнем Востоке. На сегодняшнем дипломатическом приеме великий визирь доверительно высказал мне, что он сочувствует стремлению Энвера сблизиться с нами и готов оказать свое полное содействие быстрому заключению соглашения. Я заметил ему, что лично вполне сочувствую соглашению России с Турцией, но что оценка способа для условий его достижения зависит исключительно от императорского правительства. Я глубоко убежден, что настал исторический момент, когда мы имеем возможность окончательно подчинить себе Турцию и через нее парализовать готовящиеся выступить против нас враждебные нам силы на Балканском полуострове.

Гирс.

---

[1]) В тел. от 9 августа (27 июля) за № 1769 Сазонов указывал на нежелательность обращения к турецкому правительству с просьбой об отводе войск от русской границы, так как с «военной точки зрения Турция не составляет в настоящее время особой угрозы нашей кавказской границе, оттяжка от которой их сил создала бы, напротив, большую сосредоточенность оных». С другой стороны, просьба эта, по мнению Сазонова, «могла бы быть истолкована как признак нашей слабости».

№ 61. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 1822. 11 августа (29 июля) 1914 г.

Сообщается в Константинополь и Софию.

Прибывший в Петербург племянник Киамиль-паши Джемаль-бей, вступив в негласные отношения с некоторыми нашими общественными деятелями, обрисовывает политическое положение в Константинополе так: половина младотурецкого комитета и кабинета, будто бы, с Энвером во главе, крайне воинственна и стремится к соглашению с Румынией и Болгарией для совместных действий против России и ее союзников. Турция, будто, выговаривает себе, между прочим, присоединение Батумской области.

В том же направлении предположены на сегодня и завтра совещания в Бухаресте.

Другая часть младотурок, с Талаатом и Джавидом во главе, более склонна к соглашению с Россией, в надежде получить обеспечение обладания островами, в особенности Хиоса и Митилен.

Не имея возможности проверить надежность сведений и побуждений Джемаля, мы сочли нужным через тех же лиц, к коим он обратился, посоветовать его партии, ищущей сближения с Россией, завязать параллельные разговоры и в Бухаресте и в Софии, чтобы создать течение, благоприятное общему соглашению с нами и сохранению Турцией нейтралитета.

[Сазонов.]

№ 62. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 1825. 11 августа (29 июля) 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму Менделеева [1]).

Можете весьма осторожно довести до сведения короля путем, который сочтете наиболее удобным, что в случае захвата его капиталов Германиею из-за выступления Румынии против Австрии, мы готовы обязаться полностью вознаградить его за подобную утрату [2]).

Сазонов.

№ 63. Посол в Лондоне министру иностранных дел [3]).

Телеграмма № 296. 11 августа (29 июля) 1914 г.

Получил №№ 1775 [4]) и 1803 [5]). Копия в Париж.

Сообщил содержание их Никольсону, который мне сказал, что Грей боится отрицательных последствий этого шага и не может на

---

[1]) В тел. от 10 августа (28 июля) консул в Яссах Менделеев сообщил, что, по слухам, «король боится выступления с Россией, ибо его капиталы может конфисковать Германия, куда они вложены».

[2]) В тел. от 22 августа (9 сентября) за № 211 Шишкевич, сообщая о военных приготовлениях Румынии, отмечал, что, по сведениям румынской печати, король изъял из германских банков большую часть своих вкладов.

[3]) Перевод с французского.

[4]) В тел. от 10 августа (28 июля) за № 1775 Сазонов указывал, что, «ввиду проявляемой Италией нерешительности», необходимо, чтобы английское и французское правительства заявили итальянскому правительству, что они «придают особенное значение скорому решению вопроса» о выступлении Италии.

[5]) См. № 54.

него решиться. Я указал Никольсону, что необходимо однако, чтобы итальянское правительство было поставлено в известность о том, что британское правительство не встретит возражений против возможного приобретения Италией Триеста и Валоны, кроме Трентино, что речь идет о двух морских портах и что присоединение Англии к этой точке зрения имеет особенную ценность. Никольсон ответил мне, что во время их последней беседы [1]) на эту тему Грей предлагал Империали продолжать эти переговоры, если итальянское правительство его на это уполномочит. Никольсон думает, что это несомненно так и будет, если Италия выкажет себя хоть сколько-нибудь расположенной заключить союз с Тройственным согласием. У Сан-Джулиано, по мнению Никольсона, не может возникнуть ни малейшего сомнения в том, что Англия, которая в этом непосредственно заинтересована, крайне дорожит выступлением Италии.

Бенкендорф.

№ 64. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 262. 11 августа (29 июля) 1914 г.

Продолжение моей телеграммы № 261 [2]).

Думерг подтвердил мне, что вследствие последовавшего разрыва между Францией и Австрией и положения, занятого французским флотом, австрийская эскадра, по его убеждению, не может рискнуть выйти из Адриатического моря. Французское правительство вполне отдает себе отчет в необходимости как можно скорее нанести удар австрийскому флоту, так как это, между прочим, может оказать влияние на решения Италии. Думерг присовокупил, что он уже предпринял шаги в Лондоне, дабы скомбинировать решительные действия французских и английских сил против австрийского флота [3]).

Извольский.

---

[1]) В тел. от 11 августа (29 июля) за № 290 Бенкендорф сообщал, что Грей в разговоре с Империали указывал ему на все преимущества, которые получит Италия, выступив на стороне Тройственного согласия. Грей, по словам Бенкендорфа, против официального выступления трех послов в Риме.

[2]) В тел. от 11 августа (29 июля) за № 261 Извольский сообщал о том, что «базой французского флота будет отныне Мальта, дабы быть близко к выходу из Адриатического моря». По словам Извольского за германскими крейсерами организована английскими крейсерами погоня.

[3]) В тел. от 13 августа (31 июля) за № 276 Извольский передавал о соединении в Средиземном море французского и английского флотов, которым отдано приказание атаковать австрийцев. О последнем обстоятельстве сообщалось также в тел. Извольского от того же числа за № 278.

Тел. от 14(1) августа за № 696 Гирс сообщил об упорно держащемся слухе относительно возможности прихода двух австрийских судов, находящихся в Эгейском море. Гирс сообщил об этом французскому и английскому послам ввиду необходимости принять меры для предупреждения прохода судов через проливы, так как «их появление окончательно вскружит голову туркам».

Ссылаясь на эту тел. Гирса, Бенкендорф в тел. от 18(5) августа за № 333 извещал о том, что Грей, по обсуждении вопроса совместно с Черчиллем, сказал ему, что «английское правительство не видит никакой опасности в этом», так как французские силы охраняют вход в Адриатическое море и английская эскадра наблюдает за входом в Дарданеллы.

№ 65. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 265. 11 августа (29 июля) 1914 г.

Ссылаюсь на № 259 [1]).

В разговоре со мной Думерг подтвердил соображения, высказанные Понсо советнику посольства, а именно, что Турция опасается, что мы воспользуемся обстоятельствами и возможною победою над Австриею и Германией, чтобы захватить Константинополь и проливы, и, что было бы весьма желательно, чтобы мы успокоили ее на этот счет, например, предложивши ей гарантировать целость ее владений. По мнению Думерга, это не помешало бы нам при ликвидации войны разрешить согласно нашим видам вопрос о проливах.

Извольский.

№ 66. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 265. 11 августа (29 июля) 1914 г.

Думерг подтвердил мне, что французскому посланнику в Бухаресте поручено сделать румынскому правительству сообщение в указанном вами смысле [2]), но присовокупил, что было бы опасно производить слишком сильное давление на Румынию или брюскировать ее, ибо там борятся два различные течения [3]). Я знаю, что французский посланник в Бухаресте высказывает мысль, что нейтралитет Румынии может быть выгоднее ее участия в войне против Австрии, ибо он даст ей возможность наблюдать за Турцией и Болгарией, а выступление этих держав неминуемо вовлечет и Румынию в совместные с нами действия.

Извольский.

№ 67. Посланник в Брюсселе министру иностранных дел.

Телеграмма № 45. 11 августа (29 июля) 1914 г.

Сейчас видел лидера социалистов Вандервельде, который завтра пошлет по телеграфу воззвание к русским социалистам, прося их не противодействовать российскому правительству в борьбе с Германией. Воззвание написано хотя в социалистическом, но умеренном тоне и

---

[1]) В тел. от 10 августа (28 июля) за № 259 Извольский передавал высказанные помощником Маржери Понсо в частном разговоре с Севастопуло соображения, в основном изложенные в публикуемом документе. По мнению Понсо, турки «не ищут авантюр и не стремятся к торжеству Германии»; с другой стороны, по его мнению, «может быть, нам было бы выгоднее втянуть Турцию в число наших противников, дабы таким образом покончить с ней».

[2]) См. № 39.

[3]) В тел. ген.-квартирмейстера штаба Одесского округа Шишкевича от 6 августа (24 июля) за № 188 сообщалось, что в заседании коронного совета 3 августа (21 июля) большинство принадлежало к сторонникам совместных действий с Россией, «чего не учел король», который, «настаивая, угрожал отречением». В результате, по сообщению Шишкевича, было решено придерживаться вооруженного нейтралитета. В тел. от 9 августа (27 июля) за № 200 Поклевский сообщал, что Братиану «не скрыл» от него, что «принимаемые румынским правительством военные меры сводятся к полной, но пока еще тайной мобилизации», но отказался «более подробно объяснить... значение принятого на большом совете решения». В тел. от 22(9) августа за № 34 Шишкевич сообщал, что в заседании коронного совета король заявлял о необходимости немедленного присоединения к Австрии, предполагающей оккупировать юг России, и угрожал отречением, когда большинство совета и все министры, кроме Маргиломана, настаивали на сохранении нейтралитета.

подчеркивает, что социалисты наиболее демократических стран принимают сейчас участие в борьбе с германским милитаризмом в защиту своего отечества [1]). Военный министр просит меня предупредить вас об этом, добавив, что придает шагу Вандервельде большое значение [2]).

Кудашев.

№ 68. Посланник в Афинах министру иностранных дел [3]).

Телеграмма № 179. 11 августа (29 июля) 1914 г.

Срочно.

Копии в Ниш, Софию, Бухарест и Константинополь.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 161 [4]).

Доверительно. Венизелос, продолжая настаивать на том, чтобы не быть названным, снова возвращается к преимуществам немедленной

[1]) В делах б. м-ва внутр. дел имеется следующий текст тел. Вандервельде:
«Социал-демократическим депутатам Думы.

Дорогие товарищи. Я пишу вам не в качестве представителя Международного социалистического бюро, но от своего личного имени и, смею так сказать, от имени всех бельгийских социалистов. Современное состояние Европы делает крайне затруднительным правильные сношения между различными секциями Интернационала. Мы не знаем, что делают наши товарищи в Германии, и огромные армии, как стены, стоят между социалистами России и социалистами Бельгии, Франции или Англии.

Мне кажется полезным при таких условиях ознакомить вас с нашими взглядами на существующее положение. Для социалистов Западной Европы поражение — я не говорю: Германии, которую мы любим и перед которой мы преклоняемся, — но прусского юнкерства есть вопрос жизни или смерти. Если бы судьба решила, чтобы наша маленькая Бельгия была уничтожена, чтобы Франция или Англия были побеждены, чтобы германский империализм восторжествовал, нормальное развитие социализма в наших странах на долгие годы было бы подорвано. Чтобы избежать подобной катастрофы, мы решились, и уже события показали, что демократы республиканцы и социалисты Бельгии и Франции решились использовать во всей полноте свое право на законную оборону. Но в этой ужасной войне, разразившейся над Европой вследствие противоречий буржуазного общества, свободные нации принуждены рассчитывать на военную поддержку русского правительства. В значительной степени от российского революционного пролетариата будет зависеть, чтобы эта поддержка была более или менее решительной. Я, разумеется, не имею возможности указывать вам, что вам делать и чего требуют от вас ваши собственные интересы. Вы сами прежде всего должны решить, что вам делать.

Но я вас прошу, и наш бедный Жорес, если бы он еще жил, конечно, также просил бы вас вместе со мной стать на общую точку зрения положения социалистической демократии в Европе. Мы ведем войну за независимость, мы сознаем, что боремся за демократию и за политическую свободу в Европе; мы считаем, что, по крайней мере, для наших стран торжество германского милитаризма было бы ужасной катастрофой. Мы считаем, что против подобной опасности настоятельно необходима коалиция всех живых сил Европы, и мы были бы счастливы знать в этом отношении ваше мнение и еще более счастливы узнать, что оно сходится с нашим. Примите, дорогие друзья, уверение в моих братских чувствах.

Эмиль Вандервельде, делегат бельгийской рабочей партии в Международном социалистическом бюро и, со дня объявления войны, министр.

Я уполномочиваю вас поступить с этой телеграммой согласно вашему усмотрению».

[2]) В делах б. м-ва ин. дел имеется адресованное Сазонову отношение м-ва внутр. дел от 14(1) августа за № 29381 следующего содержания:

«Министр внутренних дел, свидетельствуя совершенное почтение его высокопревосходительству Сергею Дмитриевичу, имеет честь возвратить при сем подлинную телеграмму г. Вандервельде из Брюсселя, присовокупляя, что к передаче ее по назначению препятствий не встречается».

[3]) Перевод с французского.

[4]) Повидимому, ошибка: тел. Урусова от 30(17) июля за № 161, см. т. V, № 315. Вероятно, имеется в виду тел. Демидова от 7 августа (25 июля) за № 171 (см. № 29).

реорганизации балканского блока под нашим руководством. Его точка зрения, если судить по телеграмме Поклевского[1]), значительно приближается к румынской. Отныне очевидно, что Бухарестский договор не может быть сохранен, и всего целесообразнее теперь же приступить к выработке системы равновесия, удовлетворяющей все заинтересованные страны, приглашая их объединиться в общих целях территориальных приобретений, на которые до сих пор нельзя было надеяться. В случае успеха Согласия Сербии, чрезмерно расширенной за счет Австрии и Албании, пришлось бы прежде всего компенсировать Болгарию за ее нейтралитет; в случае,— что маловероятно,— поражения, эти же самые провинции были бы для нее [Сербии] безвозвратно потеряны. Сербия может поэтому лишь извлечь для себя выгоду из такой жертвы, как предложение немедленного возвращения Кочана и Иштиба. Это вызвало бы, вероятно, в Болгарии такую перемену в общественном мнении, которой правительство Радославова не было бы, быть может, вовсе в силах противостоять. Если непредусмотрительность Турции и австро-германские настояния в Константинополе привели бы Оттоманскую империю к участию в конфликте, было бы, помимо того, по мнению Венизелоса, необходимо предложить Болгарии значительные приращения в Восточной Фракии. Эти доводы, по моему мнению, основательные, могли бы быть лишь подкреплены победой нашего оружия. В Греции общественное мнение почти единогласно на нашей стороне.

Демидов.

№ 69. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 660. 11 августа (29 июля) 1914 г.

Срочная.

Прошу срочных указаний.

Великий визирь подтвердил сегодня послу заявление Энвера, что сразу ставит вопрос на реальную почву и дает возможность рассчитывать, что висящее в воздухе военное соглашение с Германией еще не подписано[2]), вопреки общему здесь убеждению. Не подлежит однако сомнению, что это может случиться с минуты на минуту, ибо Энвер и все правительство находятся под постоянным давлением со стороны немцев, не останавливающихся ни перед какими обещаниями и способами воздействия, чтобы достигнуть цели. По моему глубокому убеждению, только наше немедленное решение может спасти положение и нанести Германии на Балканах непоправимый удар, и притом в самом чувствительном для нее месте, ибо даже одно изгнание немецких офицеров из турецкой армии совершенно разрушит ее престиж и вырет навсегда яму между Турцией и Германией. Наряду с этим моральным эффектом надо учитывать и реальные и военные выгоды, связанные с получением в свои руки 200-тысячной армии, собранной в тылу наших возможных противников. Но много вероятий, что под влиянием именно этой армии и нравственного удара, нанесенного германскому престижу, эти возможные противники переменят фронт и повернут в нашу сторону, что сразу поставит наших врагов и, в част-

[1]) См. № 30.

[2]) Текст германо-турецкого соглашения см. «Die deutsche Dokumente zum Kriegsausbruch», Berlin, 1921, III, S. 183—184, № 733.

ности Австрию, в крайне невыгодное стратегическое положение и позволит нам нанести ей сокрушительный удар. Посол просит добавить, что он полностью разделяет все положения, доложенные в настоящей телеграмме. Ввиду отказа телеграфа принимать от военных агентов срочные телеграммы, настоящая телеграмма передается срочно через министерство иностранных дел. № 296. Леонтьев.

Гирс.

№ 70. Министр иностранных дел поверенному в делах в Сербии Штрандтману.

Телеграмма № 1847. 12 августа (30 июля) 1914 г.

Лично.

Прошу расшифровать лично.

Поведение Сербии за последние дни вызывает в нас некоторое недоумение.

Ежедневно к нам поступают всевозможные просьбы, которые мы стараемся посильно удовлетворять. Между тем со стороны Сербии мы не видим той же готовности удовлетворить разумные наши просьбы. Мечтая о Великой Сербии, Пашич выказывает очень мало желания итти на необходимые и умеренные жертвы, дабы заручиться благожелательным нейтралитетом Болгарии. Наше военное ведомство удивляется медленности сербов, все еще не переходящих в серьезное наступление.

Если у сербов существует мысль, что, полагаясь на напряжение наших сил, они могут без особого труда рассчитывать на приобретение новых территорий, то эту опасную иллюзию следовало бы разрушить. Нельзя не отдавать себе отчета в том, что у Италии может тоже возникнуть искушение воспользоваться обстоятельствами. Если Сербия не начнет теперь же силою завоевывать себе известные права, то потом обстоятельства могут сложиться для нее менее благоприятно, тем более, что если бы Италия склонилась на сторону Тройственного согласия, то она, конечно, выставила бы условия, многие из коих могут оказаться в противоречии с сербскими интересами.

Можете в осторожной и дружеской форме пользоваться этими аргументами в беседах с Пашичем [1]).

[Сазонов.]

№ 71. Министр иностранных дел посланнику в Афинах Демидову.

Телеграмма № 1849. 12 августа (30 июля) 1914 г.

Весьма доверительно.

Сообщается в Ниш, Софию, Париж, Лондон и Константинополь.

В доверительном обмене мнений с греческим посланником мы высказали ему следующие соображения.

---

[1]) В ответной тел. от 13 августа (31 июля) за № 366 Штрандтман сообщал, что Пашич объясняет медлительность сербской армии недостатком технических материалов, необходимых для действий, связанных с переходом через реки, и что, по его словам, «только фактическая невозможность двинуться вперед, а отнюдь не расчет на успех русских войск, лишала до сих пор сербов возможности осуществить заветное желание каждого из них — помочь России против общего врага»; вместе с тем Пашич надеется, что в связи с закончившейся концентрацией сербских войск последним удастся «решительным ударом перебросить неприятеля и на его плечах перейти Саву».

Приобретение Турциею «Гебена» и «Бреслау» может оказать самое серьезное влияние на участь островов. Это обстоятельство явится новым аргументом в пользу турко-болгаро-румынского союза.

Одним из средств помешать такой комбинации является соглашение Сербии и Греции с Болгарией. Недостаточно угрожать последней, ибо этой угрозы она может не испугаться. Нужно обещать и реальные выгоды. Сербия уже вступила на путь обсуждения возможных компенсаций. Очередь за Грецией, тем более, что в случае победоносной войны она может рассчитывать на Эпир.

Если же греческое правительство понадеется на возможность приобретений без жертв, то пусть не забывает, что предметы ее вожделений могут также явиться объектом Италии и что, кто не окажет никакой пользы и не согласится ни на какие жертвы, едва ли что-либо получит. Помимо сего, турко-болгаро-румынский союз может нанести непоправимый вред непосредственным интересам Греции.

Все изложенное склоняет к мысли о том, что Греции, не теряя времени, следует определить, что она может обещать Болгарии взамен ее благожелательного нейтралитета.

Можете в том же смысле объясниться с Венизелосом.

Сазонов.

№ 72. Министр иностранных дел послу в Константинополе М. Гирсу.

Телеграмма № 1855. 12 августа (30 июля) 1914 г.

Доверительно.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1822 [1]).

Вызвав к себе в посольство частное лицо, с которым вступил в общение Джемаль-бей, турецкий поверенный в делах доверительно поведал ему следующее:

Интересы Турции толкают ее не только на сближение, но на союз с Россией. Этот союз, по мнению Фахреддина, должен покоиться на следующих основаниях.

Турция не домогается никаких территориальных приращений, но желает обеспечения своей территориальной неприкосновенности. Она предоставляет свою армию в распоряжение России, если в этом встретится надобность в этой войне.

Вознаграждение, которого желает Турция, состояло бы в присвоении всех концессий, железнодорожных и прочих, Германии в Малой Азии.

Кроме того, Порте было бы дано обещание, что Россия обязуется не поддерживать националистических армянских течений, ибо Турция опасается вожделений России на армянские области.

Не имея возможности проверить степень серьезности предложений Фахреддина и насколько они имеют личный характер, сообщаю их вам как материал для бесед с турками. Если бы они могли рассчитывать на сочувствие в Константинополе, то, с своей стороны, считали бы приемлемыми все пункты, кроме отказа от армянских реформ, причем однако гарантия территориальной неприкосновенности могла бы служить достаточным обеспечением туркам.

Сазонов.

---

[1]) См. № 61

№ 73. Министр иностранных дел министру финансов Барку.

Письмо № 604. 12 августа (30 июля) 1914 г.

Секретно.
Спешное.

М. г. Петр Львович.

Персидское правительство, крайне нуждаясь в средствах, возбудило ходатайство о выдаче ему нового аванса русским и великобританским правительствами. Английский банк, идя навстречу этому положению, уже изъявил готовность выдать персам аванс в 50 000 ф. ст., обставив эту помощь, как явствует из полученных нами сведений, условием дарования шахским правительством известной английской компании Гринвея крупной рудной концессии, обнимающей свыше трети нейтральной зоны. Есть полное основание опасаться, что доведенное до крайности персидское правительство будет вынуждено согласиться на это условие, от которого оно до сего времени упорно отказывалось, имея в виду необходимость сохранить известной ширины полосу для Трансперсидской железной дороги.

Такой оборот дела был бы для нас, конечно, весьма невыгоден, и я считал бы поэтому крайне желательным, путем оказания безотлагательной помощи шахской казне, дать тегеранскому кабинету возможность отстаивать свой прежний взгляд на концессию.

Речь идет, как известно, о выдаче нами персам аванса всего в 300 000 томанов, каковую выдачу и надлежало бы произвести, не обставляя ее какими-либо тягостными для шахского правительства условиями. Я считал бы наиболее целесообразным предоставить нашему посланнику в Тегеране определить, сообразно с обстоятельствами, максимальные требования, которые могли бы быть нами предъявлены персам за оказываемую им помощь.

Передавая об изложенном и в надежде, что ваше превосходительство не откажете пойти навстречу высказанным пожеланиям, вызываемым вескими политическими и экономическими соображениями, имею честь покорнейше просить уведомить меня, не признаете ли вы возможным снабдить Учетно-Ссудный банк Персии соответствующими указаниями [1]).

Примите и пр. Сазонов.

№ 74. Итальянский посол в Петербурге итальянскому министру иностранных дел Сан-Джулиано [2]).

Телеграмма. 12 августа (30 июля) 1914 г.

Весьма срочно.

Кабинет министра № 55.

Секретно. Лично для министра.

Г. Сазонов мне сказал, что он уполномочил г. Крупенского запросить ваше превосходительство о русско-англо-французском предложе-

[1]) В ответном письме от 13 (26) августа за № 411 Барк писал, что «при нынешнем состоянии кассовых средств» Учетно-Ссудного банка и «общем положении денежного рынка в Персии выдача персидскому правительству аванса в 300 000 томанов представляется для банка весьма затруднительной». Поэтому, по мнению Барка, было бы «предпочтительным в настоящий момент отклонить ходатайство персидского правительства».

[2]) Телеграмма расшифрована и переведена с итальянского в российском мин-ве ин. дел.

нии [1]) и что ему известно, что г. Баррер и сэр И. Реннель Родд равным образом уполномочены начать разговор с вашим превосходительством в случае, если ваше превосходительство были бы расположены вступить в переговоры по этому предмету. Сэр Э. Грей, согласно телеграмме графа Бенкендорфа [2]), не хочет рисковать получить отказ со стороны вашего превосходительства, ни давать повод к подозрению, что Тройственное согласие намерено произвести давление на Италию в вопросе, который должен быть решен ею свободно и независимо. Г. Сазонов ответил сэру Э. Грею, что он знает из первых рук, что разговор с вашим превосходительством на известной базе возможен.

Я ограничился тем, что указал г. Сазонову, что я не знаю взглядов вашего превосходительства, что нам предстоит преодолеть много трудностей в связи с этим предложением еще до того, как вы будете иметь возможность рассмотреть его и высказаться о нем.

Г. Сазонов, допуская это, все же повторил, что он, со своей стороны, не может согласиться на продолжительное обсуждение предложения и встречных предложений на базе, предложенной им, тем более, что через несколько дней, может быть, у Тройственного согласия не будет больше оснований поддерживать свое предложение, и он намекнул на возможность столкновения между англо-французскими и австрийскими силами.

№ 75. Посол в Лондоне министру иностранных зел [3]).

Телеграмма № 301. 12 августа (30 июля) 1914 г.

Грей сказал мне, что он всячески приветствует и поощряет проект Венизелоса о реорганизации балканского блока со включением в него Греции, Сербии, Болгарии, Черногории и Румынии [4]). Он сказал, что в этом случае трансильванский вопрос должен остаться разрешенным в пользу Румынии на тех же условиях, как и до сих пор. Что же касается вопроса об обмене территорий с целью компенсировать эти державы, то она могла бы разрешить его согласно советов, которые вы формулировали [5]).Я его спросил, не находит ли он, что план Венизелоса очень трудно выполнить. Грей ответил, что он верит в рассудительность и деловитость Венизелоса. Грей телеграфирует в Афины, дабы поддержать проект самым решительным образом.

Бенкендорф.

№ 76. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 303 [6]). 12 августа (30 июля) 1914 г.

Грей сказал мне, что получил из Константинополя известия, что турецкое правительство покупает «Гебен» и «Бреслау» и что германский капитан, офицеры и экипаж немедленно будут удалены. Грей мне сказал, что, если бы это последнее решение было действительно выполнено, он предпочел бы видеть эти два судна в руках турок, нежели в германских руках в Средиземном море. В руках турок они представили бы мало реальной опасности, потому что были бы за-

[1]) См. № 54.
[2]) См. № 77.
[3]) Перевод с французского.
[4]) См. №№ 29 и 68.
[5]) См. № 51.
[6]) Перевод с французского.

трудненія с турецкимъ экипажемъ и офицерами. Грей сказалъ мнѣ, что если германскій экипажъ не будетъ удаленъ, то сейчасъ же будетъ отозвана англійская миссія. Грей прибавилъ, что онъ получилъ отъ турецкого правительства самые положительные и самые категорическіе увѣренія в его рѣшеніи сохранить нейтралитет и что никакого общего с Болгаріей выступленія не имѣется в виду. Грей сказалъ мнѣ, что онъ с своей стороны не вѣритъ во враждебные намѣренія Турціи по отношенію к Россіи, гдѣ ей нечего взять. Онъ полагаетъ, что, если представится случай, Турція скорѣе станетъ дѣйствовать в сторону Салоникъ в надежде сохранить то, что она сможетъ отвоевать. По его мнѣнію, диверсіей болѣе вѣроятной, хотя столь же отдаленной, какъ диверсія в сторону Кавказа, было бы созданіе затрудненій в Египтѣ, гдѣ «Гебенъ» подъ германскимъ флагомъ могъ бы играть активную роль; Грей находитъ, что в настоящее время положеніе в Константинополѣ лучше прежняго. Я развилъ Грею мнѣніе, изложенное в вашемъ № 1810 [1]). Онъ повторилъ мнѣ, что в данный моментъ онъ не вѣритъ в опасность с турецкой стороны и полагаетъ, что лучше держаться того, что онъ мнѣ только что сказалъ.

Бенкендорф.

№ 77. Посол в Лондоне министру иностранных дел [2]).

Телеграмма № 306. 12 августа (30 іюля) 1914 г.

Получилъ вашу телеграмму № 1803 [3]).

Грей сказалъ мнѣ, что онъ отправилъ англійскому послу в Римѣ телеграмму, в которой ему поручается объясниться довѣрительно с Сан-

---

[1]) В тел. от 11 августа (29 іюля) за № 1810 Сазонов предлагал Гирсу в случае если Порта заявит, что суда куплены ею, протестовать совместно с французским и англійским послами против этого акта как нарушающего нейтралитет Турціи. Сазонов указывал, что покупка Турціей германского военного судна, «находящегося в несомненной опасности в бассейне Средиземного моря, преследует явную помощь Германіи» и является нарушением «56-й статьи Лондонской морской декларации 1909 года, хотя не ратифікованной..., но пріобрѣвшей характер обычного международного морского права».

В тел. на имя Бенкендорфа от 12 августа (30 іюля) за № 1834 Сазонов передавал англійскому правительству просьбу, чтобы адмирал Лимпус приложил все усилія к разоруженію германских судов и слѣдил, чтобы на них не осталось германской команды.

В тел. от того же числа за № 298 Бенкендорф сообщал, что отправленная Греем в Константинополь тел. относительно разоруженія судов запоздала и что «положеніе с точки зрѣнія международного права осложняется энергичными протестами со стороны Турціи против захвата в Лондонѣ, в совершенно мирной обстановкѣ, двух турецкихъ дредноутов».

В тел. от 12 августа (30 іюля) за № 304 Бенкендорф указывал, что Никольсон, так же как и Грей, считает, что Англіи, секвестровавшей турецкіе суда, трудно протестовать «с точки зрѣнія международного права», что «положеніе на морѣ» он считает болѣе благопріятнымъ, чѣм ранее, что «отзывъ англійской морской миссіи поведет к ослабленію значенія турецкого флота». Вмѣстѣ с тѣм, по сообщенію Бенкендорфа, Никольсон получилъ от Тевфик-паши заверенія в том, что Турція не нарушитъ нейтралитета и что «германскіе суда послужат лишь для болѣе успѣшныхъ переговоровъ с Грецией».

В тел. от 13 августа (31 іюля) за № 1873 на имя Бенкендорфа Сазонов выражал свое несогласіе с мыслью о том, что «морское положеніе улучшилось»: «наоборот, усиленіе турецкого флота «Гебеномъ», калибру коего не отвѣчаетъ ни одно из судов нашего Черноморского флота, ставитъ послѣдній в весьма затруднительное положеніе, что тѣм болѣе прискорбно, что англичане имѣли возможность не допустить его в Дарданеллы».

[2]) Перевод с французского.

[3]) См. № 54.

Джулиано и премьер-министром и сказать им, что если английское правительство воздержалось от официальных шагов касательно позиции Италии, то это потому, что оно было убеждено, что итальянское правительство сумеет само найти путь, который укажут ему обстоятельства и его интересы, но что, если бы Италия решила присоединиться к Тройственному согласию, Англия, само собой разумеется, отнеслась бы к этому с живейшим удовлетворением и что, кроме того, будучи в курсе переговоров, которые велись в Петербурге, он всецело соглашается на предоставление Италии преимуществ, обещанных ей втечение этих переговоров [1]). Грей сказал мне, что он сегодня же вернется к конфиденциальному, но столь же детальному обсуждению этого вопроса с Империали. Грей настаивал на своем мнении, что официальные шаги не имели бы другого результата, кроме того, что сделали бы более трудной для Италии полную эволюцию. Он формулировал свою мысль приблизительно, как Думерг, по телеграмме Извольского № 263 [2]), но с еще большей настойчивостью [3]).

№ 78. Посол в Лондоне министру иностранных дел [4]).

Телеграмма № 307. 12 августа (30 июля) 1914 г.

В связи с переговорами касательно Румынии Камбон весьма доверительно обратил мое внимание на то, что положение румынского короля также весьма затруднительно. Согласно сведениям, которые Камбон... [считает] неоспоримыми, срок договора между Румынией и Австрией истекает лишь в 1916 г. По этому договору Румыния должна при всех обстоятельствах приступить к мобилизации, как только это сделает Австрия. Вследствие этого румынское правительство, заявив о своем нейтралитете, уже нарушило условия этого договора, что является значительной услугой, если даже нельзя будет добиться, чтобы она этим не ограничилась.

Бенкендорф.

№ 79. Французский министр иностранных дел Думерг французскому послу в Петербурге Палеологу [5]).

Телеграмма № 592. 12 августа (30 июля) 1914 г.

Французское правительство вполне готово действовать в Риме и Бухаресте с целью заставить Италию и Румынию выступить против

---

[1]) См. №№ 24 и 54. В тел. от 14(1) августа за № 317 Бенкендорф передавал Сазонову содержание ответа Саландры Родду. Саландра заявил, что, не предрешая вопроса о позиции Италии в дальнейшем, он считает, что объявленный Италией нейтралитет вполне согласуется с ее союзными обязательствами, но что нельзя требовать от нее, чтобы после объявления нейтралитета она объявила войну.

[2]) В тел. от 11 августа (29 июля) за № 263 Извольский сообщал, что Думерг согласен с необходимостью «побудить Италию примкнуть к Тройственному согласию», но «считает опасным предпринимать в Риме слишком резкие шаги, могущие произвести обратное действие»; по мнению Думерга, нейтралитет Италии «является большим успехом».

[3]) Изложенная в публикуемом документе точка зрения английского правительства была сообщена российскому м-ву ин. дел пам. запиской английского пос-ва от 13 августа (31 июля).

[4]) Перевод с французского.

[5]) Перевод с французского. Тел. расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

Австрии. Оно дало заверение в этом российскому правительству, и я ему это заверение подтверждаю. Мы также вполне согласны дать Италии и Румынии в случае военной помощи с их стороны все желаемые заверения по вопросу о территориальных преимуществах, которые будут им предоставлены после удачного исхода военных операций, при условии, что эти преимущества будут предоставлены без ущерба для наших собственных национальных интересов. Итак, остается только сговориться о том, каким способом привлечь обе эти страны к военному выступлению на нашей стороне. При большой щепетильности Италии и Румынии и при живости их национального характера приходится бояться, что всякое требование Тройственного согласия, которое будет похоже на принуждение, даст результат абсолютно противоположный тому, какого мы хотим достигнуть. Я думаю поэтому, что надо действовать с ними очень осторожно и не задевать их. Две недели тому назад у нас были все основания бояться, что в случае конфликта Румыния и Италия будут на стороне Тройственного союза. Мы считали счастливейшим событием их нейтралитет. Надо поблагодарить их и заявить им, что мы им очень признательны за занятое ими положение, которое мы не ожидали со стороны наций, являвшихся и являющихся мишенью для... и приемов Австрии и Германии. Надо им сказать, что мы не хотим оказывать на них давление для того, чтобы они сделали решительный шаг и выступили на нашей стороне, но что мы расположены были бы, если бы они этот шаг пожелали сделать, предоставить им серьезные преимущества при окончательной развязке. Не выступив с нами, они пропустили бы единственный случай получить эти преимущества, а мы гарантируем им эти преимущества, насчет которых мы пришли к полному соглашению. Такой способ выражения не оскорбил бы их и достаточно пощадил бы их самолюбие, так что мы могли бы надеяться легче довести их до выступления на нашей стороне.

Я прошу вас рекомендовать этот метод г. Сазонову, который мне известен, как человек тонкого и государственного ума, и я надеюсь, что вы вдохновитесь этим методом. В настоящий момент становится необходимым не спешить с инициативой и держаться благоразумного пути, которого мы держались до сего дня и который в общем может дать хорошие результаты.

Телеграфируя нашему послу в Лондон для того, чтобы мы могли дать тождественный ответ российскому правительству, я рекомендую ему тот же прием.

Наш посол в Риме и наш посланник в Бухаресте могли бы оба говорить этим языком.

№ 80. Посол в Риме министру иностранных дел [1]).

Телеграмма № 79. 12 августа (30 июля) 1914 г.

Срочная.

Получил телеграмму № 1803 [2]).

Сообщил французскому и английскому послам ее содержание. Ввиду несогласия моей инструкции с их инструкциями считаю долгом

[1]) Перевод с французского.
[2]) См. № 54.

сообщить вам следующие замечания, составленные совместно с ними:

«Инструкции, полученные вчера французским послом относительно методов действия, не так ясны, как мои. Ему не предписывают сделать министру иностранных дел такие же прямые предложения из опасения, что ввиду итальянской щепетильности они окажут действие, противоположное тому, какое было бы желательно, но предписывают осторожно указать пока только намерения трех держав. Баррер думает, что вы, должно быть, с тех пор ознакомились через Палеолога с этой точкой зрения [1]). Английский посол также уполномочен лишь повторить Сан-Джулиано то, что было сказано Империали [2]), т. е. указать ему, что «Великобритания, конечно, была бы счастлива, если бы Италия присоединилась к Тройственному согласию, но что это ее дело, и дело Англии предлагать ей это». При таких обстоятельствах я буду ждать ваших дальнейших распоряжений, прежде чем самостоятельно привести в исполнение ваши инструкции.

Крупенский.

№ 81. Посланник в Софии министру иностранных дел [3]).

Телеграмма № 187. 12 августа (30 июля) 1914 г.

Копии в Париж, Лондон, Ниш, Бухарест, Афины, Константинополь.

Вот текст ответа, написанного болгарским правительством, который я только что получил: «Королевский министр иностранных дел имеет честь довести до сведения Российской императорской миссии, что совет министров рассматривал сегодня сообщение, которое его превосходительство г. Савинский соблаговолил сделать вчера, 29 июля старого стиля [4]). Приняв во внимание, что не произошло ничего, что могло бы изменить его прежние решения, и вполне сознавая ответственность, падающую на него перед лицом нации, совет министров решил сообщить императорской миссии, что Болгария будет продолжать соблюдать строжайший нейтралитет и стоять на страже защиты своей территории» [5]).

Савинский.

---

[1]) См. № 79.

[2]) См. № 77.

[3]) Перевод с французского.

[4]) Имеется в виду заявление, сделанное Савинским болгарскому правительству на основании тел. Сазонова за №№ 1768 и 1771 (см. № 41 и прим.).

[5]) В тел. от того же числа за № 188 Савинский сообщал, что в другой ноте, переданной ему болгарским правительством накануне, к обязательству сохранять «строжайший нейтралитет прибавлено: «во время и до конца кризиса, через который ныне проходит Европа». Отмечая «некоторую сдержанность ответа», объясняющуюся «задетым самолюбием короля», Савинский указывал на желательность личного телеграфного обращения Николая II к Фердинанду, причем это обращение должно было бы «стать известным народу».

«Имея веские основания не доверять королю Фердинанду», Сазонов в тел. от 14(1) августа за № 1877 указывал, что «следует совершенно исключить» личное обращение к нему Николая II.

В тел. от 14(1) августа за № 368 Штрандтман сообщал, что Пашич нашел ответ болгарского правительства удовлетворительным, однако «продолжает относиться к Болгарии с очень большим недоверием».

№ 82. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 204. 12 августа (30 июля) 1914 г.

Личная.

Весьма доверительно.

Братиану сказал, что он не может подписать предложенную вашим высокопревосходительством конвенцию [1]), так как это было бы вразрез с принятым на недавнем совете решением. Он видит в нашем предложении доказательство дружеского к Румынии расположения и готов «принять к сведению наше предложение», если мы не будем требовать немедленного ответа и оставим вопрос открытым. Если же нам нужен немедленный ответ, то таковой может быть теперь лишь отрицательным. Братиану добавил, что все вышеизложенное является пока выражением его личного мнения и что он даст официальный ответ по приезде Диаманди и по ознакомлении с личными объяснениями, которые последний имел с вашим высокопревосходительством. Он постарается тогда тоже выяснить некоторые дополнительные вопросы. Так как при этом он особенно подчеркивал, что сохраняемый Румынией нейтралитет имеет, ввиду старинных ее отношений к Тройственному союзу, особенно дружественный для России характер, то я недалек от мысли, что румынское правительство постарается получить от нас за сохранение нейтралитета какие-нибудь особенные гарантии или даже выгоды. Министр иностранных дел также объяснил мне, что румынское правительство не может теперь подписать конвенции, но что предложения наши столь заманчивы, что оно не желало бы совершенно от них отказаться, причем какой-нибудь инцидент или взаимное обострение отношений Румынии с Австрией, может быть, и позволит здешнему правительству совершенно изменить занятое им положение. С своей стороны, должен заметить, что всем известные чувства короля и существование союзного договора с Австрией исключают, по моему мнению, возможность каких бы то ни было враждебных выступлений Румынии против Австрии в настоящую минуту. Решение совета явилось именно компромиссом между только что указанными двумя факторами и здешним общественным мнением, враждебным Австрии. Если занятое Румынией выжидательное положение и не исключает вполне возможности активного против нас выступления,—с другой стороны, требование наше немедленно высказаться за или против нас и неудовлетворение наше нейтралитетом Румынии могло бы побудить короля и правительство принять неблагоприятное для нас решение. Поклевский.

№ 83. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 356. 12 августа (30 июля) 1914 г.

Копии в Софию, Бухарест и Афины.

Получил ваши №№ 1768 [2]), 1771 [3]), 1774 [3]), 1781 [4]), 1804 [5]). Ссылаюсь на телеграмму из Афин № 179 [6]) и Бухареста № 205 [7]).

---

[1]) См. № 22.
[2]) См. № 41.
[3]) См. стр. 28, прим. 2.
[4]) См. № 51.
[5]) См. стр. 32, прим 4.
[6]) См. № 68.
[7]) См. № 59.

Сегодня повидал вернувшегося из Крагуеваца Пашича и сообщил ему содержание телеграмм № 1768 и № 1771 без упоминания о возможном содействии Черноморского флота. Вместе с тем я указал ему и на то, что делаемые Сербией уступки являются минимальными и что готовность наша воздействовать на болгар будет соразмеряться с готовностью сербского правительства принести жертвы общему делу. Пашич был видимо доволен всем им услышанным и будет ждать результатов нашего шага в Софии. По этому поводу он сказал мне, что болгарский посланник сегодня пожелал его видеть, чтобы заявить о твердо принятом болгарским правительством решении «честно» соблюдать нейтралитет. Пашич в ответ припомнил Чапрашикову сделанный им (1 августа) 19 июля намек о том, что за искренний нейтралитет Болгария получит в будущем большую выгоду[1]). Эти свои слова он считает нужным ныне ему снова подтвердить, добавив, что действительно честный нейтралитет сулит Болгарии еще большие выгоды. В заключение я спросил Пашича его мнение о восстановлении теперь же балканского блока, никого не называя. На это он возразил мне, что глубоко сочувствует означенному намерению и считал бы целесообразным, не откладывая, выяснить в принципе те компенсации, которые Греция, а быть может ,и Румыния тоже готовы были бы предоставить для удовлетворения Болгарии. В этом смысле он не преминет всемерно содействовать начинаниям России, которые облегчат его собственную задачу примирить общественное мнение Сербии с мыслью о необходимости уступок в Македонии. Он продолжает упорно держаться того мнения, что уступок в настоящую минуту сербское правительство сделать не может; что его, как он выразился, свалят и что сербская армия, не в пример греческой, а тем более румынской, проливавшая кровь в балканскую войну, это не допустит. Каждый раз, когда я возбуждаю вопрос о немедленных территориальных уступках, Пашича охватывает тревога. Сербия — единственная из крупных балканских государств, стоящая лицом к лицу с сильнейшим противником, от исхода борьбы с которым зависит ее судьба. Всякое ослабление в тылу может роковым образом отразиться на ходе военных действий, и тем не менее Румыния и Греция ныне указывают на связанную Сербию, благодаря которой они присоединили в свое время обширные области, как на единственную помеху для получения новых выгод, не считаясь с ее безвыходным положением.

Штрандтман.

№ 84. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 674. 12 августа (30 июля) 1914 г.

Срочная.

Прошу срочных указаний. Ссылаюсь на ваш № 1779[2]).

Покупка «Гебена» и «Бреслау» изменяет положение здесь не в нашу пользу. С военной точки зрения, думаю, что она все же усиливает значительно боевую готовность Турции[3]). С политической—она не-

[1]) См. «Международные отношения», т. V, № 471.

[2]) См. № 50.

[3]) В тел. от 13 августа (31 июля) за № 300 Леонтьев отмечал, что «поведение «Гебена» и «Бреслау» в Дарданеллах явно указывает на намерение немцев создать

сомненно имеет самые серьезные последствия, так как она сильно подняла дух турок и может придать им смелость прибегнуть к самым решительным выступлениям. Следуя вашим указаниям, буду стараться выиграть время [1]), но должен высказать, что необходимо немедленно принять решение, если с нашей стороны допускается возможность общности действий с Турциею, так как завтра будет уже, может быть, поздно. Я убежден, что соглашение с Турциею лишь облегчит нам возможность сговориться с Болгарией, тогда как, ожидая ответа болгар, в искренности коего мы все же должны сомневаться, мы рискуем выпустить и Турцию и Болгарию и иметь их обеих против нас [2]).

Гирс.

№ 85. Докладная записка министра иностранных дел Николаю Романову [3]).

13 августа (31 июля) 1914 г.

Посетивший меня сегодня японский посол сообщил мне от имени своего правительства, что Япония намерена в ближайшем времени объявить войну Германии и что ему поручено предупредить японского представителя в Берлине, чтобы он готовился к отъезду [4]).

О вышеизложенном приемлю в долг доложить вашему императорскому величеству.

Сазонов.

№ 86. Министр иностранных дел послу в Риме Крупенскому.

Телеграмма № 1872. 13 августа (31 июля) 1914 г.

Ваша телеграмма № 79 [5]) получена.

Сообщается в Париж и Лондон.

Можете по примеру английского и французского послов пока ограничиться выражением министру иностранных дел удовольствия по

непоправимые недоразумения и втянуть Турцию в войну». Поддерживая точку зрения Гирса, Леонтьев настаивал на том, что «только немедленное решение может спасти положение и парализовать немецкие усилия».

В тел. от того же числа за № 192 Савинский сообщал добытые им секретным путем сведения о том, что итальянский посол в Константинополе телеграфировал своему правительству о неизбежности объявления войны Турцией России.

[1]) В тел. от 13 августа (31 июля) за № 692 Гирс доносил, что, следуя полученным инструкциям «тянуть переговоры с великим визирем», он заявил последнему, что «появление «Гебена» и «Бреслау» произведет некоторую задержку» в получении указаний из Петербурга.

[2]) В тел. от 14(1) августа за № 1876 Сазонов сообщал Гирсу о продолжаемых им переговорах с Фахреддином, которому им, между прочим, было заявлено, что «если Турция искренно желает соглашения с нами, мы готовы пойти к ней навстречу», но что «раньше, чем говорить о территориальных приобретениях, разумнее поставить вопрос о реальном обеспечении территориальной неприкосновенности Турции», компенсации же «можно найти, не ища территориальных приращений».

[3]) На записке помета Николая Романова: «Хорошо», и далее рукой Сазонова: «Петергоф, 31 июля 1914 г.».

[4]) В тел. от 12 августа (30 июля) за № 305 Бенкендорф передавал сделанное ему Греем сообщение, что Япония готова объявить войну Германии и что английское военное командование получило распоряжение согласовать свои действия с японским командованием.

[5]) См. № 80.

поводу решения Италии сохранить нейтралитет. К этому вы могли бы прибавить, что если бы Италия захотела пойти дальше по пути согласования своей политики с видами держав Тройственного согласия, то она нашла бы благодарную почву и готовность широко удовлетворить ее национальные вожделения. Если Сан-Джулиано обнаружит желание войти в обсуждение этого предмета, вы уполномочены доверительно сообщить ему сущность наших предложений.

Сазонов.

№ 87. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 271. 13 августа (31 июля) 1914 г.

Копии в Лондон, Рим и Бухарест.

Г. Маржери сказал мне, что, после того как Франция и Англия признали себя в состоянии войны с Австрией, они чувствуют себя свободнее по отношению к Италии и что как французский, так и английский посол в Риме получили разрешение сделать там предложенные вами шаги[1]), по возможности лишь смягчив их форму. Такое же разрешение дано французскому и английскому посланникам в Бухаресте.

Извольский.

№ 88. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 272. 13 августа (31 июля) 1914 г.

Копия в Лондон.

Вчера вечером французское правительство заявило через посредство сэра Э. Грея австро-венгерскому послу в Лондоне, что вследствие объявления войны России, посылки австрийских войск против Франции Австрия поставила себя в положение войны по отношению к Франции, и французское правительство принуждено принять все меры, чтобы ответить на эти действия и угрозы. Передавая заявление графу Менсдорфу, Грей сказал ему, что он присоединяется к оному и что между Англией и Австрией также существует положение войны[2]).

Извольский.

№ 89. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 277. 13 августа (31 июля) 1914 г.

В разговоре начальник морского генерального штаба сообщил нашему морскому агенту, что он считал, что только мы имеем основание

[1]) См. № 54.

[2]) В тел. от 7 августа (25 июля) за № 268 Бенкендорф отмечал, что объявление войны Австро-Венгрии задерживается из соображений, связанных с стратегическим положением в Средиземном море.

В тел. Бенкендорфа от 13 августа (31 июля) за № 312 сообщалось, что объявление войны Австро-Венгрии запоздало на двадцать четыре часа, так как французское правительство находило первоначально достаточным разрыв дипломатических отношений, Грей же настоял на объявлении войны.

протестовать против продажи двух германских крейсеров Турции, так как никто не может воспретить воюющей стороне добровольно себя ослаблять. Необходимо потому настоять, чтобы продажа была действительной, то есть, чтобы весь немецкий экипаж был снят с этих кораблей и, хотя бы даже противно международному праву, был бы водворен обратно в Германию. Оставшись в турецких руках, эти корабли будут совершенно безопасны [1]). Прошу сообщить начальнику морского генерального штаба.

Извольский.

№ 90. Посол в Париже министру иностранных дел [2]).

Телеграмма № 279. 13 августа (31 июля) 1914 г.

Телеграфирую в Афины.

Греческий посланник, не имеющий возможности сноситься шифром, просит передать его правительству через ваше посредство следующую телеграмму: «Фиктивная покупка судов, понадобившаяся Турции, доказывает, повидимому, существование соглашения, направленного не только против России, но также и против Греции. Посетив г. Извольского, я узнал о телеграмме г. Сазонова, в которой сообщается его разговор с нашим посланником [3]). В этом разговоре г. Сазонов предлагает королевскому правительству помешать соглашению между Болгарией и Турцией, сделав уступки Болгарии и вознаградив себя за это в районе Эпира. Я сказал г. Извольскому, что королевское правительство могло бы обсудить совместно с Сербией уступки некоторых внутренних округов Македонии, но что уступка береговой территории, а именно Кавалы, мне представляется невозможной. Компенсации в Эпире были бы недостаточны, так как Греция, хотя и заботится о судьбе населения Северного Эпира, однако не имеет жизненных интересов в бассейне Адриатики, в то время как территории... Кавала и острова обеспечат его экономическое будущее. Соглашение с Болгарией на приемлемом основании, при предположении, что мы можем гарантировать себя от их недобросовестности, спасло бы нас от нападения Турции. Коалиция Греции, Болгарии, Румынии и Сербии, направленная против Турции под руководством России, Англии и Франции, могла бы окончательно разрешить вопрос о Европейской Турции, при соблюдении прав балканских стран и интересов Тройственного согласия. В неофициальном разговоре г. Мессими обратил мое внимание на то, что Греция весьма заинтересована перестроить балканский союз. Военный министр полагает, что при соглашении с Болгарией и Сербией мы могли бы, сохраняя нейтралитет, обеспечить себе территориальные приобретения в Эпире». Конец телеграммы.

Извольский.

---

[1]) В тел. от 13 августа (31 июля) за № 684 Гирс сообщал о полученных им от вел. визиря заверениях, что «теперь же происходит удаление всей германской команды и замена ее турецкой». Английский поверенный в делах, по словам Гирса, «поручает адмиралу Лимпусу удостовериться в действительности замены». «Лимпус настаивает, чтобы ни один немец не оставался на судах».

[2]) Перевод с французского.

[3]) См. № 71.

№ 91. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 81. 13 августа (31 июля) 1914 г.

Срочная.
Лично.

Английский посол был сегодня у председателя совета министров и спросил его, известно ли ему содержание бесед вашего высокопревосходительства с Карлотти [1]) и Грея с Империали [2]). Председатель совета министров ответил утвердительно. Посол спросил тогда его дружеского совета, следует ли поднять этот вопрос здесь в более определенной форме. Председатель совета министров ответил, что Италия в затруднительном положении и что следует избегать всего, что могло бы быть названо разбойничьим нападением на Австрию. «Я думаю поэтому,— заметил почти дословно председатель совета министров,— что лучше в настоящий момент воздержаться от какого-либо выступления, которое могло бы заставить Италию отказать Тройственному согласию в своем содействии и помешать, может быть, успешности дальнейших переговоров». Председатель совета министров просил посла осведомить Сан-Джулиано, который будет завтра здесь, о содержании этой беседы. В дальнейшем разговоре председатель совета министров, совершенно впрочем частным образом, заверил посла, что присоединение Италии к Австрии немыслимо, но что возможность присоединения Италии к нам не исключена в будущем. Сговорившись с французским и английским послами, я намерен сказать завтра Сан-Джулиано в самой доверительной и осторожной форме, что, будучи осведомлен о ваших и Грея беседах с итальянскими послами, я очень желал бы знать, какое они произвели на него впечатление. Крупенский.

№ 92. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 181. 13 августа (31 июля) 1914 г.

Копии в Ниш, Софию, Бухарест и Константинополь.

Венизелос обращается к России, Англии и Франции с ходатайством, чтобы [3]), если (бы) Греция оказалась на основании своего соглашения с Сербией вовлеченной в войну вследствие нападения Болгарии или Турции, дабы [3]) державы считали бы ее на равных правах с Сербией в качестве союзницы, оказывая ей помощь и поддержку [4]). Венизелос желал бы получить от держав Тройственного согласия соответственное предложение, но, не будучи уполномочен на этот шаг королем и действуя без его ведома, быть может, и вопреки скрытым его симпатиям, он просит нашего почина ввиду предоставления ему лишнего сильного довода перед королем в пользу его упорных начинаний. Добившись не без труда от короля сохранения греческого нейтралитета, при союзных обязательствах к Сербии, Венизелос желал бы далее добиться и того, чтобы в случае поворота Болгарии на нашу сторону Греция равным образом примкнула к блоку для совместных действий против... Венизелос доверительно сообщил, что германский

---

[1]) См. №№ 24 и 74.
[2]) См. №№ 63 и 77.
[3]) Так в подлиннике.
[4]) Обращение Венизелоса к российскому правительству передавалось Демидовым в тел. от 12 августа (30 июля) за № 180.

посланник, пригрозив вчера Стрейту выездом из Греции, если правительство не останется безусловно нейтральным, получил категорический отказ. Считаю крайне желательным пойти навстречу просьбе Венизелоса. В заключение полагал бы опасным пока затрагивать щекотливую тему о конкретных греческих уступках[1]) до решительного и открытого выступления Греции на стороне Тройственного согласия и то не иначе... как... с Англией и Францией.

Демидов.

№ 93. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 690. 13 августа (31 июля) 1914 г.

Копия в Бухарест. *Срочно.*

Прошу срочных указаний. Получив № 1855[2]).

Мнение Фахреддина соответствовало настроению Порты до войны, теперь же оно уже отстало, и он, видимо, не в курсе дела. Великому визирю и Энверу нужно именно территориальное приобретение, чтобы поднять дух армии и народа, и сознание, что Турция что-то такое приобрела. Полагаю, что главным образом необходимо приобретение островов, из-за стремления к которым вопрос о флоте стал крайне популярным среди мусульман. Приобретение Западной Фракии является больше стратегическим пожеланием Энвера и военных,— полагаю приблизительно по водоразделу на линии меридиана Гюмюльджины. Полагаю, что Болгария примирилась бы с этой уступкой, тем более, что эта местность населена более мусульманами. Подозревают, что соглашение турецко-болгарское, которое, если и не заключено еще, то очень близко к заключению, отдает Гюмюльджину туркам. С потерею островов Греция должна будет помириться, если не теперь, то в ближайшем будущем. Оговариваюсь, что я вполне сознаю необходимость привлечь вновь Болгарию в балканский блок, и нахожу, что Греция и, в особенности, Сербия должны всеми мерами содействовать этому. Соглашение с Турцией никоим образом не пойдет вразрез нашему попечению о Болгарии, ибо ее интересы не пострадают от уступки указанного клочка территории. Здесь все упорнее утверждается мнение, что турецко-германское соглашение уже состоялось. Посылка войск в Анатолию как бы подтверждает это мнение. Тем не менее я убежден, что нам до того важно вырвать Турцию из рук Германии, что необходимо добиваться этого, пока есть малейшая надежда на успех[3]).

Гирс.

№ 94. Военный агент в Турции в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Рапорт № 313. [13 августа (31 июля) 1914 г.)][4]).

Предложения Энвер-паши заключить военное соглашение с Россией.

Содержание моих разговоров с Энвер-пашой, веденных по поручению нашего посла, а затем и по указанию министра иностранных дел,

---

[1]) См. №№ 51 и 71.

[2]) См. № 72.

[3]) В тел. от 14(1) августа за № 1894 Сазонов сообщал Гирсу о показанной ему Фахреддином тел. оттоманского м-ра ин. дел, где подтверждалось намерение Турции продолжать соблюдение «строжайшего нейтралитета».

[4]) Дата проставлена редакцией предположительно.

было с возможной подробностью изложено в телеграммах нашего посла [1]) и моих от 24 и 28 сего июля за №№ 270 [2]), 271 [3]) и 289 [4]).

Тем не менее полагаю себя обязанным изложить еще раз эти разговоры письменно в более подробном и обстоятельном виде.

Так как оба разговора велись на одну тему и Энвер-паша в них себе противоречил, то полагаю возможным соединить их в одно резюме.

Хотя наши свидания и происходили по инициативе с русской стороны, но все конкретные предложения сделаны были самим Энвером.

В этом отношении не могу не вспомнить и прежних моих с ним разговоров, в которых он касался тех же вопросов в духе доброжелательства к России, видимо сознавая необходимость притти к прочному с ней соглашению.

Заявления Энвера сводятся к следующим положениям:

1. Турция не имеет никаких агрессивных намерений по отношению к России. Она граничит с ней на громадном протяжении и естественно заинтересована в поддержании добрососедских отношений. Если бы Россия вышла из настоящей войны ослабленной и даже побежденной, то все же она останется более сильной, чем Турция, и всегда сможет ей навредить.

2. Турция может беспокоить Россию на кавказской границе. Чтобы дать реальные доказательства своего миролюбия, Турция готова, если бы Россия этого пожелала, убрать с границы все свои войска, и именно части 9-го и 11-го корпусов, оставив на месте только минимум войск, необходимых для поддержания внутреннего порядка в стране.

3. Турецкая мобилизация продиктована тревогой за судьбу Турции. Недавние события показали, к чему ведет неготовность.

Балканские государства еще не успокоились и в каждую данную минуту могут воспользоваться трудным положением, переживаемым турецкой армией, и пожелать покончить со своим соседом, и это тем более, что турецкая мобилизация и сосредоточение требуют месяцев, тогда как болгарская и греческая армия могут быть готовы в несколько дней.

Будучи вооружена, Турция может оставаться спокойной зрительницей событий, и, конечно, с тем, чтобы в нужный момент сказать и свое решительное слово.

Не подлежит сомнению, что путем политических и военных усилий все государства, до самых маленьких включительно, постараются извлечь пользу из настоящего конфликта, и было бы странно, если бы Турция одна отказалась от этой возможности, тем более, что вопрос может итти только об ее же прежних владениях.

«Если бы правительство упустило это сделать, то навсегда потеряло бы свой престиж в глазах народа, который после стольких несчастий нуждается в подъеме духа. Вопрос не в том, чтобы отобрать именно то или другое,— народ не будет входит в рассуждения: отчего вы не взяли еще и это.

«Народу важно почувствовать, что сила и энергия государства не умерла, что оно способно жить и итти вперед.

---

[1]) См. №№ 8 и 48.
[2]) См. № 20.
[3]) В делах б. м-ва ин. дел не обнаружены.

«С этой точки зрения мы можем ограничиться очень малым, лишь бы оно было нам заранее обеспечено».

4. Вопреки существующему мнению, Турция не связана еще никаким соглашением с Тройственным союзом и, в частности, с Германией. А посему, если бы Россия пожелала обратить внимание на Турцию, то соглашение с ней не представляется возможным. Лишь бы только русская дипломатия пожелала стать на реальную почву и принять во внимание турецкие интересы и пожелания.

Эти пожелания невольно сведутся прежде всего к территориальным приобретениям. В этом отношении Турция могла бы удовлетвориться сравнительно немногим: Эгейскими островами и присоединением территории с запада в пределах Болгарской Фракии.

Согласиться на эти приобретения для России тем легче, что она всегда может вознаградить Болгарию в области Македонии и Грецию в Эпире, тогда как Сербия получит Боснию и Герцеговину.

Затем Турция пожелала бы только одного — заключения с Россией оборонительного союза или соглашения на срок от 5 до 10 лет, которое обеспечило бы Турции возможность мирного развития, вне постоянной опасности и тревоги со стороны ее беспокойных балканских соседей. Это соглашение, конечно, могло бы быть возобновляемо, если бы это отвечало обоюдным интересам.

Взамен Турция могла бы прежде всего оказать военное содействие России в текущей войне. Правда, турецкая армия сейчас невелика и еще не закончила своей реорганизации и технически недостаточно оборудована, но все же она представляет собою силу в 150—200 тысяч штыков, которая будет иметь свой вес на чаше весов в предстоящих событиях.

Куда направить эту армию,— это дело России. Положение на Балканах еще далеко не определилось. Румыния и Греция колеблются, и только одна Болгария, повидимому, присоединилась к Тройственному союзу. Турецкая армия может явиться при таких условиях ретулятором положения в духе русских интересов.

Много вероятий, что присоединение Турции к России заставит решиться на присоединение и Румынию и Грецию, а кто знает, может быть, и Болгарию, так как для последней станет ясно, что в противном случае ее дело проиграно. Тогда турецкая армия составит как бы общий резерв при наступлении балканских государств на Австрию, которое неминуемо окончится разгромом последней.

Если же какое-либо из балканских государств выскажется против России, то Турция выступит против него и оружием помешает повредить русским интересам. Вероятнее всего, что это будет Болгария, которая пожелает выступить против Сербии. Это тем более вероятно, что несколько дней тому назад она обратилась с различными предложениями по адресу Турции.

«Наконец, может быть и такой случай, что все балканские государства пожелают сохранить нейтралитет, и это будет в интересах России. Тем лучше, тогда и мы останемся спокойны».

5. Соглашение с Россией дает спокойствие обеим странам, так как при нем немыслимы волнения мусульман на Кавказе и армян в Армении, а это позволит обеим сторонам ограничиться для охраны порядка в указанных районах самым небольшим количеством войск, собрав все, что можно, в более важные и угрожаемые пункты.

6. Остается вопрос о проливах; он мог получить остроту только при враждебных и вообще невыясненных отношениях. «Само собою разумеется, что этот вопрос отпадет сам собой, раз мы будем друзьями».

7. Не подлежит сомнению, что соглашение с Россией встретит серьезную оппозицию как в народе, так и среди самого правительства, но это уже дело самого Энвера и его единомышленников настоять на своем, и надо надеяться, что добиться этого будет не слишком трудно, раз дело будет поставлено на правильную почву. Только бы все поняли, что соглашение с Россией сулит Турции разные выгоды, и тогда все с радостью станут на ее сторону.

Нужно еще иметь в виду и немецкое влияние. На все правительство и на самого Энвера сейчас производится самое энергичное давление со стороны германского и австрийского послов, чинов германской миссии и вообще немецких кругов, но это не так страшно, так как очевидно, что перетянуть Турцию на свою сторону — в немецких интересах, но они не совпадают с оттоманскими.

8. «Русское правительство отнеслось крайне неблагожелательно к приглашению нами германской инструкторской миссии, а теперь вас беспокоит, что она осталась у нас и после объявления войны России.

Недоумение России и ее союзников вполне понятно. Первый долг немецких офицеров был отбыть на родину, и если бы они заявляли на то свое желание, я бы их ни на минуту не задержал.

Французы захотели уехать, и я их отпускаю. Но немцы такого желания не заявили, и у меня нет никаких оснований их гнать со службы, а особенно в период мобилизации, когда их содействие нашей армии особенно ценно.

Да и по контракту я на это не имел бы права.

Почему они остаются, что ими руководит — не все ли мне равно, лишь бы они приносили пользу моей армии.

Я нисколько не сомневаюсь, что, оставаясь на нашей службе, они хотят тем самым принести прежде всего пользу своей армии, другими словами, они будут стараться втянуть нас в войну с вами.

Но это не так легко, и я не поддамся их уговорам, так как имею перед собою только одни оттоманские интересы.

Во всяком случае их пребывание временное, и если только наше соглашение состоится, то я ни минуты не задержусь, чтобы сказать им: «теперь вы — наши враги, и я прошу вас удалиться».

Привожу здесь, как и в некоторых других местах настоящего изложения, подлинные слова Энвера.

«Если я так говорю, то потому, что знаю, что со мной будут все благомыслящие турки, и, наконец, я могу опереться на армию, судьбу которой его величеству султану угодно было вручить в мои руки».

9. По поводу возможных результатов войны и как они могут отразиться в судьбе Турции, Энвер заявил, что злобы Германии, если бы она осталась победительницей, он не боится, так как не видит возможности для нее принести ощутительный вред Турции. Он лично знает по примеру Ливии, как трудно сражаться в стране, с которой нет сухопутной границы. Если в Ливии удалось организовать серьезное сопротивление итальянскому экспедиционному корпусу, то насколько же сильнее будет сопротивление турецких войск и турецкого народа

в Анатолии, если бы германцы вздумали наказывать Турцию за ее, якобы, измену немецким интересам.

Все изложенное здесь высказано было Энвером с полным спокойствием и с подкупающей искренностью. Провожая меня после второго моего посещения на лестницу, он, повидимому, был растроган и, поднимая руку кверху, сказал: «Дай бог, чтобы наши усилия увенчались успехом!»

Так как на другой же день великий визирь подтвердил нашему послу все заявления Энвера и видимо был бесконечно рад оказавшейся вдруг возможности заключить соглашение с Россией, то не может ли это служить лучшим показателем, что вершителем судеб в Турции в данный момент является не кто иной, как Энвер-паша, и что его единоличного желания достаточно, чтобы повернуть Турцию в ту или другую сторону.

В данном случае это был бы решительный поворот в нашу сторону, и притом в такую минуту, когда решается роковой вопрос о том или ином исходе общеевропейской войны.

Может быть, я ошибался, но мне после разговора с Энвером показалось, что мы получаем новый и серьезный шанс к одолению врага, и притом оттуда, откуда менее всего можно было его ожидать: со стороны всегда нам враждебной, онемеченной Турции.

Как бы ни была слаба и неорганизована сейчас армия, но все же это армия в 150—200—250 тысяч человек, и иметь ее за или против нас не могло бы быть для нас безразлично.

Но здесь пришлось бы учитывать не одни только материальные результаты. Переход Турции на нашу сторону произвел бы и громадный моральный эффект и больнее всего ударил бы в сердце Германии. И кто знает, не явился ли бы он действительно сигналом к общему подъему и других государств против Германии и ее зловредного союзника.

Конечно, в таком вопросе, как военное соглашение с Турцией, мало одного согласия и решения, — нужно, чтобы было и соответствующее исполнение, но это уже должно составить новую заботу, новую задачу, соответствующее разрешение которой потребует новых усилий от наших представителей. От их умения и искусства будет зависеть заставить турок исполнить все свои обязательства и дать необходимый отпор интригам и козням наших врагов.

Гарантией же, что это действительно исполнимо, может служить самый смысл рассуждений Энвера, основанных на простой и ясной логике.

Генерал-майор [Леонтьев.]

14 (1) августа 1914 г.

За несколько дней, прошедших с моего последнего свидания с Энвером, общее положение в Турции несколько изменилось, и не в нашу пользу, чему в значительной степени способствовал приход «Гебена» и «Бреслау» в связи с постоянным и согласованным давлением немцев и австрийцев.

Держатся упорные слухи, что германо-турецкое, а вместе с тем и болгаро-турецкое соглашения уже подписаны. Хочется думать, что эти слухи недостаточно обоснованы, так как если бы они оправдались, то это могло бы повести как раз к обратным результатам, т. е. к образова-

нию враждебной нам силы,—нам и нашей союзнице Сербии,—на кавказской границе и на Балканах, при условии крайне сомнительного нейтралитета Румынии.

Тем более кажется желательным и необходимо возможно скорее перевести разговоры с турками, как этого и хотел Энвер, на реальную почву, дабы или спасти положение, если еще не поздно, или же принять с места предохранительные меры, пока наши возможные противники и, в частности, Турция не успели изготовиться и закончить свою мобилизацию и сосредоточение, совершаемое ныне не только по суше, но и морским путем.

Все дополнительные соображения и посильные доводы по поводу соглашения с Турцией нашли место в соответствующих телеграммах моих и прежде всего нашего посла[1]), с которым я все это время находился и нахожусь в полном единомыслии и единении.

Генерал-майор Леонтьев.

№ 95. Проект соглашения с Италией.

[14 (1) августа 1914 г.][2]).

Проект соглашения, набросанный мною во время разговора с итальянским послом у меня[3]).

Правительства Великобритании, Франции, Италии и России, желая как можно скорее покончить с бедствиями войны и решив найти исход, который отвечал бы национальным вожделениям народов, согласились о нижеследующем:

1) Италия обязуется немедленно присоединиться на суше и на море к совместным действиям Англии, Франции и России против Австро-Венгрии. Генеральным штабам соответствующих армий и флотов будет поручено немедленно установить способы кооперации итальянских вооруженных сил с вооруженными силами Англии, Франции и России.

2) Англия, Франция и Россия обязуются признать за Италией обладание Валоной, Триестом и всею территорией Трентино, которая будет занята итальянскими войсками к моменту заключения мира, равно как и преобладающее положение (Италии) в Адриатическом море, при условии предоставления Сербии свободного доступа к этому морю в пределах, которые должны быть установлены.

Это соглашение входит в силу немедленно после его подписания.

Англия, Франция и Россия обязуются признать за Италией обладание всей территорией итальянского Тироля, которая будет занята итальянскими войсками, равно как и право на преобладающее положение в Адриатике, обеспеченное обладанием Т(риестом) и В(алоной).

---

[1]) См. №№ 9, 20, 49, 60, 69, 84, 93.

[2]) Дата проставлена редакцией предположительно на основании поденной записи м-ва ин. дел, в которой под 14(1) августа значится: «Проект соглашения, набросанный бароном Шиллингом во время разговора с итальянским послом у него». Текст проекта в поденной записи не приводится.

[3]) Заголовок подлинника, написанного на французском языке.

№ 96. Посол в Лондоне министру иностранных дел [1]).

Телеграмма № 318. 14 (1) августа 1914 г. 10 ч. веч.

Ссылаюсь на мой № 301 [2]).

Никольсон мне сообщил, что болгарский посланник посетил Грея, чтобы спросить у него совета касательно нейтралитета Болгарии. Грей ему сказал, что, раз болгарское правительство обращается к нему за советом, то его ответ будет вполне откровенен и ясен. Он думает, что весьма важно, чтобы Болгария соблюдала строгий нейтралитет, и что в случае необходимости он дал бы такой же совет Греции. Ведь весьма вероятно, что если Болгария совершит неосторожность, став на сторону Турции, Греция сделает противное [3]), и мы окажемся свидетелями новой распри между балканскими державами вроде той, которая была для них столь роковой в прошлом году. Однако возможна другая комбинация, именно возобновление соглашения всех балканских стран, включая Румынию. Грей посоветовал Болгарии подумать об этом, принимая в расчет все преимущества, которые эта комбинация могла бы предоставить Болгарии [4]).

№ 97. Посол в Лондоне министру иностранных дел [5]).

Телеграмма № 318 bis. 14 (1) августа 1914 г.

Получена телеграмма № 1873 [6]). Копия в Париж.

Сообщил содержание Никольсону и просил его определить точно положение дел. Он ответил мне, что Англия прежде всего потребовала разоружения германских судов и увольнения экипажа. Великий визирь ответил, что суда были куплены в Германии, что им дали новые, турецкие названия, и обещал, что германский экипаж будет уволен и заменен турецким. Турецкое правительство заявляет о сохранении нейтралитета и совершенно отвергает агрессивные намерения против России. После такого ответа английский поверенный в делах получил инструкцию комментировать законность продажи и настаивать на полной смене экипажа—не только офицеров и матросов, но и механиков до последнего человека. Английскому послу—и я имею основание думать—английскому адмиралу поручено наблюдать за тем, что будет происходить, и давать об этом отчет. Никольсон мне сказал, что английское правительство отказывается от отозвания английской миссии по мотивам, аналогичным мотивам русского адмиралтейства. Затем он повторил мне точку зрения, являющуюся главной точкой зрения, которой руково-

---

[1]) Перевод с французского.

[2]) См. № 75.

[3]) Тел. от 14 (1) августа за № 126 (расшифрованной в росс. м-ве ин. дел) Грей передавал Бьюкенену свою тел. в Афины, в которой, отмечая желательность восстановления балканского блока, высказывал мнение, что в противном случае и при соблюдении Болгарией и Румынией нейтралитета, выступление Греции было бы нежелательно, так как повлекло бы за собой выступление Турции и Болгарии и неблагоприятно отразилось бы на позиции Румынии.

[4]) Тел. от 15 (2) августа за № 327 Бенкендорф сообщал, что Грей подтвердил ему свой разговор с болгарским посланником, указав, что, «разумеется, Греция и Сербия должны будут кое-что уступить Болгарии», причем Греция получит компенсации в Эпире, а Сербия — в Боснии и Албании.

[5]) Перевод с французского.

[6]) См. стр. 50, прим. 1.

дится в настоящее время Англия,—что теперь все зависит от результатов борьбы, начатой Германией на восточной границе, а в особенности в данный момент в Бельгии, что настоятельно необходимо сосредоточить максимум усилий в этих пунктах, а также настоятельно необходимо избегать всякого осложнения в другом месте, почему английское правительство и хочет прежде всего избежать конфликта с Турцией в связи с двумя судами, прекрасно отдавая себе отчет в допущенном нарушении международного права.—Грей в высшей степени определенен в этом вопросе. Он сказал мне, что, по его мнению, в данный момент этот вопрос должен трактоваться исключительно с этой точки зрения, так как поражения или победы над германским оружием являются единственной вещью, которая действительно имеет значение и решит все прочее. Признаюсь, что касается меня, не говоря уже о специальной заинтересованности Англии и Франции в исчезновении судов из Средиземного моря, общий интерес и, в частности, интерес России заставляет меня вполне склониться к мнению Грея. Если бы в данный момент значительная часть нашей армии могла быть занята против Турции, в момент, когда основательно завязана борьба с Австрией, в особенности с Германией, это представлялось бы мне несчастьем, последствия которого могут быть неисчислимы [1]).

Бенкендорф.

№ 98. Посол в Лондоне министру иностранных дел [2]).

Телеграмма № 321. 14 (1) августа 1914 г.

Лично.

Камбон прочитал мне французское официальное сообщение, в котором говорится, будто бы вы имеете намерение в целях обеспечения нейтралитета Турции предложить ей известные территориальные преимущества во Фракии, взамен чего балканские государства были бы вознаграждены за счет Австрии. Я вполне согласен с Камбоном, что подобный проект не только показался бы здесь странным, как мало соответствующий широким линиям нашей политики... [3]) до сих пор, но мне кажется в высшей степени сомнительным, чтобы Грей к нему присоединился. Подобный проект был бы здесь в высшей степени непопулярным и принес бы нашему делу непосредственный ощутительный вред при урегулировании счетов во время заключения мира. Я не думаю, чтобы Грей согласился участвовать в обещании Турции вновь уступить ей христианские провинции, хотя бы для того, чтобы добиться ее нейтралитета, который даже в этом случае был бы в

[1]) Тел. от 15(2) августа за № 1912 на имя Извольского и Бенкендорфа Сазонов сообщал о выраженной ему английским и французским послами «надежде, что... мы не отвлечем войск от кавказской границы». «Я ответил, что, сознавая необходимость сосредоточения удара против главного противника, мы уже направили на запад часть кавказских войск, которых мы теперь не намерены вернуть. Мы не можем однако остаться равнодушными к военным приготовлениям Турции. Поэтому желательно воздействие Англии и Франции на Турцию для обеспечения нас от случайностей на Кавказе и на Черном море».

Тел. от 14(1) августа за № 1890 на имя тех же послов Сазонов указывал на основательность предположений о том, что «турки имеют в виду вступить в Египет в случае неудачного для Англии хода войны».

[2]) Перевод с французского.

[3]) Слово неясно.

высшей степени сомнительным, если бы Германии суждено было одержать военные успехи либо в Бельгии, либо против нас. Извините за поспешность, с какой я вас предупреждаю. Камбон ничего не сказал об этом проекте Грею [1]).

Бенкендорф.

№ 99. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 695. 14 (1) августа 1914 г.

Срочная.

Получил № 1855 [2]). Копия в Бухарест.

В сегодняшнем совершенно доверительном разговоре с великим визирем он коснулся вопроса о нашем соглашении. Я повторил, что, по личному мнению, вопрос этот несколько скомпрометировал появлением германских судов и что я усиленно советую немедленно выслать команду и морских офицеров в Германию. Великий визирь ответил, что он обдумает способ их высылки — сухим ли путем, или на нейтральном судне. Затем я высказал ему, что не уполномочен еще официально входить с ним в объяснения, но что имею сведения, что мы были бы готовы принять основанием соглашения гарантирование нами территориальной неприкосновенности Турции. На его вопрос, каким образом возможно было бы оформить эту гарантию, я заметил, что следует обсудить эту форму во время переговоров, но что, конечно, многое зависит от той пользы, которую готова принести нам Турция. Он спросил, какие предъявим мы требования к ней и к ее армии. Я ответил, что при развитии переговоров это будет выяснено, но что, несомненно, мы потребуем прежде всего удаления германской военной миссии. О территориальных приобретениях не было и речи, так как весь разговор носил характер совершенно личного и доверительного зондирования. Я однако не сомневаюсь, что вопрос об островах обязательно всплывет, остальные территориальные пожелания будут в зависимости от требований, кои мы предъявим. Полагаю однако, что некоторой приманкой может действительно быть присвоение Турцией всех германских концессий [в] Малой Азии. Такое присвоение не нарушило бы наших экономических интересов. Наш личный разговор великий визирь, несомненно, передаст кабинету, и лишь тогда возможно будет судить о произведенном им впечатлении.

Гирс.

---

[1]) В ответной тел. Бенкендорфу от 15(2) августа за № 1914 Сазонов выражал недоумение по поводу приписанного Камбоном российскому правительству проекта территориальных компенсаций Турции. Сазонов указывал на то, что на соответствующие турецкие запросы «мы уклонялись от ответа», заявляя, что «раньше, чем говорить о приобретениях, Турции важнее заручиться обеспечением территориальной неприкосновенности, причем Турция могла бы получить серьезные экономические выгоды».

[2]) См. № 72.

Разгром Сербии в 1915 г. и „помощь“ союзников

К осени 1915 года военное положение сложилось определенным образом в пользу Германии и ее союзников. После прорыва русского фронта в Карпатах в конце апреля началось отступление русских из Галиции и Буковины. В течение лета австро-германские войска заняли всю Польшу, Волынь, Полесье, Литву и далеко отбросили русские армии на восток. Западный фронт в это время находился в застывшем положении: ни французы с англичанами, ни немцы не могли прорвать укрепленных позиций противника. Здесь маневренная война давно кончилась и началась упорная окопная война на истощение. Англо-французская дарданелльская экспедиция потерпела полную неудачу. Итальянские попытки наступления были также приостановлены. Центральные державы не могли ожидать ни с какой стороны серьезного наступления противника.

Австро-германское командование в конце лета решило использовать эту благоприятную обстановку и освободившиеся войска использовать на другом фронте. Было решено начать наступление против Сербии.

Подготовляя кампанию против Сербии, Германия поставила себе три цели: 1) уничтожить Сербию, 2) отрезать Россию от ее союзников и лишить ее возможности кратчайшим путем получать военное снаряжение и техническую помощь и 3) установить прямую связь с Турцией, получив в свои руки железнодорожную линию Белград — София — Константинополь. Все поставленные цели были достигнуты. В результате Германия получила возможность использовать все людские, продовольственные и иные ресурсы Болгарии и Турции в борьбе с Антантой. В частности, турецкая армия, слабая перед войной в техническом отношении, получила военное снаряжение и командный состав из Германии и еще в течение трех лет дралась за интересы германского империализма.

Дипломатическая подготовка наступления на Сербию началась еще в мае 1915 г. Весьма важную роль в военных событиях на Балканах должна была играть Болгария, поэтому обе воюющие коалиции стремились перетянуть ее на свою сторону. Требования, выставленные Болгарией, были огромны: она стремилась, по крайней мере, получить обратно все, что она потеряла в 1913 г. по Бухарестскому миру, которым закончилась вторая балканская война. Она претендовала на Добруджу, оставшуюся в руках Румынии, на области Сереса и Кавалы, отошедшие к Греции, на ряд областей во Фракии, захваченных Турцией, и — главное — на ту часть Македонии, которая в 1913 г. досталась Сербии. Удовлетворить полностью все территориальные притязания Болгарии не могла ни та, ни другая коалиция великих держав. Антанта не могла решиться оказать слишком сильное давление на свою «союзницу» Сербию, чтобы та поделилась с Болгарией ее македонскими областями, и, боясь оттолкнуть во враждебный лагерь Румынию и Грецию, она не могла предложить Болгарии ничего существенного за счет этих стран. Положение герман-

ской коалиции было выгоднее: если она тоже не могла обижать ни Грецию, ни Румынию, ей удалось убедить Турцию пойти на некоторые уступки по отношению к Болгарии, а главное — она могла обещать последней всю сербскую Македонию, как только она будет завоевана.

4 сентября был подписан договор с Болгарией, превративший германскую коалицию в четверной союз. По особой секретной конвенции, заключенной в тот же день, Болгария должна была получить за ее благожелательный нейтралитет с самого начала войны часть турецкой территории на р. Марице, правый берег сербской Моравы, сербскую Македонию и т. д. В случае, если бы Румыния и Греция выступили на стороне Антанты, Болгария должна была получить также часть Добруджи и греческой Македонии. 6 сентября была подписана в германской главной квартире военная конвенция, в которой Австрия, Германия и Болгария обязались выставить определенное количество дивизий против Сербии.

К концу сентября на сербской границе на Дунае и в Боснии было сосредоточено 350 тысяч австрийских и германских войск, прекрасно вооруженных и снабженных тяжелыми дальнобойными орудиями и горной артиллерией. В это же время болгары сосредоточили около 300 000 своих войск на сербско-болгарской границе. Сербия могла противопоставить всем своим противникам только 230—250 тысяч слабо вооруженных и плохо снабженных солдат [1]).

5 октября австро-германские войска начали наступление с севера под общим командованием маршала Макензена, оттесняя сербские армии на юг вдоль железнодорожной линии Белград—Ниш—Салоники. Одновременно другая австрийская армия наступала из Боснии, оттесняя сербскую армию на восток. 12 октября начали наступление болгары по направлению Неготин—Ниш—Пирот—Вранья и Велес. После наступления Болгарии положение сербов резко ухудшилось, так как Болгария с первых дней своего наступления поставила себе целью отрезать отступающей сербской армии путь на Салоники, где уже начали высаживаться эвакуированные с Галлипольского полуострова французские и английские войска. После кровавых боев и упорного сопротивления сербы под давлением превосходящих сил и тяжелой артиллерии противника всюду должны были отступить. 16 октября болгары заняли Вранью и перерезали сербам путь отступления на Салоники, захватив также единственный сербский арсенал Крагуевац. 5 ноября болгары заняли Ниш, где была организована торжественная встреча болгарского короля Фердинанда с кайзером Вильгельмом II. 19 ноября австро-германские армии заняли гор. Кральево, расположенный на слиянии рек Моравы и Ибара, и все, что могло отступить из Северной Сербии, направилось по узкой долине Ибара, ища спасения в горах.

Вот как описывает это отступление французский историк балканской войны капитан Дейга: «Армия и толпа смешались, беспорядок возрастает, толчея увеличивается, а бежать все-таки надо. Болгары и австрийцы преследуют с ожесточением свою несчастную жертву. Бегство, бегство неописуемое, где на одном и том же пути сталкиваются несчастный народ, дипломаты, министры, солдаты, король Петр и 30 000 австрийских пленных, которых сербы уводят с собой, несмотря ни на что» [2]).

Сербские армии сделали еще последнюю попытку проложить себе дорогу на юг через Ускюб и Монастырь к Салоникам на соединение с французской армией. В шестидневной отчаянной битве севернее Ускюба у Кочанника крайне утомленная сербская армия была разбита и принуждена отступать по непроходимым тропам Албании и Черногории к Адриатическому морю. Большая часть сербской армии направилась на Призрен. Однако 25 ноября австро-германские армии заняли Призрен, а болгар-

[1]) M. Larcher, La Grande guerre dans les Balkans, Paris 1929, стр. 62—69.
[2]) F. Deygas, L'armée d'Orient dans la guerre mondiale, 1932, стр. 54.

ские армии — Филиппяны, и сербы оказались окруженными и отрезанными от Салоник и Адриатики. После этого сербская армия, уничтожив все запасы амуниции, артиллерию, техническое оборудование, направилась налегке в Албанию, где уже свирепствовала зима. Больше 100 000 погибло в пути от истощения и голода. Через непроходимые горы пробирались: армия, гражданское население, пленные, скот и все, что могло двигаться самостоятельно. Для характеристики этого мучительного и трагического пути достаточно будет указать на следующий факт: отступая сербы собрали 30 000 молодежи, будущих солдат. Эта молодежь, направляясь к Адриатическому морю, питалась корой деревьев. Каждый день падали сотни юношей мертвыми от холода, голода и усталости. К морю прибыло только 15 000. Но и здесь мучения не кончились, так как нечего было есть. Когда через несколько месяцев началась эвакуация на остров Корфу, их осталось всего 10 000.

В начале декабря со всех троп Албании начали спускаться к Адриатическому морю наиболее сильные и выносливые. Около 40 000 пробилось через Черногорию в Скутари. Другая колонна в 60 000 человек пробралась через Эльбасан и Тирану к Дураццо. Мелкие колонны бродили в лесах. Вот как тот же историк описывает состояние спасшихся сербов, оказавшихся на берегу Адриатики:

«Сербский народ прибыл на берега Адриатики в состоянии неописуемых страданий. Скутари и весь албанский берег представляют не что иное, как обширный госпиталь под открытым небом, где продолжают умирать те, которых истощило отступление. Улицы Скутари завалены трупами. Неприятельские аэропланы бросают бомбы на несчастных, у которых нет сил для того, чтобы поднять винтовку.

Сербы надеялись, что их страдания кончатся, когда они прибудут на берега Адриатики: там их встретят союзники, там они найдут съестные припасы, одежду, обувь, медикаменты, госпиталя, оружие; там под защитой колоссального союзного флота они сумеют реорганизоваться. Ничего этого они там не достали.

Никто их не ожидал, когда они начали в первые дни декабря спускаться с албанских троп; море было свободно от союзных судов, никакой помощи не было послано» [1]).

Что представляла собой та самая сербская армия, которая год тому назад одержала большую победу над австрийцами и с таким упорством еще месяц тому назад защищалась против в три раза ее превосходивших австро-германских и болгарских армий, об этом дает представление одно место из телеграммы русского военного агента, неотлучно находившегося при сербской армии во время отступления, генерала Артамонова от 21 (8) декабря 1915 г. за № 740:

«Армию гонит голод, со стороны же противника преследование ведется восставшими албанцами, подкрепленными отдельными ротами австрийцев. При отступлении сербские солдаты за хлеб отдавали одежду, оружие и боевые припасы албанцам, начавшим позднее избиение тыловых частей. Еще в Новой Сербии дезертирство приняло массовые размеры, ввиду распространения в армии слуха, что пленные сербы отпускаются австрийцами по домам. Теперь армия дезорганизована до крайности, некоторые дивизии насчитывают от одной до двух тысяч человек, и трудно сказать, до какой цифры армия будет сведена настоящими условиями, отсутствием подвоза провианта и наличия звонкой монеты для покупки у населения.

На 26(13) декабря к албанскому побережью добралось около 100 000 измученных, голодных и больных сербов нижних чинов и 38 000 офицеров, военных чиновников и прочих чинов. При них находилось 57 000 ружей, 170 пулеметов, 81 орудие, 67 000 лошадей и 7 000 волов. Число людей постепенно увеличивалось за счет затерявшихся в горах одиночек, а лошади и скот уменьшились в числе вви-

[1]) Там же, стр. 58.

ду употребления волов в пищу и падежа лошадей от недостатка корма и истощения» [1]).

В начале января 1916 г. австрийцы вторглись в Черногорию, заняли Негуш и (8 января) господствующую над всем побережьем гору Ловчен. Положение сербов стало безвыходным. Они ждали преследования австрийской армии с севера, болгарской—с востока. Для отступления на юг в Дураццо не было ни пригодных дорог, ни съестных припасов. Им предстояло на выбор или следовать голодными вдоль моря или быть сброшенными врагом со скал в море. Преследуемые противником, сербы опять начали движение на юг, где они надеялись найти хлеб и защиту союзников.

Весь 50-километровый путь от Скутари до Сен-Жан де Медуя и дальше до Дураццо был усеян трупами людей и животных, падавших от изнеможения и от огня с морских судов и аэропланов.

Публикуемые ниже донесения русского военно-морского агента в Италии капитана Беренса относятся к этому трагическому финалу сербского отступления. Они наглядно показывают, как параллельно с втягиванием Румынии и Греции в войну союзники, в сущности, ничего не делали для спасения гибнувших от голода, болезней и преследования неприятеля сербов. Особенно ярко эти донесения вскрывают неприкрытый эгоизм итальянского империализма. Эти потенциальные противоречия, в сущности, парализовали и то малое, что остальные союзники намеревались предпринять для спасения от голода хотя бы части сербской армии и беженцев. Эти рапорты вскрывают также эгоизм «владычицы морей» Великобритании, не желавшей подвергать опасности свои военные суда, без конвоя которых немыслима была доставка продовольствия для сербов в Албанию [2]).

Эпизод со «спасением» Сербии ярко изобличает сущность империалистических союзов. Капиталистические противоречия не прекращаются и не могут быть затушеваны даже на время общей борьбы с врагом.

Ф. Нотович.

Рапорт военно-морского агента в Италии Беренса начальнику морского генерального штаба адм. Русину от 10 (23) декабря 1915 г. № 1399 [3]).

Доношу вашему превосходительству о ходе дела по снабжению Сербии через Адриатическое море, с начала его возникновения и по настоящий момент, — конечно, поскольку оно мне было здесь известно и в той мере, в какой мне пришлось в нем участвовать.

Впервые о необходимости организовать доставку необходимого сербам я слышал от своего здешнего французского коллеги, который жаловался на итальянское морское министерство, не желающее оказывать активного содействия и ссылающееся на недостаток сил и средств. Это было 20 октября. Тогда уже французы вели с итальянцами переговоры по этому поводу и никак не могли добиться от Италии определенного ответа. Италия находила, что посылка транспорта через Адриатическое море в Медую или Дураццо слишком опасна и что для конвоирования

---

[1]) Архив внешней политики, П. А., № 4034, телегр. Трубецкого за № 1116 от 29(16) декабря 1915 г.

[2]) Весь этот период борьбы за Балканы полно освещается в находящихся в печати VI—X томах большой советской публикации архивных документов «Международные отношения в эпоху империализма».

[3]) Архив внешней политики.

их у нее нехватит миноносцев. В то же время уже были признаки желания Италии итти в Албанию, хотя ничего реального еще не было. Очевидно, на этот случай итальянскому флоту надо было быть готовым конвоировать и охранять перевозку своих войск, а потому ему мало улыбалась мысль рисковать судами для конвоирования транспортов со снабжением для Сербии. Французы волновались и горячились, доказывая, что надо и можно организовать такую доставку и с имеемыми у итальянцев силами, но истинная причина была та, что французы были у Италии в долгу, так как перед высадкой в Салоники отобрали у Италии те 12 эскадренных миноносцев, которые по конвенции должны были находиться в составе итальянского флота.

Надо сказать, что французы имели в таких доставках уже порядочный опыт, когда доставляли припасы и оружие Черногории. Это было в тот период войны, когда в Адриатике господствовал французский флот и когда Италия еще не выступала; организация та, после нескольких неудачных попыток со стороны французов, наладилась и перевезла в Черногорию порядочное количество, как я здесь слышал от черногорцев, около 10 000 тонн. Однако она стоила французам порядочно денег, так как, конечно, пароходы, буксиры, баржи и т. п., что приходилось покупать, обходились очень дорого. Немало затруднений было и с командами, которым приходилось платить большое жалованье, страховать и т. д. Тем не менее и результаты были удовлетворительные.

Теперь, когда надо было помогать сербам, обстоятельства оказались не те: во-первых, Италия была в числе воюющих, и, как мне говорил мой французский коллега, без ее согласия и приглашения ни один военный флот не мог появиться в Адриатике; во-вторых, Франция, познавшая на опыте трудности и дороговизну таких организаций, видимо не очень хотела брать на себя инициативу с перспективой иметь неизбежные трения с Италией на почве старинного соревнования в Средиземном море.

Организацию на этот раз взяла на себя Англия, с тем, что она будет закупать и доставлять все необходимое в один из итальянских портов (Бриндизи, Галлиполи и Таранто). Грузы туда должны были итти отчасти по железной дороге из Франции, отчасти на пароходах. Некоторое количество Франция обещалась доставить на своих пароходах в эти же порты, с тем чтобы уже оттуда, под охраной итальянских судов, они были отправлены в Албанию. Роль Италии в этом деле сводилась к тому, чтобы найти и предоставить в распоряжение отправителей грузов подходящие для плавания в Адриатике и разгрузки в албанских портах пароходы, а также охранять как переход через Адриатику, так и разгрузку в Албании.

Указаний на то, что как Франция, так и Англия сейчас признали Италию госпожей Адриатического моря, имеется много; кроме того это же положение содержится и в морской конвенции, заключенной между этими государствами, на которую Италия всегда может сослаться, если бы были сделаны попытки действовать в Адриатике помимо ее или без ее согласия и ведома.

Благодаря такому положению сразу все дело снабжения Сербии приняло явный характер вопроса о достаточности желания и средств обеспечить морскую перевозку в Албанию. Недостатка в грузах для перевозки ни разу не ощущалось, бывший же в первое время недостаток

перевозочных средств был сравнительно скоро устранен подысканием подходящих судов. Оставался главный вопрос, от которого зависела возможность осуществления правильного снабжения—разгрузка и охрана как ее, так и перевозки.

Приблизительно в таком положении и было дело, когда было решено организовать при итальянском морском министерстве комиссию по снабжению сербов, в составе представителей итальянских военного и морского министерств, морских агентов Англии, Франции, России и военного агента Сербии. Председателем этой комиссии был назначен помощник начальника итальянского морского генерального штаба контр-адмирал Пино-Пини. Целью комиссии было установить в общих чертах, сколько и куда надлежит направлять припасов для отступающей в Албанию сербской армии. Решения ее, конечно, имели исключительно совещательный характер, ибо время и способ выполнения зависели от итальянского адмирала, командующего частью морских сил, расположенной в Бриндизи.

Ввиду того, что закупку и доставку провианта взяла на себя, как было сказано выше, Англия, доставлять же его через Адриатику и охранять должна была Италия, роль членов комиссии от других государств (Франции, России и Сербии) была исключительно теоретическая — осведомительная и совещательная.

Заведывать организацией доставки с английской стороны был назначен английский морской агент в Риме капитан 2-го ранга Ларкинг, лишь несколько недель назад прибывший на этот пост из Лондона, где он служил в адмиралтействе. Он привез с собой одного резервного капитана 2-го ранга и ревизора, которых тотчас поселил в Бриндизи ведать прибывающими туда грузами и их дальнейшей отправкой.

Местные органы с итальянской стороны были назначены: командир порта Бриндизи вице-адмирал Финци—ведать хранением прибывающих туда грузов, нахождением для них подходящих перевозочных средств и погрузкой, и начальник морских сил, расположенных в Бриндизи, вице-адмирал Кутинелли—ведать отправкой грузов и их конвоированием.

Итальянское министерство иностранных дел хотело, чтобы наша комиссия собиралась на месте в Бриндизи, но предложение это, кажется, не встретило сочувствия ни у морского министерства, боявшегося, что такая комиссия на месте ограничит исполнительную власть местных органов, ни у моего французского коллеги по той причине, что он как раз в это время был без помощника и затруднялся выезжать из Рима, где ежедневно получал по 5—6 телеграмм своего министерства.

В таком положении было дело перед первым заседанием комиссии, которое состоялось в Риме в морском генеральном штабе 12 (25) ноября. На этом заседании итальянские представители сразу начали уговаривать комиссию, что снабжение в другие албанские порты кроме Валоны является ненадежным и опасным. На замечание остальных членов, что посылать в Валону сейчас бесцельно, так как грузы дальше сухим путем перевезти нельзя за отсутствием дорог, итальянские представители возражали общими местами, говоря, что дороги можно исправить и что это единственный практический путь, ибо ни Медуа, ни Дураццо не подходят как порты для разгрузки большого количества припасов за полным отсутствием портовых сооружений и оборудованности вообще и слишком близкого расположения к Катарро. В конце концов обе сто-

роны друг друга не убедили, но все же комиссия постановила, что нужно посылать в Медую, конечно, организовав охрану на переходе и на месте разгрузки. Итальянцы жаловались, что у них нехватит для охраны судов, и намекали на необходимость присылки Францией и Англией эскадренных миноносцев в помощь морским силам Бриндизи. Представители этих стран и я пытались намекнуть, что имеемых у итальянцев там 12-ти эскадренных миноносцев достаточно для конвоирования нескольких транспортов, но, видимо, наш взгляд совершенно не разделялся нашими итальянскими коллегами.

После этого первого заседания, увидев, что оно ни к чему, в сущности, кроме пожелания не привело, я сговорился с английским коллегой поехать в Бриндизи, чтобы лично осмотреть положение дела на месте и собрать материал для следующего заседания комиссии.

Поехали мы туда 15 (28) ноября вечером и были на месте на следующий день утром. Из разговоров с местными английскими офицерами (помощниками морского агента по организации) выяснилось следующее: в Бриндизи уже находится около 3 000 тонн всяких припасов, как-то: муки, галет, нефти и т. д., кроме того там около 10 дней ждут отправки в Албанию многочисленные английские сухопутные офицеры всех специальностей, преимущественно технических. Несколько отелей этого небольшого городка были совершенно заполнены ими, и в городе они попадались на каждом шагу. Затруднения в отправке происходили по двум причинам: не было достаточных и подходящих перевозочных средств и, кроме того, итальянский адмирал все время находил невозможным дать конвой, отчасти за неимением свободных судов, отчасти же из-за плохого состояния погоды. В заключение и место отправки не было окончательно решено: англичане настаивали на Медуе, итальянцы же выставляли Валону и, в крайности, Дураццо. Так как перевозочные средства должны были доставить итальянцы, то английский агент обратился к адмиралу с просьбой указать ему на те суда, на которые он мог бы начать грузить припасы. Командир порта указал ему на два небольших пароходика, могущих взять по 500—700 тонн груза, и сказал, что других у него нет. Пока англичанин ходил сам по порту в поисках за другими подходящими пароходами, я отправился являться итальянским адмиралам.

Придя на флагманский крейсер «Призани» к командующему морскими силами в Бриндизи вице-адмиралу Кутинелли, я застал у него и командира порта вице-армирала Финци. Последний сказал мне, что он не знает уже, куда класть и где хранить прибывающие для Сербии грузы. Первый же (Кутинелли) в разговоре сказал следующее:

«Вы все (т. е. французы, англичане и русские) думаете, что, прислав в Бриндизи муку и прочее, сделали этим половину дела, но это совершенно неправильно. Ваша роль очень легка и состоит в закупке и безопасной доставке в Бриндизи. Дальше вы говорите нам — теперь доставляйте в Медую. Должен вам заметить, что однако я до сих пор ни разу не слышал ни одного практически осуществимого проекта, как это сделать. Вполне понимая, что помочь сербам надо, и желая всеми силами это исполнить, я практически наталкиваюсь на массу затруднений. Как вам известно, Медуя совершенно не защищена ни от погод, ни от возможных атак неприятеля. Ее маленькая естественная гавань может вместить всего один-два маленьких парохода водоизмещением не более 1 000 тонн. Зимние погоды в Адриатике заставляют с осторож-

ностью выбирать время для перехода и для разгрузки при таких условиях. Так как при таких условиях посылать больших пароходов нельзя и нельзя также посылать зараз мало-мальски значительного числа малых, придется посылать эти малые, с количеством груза около 600 тонн. Однако несмотря на такое ничтожное количество этот груз придется конвоировать значительными силами, я лично считаю не менее 1 легкого крейсера и 6 эскадренных миноносцев, ибо австрийские суда этих же типов выходят из Катарро, и запереть их там мы не в состоянии. Принимая во внимание полное отсутствие разгрузочных средств в Медуе, надо считать, что разгрузка каких-нибудь 600 тонн потребует нескольких дней, и во все это время нашему конвою придется держаться в море перед этим портом, рискуя потерять суда от атак австрийских подводных лодок. Согласитесь сами, что рисковать раздругой нашими крейсерами и миноносцами мы еще сможем, если это крайне необходимо, но требовать от нас, чтобы мы при таких условиях обеспечили правильное снабжение — невозможно. Мы прекрасно знаем, что ежедневно австрийские лодки выходят на позиции, знаем число их и довольно точно места их стоянки. Одна, например, всегда стоит в 15 м. на ССВ от Бриндизи, другая постоянно дежурит близ берега между Медуя и Дураццо, третья — недалеко от устья р. Бояны. Однако самое большое препятствие для практического осуществления доставки на Медую заключается в том, что у нас или, вернее, у меня в Бриндизи нет достаточного числа легких крейсеров и эскадренных миноносцев. У меня под командованием всего 12 этих последних, причем многие требуют ремонта и сильно издерганы еще от предыдущей нашей войны. Чтобы держать в море постоянный конвой из 6 миноносцев, мне надо было бы иметь в моем распоряжении, по крайней мере, вдвое больше того, что я в действительности имею. Я вам прямо говорю, что без присылки сюда французских или английских миноносцев дело с конвоем не наладится, и я его давать не смогу...»

Я пытался в осторожной форме заметить адмиралу, что борьба с подводными лодками уже несколько разработана всеми флотами, что Медую можно было бы сделать менее доступной неприятелю постановкой мин, сетей и держанием там на позиции хотя бы двух итальянских лодок, — наконец, что и австрийцев в Катарро можно было бы беспокоить теми же средствами и ослабить у них охоту часто появляться у берегов Албании. На это мне адмирал ответил, что он не может рисковать судами для охраны нескольких сот тонн груза и что все эти меры требуют средств, которых у него нет. В заключение опять повторил, что без содействия союзных эскадренных миноносцев ничего сделать не сможет.

При этом разговоре присутствовал, как я уже упоминал, и командир порта, который вполне поддерживал адмирала Кутинелли.

Вернувшись к своему английскому коллеге, я ему передал результат свидания с итальянскими адмиралами и пытался всячески его убедить в необходимости присылки сколько можно английских миноносцев, если только мы хотим, чтобы помощь сербам была не только на словах, но и на деле. Насколько я мог заметить, он вполне со мной соглашался, что итальянцы без союзной помощи ничего не сделают, ибо очевидно, что в Адриатике можно плавать, когда там ни мин, ни подводных лодок нет, т. е., иными словами, в мирное время. Кроме того они настолько боятся потерять суда в деле, не прямо их

касающемся, что тут никакими словесными резонами их не убедишь. Однако, соглашаясь со всем этим, мой английский коллега сказал, что не думает, чтобы адмиралтейство согласилось прислать в Адриатику эскадренные миноносцы, так как Англия теперь сама страдает недостаткам в них, ибо много выбыло из строя в тяжелой службе в Северном море. На мои убеждения, что, быть может, всетаки адмиралтейство найдет возможным прислать хотя бы 4 миноносца, так как тут важна не только материальная их помощь, но и моральное воздействие со стороны английского их начальника на итальянского адмирала, мой коллега обещал телеграфировать в Лондон, хотя так и повторил, что на успешный исход его просьбы у него надежд мало. Затем он сказал мне, что должен ехать в Неаполь осмотреть пароходы, буксиры и баржи, которые ему предлагают купить. Он хотел было сам переправиться в Медую, чтобы осмотреть положение на месте, но, увидя, что нет надежды даже получить одиночный миноносец, который мог бы его перевезти в одну ночь на тот берег, отказался от своего намерения.

Я лично, видя, что в Бриндизи ничего сделать не могу, выехал ночью обратно в Рим, чтобы доложить виденное и слышанное послу и чтобы не пропустить второго заседания комиссии. Действительно, в день моего возвращения это заседание состоялось, причем английского агента заменил какой-то прикомандированный к английскому посольству господин, давно живущий в Италии и говорящий свободно по-итальянски, но, как оказалось, плохо защищавший наши интересы и легко поддающийся влиянию громких фраз, говорившихся в комиссии ее председателем контр-адмиралом Пино-Пини.

На втором заседании комиссии 17(30) ноября сербский военный агент сделал следующее заявление: «В настоящий момент надлежит посылать припасы в Медую и в Дураццо, а также послать в первый 25 и во второй 15 грузовых автомобилей с достаточным запасом бензина. Первый транспорт надо было бы послать поскорее в Дураццо».

И. д. английского морского агента прочел следующую телеграмму г. Ламб, начальника английской миссии в Скутари: «В ближайшее время ожидается отступление на Скутари 50 000 сербов. Есть надежда, что это войско сможет еще оказать некоторое сопротивление на линии Ипек—Прилеп. Очень необходима немедленная посылка припасов. До тех пор, пока не будет улучшена дорога Медуя—Скутари, провозная ее способность не более 40 тонн в сутки, а потому надо было бы везти провиант также по р. Бояне при посредстве буксиров и барж с осадкой не более 6 футов. Для всего этого необходимо срочно обеспечить выгрузку в Медуе и берег между ним и устьем р. Бояны цепью миноносцев и тральщиков, а также установить батареи против неприятельских миноносцев и аэропланов в Медуе».

Председатель комиссии сделал следующее заявление:

«1) Не следует посылать в Бриндизи дальнейших грузов, пока этот порт не будет несколько разгружен отправкой в Албанию уже лежащих в нем грузов; 2) надо построить в Медуе и Дураццо хотя бы самые легкие склады (крытые) для хранения выгруженного провианта; 3) необходимо, чтобы все дело снабжения сербов шло через морской генеральный штаб, который уже будет сообразоваться с решениями, принятыми комиссией, и сообщать их местным властям в Бриндизи для исполнения; 4) так как грузы все время прибывают из

разных мест, желательно, чтобы английские и французские пароходы, доставляющие их в Бриндизи, направлялись бы в албанские порты уже оттуда по указаниям и под конвоем сил морского начальства этого порта; 5) к защите пунктов выгрузки можно будет приступить, лишь когда будет точно установлено количество грузов, долженствующее быть доставленным в тот или иной порт. Невозможно держать миноносцы перед Дураццо, как об этом говорилось, ибо они были бы подвержены атакам подводных лодок».

Представитель военного министерства заявил, что у них сейчас нет свободного количества галет и фуража для посылки сербам, но что, как только они будут, будут тотчас отправлены в Бриндизи.

Сербский военный агент просил прислать только овес, ибо сено можно найти на месте в Албании.

Член от итальянского морского министерства заявил, что посланные французами пароходы — «Палатино» с 1 800 мешками муки и «Галлинара» с 680 мешками — были потоплены неприятелем, лишь пароходу «Инициатива» удалось выгрузить 97 мешков в Дураццо. В Бриндизи готов к выходу пароход «Эпиро» с 3 000 мешков муки и другими материалами. Выход его обусловлен хорошей погодой и, вероятно, состоится не сегодня-завтра.

Председатель сообщил, что только что получено сведение от морских властей в Бриндизи, что английское правительство, сообща с сербским, ведет переговоры с одним итальянским пароходным обществом о зафрахтовании нескольких пароходов для доставки провизии из Бриндизи в Албанию. Председатель находит, что так как перевозочные средства взялась доставить Италия, то, в случае их нехватки, англичане и сербы должны обращаться к итальянским морским властям, которые им нужные суда реквизируют, а не действовать самим непосредственно, что вносит лишь путаницу и не совсем корректно.

На это я заметил, что, только что вернувшись из Бриндизи, могу засвидетельствовать, что перевозочных сердств недостаточно и что местные морские власти заявили, что больше у них в распоряжении нет. Мое заявление было принято к сведению, и председатель сказал, что расследует дело, и если перевозочных средств нехватает, то тотчас будут реквизированы. Я сказал, что тогда надо об этом тотчас дать знать в Бриндизи, чтобы там без задержки предоставили англичанам пароходы для погрузки.

И председатель и член от итальянского морского министерства заявили, что Италия просила у Франции вернуть ей 12 эскадренных миноносцев и у Англии 6 таковых же, но что до сих пор ответа не имеется. Миноносцы эти совершенно необходимы для обеспечения конвоирования транспортов и чтобы не повторялись случаи потопления транспортов или в море или при разгрузке. Италия со своей стороны сделала все возможное, переведя из Венеции в Бриндизи 4 лучших и новейших эскадренных миноносца, ослабив этим свои силы в Верхней Адриатике, несмотря на то, что эта последняя—самый главный ее театр войны. Не следует забывать, что Италия не может очень ослаблять этот театр, где он соприкасается с сухопутным и где ослабление может привести к нежелательным последствиям и в Нижней Адриатике. В Венеции теперь остался минимум сил, необходимых для операций на главном театре. Таким образом действенность снабжеения сербов будет зависеть главным образом от присылки

Францией и Англией 12—20 эскадренных миноносцев, по возможности в самый кратчайший срок.

Французский агент заявил, что он сообщал уже в Париж о желательности вернуть Италии взятые у нее для Салоникской операции 12 французских эскадренных миноносцев, но что он боится, что французскому флоту не справиться с массой возложенных на него в Средиземном море задач. Было бы весьма желательно, чтобы Англия тоже прислала несколько миноносцев в Бриндизи, тогда и Франция, вероятно, пришлет.

Мною было сказано, что английский агент в Бриндизи обещал мне телеграфировать в адмиралтейство о присылке миноносцев, и тогда француз обрадовавшись сказал, что будет немедленно просить свое министерство о возвращении в Бриндизи 12 французских.

На этом закончилось второе заседание комиссии, подтвердившее впечатление, вынесенное мною из поездки в Бриндизи, а именно: будут союзные миноносцы — будет снабжение, не будут — и снабжения не будет.

Не берусь утверждать, что итальянцы совершенно неправы, ссылаясь на издерганность и расшатанность своих миноносцев, но, с другой стороны, приблизительно в таком же виде миноносцы и союзников. Главные причины нежелания рисковать своими судами, по-моему, следующие: 1) боязнь общественного мнения, в особенности царящая в центральных учреждениях, где больше думают о прессе и парламенте, чем о неприятеле; 2) нерешительность (проистекающая из первой причины), которой характеризуются все итальянские действия на море, в особенности после потери «Гарибальди» и «Амальфи», о которых в публике продолжают ходить самые странные слухи, и 3) эгоистичный взгляд на положение сербов, при котором считается, что раз сербская армия перестала существовать как целое и могущее оттягивать на себя австрийцев, то ей помогать нужно, лишь чтобы не подвергнуться упрекам в эгоистичности, но не в такой мере, чтобы рисковать собственными судами.

Глубоко убедившись, что без содействия союзных миноносцев никакого снабжения не будет, я доложил об этом послу и старался действовать в этом смысле на своих соответствующих коллег, что было не особенно легко, так как отношения между французами и англичанами здесь оставляют желать много лучшего. Главным образом кипятятся, конечно, французы, обвиняя англичан в неумении и нежелании понять обстановку и в стремлении действовать так, как будто они одни только и знают, что надо делать. Много подлила масла в огонь поездка Китченера в Грецию и бывшее у англичан желание прекратить Салоникскую экспедицию. Доходило до того, что французский и английский морские агенты (и, кажется, не одни они) друг с другом не виделись и не разговаривали.

Как бы то ни было, я говорил о необходимости прислать миноносцы и тому и другому, а также при случае английскому послу, причем вынес впечатление, что Англия ничего не даст, что же касается французов, то они, как связанные конвенцией и, быть может, несколько более искренние в желании помочь, вернут свои миноносцы.

Перед третьим заседанием комиссии я хотел объединить союзных агентов, чтобы сговориться заранее между собой и иметь больше веса против итальянских голосов, но, несмотря на свое обещание

притти ко мне в тот день, когда у меня должен был быть английский коллега, француз оказался больным и не пришел.

Между вторым и третьим заседанием, состоявшимся 27 ноября (10 декабря), почти ничего для фактического снабжения сербов сделано не было. Французские миноносцы приходили понемногу, небольшими партиями, в Бриндизи, итальянцы же отговаривались скверной погодой и неподходящими условиями (т. е. присутствием австрийских лодок). Лишь один транспорт с 300 тонн груза пришел в Медую. Подробности положения дела в этот момент доложены мною при рапорте от 25 ноября (8 декабря) № 1367.

На третьем заседании председатель сделал следующее заявление: «Наш морской агент в Черногории вчера телеграфировал из Медуи следующее. Из 20 небольших шлюпок, имеемых для разгрузки пароходов, 11 еще не разгружены. Разгрузка с них производится при помощи импровизированной одной пристани, на которую солдаты выносят по одному мешку. На берегу лежит много мешков с мукой, галеты, боченки бензина и нефти и пр., все-это под открытым небом и подвержено как воздушным, так и морским атакам. Если бы в эту массу австрияки бросили хотя бы одну бомбу или снаряд, получился бы хороший костер. Из Медуи грузы отправляются на повозках, запряженных волами, в Скутари. Современное состояние дорог таково, что повозки эти употребляют три дня, чтобы дойти до Скутари, и берут не более 3-х квинталов каждая. Еще хуже пойдет, когда начнутся дожди. При таких условиях и при полном отсутствии какой бы то ни было организации и руководства при разгрузке грузы, прибывающие в Медую, могут там лежать по нескольку недель. Вследствие этого бесполезно пока посылать в Медую дальнейшие грузы, пока не организована разгрузка и не приняты меры к дальнейшей их отправке внутрь страны». В другой телеграмме то же лицо сообщает: «Вход в Медую возможен лишь одному пароходу небольших размеров в хорошую погоду и при опытном маневрировании, так как вход в бухту и сама она стеснены затопленными там австрийцами 23 ноября (5 декабря) судами».

Принимая во внимание эти известия, председатель находит невозможным, по крайней мере в настоящее время, поддерживать с Медуей интенсивное сообщение. Что касается р. Бояны, то, по полученным известиям, в ней при зимних погодах образуется песчаный барьер, препятствующий входу в нее. В зависимости от ветров, такое состояние продолжается иногда по нескольку дней подряд, что не позволяет рассчитывать на правильное снабжение этим путем.

Французский агент сообщил следующую телеграмму, полученную им от его министра: «Разделяю мнение итальянского морского министерства, что австрийские пленные, находящиеся у сербов, должны быть направлены на Валону для посадки их там на пароходы. Нахожу также, что снабжение в масштабе, необходимом для нужд сербской армии, может совершаться только через Валону. Поэтому сербам предложено соответствующим образом вести отступление. Чтобы позволить сербам выполнить этот маневр, необходимо однако послать несколько транспортов в Медую и Дураццо. Изложите итальянскому морскому министерству эту точку зрения, которая является мнением французского правительства, разделяемую сербским посланником в Париже и английским адмиралтейством».

Представитель военного министерства сделал следующее заявление, предупредив, что оно конфиденциально: «По достоверным известиям, король Петр находится в Тиране вместе со штабом армии. Часть этой последней, сохранившая еще организацию и воинский вид, в размере около 30 000, находится между Тираной и Цетинье. Эта часть Албании одна из наиболее плодородных; кроме того Тирана соединена с Дураццо дорогой, по некотором исправлении которой по ней смогут ходить грузовые автомобили. Итальянские военные власти в Албании (Валона) предупреждены о том, что сербы будут довольствоваться из Валоны. Для улучшения дорог в эту последнюю посылаются из Италии еще саперы. Если сербская армия отойдет на юг, то затруднений с ее продовольствием не будет, а также можно будет перевезти из Валоны в Италию австрийских пленных, идущих с сербами. Для более успешного выполнения снабжения через Валону от этой последней будут проложены к Дураццо и другие места дековильки».

Английские представители заявили, что и по их сведениям лучше, конечно, было бы организовать снабжение через Валону, но тем не менее надо послать провиант и той многочисленной части сербской армии, которая находится в Северной Албании, по крайней мере, чтобы дать ей возможность отойти также на юг. По полученным сведениям, сербы берут в свои руки разгрузку в Медуе и доставку оттуда в Скутари, для чего в ближайшие дни будет собрано около 700 повозок, способных перевезти примерно 500 тонн в неделю. Английскому агенту в Медуе будет тотчас телеграфировано, чтобы принял все меры для очищения пристани и отправки лежащих на берегу грузов. 4 буксира и 8 барж, купленных английскими представителями в Неаполе, собираются послать в Бриндизи в помощь организации.

Председатель заявляет, что он уже предвидел необходимость послать некоторое количество провианта на север Албании, чтобы дать возможность отступающим туда сербам перейти на юг, а потому предлагает послать его в Медую, когда она будет очищена от предыдущего груза, а также в Антивари, где условия разгрузки лучше и оттуда лучше переправлять грузы внутрь страны. Однако надо раз навсегда заметить что это снабжение будет исключительно временным, ибо оно ненадежно, опасно, требует значительного конвоя и подвергает этот последний риску. Другая часть в количестве, строго необходимом для надобностей сербов, будет направлена в Дураццо для продовольствия той части сербской армии, которая уже отошла туда, и для той, которая отойдет туда же с севера.

Комиссия ввиду заявления французского агента, сопровождавшегося мнением председателя комиссии, приняла и постановила, чтобы в Медую и Дураццо, а если возможно и в Антивари, было доставлено некоторое количество продовольствия, необходимое, чтобы дать возможность сербам отойти в район Дураццо — Валона, главное же продовольствие направлять на Валону и далее сухим путем при содействии высаженной там итальянской армии. Для этого необходимо уведомить сербов, что они должны не теряя времени и всеми силами стараться сосредоточиться в южной части Албании, где они смогут найти все необходимое, на снабжение же через Медую, Антивари и Дураццо — не рассчитывать. Постановлено также просить итальянские военные власти озаботиться устройством в Валоне

складов для временного хранения выгруженного продовольствия и озаботиться о дальнейшей доставке продовольствия в район Тираны.

Протокол этого заседания был утвержден итальянским морским министром (он же начальник морского генерального штаба) с следующей оговоркой: «Исключаю доставку через Антивари, как слишком близкую к Катарро. Можно попытаться доставить небольшое количество в Медую».

Характерно, что министр и его помощник не сговорились заранее, и этот последний, без всякого понуждения с какой бы то ни было стороны, предложил доставку через Антивари, тотчас же отмененную его начальником.

После этого третьего заседания как раз прибыли в Бриндизи все 12 французских эскадренных миноносцев, и на следующий день по их приходе было доставлено в Медую 500 тонн провианта. Через несколько дней следующий транспорт благополучно пришел и разгрузился в Дураццо.

Всего в Медую хотят послать 1 500 тонн.

В настоящий момент дело опять как будто замялось. Итальянцы жалуются на скверные погоды, но, видимо, они рассчитывают, что первая нужда уже удовлетворена. Нам, т. е. союзным агентам, приходится каждый день ходить в морской генеральный штаб спрашивать, имеют ли там известия о выходе транспортов из Бриндизи, чтобы побудить не совсем забросить это дело.

От нашего военного инженера Попова, заведывавшего в Сербии радиотелеграфом, который прибыл третьего дня в Рим из Скутари с обратным рейсом транспорта, делавшего последний рейс в Медую, я узнал следующие подробности.

В Медуе пароход подходил очень близко к берегу, места там еще для одного или двух таких же. Разгрузка производилась местными шлюпками, причем весь груз (500 тонн) был выгружен с 10 час. утра до 12 час. ночи. Разгружали пленные австрийцы, болгары и сербские солдаты, причем никакого руководства и организации на месте не было заметно. Дорога из Скутари до Медуи в общем хорошая, и если ее немного исправить и починить, то смело могут ходить автомобили. Пока что по ней (расстояние около 40 км.) возят на волах, что берет около 30 часов времени. Дорогу никто не чинит и о ней не заботятся. Сербские части, отступившие на Скутари в Медую, имеют совершенно дезорганизованный вид и двигаются без всякого указания и руководства. Попадается много групп солдат разных частей и без офицеров. На вопрос, куда и зачем они идут, отвечают, что идут к морю в расчете получить пропитание и на перевозку через море.

Таково действительное положение вещей с продовольствием сербов через Адриатику на Албанию в настоящее время. Как видно, оно обстоит очень неблагополучно, и резюмировать причины этого можно следующим образом.

1. У дела слишком много хозяев и интересующихся им. Как будто оно поручено Италии и Англии, но, с другой стороны, и нам и Франции приходится вмешиваться, ибо в результатах его мы так же сильно заинтересованы и не особенно доверяем способности как итальянцев, так и англичан справиться с ним удовлетворительно. Англичане, ведающие закупкой и доставкой грузов в Италию, уже не полные хозяева, раз дело касается перевозки в Албанию. Италия же

действует вяло и нерешительно и упрекает Францию и в особенности Англию в нежелании помочь военными судами для охраны.

2. Нет никакого руководства в Албании. Не знаю, что делают многочисленные английские сухопутные офицеры в Италии, которые должны были быть в Албании для организации путей сообщения и разгрузки, но, как видно из показаний приехавших оттуда наших, в Албании (т. е. на северной ее части) царит полная анархия и не организованы даже насущнейшие вещи, как, например, порты выгрузки и самые важные дороги.

3. В дело вмешиваются все правительства из своих центров, когда, казалось бы, надо было его сосредоточить в одном месте, в Риме или другом.

4. Сербам при их отступлении, насколько мне известно, не было указано, что необходимо итти на юг Албании, тогда как для нас, находящихся в Италии, вперед было видно и известно, что рассчитывать на базирование на Северную Албанию через Адриатику нельзя, раз последняя исключительно в сфере влияния итальянского флота. Я говорю это не из желания упрекнуть Италию в явном нежелании помочь сербам, а зная их способ ведения морской войны, взгляды на нее и боязнь всякой ответственности, в особенности в потере судов.

5. Нежелание или невозможность Англии прислать миноносцы, траллы, сети и пр., необходимые для организации действительной защиты транспортов.

Если резюмировать еще короче, то можно сказать, что главнейшими причинами неудовлетворительности дела были: несосредоточение его в одних руках.

Заканчивая настоящий рапорт, в котором мне хотелось показать, какие трудности встретило снабжение Сербии через Албанию, считаю долгом заметить, что, решив послать провиант и вообще грузы в Валону, может быть и удастся снабдить отступающую сербскую армию, но зато скоро выступит на сцену снабжение Черногории, которую придется снабжать уже или непосредственно через Антивари или же через Медую, и тогда опять все затруднения возымеют полную силу.

Лично полагаю, что если Черногорию не решено будет предоставить собственной участи, то дело не обойдется без более обширной помощи со стороны, в особенности Англии, судами и прочими средствами морской войны. Это видно из прилагаемой при сем докладной записки, поданной мною по этому поводу послу. Если опять начнут уговаривать Италию сделать усилия для таких доставок, то это ни к чему, кроме потери времени, не приведет. На словах будут тянуть, а дело не будет сделано. Мне казалось бы, что надо его сделать средствами остальных союзников, а затем уже, когда время будет более подходящее, сводить счета с Италией.

Капитан 2-го ранга Беренс.

Копия приложения за № 1391 от 5(18) декабря 1915 г. к рапорту военно-морского агента в Италии Беренса от 10(23) декабря 1915 года за № 1399.

Начальнику морского генерального штаба.

В бытность мою вчера в морском генеральном штабе я имел следующий разговор с служащим в нем капитаном 1-го ранга Секки от

итальянского морского министерства. Разговор с этого снабжения перешел на Черногорию, причем я сказал моему собеседнику, что при теперешнем положении вещей в Адриатическом море Черногорию для нас, союзников, надо считать потерянной, так как признано невозможным послать что-либо морем в Антивари, и ручаться за такие посылки можно лишь в Дураццо и к югу от него.

На это мне моим собеседником было отвечено, что действительно, при настоящем наличии итальянских морских сил в Адриатике, нельзя рассчитывать на какое-либо реальное сообщение с противоположным берегом, но что при других условиях и если признавать Черногорию важным фактором в общесоюзном деле, можно было бы смело организовать правильное ее снабжение и доставку ей всего необходимого.

На мой вопрос, какие условия он считал бы для этого необходимыми, он ответил следующее: для ведения такой операции имеемых сейчас у итальянцев морских сил и, в особенности, миноносцев — недостаточно. Итальянские эскадренные миноносцы держатся преимущественно в Венеции, в готовности против главных сил австрийского флота, находящегося в Поле. Взять их оттуда, пока неприятельский флот цел и находится вблизи, невозможно. Для обеспечения морских перевозок в Албанию, Бриндизи и Таранто отдан уже возможный максимум миноносцев. Надо, кроме того, иметь в виду, что итальянские миноносцы уже сильно расшатаны долгой службой еще в Триполитанской войне, после которой многие не имели хорошего ремонта. Из 15 итальянских миноносцев, находящихся в Бриндизи для охраны сообщений с Албанией, один погиб в Валоне, два столкнулись друг с другом, один поврежден столкновением со своей же подводной лодкой и два находятся в ремонте. Все они будут готовы не ранее 2—3 месяцев. Таким образом, когда понадобилось срочно снабжать Сербию через Албанию, итальянский флот фактически не мог справиться еще с этой задачей, требовавшей опять-таки тяжелой службы от тех же миноносцев. Снабжение Сербии начало налаживаться только с прибытием в Бриндизи французских миноносцев, которых здешнее морское министерство просило с самого начала вопроса о снабжении сербов.

Однако снабжение это, даже с имеемыми теперь силами, возможно с уверенностью на успех лишь в Дураццо и к югу от него, севернее опасность от австрийцев слишком велика и условия разгрузки в таких портах, как Медуя, слишком неудовлетворительны. Неприспособленность этих портов и полное отсутствие их защиты делают выгрузку и стоянку в них судов очень трудной: приходится держать во все время выгрузки отряды судов. Если бы эти порты были хоть немного защищены как против погоды, так и против внезапных нападений слабых сил неприятеля, дело снабжения значительно упростилось бы.

По отношению к возможности снабжения Черногории через Антивари вопрос обстоит так: порт имеет защиту от погоды и кое-какие портовые сооружения как для выгрузки, так и для первоначального хранения грузов, что, конечно, значительно упрощает дело. Трудность заключается в его близости к Катарро и, следовательно, большой легкости для неприятеля внезапно появиться перед ним. Чтобы обеспечить выгрузку в Антивари, следовало бы раньше всего установить в

нем батареи как против легких крейсеров и миноносцев, так и против аэропланов. Пушки для таких батарей найдутся в Италии, которая могла бы их послать. Затем надо установить сети против подводных лодок. По имеемым в морском генеральном штабе сведениям, на Мальте у англичан таких сетей много, и они держатся ими про запас. Если таким образом удалось бы получить сети от Англии, то и этот вопрос был бы решен. Самым трудным и необходимым однако является вопрос об охране Антивари в тот промежуток времени, пока производились бы все эти работы (постройка батарей, постановка сетей, мин, заграждения и т. п.). Эти работы заняли бы, вероятно, недели две-три, и на это время надо держать перед Антивари сравнительно сильный отряд, чтобы не дать возможности австрийцам из Катарро уничтожить суда и производящиеся работы. По подсчетам итальянского морского генерального штаба, чтобы образовать такой отряд и иметь суда в резерве для смены, надо было бы к теперешнему составу итальянского флота (считая и те французские миноносцы и подводные лодки, которые в нем имеются) на это время, т. е. на три недели, придать еще около 10 эскадренных миноносцев и 4—5 легких крейсеров. Суда эти, по окончании оборудования Антивари, как разгрузочного порта, были бы возвращены обратно, так как далее придется только охранять транспорты на переходе через море, но не придется уже охранять разгрузку. Эта последняя будет производиться под защитой средств порта и нескольких подводных лодок, расположенных на позиции перед ним.

Зная, с какими трудностями было сопряжено дело получения Италией французских миноносцев и отказ Англии дать хотя бы 6 своих для охраны перевозок припасов сербам, можно себе представить, что новая просьба итальянцев дать хотя бы на короткое время еще 10 миноносцев и 5 крейсеров, вероятно, приведет к отказу. Однако с таким отказом связан вопрос об участии черногорской армии на нашей стороне и еще более важный вопрос о крушении всей нашей и без того пошатнувшейся балканской политики. Кроме того возможность снабжения Черногории значительно упростила бы и снабжение Сербии через нее и Северную Албанию.

Опыт показал, что достаточно было притти в Бриндизи 12 французским миноносцам, которых Италия просила с самого начала, чтобы сейчас же начались доставки провианта в Медую и Дураццо. Из этого можно заключить, что и снабжение Черногории могло бы состояться, если только найти (временно) указанные выше силы. Хотя капитан Секки высказал и личный взгляд,—все же я полагаю, что в том виде, в котором он был высказан, он, вероятно, окажется приемлемым и для морского министерства.

Капитан 2-го ранга Беренс.

Англо-русские отношения в Персии во время мировой войны

Записка бывшего царского посланника в Тегеране И. Я. Коростовца о способах урегулирования англо-русских противоречий в Персии, достигших наибольшей остроты накануне империалистической войны, является ценным историко-политическим документом.

Записка в своей «исторической» части дает краткую, но довольно красочную картину совместного англо-русского угнетения Персии после 1907 г. и излагает основные причины быстро нараставших противоречий между двумя хищниками на почве персидских дел. Эта часть записки «бытописует» в эпических тонах империалистическую практику «либеральной» Англии и черносотенной России по «поддержанию» персидской независимости, которую обе страны обязались сами соблюдать и охранять от всяких покушений с чьей бы то ни было стороны. Практика обеих стран, как показывает Коростовец, опираясь на официальные документы, по существу ничем не отличалась друг от друга. Россия бесконтрольно хозяйничала в Северной Персии, стараясь расширить свою власть и на нейтральную зону. Англия также бесконтрольно хозяйничала в Южной Персии, захватывая, в свою очередь, экономически нейтральную зону. Разнились только методы, которыми пользовались агенты обеих стран в Персии. Жертвой этих методов пал сам автор записки, и это наложило известную печать и на ее содержание. Коростовец был в марте 1915 г. отозван по требованию Англии из Персии и в момент составления записки был не у дел. Ему пришлось покинуть совершенно дипломатическую службу. Таким образом записка является попыткой оправдания его собственной политики в Персии. Если Коростовец, по понятным причинам, все зло видит в кознях английской дипломатии в Персии, то в изложении фактической части он не грешит против действительности, и в этом ценность документа. Затронутые вскользь в «исторической» части записки вопросы с исчерпывающей полнотой освещены на протяжении всех 6 вышедших томов «Международных отношений в эпоху империализма».

Ценность записки однако не в этом, хотя и в этой части читатель найдет много интересного. Таковым, напр., является откровенное раскрытие г. Коростовцом причин отстранения в марте 1914 г. персидских властей от взимания поземельного налога с русскоподданных и «протеже» и передачи этих функций царским консулам и мотивов принятия богатых персов под русское покровительство. Коростовец также приоткрывает завесу над авантюрой Шоджи осенью 1914 г., повлекшей за собой вступление турецких войск в Азербайджан. Чтобы заставить персидское правительство беспрекословно санкционировать и оформить все многочисленные захваты в Северной Персии и захват нейтральной зоны (под видом концессии на орошение и соединение рек Карун и Зейендеруд), царизм прибег к целому ряду своеобразных военно-феодальных методов, соединенных с чисто империалистическими методами. В

персидские провинции был направлен поток русских переселенцев, искавших утоления земельного голода. Прибыв в плодородные края, они уже большей частью заставали земли захваченными как «бесхозяйственные» разными генералами и полковниками в отставке, консулами и пограничными комиссарами. Все эти земли немедленно изымались из управления персидской администрации. Царизм охотно принимал под свое «покровительство» персидских феодалов, уклонявшихся от уплаты податей. Третьим видом уклонения персидских феодалов от подчинения своему правительству являлась передача их поместий в управление русскоподданным и ссуды Учетно-ссудного банка под земельное имущество заведомо несостоятельных плательщиков. В том и в другом случае персидская администрация устранялась от управления теми округами, в которых были расположены имения персидских феодалов, заложенные или же управляемые русскими подданными. Все это делалось вопреки 5-й статье Туркманчайского договора, которая запрещала русским приобретать земли в Персии.

Русское землевладение в Персии, устранение русскими консулами от взимания налогов персидской администрации и Трансперсидская дорога были центральными пунктами англо-русских противоречий по персидским делам.

Английское правительство, как показывает записка Коростовца, всячески противодействовало полному поглощению Россией Северной Персии и нейтральной зоны, что грозило взорвать англо-русское соглашение 1907 г. Но как раз в 1914 г. оба правительства, ввиду усиливавшихся англо-германских и русско-германских противоречий, были больше чем когда бы то ни было заинтересованы в англо-русской «дружбе». В указанную эпоху Персия не являлась самоцелью английской и русской политики, а тем средством, которое позволяло обоим хищникам координировать свою общую внешнюю политику. Этого Коростовец не понял и должен был пасть жертвой «высокой политики».

Будучи предназначена для министерства иностранных дел и для самооправдания, записка Коростовца только намечает и перечисляет все основные англо-русские трения, не расшифровывая их существа. Несколько фактов из истории русских захватов персидских земель помогут нам понять то значение, которое имели русское землевладение в Персии и взимание налогов русскими консулами для развития англо-русских взаимоотношений и нарастания противоречий.

«Необъяснимыми путями в народную массу проникла молва о богатых свободных землях в Северной Персии, и печать уже отметила ту неудержимую волну переселения, какая хлынула в Астрабадскую провинцию»,—писало «Новое время» 13 февраля 1914 г.—Молокане с Кавказа, немецкие колонисты из Самары и Туркестана, малоземельные крестьяне из Оренбурга и далекой Малороссии, неудовлетворенные переселенцы Сибири и Туркестана двинулись теперь туда. По глазомерному подсчету, русских переселенцев в Астрабадской провинции тысяч двадцать».

Очутившись в поисках свободной земли в Персии, безземельные русские крестьяне и там столкнулись лицом к лицу с помещиками и капиталистами, от которых они бежали из России. «Первым поселенцам нетрудно было найти свободную землю»,—пишет далее тот же корреспондент.—«В аренду на 99 лет можно было получить десятину за 3 р. 35 к.». Положение резко изменилось с появлением русских капиталистов. Действуя рука об руку с царскими консулами, они захватили в свои руки пустующие земли, и переселенцы обязаны были обращаться к их услугам, тем более, что и царские консулы ставили всякие формальные препятствия при заключении договоров с туземцами. «Отдельные малосостоятельные переселенцы не в силах пройти все трудности заключения договора. Если им не удалось поселиться на свободной земле, они в большинстве случаев селятся на землях, заарендованных русскими капиталистами, платя этим арендаторам половину урожая. В последнее

время эта форма заселения стала преобладающей: капиталист арендует землю и заселяет ее переселенцами-издольщиками» [1]).

Насаждение русских феодально-крепостнических порядков в Персии проводилось планомерно и в централизованном порядке из Петербурга. В январе 1914 г. состоялось специальное междуведомственное совещание в Петербурге, которое признало, что «захват больших земельных участков (до 15 000 десятин) лицами, не обладающими, повидимому, достаточными данными для осуществления крупных предприятий, представляется явлением безусловно нежелательным», так как, по мнению этого совещания, захваченная ими земля может легко ускользнуть из их рук в... руки иностранцев. Чтобы предотвратить такой нежелательный исход, было признано, как писал 14(1) февраля 1914 г. в инструктивном письме министр иностранных дел Сазонов тому же Коростовцу, что «наиболее желательным выходом из положения была бы скупка всех еще имеющихся в астрабадо-гюргенском районе свободных земель русской казной, а в случае невозможности этого нашим Учетно-ссудным банком Персии, с тем, чтобы заселение означенных земель могло быть произведено затем на рациональных началах, при содействии опытных чиновников Переселенческого управления, а необходимые оросительные работы — под наблюдением соответствующих органов Главного управления землеустройства и земледелия» [2]). Подчеркивая важное значение для русских экономических интересов «захвата», как выражается сам Сазонов, Астрабадской провинции, он говорит, что «в политическом отношении проникновение именно в этот район русского элемента может иметь для нас большое значение». О темпах и масштабах захватов русскими капиталистами земель в других провинциях Северной Персии дает представление телеграмма русского вице-консула в Урмии от 22(9) июля 1914 г. «Компания чисто русских людей приобретает 3 округа — Тергевер, Мергевер и Дешт — свыше 100 000 десятин от наследников Икбал-уль-Молька. Переговоры закончены на 147 000 томанов» [3]). Эта сделка округлила русские владения и отдала важный Урмийский район в руки России. Однако наиболее неприятным для английских империалистов было такое же безудержное и быстрое продвижение России по пути захвата Исфагани, лежавшей на границе нейтральной зоны, и насаждение русского земледелия в самой нейтральной зоне. В донесении первого секретаря миссии в Тегеране фон-Баха Коростовцу от 23(10) июля 1914 г. о результатах посещения Исфагани между прочим сказано: «До 1911 года политическое и экономическое влияние России в Исфагани было ничтожно». Положение круто изменилось после приезда в том же году в Исфагань фон-Кавера в качестве управляющего отделением Учетно-ссудного банка. Дело началось с того, что фон-Кавер сделался управляющим всех дел и обширных поместий в Исфаганском округе принца Зилль-эс-Солтане. «Для сельского населения, — эпически рассказывает фон-Бах, — тем самым возникли новые условия жизни... и много десятков тысяч сельчан находит под русским покровительством защиту от произвола бахтиар», т. е. племени, главари которого издавна находились в тесных отношениях с англичанами и являлись опорой их владычества в Персии. О размерах русского земельного управления в Исфагани Бах сообщает следующее: «Под управлением фон-Кавера находится более 80 больших деревень и более 120 000 душ населения, а под управлением русско-подданного Карабекова, арендатора имений принцессы Бану-Осма, — 12 деревень с 20 000 душ жителей, что в общем составляет около 150 000 душ» [4]). И это только в одном округе.

---

[1]) «Новое время», 13 февраля 1914 г., № 13623.

[2]) «Международные отношения в эпоху империализма», серия 3 я, т. I, № 255. В дальнейшем обозначаем «М. О.».

[3]) Там же, т. IV, № 340.

[4]) Там же, т. V, № 12.

Однако не это и не произвол русских властей вызывали недовольство и противодействие Англии. Англия не менее прочно внедрялась в Южную Персию и в нейтральную зону. И английские консулы, по признанию соперника Коростовца, самого английского посланника в Тегеране Тоунлея, «фактически управляют округами, порученными их наблюдению. Ни губернатор, ни представители казначейства, ни жандармы не могут ступить шага без одобрения наших консулов или предварительно не посоветовавшись с ними». Вопрос заключался в методах, применявшихся обоими империалистическими соперниками. Англичане не столько оспаривали произвол царских чиновников, сколько методы русского хозяйничанья, прекрасно понимая, что «методы» — являются неотъемлемой и основной частью всякой политики. Захватив разными путями громадные земельные богатства в свои руки, царское правительство сделалось фактическим хозяином Северной Персии и ее правительства, вечно нуждавшегося в деньгах, так как помимо таможенных доходов, которые уже находились в руках царизма, он наложил руку и на земельные доходы. Этим царизм поставил в полную зависимость от себя персидское правительство. Как это выглядело на практике, показывает один из многих красноречивых фактов. 28 июня 1914 г. Коростовец распорядился задержать 2 545 206 кранов таможенных поступлений персидской казны и распределил их по своему произволу: на содержание казачьей бригады, являвшейся орудием борьбы против Персии и ее правительства, — 1 922 694 крана, а остальную сумму на удовлетворение сомнительных претензий русских подданных к персидской казне [1]).

Система русского землевладения и институт «протеже» являлись настолько действительным средством поглощения Россией Персии, что это заставило английское правительство заявить официальный протест. В памятной записке от 19(6) июля 1914 г. говорится: «Система, в силу которой русские арендуют в нейтральной зоне небольшие части селений и вслед затем требуют, чтобы представители генерал-губернатора не входили в эти селения, потому что с ними связаны русские интересы, приняла широкие размеры и доводит фактически русское влияние до самой границы провинции Фарсистана» [2]). На простом человеческом языке это означало: ценность англо-русского соглашения 1907 г. теряет всякое для Англии значение, если Россия вопреки ему еще ближе придвигается к Индии, чем она находилась до 1907 г. Англо-русская проблема вновь вставала накануне войны во весь рост и требовала радикального разрешения, так как царская политика в Персии подтачивала те основы, на которых было построено англо-русское соглашение. Разрешение англо-русских противоречий в Персии в интересах русского империализма и за счет английского империализма предлагает незадачливый Коростовец во второй части своей записки. Однако раньше чем перейти к оценке этой части записки, важно проследить развитие англо-русских отношений в целом накануне войны. Только это нам поможет уяснить много вскользь затронутых в печатаемом документе важных вопросов.

Обострение англо-германских противоречий в начале нынешнего столетия, несчастный исход для царизма русско-японской войны и революция в России 1905 г., нашедшая глубокий отклик на Востоке, произвели важные изменения в мировой политике, что выразилось в англо-русском сближении. Не только Россия сделалась сговорчивее: обе державы сделались нужными друг другу в Европе и Азии для 1) сдерживания натиска Германии и Японии и 2) для подавления разбуженного русской революцией демократического движения в Азии. Эта властная необходимость расчистила дорогу для англо-русского сближения.

---

[1]) «М. О.», т. IV, №№ 182, 289, 291 и 303.
[2]) Там же. № 280.

Англо-русское сближение с момента его зарождения рассматривалось царизмом и Англией как орудие борьбы против Германии за раздел мира, а для царизма в первую очередь оно означало орудие борьбы за Константинополь. Интересен в этом отношении разговор Гартвига с английским послом Гардингом в Петербурге 25 сентября 1905 г. Указав на то, что у обоих правительств нет причин для конфликтов на Ближнем Востоке, Гартвиг выразил надежду, что «в грозящей на берегах Босфора схватке с Германией Росссии будет предоставлена полная свобода действий»[1]).

Потеряв надежду получить незамерзающий порт на Дальнем Востоке, царизм устремил свои вожделения на Константинополь и на Персидский залив. В процессе переговоров о русско-английском соглашении царский посол в Лондоне граф Бенкендорф заявил 26 января 1906 г. Спринг-Райсу, что в России были бы популярны соглашения с Англией о Дарданеллах и Босфоре и «о предоставлении России лелеемого ею коммерческого выхода в Персидский залив». Вопрос о проведении Трансперсидской дороги, который занимает центральное место в печатаемом документе, был поставлен уже в начале 1906 г. Это означало полный поворот в русской политике в Персии. Как известно, Россия тремя последовательными договорами с шахским правительством добилась фактического запрета постройки железных дорог в Персии и получила, как выражается один официальный документ, «монополию на бездорожье в Персии». Семь месяцев спустя после упомянутого разговора Эдуард Грей писал Никольсону, что он ничего не будет иметь против того, чтобы допустить русских к Персидскому заливу... «но устье залива оставить в наших руках» [2]). Достаточно посмотреть на географическую карту, чтобы убедиться в том, что такой «выход» России был не нужен; она добивалась порта в незамерзающем море, но вовсе не хотела оказаться в английской мышеловке. Зародыш русско-английских противоречий в Персии, достигших своего полного развития в 1914 г. и так красочно описанных Коростовцом, как видно из сопоставления стремлений России и Англии, уже пробивался наружу во время переговоров о сближении.

Таковы были исключающие друг друга основные принципы русского и великобританского империализмов; петербургское и лондонское правительства остались им верны вплоть до 1914 г.

Но если в данном вопросе были и остались неустранимые противоречия, то по другому кардинальнейшему вопросу оба партнера были полны единодушия. «Конкуренция капиталистических держав, желающих «урвать кус» и расширить свои владения и свои колонии, затем боязнь самостоятельного демократического движения среди зависимых или «опекаемых» Европой народов, — вот два двигателя всей европейской политики»,—писал В. И. Ленин в октябре 1908 г. [3]). На этой-то основе и договорились Англия и Россия в 1907 г. Жертвами оказались в первую очередь Персия, Афганистан и Тибет. Все острие англо-русского соглашения было направлено, как указывал Ленин, «п р о т и в растущего демократизма в Азии». И действительно, еще до формального заключения англо-русского соглашения оба правительства работали рука об руку в подавлении персидской революции [4]). Это в полной мере подтверждает печатаемый документ.

Необходимость англо-русского соглашения вытекала также из уже заявленных притязаний Германии на учреждение «Восточного банка» в Персии. Германские притязания сделались тем более угрожающими, что, по утверждению царского министра финансов Коковцова, «Багдадская железная дорога несомненно поднимет цло-

[1]) British Documents on the Origins of the War 1898—1914, v. IV. The Anglo-Russian Rapprochement 1903—1907, No 192.
[2]) Там же, № 227.
[3]) Ленин, Сочинения, изд. 3-е, т. XII, стр. 358.
[4]) British Documents, IV, No 256.

дородие прорезываемых ею областей Малой Азии и Месопотамии и этим путем создаст новую конкуренцию для русского хлебного экспорта»[1]).

Политический смысл англо-русского соглашения состоял: 1) в прекращении соперничества обеих держав в Азии и в объединении всех сил против Германии, 2) в подавлении революционного движения в Азии — и кроме того специально для Англии, 3) в обеспечении безопасности Индии и 4) в сохранении экономического и политического status quo в Персии.

Как показывает записка Коростовца, последние пункты давали больше всего поводов для недоразумений между Россией и Англией, которые концентрировались в Трансперсидской железной дороге.

Настойчивость царизма в вопросе о проведении Трансперсидской железной дороги имела за собой далеко идущие империалистические притязания, бывшие едва ли по плечу русскому империализму. Дорога должна была: 1) связать русскую железнодорожную сеть с Индией и дать более короткое, чем Багдадская магистраль, направление европейскому транзиту в Азию, все выгоды которого тогда достались бы русскому капитализму, и 2) дать России выход в Индийский океан. Но как раз в этих двух пунктах интересы России сталкивались с интересами английского империализма.

Трансперсидская дорога с выходом в Чахбар, как этого добивался царизм, опрокидывала сразу краеугольные принципы английского империализма, легшие в основу англо-русского соглашения. Она должна была нарушить равновесие сил, сделать уязвимой Индию со стороны России, дав последней выход в Индийский океан. Неудивительно, что выдвинутая Англией трасса Трансперсидской дороги с конечным пунктом в Бендер-Аббасе сделала для России все предприятие бесцельным: 1) путь удлинялся на много сот километров, становясь почти параллельным с Багдадской дорогой, и вдобавок проходил через пустынные незаселенные местности; 2) конечный пункт отдалялся от Индии на 600 с лишним километров и 3) будущий русский порт в Персидском заливе отрезался английским флотом от Индийского океана и попадал под полный контроль его пушек.

Не лучше обстояло и с «сохранением экономического и политического status quo» в Персии. Англичане равнодушно наблюдали все бесчинства русской военщины, консулов, казачьей бригады, оккупационных войск и пограничных комиссаров до тех пор, пока они не затрагивали экономических и торговых интересов английского империализма. Но когда интересы последнего были жестоко нарушены, то оказались налицо новые трения. В самом деле, в 1901—1902 гг. на долю России приходилось 38%, на долю Англии —41,7% всего персидского импорта. К 1906—1907 гг. — году заключения англо-русского соглашения — доля России поднялась до 51,3%, а доля Англии пала до 30,7%. Наконец, в 1912—1913 гг. на Россию приходится уже 55%, на Англию—всего 27% персидского импорта. Так же обстояло дело и с экспортом: на долю России падало 66,2%, а на долю Англии—всего 12,5%[2]). Status quo в Персии с 1907 г. был явно нарушен в пользу русского империализма. Развитие персидской торговли показывает, что речь шла не о шуточных делах. Персидский импорт в 1902—1903 гг. составлял 273 млн., а в 1913—1914 гг.—647 млн. кран. Соответствующий экспорт —189 и 456 млн. кран.

Расширение русской торговли в Персии за счет Англии происходило не только путем экономического соревнования. Оно находилось в полной связи с теми «методами» военно-феодального проникновения, какими пользовался царизм в Персии.

Дезорганизуя всю государственную, экономическую и общественную жизнь в Персии, поощряя разбойничьи шайки и разрушая финансы страны, царские агенты,

[1]) Заявление Коковцева на заседании Совета министров 1 февраля 1907 г.

[2]) Н. Н. Бобынин, Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля. Тифлис 1923, стр. 234—237.

под предлогом «борьбы» с ними, препятствовали английской торговле, где только могли. Как констатирует английская памятная записка от 14(1) июля 1914 г., «10 000 тюков товара задержано на границе, каковая задержка в торговле способна вызвать банкротство купцов, ведущих торговлю с Манчестером» [1]). На просьбу о помощи русский консул в Кермашахе Долгополов дал замечательный ответ. Задержка товаров, доносит он Сазонову, произошла в интересах «защиты английской торговли, опасаясь ухудшить дело конкурирующих с нами манчестерцев. Жалобы их бессмысленны, ибо товар задержан в их же интересах, дабы не подвергнуться ограблению» [2]).

Упадок английской торговли при постоянном увеличении русской торговли в Персии обострял уже и так обостренные англо-русские отношения на почве персидских дел.

Вот в чем состояли главные причины англо-русских противоречий, а не в злой воле английских агентов, как это старается доказать в своей записке Коростовец. Интересно отметить, что и англичане подчас склонны были видеть в русских консулах злых гениев, портивших добрые отношения между обоими правительствами. И безусловно прав был Сазонов, когда писал 24(11) июня 1914 г. Бенкендорфу: «Если бы дело шло только о пресечении излишнего усердия некоторых наших консулов, то это было бы не очень трудно, но, к несчастью, имеется нечто большее, и этим большим, беспокоящим меня, является мое убеждение, сложившееся уже с некоторого времени, что англо-русское соперничество в Персии возобновляется» [3]).

Было бы однако ошибочным в результате изучения всех многообразных фактов англо-русских противоречий в Персии делать какие-либо заключения, как это пытались делать некоторые историки, не учитывая всего международного положения. Основными империалистическими противоречиями были и оставались в 1914 г. англо-германские. За ними следовали франко-германские и русско-германские противоречия. Англо-русские противоречия, несмотря на их остроту, оставались противоречиями между «друзьями», смягчение которых пока было возможно. Вовсе не случайно, что как раз в период персидских недоразумений между морскими штабами обеих стран были начаты переговоры о заключении военно-морской конвенции против Германии. Этого нельзя упускать из виду, в противном случае легко можно притти к неправильному выводу, что в 1914 г. англо-русские противоречия господствовали над всеми прочими, и оказаться перед неразрешимой задачей: почему не между Россией и Англией, а между Россией и Германией вспыхнула война, сделавшаяся сигналом к мировой войне?

Особый интерес представляет вторая часть записки, намечающая «основы будущей политики нашей в Персии», так как эти «основы» царское правительство сделало базой при последующих переговорах с Англией об изменении англо-русского соглашения.

Записка довольно пространно излагает эти «основы», и они не нуждаются в особых комментариях.

Центральное место плана урегулирования персидского вопроса, по Коростовцу, сводилось к следующему: «Сократив поводы к бесполезным трениям с персидским правительством в Тегеране и к вредному соперничеству с Великобританией, мы с большей легкостью могли бы сосредоточить наше внимание на естественных и более доступных центрах влияния в городах Азербайджана, Гиляна и Астрабадской провинции. С этой целью следовало бы усилить связь между этими областями и Россией, в частности с Тифлисом и Ташкентом, и установить непосредственную зависи-

[1]) «М. О.», т. IV, № 206.
[2]) Там же, № 292.
[3]) Там же, т. III, № 343.

мость северных провинций Персии от кавказского наместника и туркестанского генерал-губернатора».

Исключением Тегерана из русской сферы влияния царизм хотел сократить поводы для столкновений с персидским и английским правительством, но в виде компенсации за эту «уступку» намеревался потребовать согласия Англии на полную «бухаризацию» Северной Персии, т. е. низведения ее до уровня Бухары, с подчинением чиновникам кавказского наместника и туркестанского генерал-губернатора.

Вел. князь Николай Николаевич уже в 1915 г. добивался реализации плана Коростовца, требуя передачи ему как наместнику Кавказа ведения всех дел с персидским правительством и подчинения ему русского посланника в Тегеране, чему воспротивился Сазонов из боязни, что это обострит англо-русские отношения в разгар войны.

Записка оказала влияние на судьбу ее автора. Хотя его дипломатическая карьера была окончена, но его заслуги колонизатора были оценены. Он вскоре был назначен председателем правления Учетно-ссудного банка, на каковом посту ему предоставлялось еще более широкое поле деятельности по подготовке почвы для реализации «основ будущей политики нашей в Персии».

Только Октябрьская революция избавила Персию от неминуемо ждавшей ее печальной участи.

Ф. Н.

Петроград. 15 (28) мая 1915 г.

Об упрочении англо-русских отношений по персидским делам[1]).

Предпринятая Россией совместно с Францией и Великобританией война требует полной солидарности и согласованности действий союзников. Всякое разногласие может пагубно отразиться на достижении преследуемой цели, а посему политика наша, естественно, направлена к устранению поводов к недоразумениям, где бы таковые ни возникли. Особенно важным представляется избежать разногласий по персидским делам, притом не только за период войны, но и на будущее время, когда будущая международная конъюнктура потребует, быть может, установления особенно близких искренних отношений между Россией и Великобританией. Ввиду сего персидским делам и изысканию способа к устранению недоразумений между нами и англичанами надлежит посвятить серьезное внимание.

Англо-русское соглашение 18(31) августа 1907 года, на котором зиждутся наши отношения с Англией по персидским делам, дало в области мировой политики блестящие результаты и превысило возлагавшиеся на него надежды. С общеполитической точки зрения, оно устранило традиционное между обеими сторонами недоверие и превратило прежнее соперничество в столь близкое взаимодействие, что Великобритания с самого начала войны стала в ряды наших союзников, чем с самого начала великой борьбы оказала на ход последней неоценимое для нас влияние.

К сожалению, англо-русское соглашение в области персидских дел не только не дало ожидаемых результатов, но, как мы увидим ниже, вызывает необходимость пересмотра. Задача последнего—устранить обнаружившиеся пробелы и упрочить англо-русские отношения в связи с соблюдением русских интересов в Северной Персии.

---

[1]) Архив внешней политики.

Соглашение 1907 года было для России, конечно, серьезным приобретением. Мы только что вышли ослабленными из японской войны и переживали еще последствия революционного движения; рука помощи, протянутая нам в это трудное время Великобританией, была для нас спасительной, и прекращение былого соревнования оказалось как нельзя более кстати.

Отдавая дань соглашению 1907 года с точки зрения нашего тогдашнего затруднительного положения, справедливость требует взглянуть правде в глаза и признать, что Англия недаром протянула нам руку. Соглашение это гарантировало Англию от активной политики с нашей стороны относительно областей, сопредельных с ее индийскими владениями, и рассеяло страх перед возможностью русского наступления на Индию путем постепенного поглощения промежуточных стран. Вместе с тем оно явилось важным фактором создания благоприятного отношения к Великобритании ее мусульманских подданных, увидевших в этом акте заступничество англичан за целость государств, коим якобы угрожала Россия.

Недоверие англичан к России в Персии и влияние индийского правительства.

Несмотря на многочисленные доказательства миролюбия России и отсутствие у нее агрессивных замыслов, английское общественное мнение до последнего времени не могло освободиться от призрака нашего нашествия на Индию и продолжало проявлять прежнее традиционное недоверие к нашей политике в Персии. Когда года четыре тому назад был поднят вопрос о Трансперсидской железной дороге, то опасения за Индию довольно ясно проглядывали при происходивших по этому поводу переговорах, а в палате общин проект этот, как известно, встретил сильный отпор всех авторитетов по Индии и отрицательное отношение со стороны английского общественного мнения. Сэр В. Тоунлей [1]) в разговоре со мной высказывался за возможность постройки в Персии лишь меридиальных железных дорог, для русских интересов безусловно вредных, а к вопросу о Трансперсидской железной дороге отнесся с нескрываемой иронией. Таким образом вопрос об Индии продолжал омрачать наши отношения с Великобританией в Персии. Англичанам приходилось внимательно прислушиваться к голосу индийского правительства и мусульманского населения Индии, а у себя дома к голосу комитета по персидским делам. Последний влиял на печать, на общественное мнение и на парламент. Поэтому, естественным образом, с ним считался и лондонский кабинет. Отношение же к нам комитета по персидским делам хорошо известно.

Стремление Англии к господству на Юге Персии, прикрываемое заботой о поддержании ее независимости.

Внимание, уделяемое в Англии и Индии персидским делам, заставило великобританское правительство заботиться о поддержании Персии как независимого государства, коему якобы угрожает Россия. Следует однако заметить, что независимость Персии поддерживалась ан-

[1]) Великобританский посланник в Тегеране.

гличанами лишь внешним образом, в действительности же они вели политику, направленную к подчинению этой страны. Весьма характерным в этом отношении является признание, сделанное сэром В. Тоунлеем нашему поверенному в делах колл. сов. Саблину, приведенное последним в депеше от 30 сентября 1913 года за № 57. По мнению английского посланника, наиболее благоприятным для Англии исходом было бы положение, при котором каждому «каджару» [1]) можно было бы придать по Коксу. Саблин поясняет, что Кокс — английский резидент в Персидском заливе, весьма энергичный и самостоятельный агент. Имя его сделалось нарицательным, и за последнее время в английских дипломатических сферах, причастных к персидским делам, «коксами» называют агентов правительства Индии, занимающих места великобританских консулов на Юге Персии и в Хоросане, обыкновенно весьма агрессивных в своей политике и не всегда сообразующихся с указаниями лондонского кабинета.

Действительно, между взглядами Лондона и Бомбея и теперь не всегда наблюдается согласованность. Насколько я мог заметить, индийское правительство стремится сделаться хозяином на Юге Персии и предоставить России свободу действий на Севере, мало считаясь с мнением Тегерана. Это стремление находит противовес в Лондоне, где отстаивают принципы англо-русского соглашения, наблюдая лишь за тем, чтобы русское влияние не получало особенного преобладания. Хотя английскому представителю в Персии приходится сообразовываться с обоими течениями, но перевес получают обыкновенно директивы, даваемые Лондоном. Неудивительно, что при таких условиях английская политика в Персии подвергалась колебаниям, в зависимости от преобладания тех или иных взглядов, и что колебания эти отражались на англо-русской гармонии, которая зачастую была лишь кажущейся. Гармония эта нарушалась также благодаря разнице между пониманием соглашения в Лондоне и применением его английской миссией и второстепенными агентами в Персии, которые под видом мнимого равноправия и согласованности действий проводили свои, английские, интересы в ущерб нашим. Если же, несмотря на такое подчинение англичанам, у нас все же возникали с ними недоразумения на почве персидских дел, то таковые до последнего времени не только не находили себе категорического выражения, но подчас и замалчивались.

Нужно также иметь в виду, что антирусская тактика английских представителей в Тегеране находила поддержку в предубеждении персов против России. Последнее основывается на инстинктивном опасении перед завоевательными замыслами России. Персы почти все считают, что им от Англии, в сущности, ничто не угрожает кроме экономического влияния на Юге, которое зато окупается ее противодействием замыслам России. Главным недругом являемся мы, по мнению персов, по крайней мере так называемых демократов,—приходится лишь сожалеть, что Англия поставлена в необходимость дружить с Россией, противником самостоятельности Персии. Это ставит англичан в привилегированное положение, облегчает их роль менторов и руководителей Персии, но неизбежно отражается на искренности взаимодействия с нами. И действительно, искреннего взаимодействия, несмотря на соглашение 1907 года, не установилось. Беглый обзор происшедших с того

[1]) Каджар—представитель династии Каджаров, правившей в Персии с 1794 по 1925 г.

времени событий показывает, насколько нам пришлось итти наперекор своим взглядам, а подчас и интересам, ради соблюдения взаимодействия по персидским делам.

Революция в Персии и неприязнь Англии к Мохаммед-Али шаху.

Подписание англо-русского соглашения произошло в разгар персидской революции, и первым испытанием этого соглашения явилось установление совместных с Англией руководящих принципов по отношению к персидской неурядице. Безразлично отнестись к смуте было невозможно, ввиду того, что от нее страдали многочисленные интересы России и Великобритании, но в то время как интересы эти для отдаленной Англии и даже Индии представлялись незначительными, нам, ввиду нашего непосредственного соседства и гораздо более крупных интересов, следовало бы осмотрительнее отнестись к персидской анархии. Д. т. с. Зиновьев говорит по этому поводу на странице 51 своей книги [1]): «Что же касается восстановления порядка в Персии, то простейший и даже единственный благонадежный путь к достижению этой цели заключался в поддержании авторитета шаха и в предоставлении ему средств».

Конечно, лишь будущее Персии даст правильную оценку взглядам Мохаммед-Али шаха, который считал, что Персия погибнет, если под видом конституционного режима дать волю ее анархическим задаткам. Будущее покажет, правильно ли мнение д. т. с. Зиновьева, высказанное им по поводу политики Англии, которой последовали и мы ради поддержания солидарности.

«Возникшая в Персии революция показалась английскому правительству удобным моментом для осуществления его политической программы. Не считая возможным примириться с руссофильскими убеждениями Мохаммед-Али шаха, оно поставило своей задачей дать событиям неблагоприятный для него оборот и в этих видах предложило России воздержаться от вмешательства во внутренние дела Персии, каковое обстоятельство должно было послужить поощрением революционному движению».

Здесь не место припоминать отдельные фазисы персидской смуты. Известно, что мы усвоили себе английскую программу невмешательства в происходившую втечении последующих годов внутреннюю борьбу, причем наш нейтралитет получил в глазах революционеров значение попустительства во вред шаху, которого мы, действительно, предоставили собственной участи. Следует однако заметить, что в памятной записке, переданной 3 января 1909 года великобританскому послу А. П. Извольским, последним высказывалось мнение, что «если желательно добиться умиротворения Персии и установления в этой стране прочного порядка, необходимо не только введение разумной формы представительного правления, но одновременно и помощь шахскому правительству в проведении насущно нужных реформ», с каковой целью А. П. Извольским предлагалось предоставить шаху аванс при условии принятия им англо-русской программы (Оранжевая книга,

[1]) «Россия, Англия и Персия». (Примечание в подлиннике.)

выпуск 2, стр. 54—59.— Синяя книга по персидским делам, № 2, стр. 36—41 и 43—44).

В ответной памятной записке кабинета от 21 января 1909 г. английское правительство ответило отказом, говоря, что оно «склонно думать, что для Великобритании и России было бы лучше всего оставаться совершенно в стороне от внутренних дел Персии и предоставить существующему хаосу продолжаться, пока наиболее сильный элемент в стране не возьмет верх. Тем временем британское правительство готово подвергнуться опасности, которая могла бы при этом угрожать британским коммерческим интересам». В результате был выработан совместный образ действий в соответствии с английскими взглядами (Памятная записка А. П. Извольского от 26 марта 1909 года. Ор. кн. 2, стр. 72—75, 115—117).

Невмешательство Англии в персидские дела могло подчас превращаться в энергичные меры, как только затрагивались непосредственно английские интересы. Всем памятны тавризские события 1911—1912 гг., когда пришлось послать в Тавриз наш отряд, на что так сильно реагировали не только английское общественное мнение и парламент, но и лондонский кабинет. Любопытно поэтому отметить, что, когда в апреле 1909 года принц Эйн-эд-Доуле осаждал Саттар-хана в Тавризе и английским интересам могла угрожать опасность, великобританский представитель в Тегеране настаивал перед нашим поверенным в делах на немедленном вызове русских войск из Тифлиса (Ор. кн. 2, стр. 173—174).

Последующая политика лондонского кабинета показывает, что им мало принимались в расчет наши интересы, вследствие чего нам в большинстве случаев приходилось на них не настаивать. В виде примера можно упомянуть о настояниях Англии в 1909 году по поводу уменьшения нашего казвинского отряда (Ор. кн. 3, стр. 182—192), о том, что в вопросе о создании в Персии военной силы для поддержания порядка Англия высказывалась за привлечение иностранных инструкторов, в то время как А. П. Извольский в телеграмме на имя д. с. с. Поклевского-Козелл от 31 декабря 1909 года выражает мнение, что «лучшим выходом было бы немедленное усиление единственной правильно организованной воинской части в Персии, а именно шахской казачьей бригады» (Ор. кн. 3, стр. 315—316). Далее, в 1910 году, по вопросу об авансе персидскому правительству, А. П. Извольский желал в наших интересах связать выдачу такового с крупным займом, в то время предполагавшимся; лондонский же кабинет настоял на выдаче одного лишь аванса, чем лишил нас возможности добиться от персов компенсаций за заем (Ор. кн. 4, стр. 6, 10, 30, 50, 94, 134). Затем, в том же году, когда персидское правительство сделало распоряжение о беспошлинном ввозе серебра, поставляемого английским банком, распоряжение это было опротестовано д. с. с. Поклевским-Козелл, так как беспошлинный пропуск серебра уменьшал доход северных таможен на весьма крупную сумму (Ор. кн. 4, стр. 202—209). Когда в июле 1910 года на южных дорогах Персии возникли беспорядки и англичане решили прибегнуть к сформированию особой военной силы в Бушире, Бендер-Аббасе, Кермане и Исфагани, нашему правительству пришлось напомнить лондонскому кабинету, что Исфагань находится в нашей сфере (Ор. кн. 5, стр. 42, 47 и послед.). При возникновении вопроса о займе персидского правительства либо у англо-персидской

нефтяной компании, либо у Зелигмана [1]), при непосредственном участии в этой сделке английского правительства, лондонскому кабинету с трудом удалось дать нам возможность предварительно добиться от Персии унификации наших долгов (Ор. кн. 5, стр. 62, 63, 80, 99, 118, 124, 168, 174, 177, 185). Возобновление в 1911 г. персидским правительством контракта о поставке серебра английским банком явилось новым подтверждением неприязненного отношения последнего.

Случаи поддержки Англией нашей политики.

Наряду с фактами, указывающими на разномыслие между нами и англичанами по персидским делам, можно отметить вопросы, по которым Англия сочла уместным согласовать свои действия с нашими взглядами. В этом отношении заслуживает внимания инцидент великобританского военного агента майора Стокса. Последний был приглашен в 1911 г. главным казначеем американцем Морганом-Шустером в качестве руководителя жандармерии, которую Шустер намеревался создать для содействия казначейству. Поступление Стокса на службу персидского правительства должно было распространить его деятельность на нашу сферу влияния, что противоречило соглашению 1907 года. Поэтому наше правительство воспротивилось означенному предположению и выразило надежду, что лондонский кабинет со своей стороны окажет давление на Стокса в смысле непринятия им предложения Шустера.

Лондонский кабинет пытался отговариваться тем, что Стокс, подавший в отставку, свободен заключить любой контракт. Временно управляющий министерством иностранных дел д. с. с. Нератов в телеграмме на имя нашего посла в Лондоне от 20 августа 1911 года высказался в том смысле, что «допущение Стокса поколебало бы веру в незыблемость англо-русского соглашения не только в России и Персии, но и во всем мире, и это могло бы иметь весьма нежелательные последствия». Д. с. с. Нератов прибавлял, что «если бы тем не менее поступление Стокса состоялось, то я, ввиду серьезности вопроса, должен был бы, предварительно какого-либо решения, представить дело на рассмотрение Совета министров». Как известно, лондонский кабинет принял во внимание наше настояние, и шахскому правительству было предложено заменить Стокса офицером второстепенной державы (Ор. кн. 7, стр, 4, 23, 25, 40, 75, 87, 96—100 и след.).

Реальную поддержку лондонский кабинет оказал нам в вопросе об увольнении Моргана-Шустера, когда, по поводу инцидента с имениями принца Шоа-ус-Салтане, подтвердилось мнение о нем, высказанное д. с. с. Нератовым в телеграмме на имя д. с. с. Поклевского от 31 августа 1911 года, что «Шустер, очевидно, намерен сосредоточить в своих руках финансы, наиболее крупную, организованную на военный лад силу и, следовательно, решающий перевес во всех внутренних делах. В сущности, это — диктатура, и санкционировать это положение мы никогда не согласимся». Поддержка Англии и в этом вопросе не явилась без настояний с нашей стороны. Как следует из телеграммы д. с. с. Нератова на имя нашего посла в Лондоне от 5 ноября того же года, сэр Э. Грей поручил сэру Д. Бьюкенену «сказать председателю Совета министров, что он чрезвычайно дорожит сохранением наших

[1]) Английский банкирский дом братьев Зелигман (в Лондоне).

добрых отношений и что за все время трений на почве персидских дел он напрягал все усилия, чтобы поддерживать нашу точку зрения не только в Персии, но и у себя дома». Отметив, что нет ни одного мирового вопроса, в котором Россия и Англия не шли бы рука об руку, г. Грей сказал, что «ему было бы особенно обидно, если бы из-за персидского вопроса между обеими державами возникли недоразумения. Чуткость английского общественного мнения к этому последнему вопросу чрезвычайно велика, и английское правительство не может не считаться с этим». Д. с. с. Нератов в своем ответе «счел долгом отметить в самых дружественных выражениях, что мы продолжаем особенно ценить наши отношения с Англией, что подтвердил и председатель Совета министров. Вопрос о возможных мерах к получению удовлетворения подвергался с нашей стороны тщательному обсуждению, после чего войскам отдано было приказание двинуться на Казвин. Мы сожалеем, что наше решение может встретить несочувствие в английском общественном мнении, но думаем, что при подобных же обстоятельствах последнее не осудило бы свое правительство за аналогичные меры. Наше же общественное мнение уже давно высказывает удивление долготерпению русского правительства и требует от нас энергичных действий». В результате, как отмечалось, английское правительство в вопросе об удалении Шустера сочло предпочтительным оказать нам свою неоценимую поддержку (Ор. кн. 7, стр. 203, 208, 240, 270 и след.).

Не останавливаясь на других несогласиях, обозначавшихся между нами и англичанами, можно отметить противодействие, оказанное нам весной и летом 1913 года великобританской миссией, не желавшей, чтобы мы при помощи казачьей бригады взяли в свои руки захват принца Салар-эд-Доуле. Английской миссии хотелось, чтобы решающую роль сыграло независимо от нас персидское правительство с помощью жандармерии, руководимой шведскими офицерами, дабы участь мятежного принца решилась при непосредственном воздействии англичан (депеша поверенного в делах колл. сов. Саблина от 7 ноября 1913 г. № 64). По этому поводу наглядно обрисовалось мало дружественное отношение сэра В. Тоунлея к казачьей бригаде, коей он постоянно пытался противопоставить жандармерию, руководимую шведскими инструкторами. На образование последней нам пришлось согласиться еще в 1911 году в связи с инцидентом Стокса, так как мы считали приглашение инструкторов второстепенной державы наименее невыгодным для нас выходом из затруднения.

Деятельность англичан на Юге и их отрицательное отношение к нашим действиям на Севере.

В донесениях колл. сов. Саблина за 1913 год дана характеристика взглядов сэра В. Тоунлея на положение и затронуты те причины, кои привели в истекшем году к разногласиям между двумя миссиями. Весьма характерным является разговор нашего поверенного в делах с великобританским посланником, упомянутый в депеше от 30 сентября 1913 года, за № 57. Говоря об английских резидентах в Ширазе и Бушире, Тоунлей между прочим заметил, что они «фактически управляют округами, порученными их наблюдению. Ни губернатор, ни представители казначейства, ни жандармы не могут ступить шага без одобрения наших консулов или предварительно не посоветовавшись с

ними». Когда вслед за сим Тоунлей указал Саблину на вмешательство русских консулов на Севере, наш поверенный в делах заметил, что «наши консулы, если им и приходится иногда в интересах столь же самой Персии, сколь и своего отечества, вмешиваться во внутренние дела провинций, порученных их наблюдению, то это их вмешательство происходит в отмежеванной нам соглашением 1907 года сфере влияния, тогда как Шираз и Бушир лежат в так называемой нейтральной зоне». Далее, Тоунлей по вопросу о нашей политике в Азербайджане высказал Саблину следующее: «Азербайджан чрезвычайно руссифицируется, в то время как добрая половина его территории переходит, в виде ли собственности или долгосрочной аренды, в русские руки, поэтому остается лишь послать чиновника кавказского наместничества, и дело сделано». На замечание нашего поверенного в делах, что, насколько ему известно, это не входит в планы русского правительства, Тоунлей ответил, что «бывают случаи, когда действительность опережает самые лучшие намерения».

В своих донесениях колл. сов. Саблин отметил недружелюбие английской миссии и в делах финансовых, имеющих чрезвычайно важное значение в Персии ввиду хронического безденежья шахской казны и зависимости ее от двух банков. Здесь заслуживает внимания вопрос о предоставлении нашему банку наравне с Шахиншахским права на поставку серебра. Монополизировав это право без каких-либо законных оснований, Шахиншахский банк уклонялся от всяких попыток компромисса, опираясь на негласную поддержку английской миссии, действовавшей солидарно с персами. Наше финансовое ведомство в переговорах, возникших по сему поводу, настаивало на участии в деле, выражая надежду, что великобританское правительство отступит от занятой позиции. Все эти попытки однако не привели ни к чему. Для выяснения дальнейшей нашей программы по финансовым вопросам было собрано под председательством графа Коковцова междуведомственное совещание, которое на заседании 2 декабря 1913 года приняло «к сведению заявление министра иностранных дел, что устранение встреченных банком затруднений будет рекомендовано особливому вниманию и неустанным заботам вновь назначенного в Персию посланника, для которого это дело и явится первой задачей предстоящей его деятельности».

К вопросу о положении нашего банка в связи с общими соображениями о персидских финансах я вернусь несколько ниже.

Отсутствие равноправия.

Таково было отношение к русским начинаниям со стороны английской миссии к концу пребывания в Тегеране колл. сов. Саблина. Приведенные примеры, начиная с подписания соглашения 1907 года, подтверждают высказанное мнение о фиктивности англо-русского равноправия. Беглый обзор наших взаимных отношений за истекший год послужит наглядным показателем, до какой степени взаимодействие, на которое мы имели бы право рассчитывать, вылилось со стороны английской миссии в противодействие, не прекратившееся даже после возникновения войны, невзирая на общность наших интересов по таким, например, вопросам, как оборона Азербайджана против турок и сформирование дружественного нам кабинета.

Исфагань.

Несмотря на то, что Исфагань входит в нашу сферу, англичане не могут помириться с этим фактом и всячески стараются препятствовать утверждению там нашего влияния. Английское противодействие особенно усилилось после заключения нашим банком с семьей Зилли-Солтане сделки о передаче управления его имениями русско-подданному фон-Каверу. Тоунлей не мог простить нам этой сделки, считая ее почему-то враждебным и вероломным актом. В беседах со мной он неоднократно говорил, что хотя Исфагань входит в нашу сферу, но английские интересы там столь значительны, что соперничество и соревнование с Россией неизбежны, и что в предупреждение недоразумений необходимо выработать какой-нибудь приемлемый для обеих сторон modus vivendi. Поэтому, когда после минувшего года мной сделана была, в весьма впрочем осторожной форме, попытка касательно получения концессии на устройство оросительной системы в исфаганском округе посредством соединения вод Каруна и Зейендеруда, эти переговоры встретили противодействие английской миссии (депеши от 1 мая и 10 июня 1914 г. №№ 28 и 43). Несмотря на обещание держать себя нейтрально, Тоунлей, насколько мне известно, стал убеждать персов не входить с нами в соглашение, предупреждая, что таковое будет сочтено недружелюбным по отношению к Англии актом. В частной беседе он дал мне понять, что наше выступление будет истолковано в Лондоне стремлением еще более усилить русское влияние в ущерб английскому. Вопрос этот так и остался неразрешенным, несмотря на наше согласие привлечь к участию в предприятии английских капиталистов и инженеров, лишь бы избежать по этому поводу недоразумений.

Взимание малиата[1]).

Самое резкое противодействие нашим мероприятиям в Северной Персии мы встретили со стороны английской миссии в вопросе о малиате, на котором я остановлюсь несколько подробнее. Вышеупомянутое междуведомственное совещание, как известно, признало необходимым урегулировать наши финансовые отношения с Персией, в частности по залоговым обязательствам персов к нашему банку, по вопросу о поставке серебра и о согласии главного казначейства на внесение в учреждения нашего банка малиата и других сборов Северной Персии. К сожалению, попытки войти в соглашение с главным казначейством для урегулирования этих вопросов не дали положительных результатов. Связанный материальными интересами с Шахиншахским банком, г. Морнар[2]) отвечал уклончиво на все мои предложения, ссылаясь на отсутствие полномочий и несочувствие персидского правительства. Дабы побудить главного казначея к большей сговорчивости, миссия в марте 1914 года предложила нашим консулам в русской сфере приступить самим к взиманию малиата с русско-подданных и протеже и вносить его в отделения нашего банка для перевода в Тегеран и передачи персидскому казначейству. Эта мера была, впрочем, принята на основании просьбы самого Морнара об изыскании способа привлечения к платежу малиата русских подданных и главным образом протеже, то

[1]) Малиат — сельско-хозяйственный налог.
[2]) Морнар (бельгиец) — главный казначей Персии.

есть наиболее состоятельных персов, искавших русского покровительства часто ради уклонения от уплаты налогов. Исполнением его просьбы, но в таком виде, который дал бы ему почувствовать неудобство занятой им враждебной нам позиции, имелось в виду побудить его пойти с нами на компромисс.

Эта побудительная мера вызвала письменный протест персидского правительства, истолковавшего поручение, данное консулам, как акт политического характера, наносящий удар деятельности казначейства и нарушающий суверенные права Персии, а потому и соглашение 1907 года. Вопрос этот в крайне тенденциозном и неблагоприятном нам освещении тегеранского корреспондента газеты «Таймс» г. Кеппеля (племянник английской посланницы, получавший свои указания непосредственно от нее) проник в английскую печать и послужил даже предметом запроса в палате общин. В Тегеране сбор налогов на Севере дал повод к довольно сильной агитации враждебных нам персидских элементов, в коей приняли деятельное участие кроме главного казначея и бельгийского посланника, естественно стремившихся отстоять права бельгийской финансовой администрации, также наши политические противники, среди коих оказалась и великобританская миссия (депеши от 28 мая, 5 июня, 12 июня и 2 сентября 1914 года №№ 33, 37, 39, 58).

Наши пререкания с персами и английской миссией из-за Шоджа-эд-Доуле.

Наряду с вопросом о малиате втечении нескольких месяцев обсуждался вопрос о тавризском генерал-губернаторе Шоджа-эд-Доуле, вызвавший резкие пререкания с персами и щекотливые объяснения с английским посланником. Здесь не место говорить о заслугах названного персидского администратора и причинах, побуждавших нас, главным образом кавказские власти, удерживать его в Тавризе. Замечу лишь, что отстаивание Шоджи перед шахским правительством представлялось задачей нелегкой ввиду сильной оппозиции против него персов, точку зрения коих поддерживал сэр В. Тоунлей. Шоджа обвинялся не столько в противодействии конституционному режиму и центральному правительству, сколько в тесных сношениях с нашим генеральным консульством и в потворстве русским. Деятельность Шоджи, не всегда тактичная и осторожная, ставилась в связь со сменой некоторых провинциальных администраторов, якобы неугодных России, в присылке в Тавриз русских почтовых чиновников, в организации городского самоуправления и полиции под нашим руководством и в других нарушениях верховных прав Персии. При этом великобританская миссия не только ничего не делала в смысле более правильного освещения фактов, но, как мне передавали, старалась обострить положение, рисуя нашу деятельность, как мирный захват Азербайджана и руссификацию этой провинции.

Русское землевладение и отношение к вопросу великобританской миссии.

По вопросу о русском землевладении в Персии великобританский посланник постоянно упрекал нас за произвольное толкование статьи 5-й Туркманчайского договора в смысле права русско-подданных вла-

деть и арендовать земли и недвижимости в Персии, а также за предупреждение шахского правительства, что мы считаем все такие земли находящимися в законном владении русско-подданных. По мнению представителей Великобритании, такое толкование договора незаконно, ибо, прежде всего, противоречит общепринятому и нами же признанному смыслу этого акта. В доказательство того, что мы сами до последнего времени не признавали за русскими права земельной собственности в Персии, Тоунлей сослался на моего предместника д. с. с. Поклевского-Козелл, заявлявшего, что наше правительство намерено поднять вопрос об изменении Туркманчайского договора и признании за нами этого права в связи с выдачей Персии денежного аванса. Наконец, наше толкование договора, по мнению Тоунлея, грозит экономическим поглощением Россией многих земель на Севере и может дать ей господствующее положение в этой части Персии, нарушая таким образом англо-русское равновесие и ставя русских в привилегированное положение сравнительно с англичанами, т. к. как последние земельной собственности в Персии не приобретают. Англичане, действительно, не считали нужным, по чисто практическим соображениям, обзаводиться в Персии частной земельной собственностью. Однако, как дальше будет указано, подобная политика нисколько не являлась следствием уважения договоров или заботливости о взглядах персов, ибо в июне 1914 года великобританское правительство, приобрев концессию Дарси, сделалось полным распорядителем южной и отчасти нейтральной частей Персии (депеши от 5 и 19 июня 1914 года, №№ 37 и 40).

Персидский меморандум (июнь 1914 года).

Таким образом великобританская миссия почти всегда шла нам наперекор в наших делах и, становясь на персидскую точку зрения, оказывала нежелательное влияние на шахское правительство, и без того несговорчивое. Поэтому нам пришлось снова считаться с неудовольствием англичан, когда персидское правительство надоумилось, якобы ввиду приближения коронации молодого шаха, выступить с обличительным представлением в виде памятной записки, переданной мне в июне месяце и мотивированной желанием устранить к началу царствования шаха существующие между нами и персами затруднения. В записке этой перечислялись главные пункты, по которым, как сказано выше, персидское правительство нашло поддержку в лице английского представителя, а именно: взимание малиата, якобы внесшее расстройство в финансы страны, русское землевладение, являющееся незаконным и потому подлежащее отмене, смещение Шоджа-эд-Доуле и посылка в Тавриз велиагда, эвакуация русскими войсками Северной Персии, прекращение с нашей стороны противодействия повсеместному введению жандармерии. Копия записки была представлена английскому посланнику с просьбой оказать содействие к побуждению России принять персидские дезидерата.

Еще за несколько дней до вручения этой записки Тоунлей говорил, что лондонский кабинет присоединяется к протестам персов, и, в свою очередь, выступил с самостоятельным представлением против нашей деятельности в Азербайджане. В подтверждение своих слов Тоунлей доверительно сообщил мне содержание разговора, происходившего в начале июня между начальником средневосточного отдела великобри-

танского министерства иностранных дел г. Кроу и нашим поверенным в делах в Лондоне г. фон-Эттером. Г. Кроу, между прочим, указывал, что «Азербайджан является ныне русской провинцией, управляемой русскими властями, и генерал-губернатор, отказывающийся признать авторитет персидского правительства по каким-либо делам, поступает таким образом с полного одобрения русских властей». Далее г. Кроу утверждал, что налоги взимаются русскими консулами и вносятся в наш банк, причем нами никогда не представляется никакого отчета. (Это утверждение было ложное: налоги, действительно, нами взимались, но не со всех персов, а лишь с русско-подданных, и не удерживались нами, а передавались персидскому правительству.) Далее г. Кроу указывал, что разными приемами целые селения переходят в руки русских переселенцев, что казачья бригада является русской силой, так как она признает лишь свое подчинение русскому военному ведомству, наш же банк своей деятельностью стремится «подкупить тех, которые еще остались верными своему правительству». Г. Кроу привлек внимание нашего поверенного в делах на то, что политика России клонится к упразднению суверенитета Персии, каковой гарантирован Англией. Поэтому положение дел в Персии представляется весьма серьезным и должно рассматриваться с точки зрения англо-русских отношений вообще, к поддержанию коих стремится лондонский кабинет.

Тоунлей сообщил мне также текст доверительного письма сэра Э. Грея к сэру Д. Бьюкенену от 10 июля, с приложенным к нему меморандумом, переданным нашему послу в Лондоне. Эти документы детально анализировали нашу политику в Персии и повторяли в общем доводы, высказанные г. Кроу в доказательство нарушения нами суверенных прав Персии и англо-русского соглашения и оттеняли желательность, чтобы политика России в Персии считалась прежде всего с общими англо-русскими отношениями и с положением в Европе.

Когда был получен ответ императорского правительства на персидскую записку, Тоунлей хотя и согласился с основательностью некоторых наших возражений, но повторил, что обязан в силу полученных инструкций предостеречь нас против действий, идущих вразрез с соглашением и нарушающих персидский суверенитет. Выражая надежду, что нам удастся договориться с персидским правительством на приемлемых для обеих сторон основаниях, он предложил свое содействие к изысканию компромисса (донесения за №№ 40 и 41).

По странному совпадению, как раз в то время, когда англичане в лице миссии осуждали нас за нашу политику в русской сфере, сами они сочли своевременным нарушить персидский суверенитет довольно серьезным образом. Великобританское правительство взяло в свои руки концессию англо-персидской нефтяной компании, полученную в 1901 году английским предпринимателем Дарси, и с этой целью в июне 1914 года внесло в палату общин предложение, вотированное последней, о приобретении за 20 000 000 рублей акций этой компании, дабы сделаться распорядителем всего дела в интересах британского адмиралтейства. Концессия Дарси хотя была до тех пор использована на юге и на западе Персии, однако распространялась и на нейтральную зону и отчасти на нашу сферу. Изыскания велись на всей площади концессии, и месторождения нефти были открыты главным образом

в нейтральной зоне у Шираза, Ахваза, Мохаммеры, Шустера, а также у Касри-Ширина и у Керманшаха. Хотя концессия Дарси была заключена до англо-русского соглашения, по коему все концессии сохраняют свою силу, но все же поглощение ее великобританским правительством нельзя признать действием безразличным, что, впрочем, было отмечено русским общественным мнением и печатью. Тоунлей, при всем желании умалить значение этой сделки, выразил некоторое смущение, главным образом по поводу дружного выступления нашей печати, сознавшись, что столь энергичная критика английской политики с нашей стороны является для него совершенной неожиданностью. (депеша от 21 июля, № 41).

Первый кабинет Мустоуфи-уль-Мемалика.

Вслед за коронованием шаха, в июле 1914 года, произошла смена кабинета при сравнительном безучастии с нашей стороны, так как кабинет этот был рекомендован шаху регентом Наср-уль-Мульком перед отъездом его из Персии. Проводя кандидатуру Мустоуфи-уль-Мемалика и его сотрудников, хорошо известных по своим демократическим и антирусским тенденциям, Наср-уль-Мульк, повидимому, мало сообразовался со взглядами императорского правительства, а, может быть, даже хотел создать нам затруднения. Впрочем, возможно, что главной заботой бывшего регента было недопущение к власти своего давнего врага и политического соперника Саад-эд-Доуле. Насколько мне известно, английская миссия содействовала выбору этого кабинета, хотя я счел долгом предупредить сэра В. Тоунлея, что намеченные лица не пользуются нашим доверием и что это исключает мысль о нормальных сношениях и производительной работе. Я даже предложил моему коллеге прямо обратиться к шаху и, объяснив положение дел, представить совместный проект реформ и посоветовать призвать к власти людей более деловых и пользующихся доверием обеих миссий. Тоунлей отнесся к моему предложению несочувственно, объявив, что наше выступление будет иметь демонстративный характер и произведет неблагоприятное впечатление, ибо будет истолковано как желание вмешаться во внутренние дела и навязать нашу опеку. По поводу нашего отрицательного отношения к Мустоуфи-уль-Мемалику Тоунлей заметил, что в Персии все министры одинаково руководствуются корыстными побуждениями и личными расчетами. Лица, против коих мы восстаем, Мустоуфи-уль-Мемалик и Ала-ус-Солтане,—единственные сановники, пользующиеся незапятнанной репутацией, и он, Тоунлей, не понимает, почему мы против них. Из дальнейшего выяснилось отрицательное отношение английского посланника ко всем нашим кандидатам — Саад-эд-Доуле, Сепехдару и Восуг-эд-Доуле, совершенно якобы неподходящим, ввиду их руссофильства и непопулярности. Не могу при этом не вспомнить сделанного мне английским товарищем признания по поводу моего сетования об отсутствии дружественной поддержки со стороны английской миссии. Тоунлей сознался, что после передачи управления землями Зилли-Солтане фон-Каверу, вызвавшей раздражение в Лондоне, им получено было предписание действовать более решительно в Исфагани и в нейтральной зоне.

Образ действия великобританской миссии после начала войны.

Когда началась европейская война, казалось, что союзнические действия с англичанами должны были отразиться и на отношении великобританской миссии к вопросам, связанным с общей политикой держав, в данном случае к вопросу о нейтралитете Персии. Сначала Тоунлей проявлял как будто бы склонность действовать солидарно с нами и отказаться от прежней системы возбуждения персов, однако это взаимодействие продолжалось недолго. В сентябре месяце персидское правительство обратилось в нашу миссию с нотой, в коей говорилось, что Персия желает избежать пагубных последствий причастия к мировой войне путем объявления своего нейтралитета, а потому оно просит Россию отозвать свои войска из Персии, при каковом условии, в случае возникновения войны между Россией и Турцией, последняя гарантирует соблюдение персидского нейтралитета. Было ясно, что увод наших войск нисколько не обеспечит Персию от непрошенных гостей—турок, которые, конечно, воспользовались бы нашим уходом, чтобы занять Азербайджан. Из полученных английским посланником телеграмм сэра Э. Грея он мог убедиться, что в Лондоне не сочувствуют уводу русских войск и вообще не доверяют обещаниям Порты в этом вопросе (депеши от 25 сентября и 9 октября за №№ 61 и 63).

Точка зрения Тоунлея на вопрос о нашей эвакуации заключалась в необходимости заручиться благожелательностью шахского правительства, дабы помешать ему перейти на сторону турок, что могло отразиться на лойяльности мусульман Индии и Афганистана, среди коих начиналась агитация в пользу священной войны. Я допускаю, что подобные опасения тогда имелись, но думаю, что, добиваясь соглашения с Персией, он имел в виду не столько предупредить мусульманское движение, сколько связать нашу свободу действий и лишить нас права на предъявление впоследствии Персии серьезных требований. Ссылаясь на указанные соображения, Тоунлей советовал мне уступить также в вопросе взимания малиата и в делах банка. Я заметил ему, что поддержка его действует на персов возбуждающим образом, вызывая их несговорчивость. Впрочем, как я докладывал, Тоунлей в данном случае выражал свое сочувствие персидским пожеланиям открыто, поддерживая свою точку зрения в моем присутствии и порицая наше отношение к этим вопросам. Антирусская политика Тоунлея обратила на себя внимание даже французского посланника, назвавшего в разговоре со мной его образ действий вредным и непатриотичным с точки зрения общих интересов союзников в Персии. Впоследствии г. Леконт неоднократно возвращался к этому вопросу, указывая на необходимость что-либо предпринять, дабы парализовать деятельность английского посланника, который по его определению вернул англо-русские отношения к положению, существовавшему до 1907 года.

Персидский нейтралитет во время войны с Турцией.

Вскоре после начала войны с Турцией персидское правительство возобновило свою просьбу о выводе наших войск из Азербайджана, якобы под давлением турецкого посла, требовавшего соблюдения Персией нейтралитета как условия уважения его Турцией.

Английский посланник скорее склонялся в пользу удовлетворения персидского требования, особенно по отношению к Хоросану, что будто бы должно было произвести весьма благоприятное впечатление на общественное мнение (депеша от 31 ноября за № 71). Немного позднее, когда у нас принято было решение арестовать германского, австрийского и турецкого агентов в Азербайджане, Тоунлей осуждал эту меру и, я уверен, влиял в этом смысле на персов. Уместно будет также отметить, кто, когда в связи с принятыми с нашей стороны мерами самообороны на персидском фронте нами выражалось пожелание пресечь вредную деятельность в Исфагани агитатора Пюжена, объявившего себя германским и турецким консулом, Тоунлей энергично восставал против этого под предлогом нарушения персидского нейтралитета и опасения мусульманского движения. Я несколько раз возвращался к вопросу о пресечении агитации Пюжена и необходимости его либо обезвредить, либо предостеречь персов против дальнейшей пропаганды. Тоунлей каждый раз однако уклонялся от совместных действий и убеждал не принимать решительных мер. Невольно является мысль, что терпимость английского представителя относительно Пюжена объясняется тем, что агитация этого германского агента направлена была в то время главным образом против русских интересов наших протеже и русских подданных арендаторов имений Зилли-Солтане. Сын последнего Акбер-Мирза прямо говорил, что англичане поощряют Пюжена, чтобы чрез него подорвать русское влияние в Исфагани. Я не могу сделать подобного утверждения, не имея для сего бесспорных доказательств, но, сопоставляя факты, должен признать, что тактика моего английского товарища казалась мне довольно странной. Преступное попустительство Тоунлея, в связи с безнаказанностью германских агитаторов, несомненно, способствовало усилению антирусского движения, приведшего к недавнему печальному событию— убийству одного из энергичных наших деятелей в Персии, фон-Кавера.

Отношение английской миссии к событиям в Азербайджане.

Когда в ноябре прошлого года началось общее наступление турок на Кавказ и нам предстояло с ничтожными силами задержать их движение через Азербайджан, наше кавказское начальство прибегло к содействию Шоджа-эд-Доуле, который стремился, к тому же, защищать свои поместья от курдов. На миссию в Тегеране была возложена задача истолковать персидским министрам неуместность противодействия Шоджа-эд-Доуле, задача коего заключалась в создании оплота против турецкого нашествия и на Тавриз. При этом, само собой разумеется, о наших видах был поставлен в известность великобританский посланник, которому было указано на действительный мотив обращения к содействию Шоджа-эд-Доуле. Тоунлей высказался однако в том смысле, что никогда не разделял нашего взгляда на Шоджа-эд-Доуле и что ему трудно выступить на защиту лица, деятельность коего подрывает авторитет центрального правительства и возбуждает против себя общественное мнение (депеши от 11 и 18 декабря 1914 г. №№ 76 и 80).

В дальнейшем, после неудачи, постигшей отряд Шоджа-эд-Доуле под Миандуабом и после движения турок на Тавриз, персидское пра-

ительство продолжало свои настояния на выводе наших войск из Азербайджана и других мест Северной Персии, предъявив ноту в этом смысле. Что касается эвакуированного нами Тавриза, то персы, в видах обеспечения порядка и дабы подчеркнуть в глазах воюющих неразрывную связь Азербайджана с Тегераном, решили снарядить туда велиагда, так как турки выражали готовность отозвать свои войска после водворения там персидского наследника. На такой постановке вопроса настаивал и великобританский посланник, утверждавший, что, рекомендуя эту меру, действует в общих интересах. Думается однако, что он не прочь был использовать данную конъюнктуру для удаления нас из Северной Персии и при этом выступить еще раз защитником ее от русского правительства. Во всяком случае наше быстрое возвращение в Тавриз и очищение его от общего врага было встречено английской миссией довольно холодно (депеши от 24 декабря 1914 г. № 81 и от 1 января 1915 г. № 1).

Шахское правительство хорошо знало, какого мнения мы всегда придерживались относительно посылки велиагда в Тавриз. На эту командировку персами возлагались большие надежды в уверенности, что обаяние имени брата шаха произведет сильное впечатление и будет способствовать сохранению верности населением Азербайджана. В Тегеране открыто говорили, что велиагду или, вернее, сопровождавшим его чиновникам, поручено вести энергичную борьбу с русскими в Азербайджане. И действительно, с самого дня приезда велиагда в Тавриз в начале марта начались недоразумения и пререкания между его чиновниками и нашими властями. В числе войск, посланных с велиагдом, оказалось, между прочим, 200 жандармов. Персы, повидимому, рассчитывали таким путем провести жандармерию на Север и обойти поставленное нами условие о недопущении этой воинской части в нашу сферу. Мера эта принята была не без ведома английского посланника, всегда отрицательно относившегося к нашим требованиям о недопущении жандармерии на Север (депеша от 2 января 1915 г. № 2).

Второй кабинет Мустоуфи-уль-Мемалика.

Симпатии великобританского посланника к руководителю кабинета Мустоуфи-уль-Мемалику охладели в октябре минувшего года вследствие нежелания последнего пойти навстречу предложению Тоунлея об уступке Англии за известное денежное вознаграждение островов Персидского залива, необходимых ей для стратегических целей. Тем не менее, за отсутствием других кандидатов, Тоунлей не переставал поддерживать Мустоуфи-уль-Мемалика, считая важным не раздражать общественное мнение подчеркиванием нашего влияния на внутренние дела страны и указывая на мусульманскую опасность в Индии и в Афганистане, которая в руках англичан служила с самого начала войны главным аргументом в пользу политики невмешательства со стороны России в персидские дела, даже когда никакой серьезной мусульманской опасности не существовало (депеши от 23 октября 1914 г. №№ 65 и 66). В дальнейшем, и по мере развития событий, английский посланник стал проявлять больше солидарности и готовности действовать совместно, причем отрицал приписываемое ему уклонение от сотрудничества. Впрочем, не находя в действиях кабинета

ничего враждебного и обвиняя его лишь в бездарности и слабости, он предлагал такие частичные перемены в составе кабинета, которые не обещали более желательного для нас настроения. Можно было бы опасаться, что сохранение во главе кабинета, хотя бы реформированного, Мустоуфи-уль-Мемалика вовлечет шахское правительство в турецко-германскую орбиту. С другой стороны, более активное выступление против кабинета вызвало бы неудовольствие или даже противодействие великобританской миссии, находившей, что нам следует избегать трений с персами, дабы предупредить их переход на сторону турок и возможное увлечение мусульманской идеей (депеши от 18 декабря 1914 г. и 8 января 1915 г. за №№ 80 и 2).

Таким образом кабинет в результате хотя и подвергся частичному обновлению, но в полном противоречии с нашими взглядами и вопреки выраженному нами неодобрению предполагавшейся комбинации. Во главе остался Мустоуфи-уль-Мемалик, остались также Ала-ус-Салтане и в качестве директора канцелярии министерства иностранных дел его сын Муин-уль-Везере, наш непримиримый противник. В числе других министров, вошедших в кабинет, также не оказалось русских сторонников, что сейчас же отразилось на мероприятиях, направленных против нас, вроде требования об уводе наших войск, возвращения к вопросу о русском землевладении, требования о прекращении взимания малиата нашими консульствами и т. п.

Зная, что обновление кабинета на неприемлемых для нас условиях не встретит одобрения императорского правительства, Мустоуфи-уль-Мемалик предпочел действовать через великобританскую миссию, которая согласилась на включение в число министров принца Эйн-эд-Доуле как лица, якобы способного обеспечить спокойствие и удержать страну от присоединения к туркам. Как известно, наше предложение заявить шахскому правительству протест против намечавшегося состава кабинета не было принято в Лондоне, и Тоунлею поручено было ограничиться заявлением, чтобы персы не рассчитывали на реальную поддержку Англии в виде финансовой помощи, пока не дадут доказательств своего доброжелательства (депеша от 5 февраля 1915 г. за № 10).

Второй кабинет Мустоуфи-уль-Мемалика продержался несколько дней. По своему составу он был непрочен и не пользовался ничьей поддержкой, если не считать великобританской миссии. Но последняя уже не могла оказать ему помощи, ибо сама утратила значительную долю своего влияния. Убедившись в этом, Тоунлей перестал интересоваться событиями, и выбор нового кабинета Мушир-эд-Доуле произошел уже без его участия. К тому же обстоятельства начинали показывать, к каким неблагоприятным последствиям для самих англичан может привести систематическое возбуждение персов против России. Противодействие Тоунлея нашей политике в Персии должно было, по его мнению, оказаться тормозом лишь для нас, русских. Однако расчеты эти не оправдались, и руссофобство Тоунлея и потворство его персидским притязаниям стали отражаться и на английских интересах, подрывая его собственный престиж и возбуждая несговорчивость персов. Как бы то ни было, опасное движение, вызванное европейской войной и германо-турецкой пропагандой, получило серьезный характер, в значительной степени благодаря поддержанию великобри-

танской миссией персидского шовинизма, поощрению жандармерии, дружбе с демократами меджлиса, попустительству антирусской агитации, а главное благодаря подрыву нашего авторитета в глазах шахского правительства.

Времена меняются. Когда в минувшем марте Мушир-эд-Доуле протестовал против ареста англичанами германского консула в Бушире, а также против других действий англичан на Юге и просил об отозвании английских войск из Южной Персии, а русских из Казвина, Решта и Ардебиля, Тоунлей не только воспротивился уводу русских войск, но стал доказывать необходимость увеличения наших отрядов и даже посылки их в Тегеран (депеши от 12 и 19 марта с. г. №№ 20, 22).

Ненормальность настоящего положения и необходимость ныне же наметить основы будущей политики нашей в Персии.

Резюмируя сказанное, следует признать нынешнее наше положение в Персии безусловно ненормальным. Русские интересы в Персии слишком глубоко нарушены, чтобы можно было рассчитывать на восстановление нашего положения от успешного исхода войны. Победа России, конечно, отрезвит персов и заставит их перейти на нашу сторону, но этого недостаточно. Пока условия, приводящие к постепенному подтачиванию нашего влияния, не изменятся, русское дело будет подвергаться серьезной опасности, а кроме того и главным образом будут портиться наши отношения с Англией. Коль скоро современные условия доказали свою несостоятельность, представляется неотложным приступить к выработке иных основ для будущего времени. Основы эти должны удовлетворять тем требованиям и надеждам, которые мы в праве иметь относительно нашей дальнейшей политики в Персии, а именно упрочение англо-русских отношений путем устранения поводов к недоразумениям и сохранения наших интересов в Северной Персии. Ради устранения на будущее время нынешней малоустойчивой политики в Тегеране, компрометирующей нас как в глазах персов, так и англичан, следовало бы заменить нынешнее мнимое равноправие России и Англии новым положением, конкретизирующим наше положение в русской сфере влияния. Для этого задачей ближайшего будущего должно быть развитие и дополнение соглашения 1907 года, но не за счет нейтральной зоны, т. е. не в смысле ее упразднения, так как индийское правительство не хочет установления англо-русской границы, а в смысле более точного формулирования прав обеих держав. При этом необходимо выяснить как права России и Англии в нейтральной зоне, так в особенности наши собственные права в нашей сфере, дабы устранить обвинения во вмешательстве во внутренние дела Персии. Нейтральная зона как буфер между Россией и Англией была бы сохранена, а вместе с тем наша работа была бы поставлена на более практическую почву.

Включение Тегерана в нейтральную зону как крайняя уступка Англии взамен предоставления нам свободы действий на Севере.

Включение Тегерана с округом в нейтральную зону и выделение его из нашей сферы успокоило бы персидских националистов, индий-

ское правительство и английских либералов и явилось бы доказательством отсутствия у нас замыслов против независимости Персии. Этой мерой мы подтвердили бы в глазах Англии и самой Персии наличность у нас стремления поддержать самостоятельное существование персидского государства. Само собой разумеется, согласие на такое существенное изменение сфер влияния должно бы было считаться с нашей стороны весьма крупной уступкой взамен предоставления нам полной свободы действия на Севере. Во всяком случае, от успокоения умов в этом отношении нами могла бы быть извлечена значительная польза как в Персии, так и вне ее.

Ввиду ненормального состояния Персии говорить о полном невмешательстве во внутренние дела, как предлагал Тоунлей, не приходится. Однако вмешательству этому можно бы было придать с нашей стороны менее демонстративный характер, особенно когда дело касается вопросов центрального управления, например, участия в образовании кабинетов, борьбы с меджлисом, вербования сторонников для России, давления на партии и тому подобное. Правда, Тоунлей всегда отрицал вмешательство свое в дела центрального правительства, то есть, воздействие на выбор министров, созыв меджлиса, назначение провинциальных чиновников и прочее. Однако факты опровергают это утверждение, и у нас немало данных, доказывающих, что ни одно сколько-нибудь значительное событие или решение шахского правительства не происходило без участия, прямого или косвенного, английской миссии. Во всяком случае, последняя не стесняется оказывать давление на персидское правительство, хотя и осуждает этот способ, когда дело касается нашей сферы. Например, известно, что бахтиарские ханы систематически навязывались английской миссией в качестве губернаторов не только в английской, но и в нашей сфере, невзирая на несочувствие к ним правительства и общественного мнения. Ныне бахтиарские губернаторы имеются в Кермане, Иезде, Керманшахе и до последнего времени были в Исфагани.

Наше вмешательство в дела центрального управления, как оно практикуется ныне, редко достигает цели, что, между прочим, подтверждается в деле выбора персидских кабинетов. Все кабинеты, после подписания соглашения 1907 года, были англофильские или становились таковыми, а отдельные наши сторонники также скоро убеждались, что реальную поддержку они могут получить лишь при условии покровительства великобританской миссии. Перечень этих кабинетов наглядно указывает, что среди руководителей их не было ни одного лица, коему мы обязаны сколько-нибудь существенным благожелательством к нашим интересам: Наср-уль-Мульк — октябрь 1907 г., Низам-ус-Солтане — декабрь 1907 г., Сани-эд-Доуле — май 1908 г., Мушир-ус-Солтане — июнь 1908 г., Сепехдар — сентябрь 1909 г., Мустоуфи-уль-Мемалик — июль 1910 г., Сепехдар — февраль 1911 г., Самсам-ус-Солтане — декабрь 1912 г., Мустоуфи-уль-Мемалик — август 1914 г., Мушир-эд-Доуле — март 1915 г. Попытка провести в премьеры Саад-эд-Доуле, как известно, не удалась вследствие оппозиции меджлиса, и новый кабинет сформирован был принцем Эйн-эд-Доуле, который также считается сторонником англичан.

Необходимость упорядочения нашего покровительства персидским подданным.

В силу исторических и политических причин Россия приняла под свое покровительство довольно значительное число персидских подданных. Увеличивая наше влияние и престиж в стране, покровительствуемые нами персы служат однако причиной слабости, ибо связывают подчас нашу свободу действий, а главное дают повод к пререканиям с шахским правительством и способствуют поддержанию взаимного раздражения. Особенно бесполезны некоторые знатные протеже, принадлежащие к старому режиму и тяготеющие к нам лишь ради защиты, которую мы можем им оказать против их же правительства или же в деле отстаивания личных, не всегда законных выгод и притязаний. Англичане недовольны существованием русских протеже вообще и даже формулировали это неудовольствие в упомянутой выше памятной записке, представленной лондонским кабинетом в минувшем году.

Тоунлей при всяком удобном случае указывал на вред, причиняемый русским покровительством, которое якобы расшатывает авторитет шахского правительства, нарушает его суверенные права и вносит дезорганизацию в дела управления. Мне думается, что институт покровительства, как оно практикуется ныне, требует упорядочения в смысле большего разбора в выборе протеже и точного определения предоставляемых им прав, но я не вижу оснований отказываться от столь серьезного орудия политического воздействия в угоду англичанам, которые сами широко пользуются этой особенностью персидского государственного строя. В этом отношении мы могли бы взять с них пример, так как они освободились от бесполезных протеже и оказывают покровительство влиятельным и деятельным элементам, а также вождям кочевых племен вроде бахтиар или сенджаби, ханы которых находятся в постоянных сношениях с английской миссией. Преподанная в свое время императорской миссией инструкция постепенно сокращать число покровительствуемых лиц не достигает цели, ибо покровительство часто дается помимо миссии, например, генеральным консульством в Тегеране, агентом министерства торговли и другими нашими официальными и полуофициальными лицами.

Компромисс о казачьей бригаде в связи с вопросом о жандармерии.

В числе условий, при которых наше положение в Персии упростится, весьма важен вопрос о казачьей бригаде. До сих пор мы противопоставляли ее жандармерии и тем, без всякой для себя выгоды, раздражали персов и вызывали недоверие англичан. Бригаде следует предоставить и впредь традиционную роль шахского конвоя, к каковой деятельности она по своей организации более приспособлена, нежели к несению обязанностей охраны порядка на дорогах или же взыскания налогов и податей для казначейства, подобно жандармерии. Такова была бы ее роль в столице. Что касается непосредственной сферы нашего влияния, то в ней, как будет пояснено ниже, развитие бригады может получить для нас существенное значение. При этих условиях мы могли бы согласиться на дальнейшее существование созданной нами, хотя и во вред русским интересам, жандармерии, исключив ее из нашей сферы. Отъезд большинства шведских офицеров об-

легчил дело реорганизации этой части на более космополитических началах, с привлечением, наряду с отдельными шведскими инструкторами, офицеров других национальностей. Весьма подходящим в таком случае элементом могли бы быть славяне, например, сербы и черногорцы, обладающие высокими боевыми качествами, менее требовательные и тяготеющие к России.

Изменение политики Учетно-ссудного банка Персии.

Говоря о нашем банке, необходимо отметить, что политика потворства персидским притязаниям и аппетитам, практиковавшаяся последние десятилетия, и система подачек и авансов, применявшаяся как нашим, так и английским банком, совершенно развратили персов, которые не желают и не могут примириться с наступившей реакцией и необходимостью более деловых отношений. Неудивительно, что наши настояния на своевременном внесении срочных платежей, например, на содержание казачьей бригады, или на уплате долгов крупных должников вызывают со стороны персов негодование и жалобы. Особенно сильный протест вызвал арест нашим банком летом минувшего года довольно значительной суммы для удовлетворения недоимки бригады. Персы, по обыкновению, прибегли к заступничеству Тоунлея, который обратил мое внимание на нелегальность такой меры, предоставив корреспонденту «Таймса» в Тегеране дать ей более резкую оценку. Между тем не так давно тот же Тоунлей просил меня наложить запрещение на платежи, производимые через наш банк арендатором Астара-Ардебильской дороги персидскому правительству, в обеспечение долга последнего какому-то английскому обществу. Я исполнил просьбу Тоунлея, не входя в рассмотрение правильности и легальности его претензий. Что касается отношений между нашим и Шахиншахским банком, то приходится сожалеть об отсутствии со стороны последнего взаимодействия. Мне думается однако, что в видах установления в будущем большей согласованности при оказании финансовой помощи Персии англичане могли бы поступиться хотя частью своих монопольных прав в пользу нашего банка, который во избежание конкуренции перенес бы центр своей деятельности в Тавриз. Впрочем этого вопроса я еще коснусь ниже.

Невмешательство английских агентов в политику в нашей сфере и отграничение последней.

Ввиду вышесказанного представляется желательным при пересмотре англо-русского соглашения точно определить границы сферы, в которой англичане согласились бы не вмешиваться в наши дела. При определении границы нашей сферы мы, конечно, могли бы принять в расчет пожелания англичан касательно нейтральной зоны, лишь бы быть хозяевами у себя. Нам нет надобности в вопросах о консульских представителях Великобритании в нашей сфере проявлять ту ревнивую исключительность, какую показали англичане относительно Афганистана. Исходя из принципа действительного равноправия по персидским делам, было бы достаточно при пересмотре соглашения 1907 года, чтобы Англия предоставила нам свободу действий на Севере и чтобы представители ее получили предписание не чинить препятствий нашим начинаниям. Сэр В. Тоунлей не отрицал, что нет соответствия между

деятельностью англичан на Севере и полным невмешательством нашим на Юге. Он объяснил это географическими и историческими причинами и налагаемым на Англию соглашением 1907 года обязательством охранять независимость и целость Персии на всем ее пространстве. Север ближе к столице, и посему всем легче видеть, что там происходит. Север, кроме того, представляет больше значения и интереса, и в нем сосредоточены главные источники дохода. Юг же далек, отрезан пустынями, населен полунезависимыми кочевниками, беднее и вообще меньше интересует центральное правительство, которое плохо осведомлено о том, что там происходит. Как известно, в Южной Персии имеется не только сеть английских официальных представителей в виде консулов, банковских и телеграфных чиновников, но и негласных агентов, состоящих при некоторых ханах. Все эти лица ведут деятельную политику и уже, конечно, менее всего стесняются с персидским суверенитетом. Сведения о важнейших событиях в английской сфере доходят до нас лишь в общих чертах и, конечно, в английском освещении. Случилось это как-то само собой, по мере укоренения мнения, что наши интересы — на Севере и что потому роль наших агентов на Юге, каковых, впрочем, почти нет, должна ограничиваться наблюдением. Нужно ли говорить, что англичане столь же хорошо осведомлены и о происходящем на Севере, где их агенты не ограничиваются ролью наблюдателей.

Согласие англичан воздерживаться от вмешательства в наши дела на Севере было бы с их стороны равнозначущим лишению нас так называемой английской поддержки в Тегеране. Однако не надо упускать из виду, что, устранив главные поводы к нынешним трениям с персами, мы будем гораздо меньше нуждаться в такой, к тому же часто мнимой, поддержке. Выше было уже сказано, что английская миссия, иногда делая совместные представления с нами, часто давала чувствовать, что действует так по необходимости, ради политики, на самом же деле стоит на их стороне. Продолжение подобной совместной деятельности едва ли желательно, ибо, не принося нам пользы, увеличивает лишь за наш счет английский престиж в глазах персов.

Сократив поводы к бесполезным трениям с персидским правительством в Тегеране и к вредному соперничеству с Великобританией, мы с тем большей легкостью могли бы сосредоточить наше внимание на естественных и более доступных центрах влияния—в городах Азербайджана, Гиляна и Астрабадской провинции. С этой целью следовало бы усилить связь между этими областями и Россией, в частности с Тифлисом и Ташкентом, и установить непосредственную зависимость северных провинций Персии от кавказского наместничества и туркестанского генерал-губернаторства.

Самым действительным средством приблизить к нам северные провинции Персии и обособить их от влияния Тегерана было бы проведение в главнейшие центры железных дорог, которым следовало бы придать характер линий проникновения. Впрочем вопрос этот ввиду его общегосударственного и международного значения требует специальной разработки.

К сосредоточению нашей деятельности и влияния в Тавризе должна быть приноровлена реорганизация казачьей бригады. Как уже отмечалось, в самом Тегеране казачья бригада могла бы быть сохранена приблизительно в нынешнем ее виде, с теми поправками, при

наличии которых эта воинская часть перестала бы подвергаться обвинениям в недостаточной связи с шахским правительством. В самом деле, при обсуждении вопроса о реорганизации бригады, когда я доказывал, что она имеет такое же, если не большее, право на поддержку, как и жандармерия, персидские министры всегда возражали, что бригада не имеет в прошлом никаких заслуг, хотя стоила персидской казне довольно дорого. В последнее же время бригада, по их словам, скомпрометировала себя тем, что выступила активным образом против нового режима и меджлиса, а затем не сумела поддержать бывшего шаха и его сторонников. Таким образом персидское правительство при всем желании не может относиться с доверием к лойялизму и преданности бригады в настоящем ее виде и будет считать ее чуждым паразитом, могущим лишь угрожать персидской независимости.

Эффективное применение реорганизованной бригады или, вернее, провинциальных ее отделов надлежало бы сообразовать с нашими естественными задачами в русской сфере влияния, т. е. поддержанием порядка в Северной Персии взамен наших отрядов, которые могли бы быть отозваны ради морального впечатления этой меры. Центром таких провинциальных отделов бригады были бы опять-таки Тавриз, Решт и Астрабад, тем более, что подобный отдел в Тавризе уже существует с 1913 года. Как известно, наши пререкания с тегеранским правительством по поводу реорганизации бригады и недопущения жандармов на Север почти всегда ставились в связь с нахождением в Персии русских войск. На неоднократные домогательства персов отозвать наши отряды мы отвечали принципиальным согласием и даже начали в минувшем году постепенную эвакуацию, которая однако была прервана вспыхнувшей войной. Не подлежит сомнению, что персы при первом удобном случае вернутся к этому вопросу, и нам придется принять какое-нибудь решение в зависимости от того, как сложатся обстоятельства после войны. Если бы у нас было признано целесообразным, по соображениям стратегическим или ради взаимодействия с Англией, удовлетворить желание персов, то следовало бы, по крайней мере, оформить наше согласие на эвакуацию каким-нибудь письменным актом или соглашением, гарантирующим наше будущее положение в Азербайджане и других пунктах против выступлений враждебных элементов, служащим некоторым предостережением, а в случае нарушения дающим нам законный повод к вмешательству.

Приспособление нашего банка к новым условиям англо-русского взаимодействия и финансового контроля.

В случае перенесения главной деятельности нашего банка в Тавриз следовало бы выговорить в его пользу право выпуска банкнот для северных провинций, каковое право пока находится в монопольном пользовании английского банка. Конечно, необходимо было бы до этого постепенно ликвидировать нынешние запутанные дела банка в Тегеране и добиться погашения долговых к нему обязательств. Сделанные в этом отношении императорской миссией, на основании решений междуведомственного совещания 2 декабря 1913 года, попытки к упорядочению русско-персидских финансовых отношений не дали пока желательных результатов. Постепенное погашение частных дол-

говых обязательств нашему банку путем перевода таковых на персидскую казну приговорило бы миссию к долголетней роли как бы судебного пристава, причем постоянные воздействия на отдельных персов лишь тормозили бы нормальные переговоры по текущим делам. Поэтому, признавая вредным нынешний способ ликвидации, можно бы было последовать по данному вопросу примеру Англии, предлагающей Персии погасить большую часть англо-индийских займов путем уступки островов в Персидском заливе.

Можно действительно предвидеть, что заключение мира с Турцией повлечет за собой, независимо от вопроса о Царьграде и о проливах, исправление русско-турецкой границы и, быть может, присоединение Баязидского и Ванского вилайетов, каковое могло бы дать нам возможность возбудить вопрос об исправлении нашей границы с Персией путем уступки нам или аренды Макинского ханства и Мугани, причем с этим актом могла бы быть связана операция сложения частных долгов персидских подданных к нашему банку. Такая мера могла бы быть мотивирована, вдобавок, необходимостью обеспечить эти долги. Время ликвидации войны явилось бы лучшим моментом для осуществления этого предположения (депеша от 28 января 1915 года за № 7).

Если бы такая политическая комбинация была признана почему-либо неуместной, то следовало бы, во всяком случае, предпринять преобразование Учетного банка на более деловых коммерческих началах, например, путем слияния его с солидным частным банком. Для компенсирования невыгодных финансовых последствий такого преобразования пришлось бы добиться расширения нынешних концессионных прав нашего банка.

В связи с установлением более тесной зависимости от России северных персидских провинций и с обережением их от дальнейшего вмешательства иностранцев вообще необходимо будет внести некоторые поправки в положение бельгийской таможенной и финансовой администрации. Когда в начале прошлого года был поднят вопрос о желательности допущения на некоторые вакансии, наряду с бельгийцами, и русских служащих, например в Решт и в Энзели, великобританский посланник обещал переговорить по этому поводу с Морнаром. Результатом этих переговоров явилось систематическое противодействие со стороны персов нашему предположению. В будущем представлялось бы необходимым добиться согласия главного казначейства или, если компетенция последнего будет умалена, к чему, повидимому, стремится персидское правительство, то непосредственного его согласия на назначение к финансовым администраторам в нашей сфере русских помощников.

Вместе с тем англо-русское взаимодействие должно будет проявиться в Персии по вопросу о финансовом вспомоществовании персидскому правительству. Полное безденежье, в котором завязли персы и которое скоро нельзя будет прикрывать выражением «затяжного финансового кризиса», в непродолжительном будущем должно привести к необходимости серьезно заняться персидскими финансами. Контроль России и Англии над персидскими финансами нелегко провести при наличии меджлиса, члены коего увидят в этом покушение на самостоятельность Персии и который пытается в настоящее время вообще отстранить иностранцев от участия в делах управления. Так, меджлисом был отменен закон 1911 года о полномочиях главного казначея, и

в будущем возможно удаление всей бельгийской администрации. Так как ни один кабинет не решится итти наперекор воле меджлиса. по вопросу об иностранном контроле, то предварительно возбуждения этого вопроса придется изыскать способ парализовать противодействие меджлиса. Впрочем должен заметить, что меджлис в настоящем своем виде будет неизменным препятствием на пути разрешения не только наших дел, но вообще проведения каких бы то ни было прогрессивных реформ при участии русских и, может быть, англичан. Возможно, вместе с тем, что финансовая неурядица, развиваясь. дойдет до того, что принятие спешных мер станет неотложным и что миссиям придется взять в свои руки контроль над персидскими финансами, не считаясь ни с меджлисом, ни с правительством, или же провести такой кабинет, который решится возбудить вопрос о пересмотре выборного закона и придании меджлису совещательного характера.

При разработке вопросов о форме финансового контроля можно будет воспользоваться опытом греческой финансовой комиссии или, ради недопущения к участию незаинтересованных прямо французов, действовать применительно ко взглядам, высказанным в свое время А. П. Извольским в памятной записке на имя великобританского посла от 3 января 1909 года и в телеграмме его на имя д. с. с. Поклевского-Козелл от 3 января 1910 года (Ор. кн. 2, стр. 59; Ор. кн. 4, стр. 6), а также и соображений колл. сов. Саблина в телеграмме его от 16 апреля 1913 года за № 181.

Контрольная финансовая комиссия, согласно указанным предположениям, была бы организована при участии двух представителей персидского финансового ведомства или главного казначейства — одного европейца (бельгийца или француза) и одного перса, двух членов русской миссии и двух великобританской. Преимущества такого состава комиссии заключались бы в ее несложности, естественности, знакомстве ее членов с местными условиями и авторитете благодаря наличности представителей персидского правительства и связи с обеими миссиями. В качестве делегатов миссии могли бы, по их обоюдному желанию, состоять директора нашего и Шахиншахского банков. Финансовая комиссия контролировала бы расходование государственных средств и наблюдала бы за тем, чтобы эти средства расходовались на нужды страны; комиссия следила бы за порядком составления ежегодных смет по всем отраслям администрации, равно как за осуществлением этих смет в соответствии с бюджетом, который составлялся бы персидским финансовым ведомством с помощью контрольной комиссии; заведывала бы взносом платежей и процентов по заключенным Персией займам, наконец, помогала бы шахскому министерству финансов в урегулировании законов о малиате.

Таковы, в общих чертах, возможные основы будущего англо-русского кондоминимума в Персии. Основы эти, и особенно детали их, могут, конечно, быть изменены в зависимости от обстоятельств развития дальнейших событий.

Коростовец.

Солдатские письма в годы мировой войны

(1915 — 1917 гг.)

Солдатские письма являются ценнейшим историческим источником. Они самым наглядным образом иллюстрируют практическое осуществление на фронте большевистского лозунга о превращении войны империалистической в гражданскую.

По солдатским письмам можно не только восстановить картину положения и быта солдата царской армии, но и проследить процесс нарастания революционного недовольства среди многомиллионной массы фронта.

В первый период после мобилизации вооруженные массы рабочих и крестьян двинулись на фронт, находясь под влиянием шовинистической агитации и тяжелого армейского режима. Все расчеты строились на том, что противник будет сломлен быстро и что война кончится через три-четыре месяца. Но уже первые бои показали, что сломить противника нелегко и что царская армия обречена на тяжелые поражения и неудачи. Царская армия отставала от армии противника во всем, начиная от использования достижений науки и техники и кончая системой обучения и боевой подготовки каждого солдата. Солдаты уже в 1914 и 1915 годах были обречены на голодание, терпели нужду в самой необходимой одежде и обуви, а самое главное — на фронте ощущался острый недостаток снарядов и вооружения.

Против прекрасно подготовленного и вооруженного врага приходилось сражаться чуть ли не голыми руками. В период активных боевых действий фронт испытывал самый острый недостаток винтовок, патронов и снарядов. К августу 1915 г. на фронте было до 30% безоружных. На артиллерийскую канонаду противника русская артиллерия или вовсе не отвечала или отвечала редкими выстрелами. Утрата огромной территории, потери людьми и сложившееся на основе тяжелого опыта убеждение в превосходстве и преимуществах противника значительно надломили дух царской армии. К этому присоединялось еще недовольство армейским режимом, основанным на полном пренебрежении к личности солдата, низводившим его до положения одушевленного автомата.

Ненависть к командному составу — прямому и непосредственному олицетворению власти деспотического самодержавия — особенно яркое явление в царской армии периода мировой войны. Но самое существенное в смысле дальнейшего нарастания недовольства в царской армии состояло в том, что фронт имел за своей спиной бурлящий и неспокойный тыл. Рост дороговизны, усиленная эксплоатация, каторжный режим на предприятиях, уничтожение рабочих организаций и жесточайшие преследования за малейшее проявление недовольства — все это вызвало мощный отпор со стороны пролетариата. Ответом рабочего класса на усиление гнета и эксплоатации явились многочисленные стачки, объединившие тысячи пролетариев в солидарной борьбе против самодержавия и капиталистов. Активная антивоенная работа партии, проводившаяся под лозунгом превращения войны империалистической в гражданскую, и революционная борьба пролетариата против усиления гнета и эксплоатации оказали

огромное влияние на солдат фронта. Наряду с громкими сетованиями по поводу совершенно неудовлетворительного снабжения фронта винтовками, снарядами, питанием и одеждой и упадком настроения в связи с поражениями, самое характерное явление для фронта 1915 г. — это обостренное внимание к событиям в тылу и нащупывание первых форм борьбы против затянувшейся войны. Солдаты с исключительным интересом прислушиваются к тому, что происходит в тылу и прежде всего в Петрограде и Москве. Недовольство затянувшейся войной находит практический выход во все более растущем числе случаев сдачи в плен и в дезертирстве. Цензор Московского военного округа в своем обзоре от 12/IX 1915 г. писал: «Встречаются довольно часто указания на добровольную сдачу в плен большими партиями». «При мне в нашем полку более уже как 1 000 сдалось»... «У нас из одного полка ушло в плен 1 500 человек без боя; ушло и их начальство». О добровольной сдаче в плен говорит в своем дневнике и ген. Куропаткин. Но в 1915 г. выявилась еще одна новая форма подрыва войны — это братание с противником. Братание, или — по официальной терминологии — «сношения с противником», было зарегистрировано уже в октябре 1915 г. Более наглядно тяга к братанию выявилась в декабре того же года. Так, напр., 31 октября 1915 г. командование одной из армий юго-западного фронта сообщало начальству о том, что командиру VIII корпуса приказано принять строжайшие меры к прекращению сношений наших войск с противником. Это распоряжение было дано в ответ на сообщение о сношениях наших войск с австрийскими в районе Дубно [1]).

На рождество попытка братания была предпринята со стороны солдат 35 пех. Брянского полка. Можно смело сказать, что она не была единственной. Эти первые случаи братания были проявлением верного классового инстинкта, но им нехватало еще сознательности и политической оформленности, и они не были еще массовым явлением. 1916 год, к середине которого Ленин относил начало перелома в мировой войне, внес новые черты в настроение и поведение солдат русской армии.

Два явления наиболее характерны для 1916 года на фронте: массовые отказы от выполнения приказов о наступлении и массовое братание солдат с противником. Братание наиболее яркую вспышку дает в первой половине, отказы от наступления — более частое явление во второй половине 1916 г.

В июне 1916 г. на юго-западном фронте снова было предпринято наступление, которое вскоре было поддержано северным и западным фронтами. Это наступление привело к новым потерям и к новым поражениям. Только 35 дней победоносных боев Брусилова привели к потере убитыми, ранеными и попавшими в плен до полумиллиона человек; на западном фронте за 7 дней июля в районе севернее Барановичей потери составили 80 тысяч, на Северном фронте в боях под Ригой 3—9 июля было потеряно 15 тысяч. Массовость потерь, упорство и стойкость противника и развал в тылу окончательно подорвали веру солдат в скорое завершение войны посредством победы.

Предпринимавшиеся вплоть до октября попытки продолжать наступление ни к чему не привели. Понесший огромные потери и получивший пополнения за счет малообученных солдат фронт выдохся окончательно и в дальнейшем не был уже пригоден для быстрого развития наступательных действий. Поражениями 1916 г. фронту был нанесен последний и сокрушительный удар. Настроение солдат падает окончательно.

Цензоры в октябре 1916 г. заявляли, что по сравнению с предыдущим периодом настроение в армии значительно понизилось, что почти 50% писем проникнуто тяжелым, угнетенным настроением. Когда заходила речь о причинах такого

[1]) Центр. военно-исторический архив (ЦВИА), д. № 25—899, л. 139.

настроения цензоры заявляли, что главной из них является продолжительность войны (65% писем угнетенного характера).

В центре внимания солдата теперь исключительно события в тылу и новая тактика борьбы против войны. Очень красочно солдаты говорят о том, что от разговоров в Госуд. думе толку мало, зато в письмах усиленно интересуются, верны ли слухи о забастовках рабочих и «бабьих бунтах» (продовольственных беспорядках) и т. д. Цензоры сообщали в это время, что изменилась рубрика писем с «недозволенными сообщениями». Если раньше в эту рубрику попадали письма с сообщениями мест стоянок, сведений о передвижениях частей, потерь на фронте, то к ним прибавились теперь письма, содержание которых носило политическую окраску. Вот, примерно, как писали солдаты: «Мы уже третий год боремся — за что? За свободу, и она должна быть, а никак не крепостничество...» [1]).

То там, то тут мы встречаем заявления солдат о том, что война должна быть окончена, что после войны неизбежны смуты у нас и в других странах, что правительству не сдобровать, что враг не впереди, а за спиной, что пора беднякам порвать цепи, сковывающие их, что надвигаются великие события и т. д.

Конечно, политическим содержанием были насыщены письма не всей массы солдат. В политически насыщенных письмах звучал голос авангарда — прежде всего пролетарской и бедняцко-крестьянской прослойки солдатской массы. Но значительно поднялась активность и широкой вооруженной рабоче-крестьянской массы на фронте.

В письмах к родным солдаты-крестьяне писали: «Чинша не платите», «податей и сборов не платите». Официальная переписка того времени свидетельствует, что отказы от платежей были в деревне настолько частым явлением, что военный министр 25/V 1916 г. требовал от ставки, чтобы офицеры особо старательно разъясняли солдатам недопустимость таких советов родным.

Но, как мы сказали выше, самыми значительными и знаменательными для 1916 и 1917 гг., вплоть до Февральской революции, явлениями были братание и отказы солдат от выполнения приказов о наступлении. «У нас новости такие: солдаты не хотят итти наступать, потому что его нельзя никакими силами взять» [2]),—пишет один солдат в октябре 1916 г. Действительно, официальные данные подтверждают сообщения солдат об отказах от наступления и о выступлениях их с требованием окончить войну и улучшить их общее положение. Открытые выступления и отказы итти в бой на почве недостатка продовольствия и недовольства затянувшейся войной имели место и на северном, и на западном, и на румынском, и на южном фронтах.

В окопах находили «самодельные» листовки и плакаты против наступления, отдельные роты и батальоны организованно стали отказываться даже от выхода на позиции.

В частности, последний случай имел место в декабре 1916 г. в 17 Сибирском стрелковом полку 5 стрелковой дивизии и в Одоевском полку 56 дивизии 34 корпуса.

В тылу солдаты все чаще и чаще подчеркивают свою солидарность с революционными рабочими в тех случаях, когда правительство требовало от них только безоговорочного «исполнения долга» — разгона и разгрома стачечников и демонстрантов. В частности, в Москве такой факт был отмечен уже в сентябре 1915 г. В Петрограде же имел место другой, не менее показательный, случай: при столкновении стачечников, выступивших с протестом против войны и другими политическими требованиями, с полицией часть солдат 181 запасного полка (в том числе и учебная команда) открыто присоединилась к рабочим. Эти первые солдатские выступления

[1]) ЦВИА, д. № 222—554, л. 10.
[2]) Там же, д. № 25—925, л. 122.

рабочих и солдат находили, понятно, самый сочувственный отклик на фронте, революционизировали всех солдат.

Новая и притом более массовая попытка братания имела место на австрийском и германском фронтах на пасху в апреле 1916 г. Солдаты противных лагерей втечении 2—3 дней не вели перестрелки, мирно сходились друг с другом, угощали друг друга съестными припасами и папиросами. Начальство угрожало братавшимся военно-полевым судом, разгоняло братавшихся, а затем приказало начать перестрелку. Николай II приказал разъяснить, что взысканий не будет только потому, что это случилось на пасху, но что впредь виновные в братании будут привлекаться к судебной ответственности [1]). Несмотря на это разъяснение, солдаты, в частности солдаты северного фронта (XII армии), поплатились за братание. На них были наложены строгие взыскания.

Наступательные действия, предпринятые в мае — июне 1916 г., сорвали развитие братания. Но отдельные попытки братания тотчас же возобновились, как только прекратилось наступление. Непосредственные сношения с противником в переписке солдат были отмечены в последнем квартале 1916 г. и в первые два месяца 1917 г. Фронт нетерпеливо ждал конца войны и стремился использовать все методы и формы, чтобы сделать ее невозможной. Следуя в своей практике за пролетарской формой борьбы — забастовкой, фронт наряду с ней применил еще свою специфическую форму борьбы — братание, поддержанное и пропагандируемое большевистской партией. Этим самым фронт становился на путь самой активной борьбы за претворение в жизнь ленинского лозунга о превращении войны империалистической в войну гражданскую.

Февральская революция явилась общим мощным штурмом самодержавия со стороны пролетариата и шедших за ним масс крестьянства (в том числе вооруженных рабочих и крестьян). Огромная заслуга нашей партии заключается в том, что она не только дала общие лозунги борьбы, но и определила ее конкретное содержание. Революционные действия пролетариата в тылу стали конкретным образцом тактики для солдата. И если даже широкая солдатская масса не всегда отдавала себе отчет в том, что она идет по пути осуществления большевистских лозунгов, то конкретные ее шаги полностью отвечали этим лозунгам. В этом заключается мудрость и мощь нашей партии, которая отстаивала именно ту программу действий, которая полностью отвечала основной принципиальной линии самой партии и служила поднятию масс на более высокую ступень организованности и сознательности. Фронт вступил в Февральскую революцию, имея уже за собой значительный опыт революционной борьбы по превращению империалистической войны в гражданскую.

Опыт революционной борьбы солдат и их положение с большой наглядностью отражены в письмах с фронта, часть которых мы публикуем ниже.

Само царское правительство позаботилось о том, чтобы до нас дошел этот исключительно убедительный по своей массовости и исключительно яркий по своей непосредственности и наглядности источник. Подавляя в корне малейшие проявления недовольства и совершенно не допуская опубликования каких бы ни было сообщений о них в печати, правительство пошло по пути самого тщательного просмотра корреспонденции между фронтом и тылом. Письма с фронта в тыл и из тыла на фронт внимательно изучались и на основании их делались специальные обзоры о настроении солдат, подкреплявшиеся извлечениями и выборками из самих писем.

Нами тщательно обследованы обзоры и выдержки военных цензоров по юго-западному фронту, по Московскому и Одесскому военным округам и, наконец, материал (частичный) по северному и западному фронтам. Наиболее интересными и содержательными были обзоры по Московскому и Одесскому военным округам и об-

---

[1]) ЦВИА, д. № 94—056, л. 332.

зоры отдельных цензоров юго-западного фронта. По юго-западному фронту обзоры составлялись по особому плану, и выборки тщательно систематизировались, причем подбор последних не носил одностороннего характера. В остальных случаях мы чаще всего встречаемся с крайне официозно звучащими обзорами и односторонне подобранными выдержками. Это и понятно. Получив возможность посредством перлюстрации узнать подлинные помыслы солдат, правительство как бы убоялось того, что открылось перед ним, и предприняло соответствующие меры для своего успокоения. Высшее начальство нетерпимо относилось к обзорам и к подбору выдержек в тех случаях, когда приводились многие строки, рисующие далеко не «ура-патриотическое» настроение солдат. Начальство находило, что местные цензоры излишне сгущают краски и односторонне освещают настроение «серых героев». Понятно, цензоры старались во-всю. Прежде всего они подбирали наиболее выигрышные с официальной точки зрения письма и потом уже давали выдержки, рисующие проявления недовольства солдатской массы. В некоторых случаях это делалось крайне неуклюже и топорно. Несмотря на то, что содержание выдержек и отдельные замечания самих цензоров говорили об усталости от войны, о недовольстве начальством, о желании мира и т. п., цензорские отчеты механически повторяли: «Воля масс к победе остается непреклонной и неизменной».

Понятно, тем ценнее для нас те строки обзоров, а в особенности писем солдат, которые самым непосредственным образом вскрывают нарастание недовольства в солдатской массе. Мы постарались отобрать из выборок из солдатских писем наиболее яркие и содержательные. Выборки систематизированы по следующей схеме:

1. Довольствие фронта (пища, одежда, обувь).
2. Вооружение фронта; снаряды.
3. Армейский режим и взаимоотношения солдат и офицеров.
4. Болезни, содержание солдат в лазаретах.
5. Неудачи на фронте и влияние поражений на настроение солдат.
6. Недовольство войной и ожидание мира.
7. Сдача в плен, дезертирство.
8. Отказы от наступления и «забастовки» солдат.
9. Братание с противником.
10. Интерес к внутренним событиям и нарастание революционного недовольства на фронте.
11. Солдаты-крестьяне и вопрос о земле.

Нами взяты лишь те письма офицеров и медицинского персонала, которые наиболее ярко рисуют положение и быт солдат фронта (всего 4—5 писем).

Основная масса приводимого нами материала падает на 1916 год. Для полного отражения положения и настроения солдат на фронте мы даем материал в хронологическом порядке.

Публикуемые здесь материалы представляют собой извлечения из следующих дел Центрального военно-исторического архива:

I. Фонд штаба главнокомандующего армиями юго-западного фронта (отделение военно-цензурное).

1. Дело № 25—899, письма №№ 1—45, 47, 48, 49, 50, 51.
2. Дело № 25—921, письма №№ 46, 52, 53-а, 72, 73, 74, 78, 88, 91, 91-а, 91-б, 92, 140, 141.
3. Дело № 25—906, письма №№ 53, 54, 55, 56, 57, 75, 96, 98, 142, 143.
4. Дело № 25—907, письма №№ 58, 70, 93, 94, 113, 114, 114-а, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121.
5. Дело № 25—910, письма №№ 60, 68, 69, 82, 151.
6. Дело № 25—922, письма №№ 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 71, 76, 77,

79, 80, 89, 90, 95, 97, 112, 122, 123, 124, 126, 127, 128, 129, 130, 144, 145, 156.

7. Дело № 25—925, письма №№ 81, 83, 99, 102, 103, 104, 136, 137, 138, 139, 148, 149, 150.

8. Дело № 25—945, письма №№ 84, 85, 86, 87, 100, 101, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 152, 153, 154, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 172.

9. Дело № 25—923, письма №№ 131, 146, 147.

10. Дело № 25—908, письмо № 155.

II. Фонд штаба главнокомандующего армиями северного фронта (военно-цензурное отделение).

1. Дело № 94—056, письма №№ 132, 133, 135, 157.

2. Дело № 222—554, письма №№ 168, 169, 170, 171.

О. Чаадаева.

1915 год.

I. ДОВОЛЬСТВИЕ ФРОНТА (ПИЩА, ОДЕЖДА, ОБУВЬ).

№ 1.

1 взвод 14 р. 15 Кавк. стрелк. № 1 полк, от Гавриила Ефим. Андреева. Ст. Переездная, Любим. пост, в Боровскую в Ив. Троф. Лысенко [1]).

28 июля 1915 г. Харчи очень плохие, почти голодные, дают нам на 8 человек один хлеб, то нехватает и пообедать, а ужин без хлеба, варят почти самую воду, только что соленая, и мы стоим здесь, как зайцы, почти и спим не раздеваясь, потому что ожидаем день ото дня — скоро идем в бой.

№ 2.

Часть войска неизвестна. Печати нет. От Николая Емельяновича Клюева А. И. Булкиной, Москва, 1-я Мещанская, Грохольский пер., № 38.

А казенного белья теперь не дают. Очень теперь стало плохо, все солдаты ходят почти что босиком и без белья; так трудно, что не знаю, как это кончится. На деньги купить негде, а если и есть, то очень все дорого, и деньги есть лишь у немногих. Теперь очень плохо, хлеба мы не получали две недели, а дают все лишь одни сухари; вот как хочешь, так и воюй. Сухарей тоже мало, табаку совсем нет.

№ 3.

210 пех. Бронницкий полк.
Д. С. Григонис, Москва, Пречистенка, д. Шервинского.

Неладно становится теперь солдату, во всем трудно; что следует по положению, не дают — ни хлеба, ни сахару и т. д. Все это связано с алчностью начальников на деньги, которые они получают из интендантства за наше насущное недополучение хлеба и пр. Срам, от солдатской экономии за год войны в полку набралось более 160 000 р. экон. сумм, от солдатской «роскоши» — хлеба и сахара.

---

[1]) Черным шрифтом здесь и далее набраны имеющиеся на перлюстрациях заголовки писем, оставляемые нами без изменения.

№ 4.

26 пех. Могилевской полк.

В. П. Варгиной, Москва, Ваганьковское кладбище.

Живем только на чаю, кормят нас очень плохо, хотя начальством и приказано увеличить порции мяса и давать солдатам масла или сала; порции сначала увеличили, а потом опять дают маленькие, что малому только ребенку хватит, а масла дали только один раз, только перед приездом в наш полк генерала, командира нашей армии, а потом больше его и не видали. В России думают, да и газеты пишут, что у нас всего довольно, что солдаты одеты и сыты хорошо, а на самом деле солдаты хотя и одеты, но голодны, как волк зимой, а по расписанию каждому солдату полагается мяса, крупы, сала, масла на 60 коп. в сутки, а отпускается на деле на двугривенный, да и того не набирается. Что же смотрят, ведь это же все видно! Нам и без того приходится переживать массу невзгод, да еще вот прибавка, ведь один ужас. Да на погоде теперь очень много больных.

№ 5.

266 пех. зап. бат. Клушино.

Е. З. Подпориной, Москва, Б. Якиманка, дом Купеческого о-ва.

Шинели еще не выдают, бегаем в тоненьком пальтишке. Сильный кашель. Кормят голодно и скверно. Скорее бы к смерти!

№ 6.

25 мортирный дивизион. 1-я бат.

И. В. Антонову, Москва, Хамовники, 2-й конный запас, 3 рота.

Обувь у всех худая, видны пальцы, починки не жди. Шинели тоже худые и не починяют.

№ 7.

1-й Саперный бат. 1-го кабельн. отд.

А. А. Кузнецову, Москва, Чугунный мост, Лаковый завод.

Вот когда бы нужны были подарки — теплые вещи: наступила зима, холодно, дрожим, а теплых вещей не дают. Прошлый год Москва и Петроград нас наградили — завалили подарками, а нынче совсем забыли о нас,— разве мы виноваты во всем?

№ 8.

Гор. Можайск, Моск. г., Варшавск. крепостн. артил. 17 рота, С. С. Бубличенко.

А. С. Наливайковой, гор. Ауэлетта, Карабалтынской вол. и села.

Еще уведомляю, милая сестрица, что служба моя, слава богу, сижу в избе босой, без сапог, не дают, пища же — едим один хлеб, но такой, как дома свиней кормили, а денег, говорят, отпускают много,— вот какова служба, расскажи всем.

№ 9.

Печать неясна.
Д. С. Пантюшину, Москва, Фуркасовский пер., Страховой союз.

К смотру государя приготовили одну роту, собрав для нее все более лучшее обмундирование со всех полков, оставив всех плохо обмундированных солдат в окопах: мало, а где и совсем нет сапог, ранцев, патронташей, брюк, мундиров, шапок и башлыков, да, собственно говоря, недостаток во всем и всюду. Благо, немец не наступает, а сгони они нас с места, так все и померзнем; очень мало перевозочных материалов, а кое-что доставляется очень медленно и в крайне малом, недостаточном количестве.

II. ВООРУЖЕНИЕ И СНАРЯДЫ.

№ 10.

Управление 1-го дивизиона тяжелого мортирного полка. В. Кор...[?]
От 24 июля.
Харьков, Газовая, 4, П. К. Тимченко.

В особенности большой недостаток снарядов для полевой легкой артиллерии. Ружей и патронов тоже не особенно густо. Маршевые роты являются на позицию без оружия и получают его только после убитых или раненых. Очень много солдат, в особенности в тылу, вооруженных старыми винтовками, а также австрийскими,— благо, их взяли не одну тысячу. Вообще победа зависит от вас, приготовляющих снаряды.

№ 11.

Без воин. печ., п. п. к-ра № 123, от 14 июля 1915 г.
Харьков, Максимилиановская, Ч. К. Бобловской.

Настроение у всех подавленное — главное: отсутствие оружия. Вот у нас четвертый день сидит 1 000 человек, ждут у моря погоды.

№ 12.

305 транспорт, 61 обозный бат.
К. М. Виноградовой, Москва, Немецкая ул., № 5.

Дела наши стали хороши. Наша артиллерия везет орудия на позиции, одно орудие по 30-ти лошадей, а полем кладут рельсы. Солдаты, увидя большие орудия, от радости целуют их.

№ 13.

209 пех. Богородского полка, 24. VIII.
Ф. П. Климову, Москва, Сухарева пл., магазин.

Теперь у нас стало веселее, потому что стало гораздо больше снарядов, батареи стреляют, уже не жалея снарядов, а то, когда были под Кальварией, по нас сыпят, а мы молчим.

№ 14.

726 воен. транспорт, 160 обозн. бат. 28. VIII.
М. И. Кузнецовой, Москва, Тверская, Богосл. пер., 8.

Есть надежда, что далеко не отетупим, подвозят снаряды, а это самое главное и всех радует.

№ 15.

488 пеш. Московская дружина. 25. VIII. Т. Д. Макукит.
Н. Л. Биатову, Москва, Замоскворецкий парк гор. ж. д.

Грустное впечатление производят запасные батальоны,— за неимением ружей занимаются с палками, одеты кто в чем попало, и это в 12 верстах от неприятельских позиций!

№ 16.

В. К. Королькову, Москва, Бахметьевская, № 10.

Слава богу, вот теперь врага поколотим как следует, теперь снарядов возят очень много, беспрерывно, парки, транспорты и автомобили, возят как раз мимо нас и день и ночь.

III. АРМЕЙСКИЙ РЕЖИМ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ.

№ 17.

Смоленск. пех. зап. батал. 29. VII.
В. П. Парфенову, Москва, Петроградское шоссе, 18.

Порядки у нас в батальоне невыносимые, за каждый пустяк наказывают. Уже один наш взводный самовольно уехал на позицию. Особенно нехорош помощник начальника команды — это прямо злой человек, больной, раздражительный, только и знает, что на 2 часа под ружье. Его тут никто не любит. Сам же начальник — душа человек, все-то он тебе расскажет, за любым советом приходи к нему во всякое время, он, родной отец, любит всех, как своих детей.

№ 18.

60 п. Замостинский полк, 8 р., А. Новиков.
А. И. Ивановой, Москва, Таганка, Б. Алексеевская, 4. Лазарет.

Того подъема, который был в войсках раньше, в войсках нет...
На глазах 28 тысяч солдат во Львове пороли 5 человек за то, что вышли без спроса со двора купить белого хлеба.

№ 19.

Смоленск, 66 пех. зап. бат., 8 р., 1-й взвод.
М. Г. Овчинниковой, Москва, Симонова слобода, д. Овчинникова.

Что за занятие у нас! Стараются сразу убить у всех дух, запугать, сделать из нас не живых людей, а каких-то манекенов. Как

зачесались у меня руки, когда на моих глазах ефрейторишка ударил моего товарища студента Шенева, но ничего не сделаешь, терпи казак — атаманом будешь.

IV. БОЛЕЗНИ И СОДЕРЖАНИЕ В ЛАЗАРЕТАХ.

№ 20.

216 п.-т. отд.
Харьков, А. П. Нечаевой, Сумская, 20. — Письмо от 15. VII. 1915 г.

Холера гуляет во-всю, каждый день по сто человек привозят заболевших с позиции, болеют окружающие жители, процент смертности огромный.

...Я тебе опишу, в каком виде лежат и лечатся больные: все лежат на соломе, без матрацев и подушек, дезинфекции никакой, хоронят умерших сейчас же за халупами галичан. На 500 душ больных два врача и 4 фельдшера. Медицинский персонал с ног валится. Некоторые санитары от переутомления свалились с ног, заболели и умерли.

Больные не изолированы, зараза распространяется, нет посуды для отправки больных в глубь страны, нет извести и нет дезинфекции.

№ 21.

Пол. п. к-ра № 13.
В. И. Карпову. Москва, Таганка, д. Ташкапаль.

У нас в войсках появилась холера, брюшной тиф и кровавый понос, в нашем полку очень много умерло солдат.

V. НЕУДАЧИ НА ФРОНТЕ И ВЛИЯНИЕ ПОРАЖЕНИЙ НА НАСТРОЕНИЕ СОЛДАТ.

№ 22.

Пол. к-ра № 126, 26. VI. 1915 г.

У нас на фронте дела незавидны, мы находимся в 30 верстах от Холма, чуть не каждый день отступаем, при отступлении много потерь и урона.

№ 23.

Телегр. рота Гренадерского саперного бат., 2-е кабельное отделение. 20. VIII.
И. В. Сухачеву, Москва, Б. Татарская, Завод Доброва-Набгольц.

Дела наши неважные, все время отступаем, снарядов нет, но надеемся, что скоро приготовят. Наш корпус весь растрепали, и войска падают духом.

№ 24.

Печать неясна.
И. Е. Борисову, Москва, Тверская, 16.

Дела наши неважные, мы все отступаем, а главное, потому, что нет снарядов,— вот до чего довоевали, а все сделали военные мини-

стры, а теперь вместо снарядов приходится отдуваться людьми, нужно бы поддержаться, а у нас ничего нет, вот что наделали!

№ 25.

26 пеш. артил. бригада.
А. М. Веверт, Москва, Серпуховка, 2-й Павловский пер., 6.

Говорят, немцы заняли ж.-д. линию Варшавской дороги, причем некоторые части нашего корпуса отступили не совсем хорошо. Все из-за патронов. С... с... этого Сухомлинова давно надо четвертовать в Москве на Лобном месте. Пожалуй, действительно скоро очутимся недалеко от вас.

№ 26.

Печати нет.
М. А. Дееву, Москва, ст. Мытищи, Военный завод.

...Но, дорогой кум, быть может, мы немца и победим, но и от нас останется одна копия, а сама Россия не воскреснет 100 лет, а если не будет у нас снарядов, то прямо сдавайся.

№ 27.

Никольский пех. полк, 19 августа.
М. И. Грачевой, Москва, Ащеулов пер., № 12/2.

Наверное всетаки скоро придется сознаться, что дело войны наше проиграно, а главное, продано кругом.

№ 28.

Лазарет 123 пех. п. 14. VIII.
Е. С. Шевцовой, Москва, М. Спасская [1]).

Как надоела эта цыганская жизнь, вечные походы, вечная грязь существования, постоянная усталость от нравственных переживаний вследствие душу раздирающих картин отчаяния населения и наших новых, но вечно старых неудач! Брест оставлен не только как крепость, но и как укрепленная позиция. Творится что-то непонятное. Новогеоргиевск и Ковно послужили только славе германцев. Отходим на восток все дальше, но зацепиться не за что. Снарядов попрежнему нет, а дух нижних чинов и психика гг. офицеров пали ниже нуля. У меня лично начинает падать надежда и на Государственную думу. Что-то будет? И мир желать нельзя, и воевать таким образом даже немыслимо. Будущее было в тумане, теперь же превратилось в темную, ненастную ночь, про которую нельзя даже сказать: «Чем ночь темней, тем звезды ярче», ибо и звезды закрыты черными тучами, и ветра почти нет. Не будет ли бури? И хочется, и страшно. Твой К. (Письмо представлено в комиссию 27 августа).

[1]) Повидимому, письмо врача. — *О. Ч*

№ 29.

10-го пех. дивиз. перевязочн. отряд. Белосток,
Ефим Диомидов Чернышев.

Ст. Дружковка, завод Торецкого о-ва, Александру Антонов. Беликову. 3/VIII. 1915 г.

У нас сейчас кипит работа день и ночь, идет так, что некогда и в гору глянуть, но мы понемногу отступаем. От Ломжи до Белостока отошли. Дорогой братец, если бы вы посмотрели, что тут делается! Протяжением более на сто верст едут обозы военные, а большей частью вольные покидают свои родные жилища и идут на произвол судьбы, куда — и сами не знают. Жаль смотреть на эту картину, гонят за собой коров, свиней, что только возможно, забирают, а остальное остается и переходит в чужие руки. Посмотришь, дети плачут,— бывают такие случаи — родные теряют своих детей, и только и слышно плач и рыдание несчастных поляков, потому что их выселяют, а хлеб и хаты жгут, чтобы не досталось немцам в руки ничего.

№ 30.

Печати нет. 4/VIII.
К. В. Николаеву, Москва, Юрьевская ул., Лефортово, д. Демина, кв. 4.

В связи с нашими неудачами в армии носятся слухи и толки один чудовищнее другого. Передавать их не буду, ибо им не верю, но их невероятно [много]. Страшно хочется дожить до конца, чтобы узнать всю закулисную сторону этой кампании. Хотелось бы написать много, много, но руки связаны военной цензурой. Приходится писать урывками, недомолвками, намеками, словом, сдерживаться.

№ 31.

Печать неясная. 6/VIII.
Я. Ф. Калиниченкову. Беловодское почт. отд. Семиреченской области.

Бьемся здорово. Гремит все так, что земля дрожит, но конца не видно. Люблин отдали, но надолго ли, не знаю. Дела наши плохи, потому что столбы гнилые...

№ 32.

87 пех. Нейшлотский п. От 27/VIII.
Святые горы, д. Пришиб, Тимофею Шевченко.

...Да и не победить нам немцев с нашими порядками. Начальство нас называет трусами и изменниками, а само при первом бое удирает в тыл... А в Думе речи только красивые говорить умеют, а работать будет Ванюха да Петруха.

№ 33.

От 26/VIII.
Туда же.

Наше начальство нас на каждом шагу ободряет, но все мы не верим ни во что... Тихон Шевченко.

№ 34.

61 пех. Владимирского полка.
А. А. Курыпиной, Москва, Петроградское шоссе, № 30.

Настроение, с наступлением злой осени, также изменяется к худшему. Да и какое же может быть настроение, когда мало того что осень, а вообще все наши дела не веселят!

№ 35.

5 грен. Киевского полка.
П. В. Кочетову, Москва, Брестский вокзал. Вагонный парк.

Уверенности в победе у солдат нет, настроение у всех последнее время стало скверное. Кругом неудачи. Тут еще скверная погода. При наших порядках России совсем не везет.

№ 36.

Без печатей, от 19 августа.
Почт. отд. Змиевского у., Харьк. г., с. Березка, Н. Г. Кореневу.

Дела наши нехорошие, позорные,—каждой ночью тикаем,—сколько отдали губерний, так стыдно писать! Кроме Курляндии, Либавы и т. д. Ну, мы не виноваты, что не вволю снарядов. Солдатики стараются, но дела плохи, страшно разбивает барбос наши войска, забил памороки, а всетаки надеемся все возвратить, только по виду делов война протянется...

№ 37.

Часть войск неизвестна.
И. Л. Дубову, г. Верный.

А дела-то наши паршивые тут, ничего не поделаешь, голыми руками не возьмешь. Всю нашу дивизию разбил германец, половину, конечно, в плен забрал. Досадно всетаки, думаешь: кто же виноват в наших неуспехах, кто сделал тысячи людей несчастными, детей сиротами? Во всяком случае, не сами солдаты виновны во всем этом. Ну, да известно — всегда после драки кулаками махать приходится в матушке России.

Так, значит, киргизы тоже свои права заявляют, ну а следом за ними и сарты, и все остальные, наверно, уж не отстанут. Дело дрянь. Здесь нам трудно, это все ничего, а вот там-то, дома, вот это солдату прямо за сердце щиплет, дескать: за что же там страдают?

№ 38.

51 Сиб. стрелк. п. 16. IX.
Ю. М. Хлоповой, Москва, Зубово, д. Жиро.

Мы сквозь и везде отступаем, пока верх немецкий, хотя, барышня, вы и говорили, что немца надо стереть, но они мало поддаются. Не знаю, исполнятся ли мечты всей России, чтобы разбить Германию, наверное нет — нечем, нет винтовок, нет снарядов, нет сапог, нет шинелей, нет шаровар, нет..., да почти что ничего нет, почти что нет даже тех солдат, которые должны бы разбить Германию,—

да хотя бы выгнать из своей земли,— теперь солдаты такие все старики, ратники, с них много не спросишь, да и нечего спрашивать. Где то русское богатство, что говорили: «Россия всем богата»? Немцы берут все артиллерией, а Россия хочет взять кулаками, петушиным боем, а немцы в это не играют. Было время — проворонили.

№ 39.

27-го саперного батальона.
М. И. Стриженовой, Москва, Земляной вал, № 123.

С отсылкой писем у нас теперь целая история, на все письма, адресованные не в войсковые части, требуют приложения гербовой печати, но кто ее даст? Цель этого распоряжения ясна, чтобы солдаты не писали всей правды, что здесь делается. Мера чисто русская, — если бы от народа не скрывали всей правды, то, во всяком случае, не получилось бы такого позора, какого история России не знает. Выгнали нас из Галиции, отняли всю Польшу, разбили все наши крепости и в заключение стремятся прижать к Пинским болотам, и если не успеют предпринять противоядие, то в Пинских болотах погибнет наша армия.

№ 40.

Часть войска неизвестна, Красноперов.
Н. В. Рудаковой, Москва, Б. Никитская, 40.

...Но все еще у нас недостаток снарядов и винтовочных пуль. У всех нас сейчас настроение плохое, очень неприятно, что нас враг гонит назад; тогда было весело и хорошо, когда мы гнали. Мы все сочувствуем, что вы, все гражданское население, стараетесь спасти Россию и облегчить армию, но, увы, начальство у нас действует как раз наоборот.

VI. СДАЧА В ПЛЕН, ДЕЗЕРТИРСТВО И ОТКАЗЫ ОТ НАСТУПЛЕНИЯ.

№ 41.

Полевая пчт. к-ра № 19.
Т. В. Бурхановой, Москва, Собачья пл., № 1/а.

Про настроение солдат писать не стоит, но всетаки напишу. Представится случай, охотно идут в плен, а тем более, что против нас австрийцы, а у них, как нам известно, лучше, чем у немцев.

№ 42.

Действующая армия.
А. П. Серегиной, Москва, Каретно-Садовая, № 8.

Австрийцы очень часто переходят к нам в плен, наши тоже не спят: как только начальство заглядится, и уходят. Но я лучше умру, не сделаю этой гадости, да и к чему, хотя и трудно сидеть в окопах, но много лучше, чем в плену; у нас харчи очень хорошие и всего хватает, и всегда мы сыты, а там и мирные-то жители издыхают от голода.

№ 43.

2 Сиб. стрелк. зап. бат., 11 р., 1 взвод.
А. А. Хрусталевой, Москва, Овчинниковская наб., № 22.

У нас много народа бегут из лагеря, в одном взводе было 65 чел., а осталось только 30, а 35 убежало; в нашем взводе убежало уже 10 человек.

№ 44.

69 марш. зап. бат.
А. А. Жарову, Москва, Каретно-Садовая, № 2.

Когда мы ехали в место стоянки на ст. Уваровка, ратники стали убегать, конвой открыл стрельбу, но на это убегавшие не обращали никакого внимания, соскакивали на ходу и убегали под не смолкавшими выстрелами. Приехавши в Уваровку, оказалось, что из 800 чел. убежало 372 чел. Устроились неуютно, холодно, а главное — голодно, и на свои деньги купить негде и нечего.

№ 45.

Штаб 33 корпуса; канц. инспектора артиллерии.
С. В. Сухареву, Москва, Кремль, Арсенал.

...Есть новенькое — пластунский полк отказался итти в наступление, говорят: «Так что без артиллерии не пойдем»; не знаю, что им будет, хотя я это пишу, но если раскроют, то не дойдет письмо. (Письмо представлено в комиссию 2/XI).

VII. БРАТАНЬЕ.

№ 46.

35 пех. Брянский полк.
Москва, Ильинка, т. д. Петрова-Щеголева. С. Г. Лаврентьеву.

На рождество на позициях происходили некоторые интересные эпизоды. Например, несколько солдат сговорились побрататься на праздниках с немцами. Для этой цели купили два белых хлеба, попросили ротного командира написать по-немецки — поздравить с праздником, положили записку между хлебами и вынесли вперед окопов на глазах у немцев, которым делали знаки, чтобы не стреляли. Те, конечно, видят, что идут солдаты с белыми хлебами... не стали стрелять, смотрят, чем все это кончится. Наши положили хлебы, а сами спустились в окопы, смотрят, что будут делать немцы. Они вылезли, взяли хлебы, поблагодарили, раскланялись с нашими солдатами. Один наш унтер-офицер заиграл на мандолине, немцы поплясали под музыку и взошли в свои окопы. Чтобы отплатить нашим за гостинец, они тоже бросили нам яблоки, папиросы и баклажку вина. Все это происходило на фронте нашего участка.

VIII. ИНТЕРЕС К ВНУТРЕННИМ СОБЫТИЯМ И НАРАСТАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО НЕДОВОЛЬСТВА НА ФРОНТЕ.

№ 47.

Действующая армия. 20. VIII.
Д. Семину, Москва, Эльдорадов. тупик, д. Шаврина.

Мы узнали про министра военного, что сволочи сделали, всю Россию продали; у нас то же самое; если бы в России начальники были все русские, давно бы врага разбили, и было бы спокойно, но теперь, как видится, затянется все надолго. Если господь поможет нашим союзникам взять Дарданеллы, да взялась за дело Государственная дума, то, может, все кончится скоро. Сейчас, дорогой друг, все знаем, но ничего не сделаем, потому что мы рассеяны, но, если дождемся мира, будем живы, тогда не оставим ни одного немца, будь хотя и русский подданный,— они только для этого и перешли в подданство.

№ 48.

887 транспорт, 78 обозн. бат. 2. VIII.
Н. Н. Аверьеву, Москва, Варварка, торг. дом Попова.

Здесь всех теперь интересует не театр войны, а Петроград. Судьба войны решается там, т. е. будет успех наш или нет.

№ 49.

189 пех. Измаильского полка.
А. Н. Соломиной, Москва, Лубянский пр., № 21.

Здесь есть слух, что распустили Государственную думу, но подтверждения еще не имеем — будет плохо. Приезжие из глубины России сюда на позиции говорят, что настроение народа подавленное, но с роспуском Думы положение будет еще хуже. Напиши подробно, как отзывается народная масса на войну и особенно к Государственной думе. Думается, что и народ не доверяет правительству, и как реагирует на роспуск Думы. В особенности Москва — здесь сильнее, чем где-либо, сказывается настроение всего народа.

№ 50.

23 ополченская легкая батарея. 22/IX.
М. Х. Мухиной, Москва, Грузины, Георгиевская пл., д. Гульшина.

Оказывается, 14-го в Москве были беспорядки, но в газетах про них написано очень глухо. Вызывали войска. Вот меня интересует — войска стреляли в народ или нет? Полиция, чорт с ней, а вот войска как? Если знаешь, то напиши. Если войска опять начнут свои усмирения, то это будет очень плохо. Войска с позиций в своих не стали бы стрелять, а ведь в Москве ополченцы, которые на позициях еще не были, и те, конечно, могли. Вообще по всему видно, что у вас настроение очень тяжелое и скверное. Впрочем, это и понятно, в такую тяжелую минуту, когда нужна поддержка общества, когда в тылу нужен мир, полиция вызывает беспорядки. Думу распускают и на-

чинают опять старые приемы — осади, не пущай и т. д. Если будет так и дальше, то дело кончится плохим.

№ 51.

Войсковой печати нет, штемпель конторы неясен.
Е. И. Пудовкиной, Москва, городская управа, водопроводный отдел. Ноябрь 1915 г.

Все, что мы узнали про события последнего времени о России, очень и очень печально и грустно,— повторяется старая история, даже в такое время, как настоящее, когда, казалось бы, должны были бы считаться с желанием народа и не только высказывать [?] разные недовольства сознательной части наших соотечественников, но всеми способами подчеркивать, что большинство этих требований и желаний и своевременны и законны; что народ, который в настоящую войну доказал на деле свою зрелость и сознательность, достоин того, чтобы с его желаниями считались. Но... Россия, правящая Россия, остается прежней, несмотря на все свое банкротство, проявившееся в особенности реально в настоящую войну; достаточно указать хотя на «своевременную» заготовку и доставку снарядов и др. воинских грузов, вызвавших такую массу неудач и жертв. И разве шум, поднявшийся вокруг этого дела, не законен, не своевременен? И разве только один шум уже не принес пользы нашей родине? Грустно все это и обидно, но я уверен, что правда, в конце концов, возьмет верх, и всякий из нас, благополучно дождавшийся хорошего победного конца этой войны, вернется в уже изменившуюся, обновленную Россию, где не будет места недоверию и подозрению в неблагонадежности. Это будет, и в это я верю. —

№ 52.

20 пех. Галицкий п.
Киев, Левандовская ул., д. № 23, кв. 4, Малаховой. Ноябрь 1915 г.

Наш тыл нам страшнее всех немецких армий... Если мы [не] будем побеждать, нас победят не армии немцев, а наш тыл... А всетаки хочется верить, что когда-нибудь будет порядок и в нашей великой и обильной земле, тогда нам ничего не страшно.

№ 53.

Подпись неясна.
Юрьев, гл. к-ра В. У. Попова, С. И. Морову.

Что-то ждет Россию?.. Не напрасно, видно, правительство прибавило жалованья полиции. Для чего-то, видно, их берегут и балуют! О, как омерзительны они в своей праздной жизни при общей работе!

1916 год.

I. ДОВОЛЬСТВИЕ ФРОНТА (ПИЩА, ОДЕЖДА, ОБУВЬ).

№ 53а.

488 пех. п.
М. М. Соловьеву, Москва, Виндавский вокзал. Январь 1916 г.

Холодно, головы в летних фуражках, нам не выдали сапог, пальцы торчат... почти треть полка босиком.

№ 54.

Даниил Павлович Бойко, 244 пех. Красноставский п., 11 рота, 3 взвод. Бердичев, Каленику Бурдели, село Чехи.

Я был сильно болен, у нас все солдаты болеют от голода. (Эта выборка вымарана.)

№ 55.

Антон Доманский, 159 Горийский полк, 10 рота, 1 взвод. Бердичев, Материальная ул., 8, Павлу Доманскому.

Кушать не имеем чего, хлеб такой, что об дорогу бей, и не разобьешь, а суп нельзя кушать.

№ 56.

Артем Пазюк, 143 пех. Дорогобужский п., 5 рота, 2 взвод. Дзюнков, Прокофию Пазюку.

Кормят плохо, лишь бы не умер: хлеба 3 фунта на 4 дня, сахару 20 кусков на 10 дней, а чай хочешь пить, нужно пойти в лес, разложить огонь и кипятить воду в котелке, если есть, а если нет, то и пить не будешь. (Означенная выборка вымарана.)

№ 57.

Б. Ковальский, 45 пех. Азовский полк. Житомир, Станиславу Ковальскому. Февраль 1916 г.

Всегда нахожусь на позиции, обмерзлый, обмокший и вдобавок голодный, как собака. Бывают дни, что кроме хлеба ничего не кушаешь. Сколько сил и здоровья пропадает здесь!

№ 58.

Сб. и сорт. пункт при упр. Житом. воин. начальника. М. Вахловка, Киев, село Брицкое, Нест. Ив. Бубело от сына Феодота. Апрель 1916 г.

Пищу дают постную, с гнилой рыбой, и такой скверной, что не только нельзя ее кушать, а даже стоять в той кухне, где варится пища, потому что от гнилой рыбы получается страшная вонь.

№ 59.

209 Богородского п., 12 р., 1 взвод. Письмо в Москву.

Здесь кормят мало, а больше бьют по морде, и порют без пощады и без причины.

№ 60.

Бердичев. Караульной к-ды. В Харьков.

Мясо, рыба вонючие... Заявляли ротному командиру, а он говорит: «Не подохнете, будете живы, а дома что ели?»

№ 61.

От Фад. Михалечко, 17 ж.-д. бат., 2 рота.
С. Москалевка, Кремен. у., Оресту Медвецкому.

Служить стало плохо, потому что уменьшили мяса, крупы, картофеля и хлеба, и хоть дают рубль в месяц, но приходится покупать хлеб и картошку на свои деньги, и все жалованье приходится тратить, еще даже мало.

№ 62.

45 пех. Азовский п.
Одесса, Воронцовская ул., 112, Апокиной.

У нас на позиции снег по самую шею и мороз. В окопах холодно, я отморозил себе пальцы; прямо мучают народ; замерзли уже человек 40 на смерть; одежи теплой не дают, кушать на день раз в сутки, хоть пропадай. (Письмо отправлено командиру части.)

№ 63.

Воинская часть неизвестна.
Одесса, Арнаутская, 43, В. Лучиной.

В окопах и холодно и голодно. Нам привозят суп почти что одна вода, и когда бы хоть было много, а то почти дают по три ложки, и хлеба совсем мало.

№ 64.

Команда отд. саперн. роты.
Одесса, Ольшевский, № 9, В. Дворецкому.

Кушать нечего, наварят каши, то собаки не будут кушать, так что только и живешь на свои копейки.

№ 65.

19 стр. п.
Одесса, I бат. Черном. фл., 2 рота, С. Бойну.

Мало дают хлеба, 10-фунтовую буханку на 10 человек делишь. Если деньги есть, так купишь и съешь сразу, а другой раз нету, и целый день голодаешь.

№ 66.

11 рота, 214 зап. бат., от Мих. Восвизика.
Ст. Каменец, Кузьме Восвизику.

Передайте родным и знакомым, чтобы боялись военной службы, как огня, потому что ни обуви хорошей, ни одежды, ни пищи. Даже мяса не дают, а вместо мяса гнилую рыбу и с червями грибы. Я кое-что собственное покупаю, потому что съехать на казенное, то можно подохнуть скоро.

№ 67.

Прапорщика Чиликина, 3 саперн. бат., 1-я рота.
Письмо адресовано в Москву.

Меняем сапоги, подошвы у которых оказались деревянные, из лубка, снаружи покрыты тонкой кожей. Меняем шинели. Невозможно

описать, до чего оборваны наши солдаты. Шинели дрянные, сукно, как решето, само расползается. Огромные заплаты из палаточной зеленой парусины или из мешков белого цвета, на обшлагах бахрома до вершка длины, подол в лохмотьях, на ногах башмаки, а не сапоги, выше ноги обернуты, чем попало. Форменные оборванцы. Жаль до слез этих боевых солдат! 19 месяцев без отдыха на самых передовых позициях и все время под пулями.

№ 68.

408 пех. Кузнецкого полка.
В Полтаву.

Кормят нас очень плохо, ходим босые или в лаптях; даже нельзя подумать, что солдаты русских войск ходят в лаптях!

№ 69.

287 пех. Пермской ополч. друж., 4-й роты.
Ижевский завод. Октябрь 1916 г.

Жизнь плохая стала, спим в сараях, очень холодно; не работаю, но живу тут же с пленными; пища очень плохая и один раз в сутки [1]).

II. ВООРУЖЕНИЕ И СНАРЯДЫ.

№ 70.

7 бриг.
С. Панов, Кубанск. обл. Апрель 1916 г.

Австриец стреляет по нашей батарее, а наша батарея в него. Австриец один раз выстрелит, а наша батарея сто раз в него стреляет. Теперь у нас снарядов хватает.

№ 71.

Воинская часть неизвестна.
Одесса, Крестьянский позем. банк, С. М. Горбатовой.

Что делается сейчас в окопах, посмотрели бы вы: кругом вода, грязь, неустройство. Блиндажей почти нет. Саперного офицера я полтора года моего пребывания на войне ни разу не встречал. Солдат мучают за работой по рытью блиндажей, и так работа на смарку, и постепенно все это рушится. Взяли недавно в плен австрийцев,— так они в ужас пришли от наших окопов, в которых теперь по колено воды, а мы проводим в них целые недели [2]).

III. АРМЕЙСКИЙ РЕЖИМ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ.

№ 72.

Воинская часть неизвестна.
Упр. хоз. комитета, Мих. Вас. Божко.

Ой, Миша, знал бы ты, что с нашим братом делается, морды бьют, ср... секут по 25 горячих и на смерть убивают...

[1]) На солдата за это письмо было наложено дисциплинарное взыскание: один месяц смешанного ареста. — *О. Ч.*

[2]) Письмо офицера с юго-зап. фронта. — *О. Ч.*

...Зато как только на позицию, так и уйдут все в плен; когда у нас взяли 100 раньше, теперь как был бой, так весь полк ушел в плен.

№ 73.

410 Усманский п.
Киев, Львовская ул., 71, кв. 6, Ал-дру Волошину [1]).

Между мужиком и барином всегда была целая пропасть, но жутко становится, когда слишком реально видишь пропасть между солдатом и офицером. Царствующее убеждение, что солдата может двигать только страх перед начальством, наводит на невеселые мысли. Испытываю ужасное одиночество, а особенно, когда кругом вижу косые взгляды и намеки, что офицер с гуманными взглядами на войне — лишний.

№ 74.

Печать и штамп неясны.
Д. Т. Егорову, Москва, Цветной бульвар, 1-й Знаменский, № 23.

Где это видно, чтобы пороли солдата?.. Не мог утерпеть, чтобы не предать гласности этот позор.

№ 75.

Сергей Петрук, 143 пех. Дорогобужский п., 7 р., 8 взв.
М. Махновка, село Юрьевка, Антипу Тилющуку.

Наш ротный командир очень плохой человек, бьет сильно... (Означенная выборка вымарана.)

№ 76.

VII авиац. дивизион.
Одесса, Софиевская ул., д. № 11, Ольшанецкому, для Сучкова.

У нас теперь строго, уже 8 человек пороли розгами, а сколько по мордам начальник лупит!..

№ 77.

132 бат., ряд. Вишневский.
Харьков, Университетская ул., д. 2, кв. 12, И. В. Вишневской.

В армии и в мирное время до безобразия строгая дисциплина и до ужаса строгие наказания за каждую мелочь, а в военное время за все достается в 50 раз. Военный суд без допроса и без присутствия обвиняемого и без защитников выносит приговор. Каждый несчастный солдат может понести самые ужасные наказания за ничто.

IV. БОЛЕЗНИ И СОДЕРЖАНИЕ СОЛДАТ В ЛАЗАРЕТАХ.

№ 78.

234 пеш. дружина.
Шостка, Аггею Никитичу.

Я получаю письма от товарищей из Гагр, где мне пишут, что ужасно там плохо: утром будят в половине шестого и до 9 часов вечера нельзя не только лечь в кровать, а даже сесть, несмотря ни на какую болезнь; одним словом, истязают больных солдат; многие не переносят и уми-

[1]) Письмо офицера.

рают; кормят совершенно плохо, живот от голода так поднят, что не находишь себе места, а строгости ужасные: старший врач обходится круто и может заехать по физиономии... Все удирают оттуда.

№ 79.

7 эксплоат. батальон,
Киев, Предселовинская, 39, П. С. Фалееву. Апрель 1916 г.

Правда тебе сказать, что, кто лежал раз в госпитале передвижном, тот больше не захочет,— там обращаются хуже, чем со скотиной.

№ 80.

Нижний Новгород, 185 зап. б., 1 рота, 2 взвод, от Свистунова.
С. Лепесовка, Ямпольск. вол., Крем. у., Соломии Свистуновой.

Здесь внимания не обращают на человека. Тогда лишь обращают внимание, когда человек упадет с ног, комиссии нет никакой, а если кто запросится в околодок, то доктор за это ставит его на 2 часа под винтовку.

№ 81.

86 зап. полка, от Павла Кравцова.
Иваногород, Ивану Кушкину. Октябрь 1916 г.

Уж, кажется, нет ничего хуже попасть в румынский госпиталь: ни белья, ни бани, харчи плохие, ухода за ранеными никакого. Раненые остаются по нескольку дней без перевязки; никто не хочет лежать в этих лазаретах.

№ 82.

Письмо солдата из 283 полка юго-зап. фр. Сентябрь 1916 г. Зап. госп. В Москву.

Лежать здесь отвратительно, лечение и обращение с больными плохое, грубое, ничему не верят. Внутренние болезни для докторов не существуют, подай им раны, а у кого их нет, так и за больного не считают.

V. НЕУДАЧИ НА ФРОНТЕ И ВЛИЯНИЕ ПОРАЖЕНИЙ НА НАСТРОЕНИЕ СОЛДАТ.

№ 83.

Выписка из обзора цензора по Киевскому военному округу за 20 октября—1 ноября 1916 г.

Несколько раз наступали, но без толку... Порядка никакого нет, и войска все терпели, а теперь не хотят вовсе итти в наступление. Говорят: «Довольно народ губить!»... Командиры почти все из немцев.

У нас солдаты штыки встромили в землю несколько полков, но, наверно, и мы так скоро сделаем.

№ 84.

Воинская часть неизвестна.
Македонскому для Костенко, Кривой рог, Рыбный ряд. 6 декабря.

Бои идут, но только без пользы, немец очень сильный, техника его очень большая, он пускает на нас удушливые газы... У немца есть еще новое изобретение: пускает облако — пламя горючее, что сохрани бог — от этого спасенья нет. Много наших братьев на том свете. (Письмо уничтожено.)

№ 85.

Выписка из письма за 9 декабря. Воинская часть неизвестна.
М. Ф. Мусяку, Одесса, Мельничная ул., 18.

Сейчас у нас наступление идет, и массу народа погубили; как были солдаты чуть только лишние, то всех позабирали, да и сейчас на что уже учебную команду забрали на подкрепление, и сам трясешься, что вот-вот и нас еще пошлют... Дурной народ думает, что после войны будет хорошо. Нет, дорогой, если мы будем все дураками, то хуже будет, чем в крепостное время — это только нас хотят истребить, а остальных взять в свои руки.

№ 86.

4 бат. 61 арт. бригады.
Ф. С. Александровой, село Богородское, Тетюшинского у., Казанской губ.
Выписка из письма за 12 декабря.

Затянулась война, и конца не предвидится. Бои и бои идут каждый день; кровь человеческая льется, но результатов нет.

№ 87.

Воинская часть неизвестна.
В. Е. Гребенитову, Одесса, Черноморская ул., № 13.
Выписка из письма 24 декабря.

Если не удастся вырваться на отдых, можно будет с ума сойти, все опостыло. Бесконечные неудачи наводят на самые грустные размышления... Лучше всего покончить всякие счеты с жизнью. Уже 4 года тяготит это мерзкое ярмо.

VI. НЕДОВОЛЬСТВО ВОЙНОЙ И ОЖИДАНИЕ МИРА.

№ 88.

28 мотоцикл. отд. Москва, Б. Якиманка, д. № 16, А. А. Назаровой.

Вот мы дождемся великого праздника — это окончание войны, этой великой кровавой бойни, уничтожения человечества. Я не называю праздником заключение мира в нашу пользу или нет. Это все равно. Ведь нам, беднякам, опять так же придется своим потом и кровью откармливать до ожирения своих правителей, которые так заботятся о нас. От кого ни послушаешь, все говорят, что жизнь становится труднее и труднее,— нет хлеба, когда его гноят целые миллионы

пудов, и только ради бешеной наживы. Ну, чорт с ними, посмотрим, что будет дальше, соединимся все, чтобы не дать нам погибать...

№ 89.

49 пех. Бр. е. и. в. в. к. Мих. Мих. полка.
Одесса, Балканская ул., д. 105, Пустыльникову.

Это не война, а душегубство, только людей губят.

№ 90.

Лаз. № 1, 15 пех. див.
Одесса, Водопровод, № 6, Е. И. Елисееву.

Вот уже скоро будет два года, как тянется эта проклятая война, которая всех нас лишила свободы и воли и оторвала от своих семейств, друзей и знакомых,— да притом же еще и конца далеко не видно этой войне; до чего надоела эта война, до чего опротивела, что даже свет божий немил стал!

№ 91.

6 пер. отряд Красного креста.
Н. А. Терентьевой, Москва, Преображенская пл., Гучков пер., № 38.

Хотя и ходят слухи о мире, но они ни на чем не основаны. А как бы были рады миру все войска, которые ведут войну! Война надоела решительно всем. Но как теперь заключать мир? И как воевать? Приходится терпеть, ждать. Время решит этот вопрос.

№ 91/а.

26 пех. Могилевский п.
Москва, Ириниская, 36, Хаханину.

Солдаты стали недовольны своим бездельем,—уже скоро, наверное, месяц стоим в резерве, все ждут с нетерпением боев и решить — то или другое, жить или умереть, но страдать довольно. Почти каждый солдат побывал на родине, и каждый узнал, какова жизнь там. Поэтому каждый и решается итти смело в бой и закончить в это лето все, чтобы не страдали мы и те, которые остались дома.

№ 91/б.

233 пех. п.
Москва, Воробьевы горы, А. И. Баташевой, свой дом.

Неужели еще долго придется тянуть эту проклятую войну. Нет, у нас уже стали ходить настойчивые слухи между солдат, что скоро будет мир. Скорее бы, а то страшно надоело.

№ 92.

Воинская часть неизвестна. Мотоцикл. отд. шт. VII армии,
подпись неразборчива.
Москва, Кудринская пл., Женский медицинский институт, Е. М. Миловидовой.

На человеческом языке нет слов, которыми можно было бы проклясть виновников настоящей войны.

№ 93.

Этап. п.-т. отд. № 240.
Екатерин. ж. д., ст. Рутченково, Праск. Ив. Дегтяревой.

Что касается доровизны всего необходимого продукта, это везде, наверное, по всей вселенной... Этому виновата война, она все пожирает, и когда этому будет конец, никто не знает... Да, богатым нажива, а бедным разор как физически, так и материально. Кругом, наверное, такое разорение. Ну, что ж, их верх!

№ 94.

Адрес —в Д. А. 1 арт. п., 20 бат. Фед. Редель. Вынуто из почт. ящика на ст. Бердичев.

У нас усиленно говорят о мире; все уверены, что мир будет заключен в это лето, а в крайнем случае осенью — какое это было бы блаженство!

№ 95.

Воинская часть неизвестна. Одесса, слободка Романовка, Сотиневская ул., № 27, П. Базаровой.

Прописал бы свою жизнь, но нельзя, нам этого не позволяют писать, да и нельзя описать, потому что здесь не жизнь, а казнь человеческая.

№ 96.

164 пех. Закатальский полк, 2 рота.
Ст. Митрофановка Ю.-В. ж. д., Худ. Евдокеевка,
Федору Зах. Глушкову. Март 1916 г.

Мира не ждите, не будит, потому что нам государь прислал манихвест и сказал, что не будит мира, до тех пор, пока не выгоним врага из своей земли, то не будит мира.

№ 97.

Воинская часть неизвестна. Одесса, слободка Романовка, Церк. ул., № 14, Новиковой.

Я, слава богу, жив, и черти еще не взяли,— людям есть счастье, побудет дня два на позиции, смотришь, уже и ранили, а здесь, как на зло, и пули не берут. Страшно надоела эта собачья жизнь.

№ 98.

Подпись — Х. Гришин, адрес в письме не указан.
Лугины, с. Бегуны, Агафье Мих. Гришиной.

...Другие считают, что война так же неизбежна, как неизбежна смерть, а я считаю, что это не так, ибо смерть есть естественный конец существа и существ, а война есть искусственное истребление всего вообще, не только людей. Это я пишу тебе, моя дорогая, для того, чтобы ты имела правильное понятие о войне и не считала бы,

что война посылается богом. Война есть дело рук и умов хитрых людей, в руках которых находится власть, и вот они, или не умея ею как следует пользоваться, или через корыстные цели, направляют дело так, что разгорается война. (Письмо представлено в военно-ценз. отд.).

№ 99.

Воинская часть неизвестна.
Петроград, Воздвиженская, 12, кв. 16, Манякиной.

Дорогая Вера, спешу поделиться с тобой пока еще маленькой радостью, но не знаю, обратится ли она в великую радость или нет— покажет будущее. Германия идет навстречу миру и предлагает как можно скорее покончить с этим кровопролитием. Все это написано в телеграмме, обсуждаем между собой, настроение у всех приподнятое, чувствуется какая-то бодрость духа, что вот-вот услышим радостную весть, которую все так ждут, и вот все мы теперь в ожидании, каков последует ответ... Я думаю, что не за горами то время, когда мы услышим давно так чаемое слово «мир».

№ 100.

Часть войск неизвестна.
196 пех. запасный полк, 4 рота, прапорщ. И. Мих. Станкееву.

Вез я с собой из Москвы газеты с известием о предложении наших врагов начать мирные переговоры. Правда, печатное слово об этом явилось новостью. Слух же распространился далеко раньше моего приезда. Взволновал он, конечно, всех, породил в душах страдальцев надежду на облегчение, и теплится еще эта надежда во многих, и теперь многие верят в возможность близкого мира. Более или менее осведомленные не верят. Так или иначе, но вершители судеб России делают, по-моему, ошибку, отказываясь от протянутой руки мира. На что они надеются? Не говорю уже о внутренней «неразберихе», без разбора которой невозможен успех нашего оружия, я беру во внимание только нашего солдата, его дух. Он весь проникнут желанием мира и ни о какой войне не хочет слышать. С таким солдатом можно еще с трудом держаться в хороших окопах, можно вести оборонительную войну. Наступательную же — невозможно. Они не пойдут, они жаждут мира, они не верят в победу, в них нет воинственного духа,— что же их выгонит из окопов подставлять свою грудь под пули? Страх наказания? Едва ли. Опасность от немецких пулеметов не меньше, чем от русской винтовки. Что же другое кроме страха? Нет силы двигающей,— я, по крайней мере, ее не вижу. Были уже случаи в нашей дивизии, есть слухи о них в других местах и фронтах, и несутся они из одного конца армии в другой. Я говорю о случаях отказа частей пехоты итти в наступление — это пока единичные случаи, но о них все знают, их все одобряют, а это залог того, что они участятся и выльются в одну общую форму отказа армии от войны. Если не случится чего-либо важного, что может поднять дух армии, вернуть силу, уверенность в победе и желание ее, то — конец. Кампания уже проиграна. Солдат с такой душой, какую он имеет теперь, не воин. Воевать с ним нельзя.

№ 101.

Часть войск неизвестна.
Киев, Крещатик, № 3, госпиталь 9, Иосифу Кучеренко.

Проклята будь эта война! Через нее терпим все такие великие несчастья, а когда она кончится, проклятая? Конца не видно. Конечно, наше начальство кричит, что будем воевать, пока не победим германца. Им кричать про это легко, но только людям тяжело терпеть такое великое несчастье, которому конца не видно. Терпи, терпи и терпи, но только, где же брать эти силы, чтобы терпеть?.. Стиснешь зубы, плюнешь и хочется кого-то проклинать за то, что так люди страдают.

VII. ОТКАЗЫ ОТ НАСТУПЛЕНИЯ. «ЗАБАСТОВКИ» СОЛДАТ.

№ 102.

Выборка из письма за 28 окт. 406 п. Щигровский полк.
Д. Николаева, г. Кишинев, Скулянская рогатка.

У нас новостей никаких, только мы были в бою 9 суток, побил нас герман хорошо, и мы за 9 дней уложили 1/3 полка, осталось по 30 человек в роте, а теперь опять нам задали выбить германа из окопов, мы согласились, а у нас поконтузило двоих и пошли в околодок, а там поп и полковник взяли их и побили, дали по 25 розог и послали опять на позицию, а мы когда увидели, что эти контуженные пришли назад, так мы забунтовали и начали наши кричать: «Давай полковника, и попа, и врача, и тогда мы пойдем воевать», и подали телеграмму государю, что мы не хотим воевать больше, возьмите и расстреляйте сами нас, а мы больше воевать не хотим, а они говорят, что будут воевать до последнего солдата. (Письмо отправлено команд. 406 п. Щигровского полка.)

№ 103.

Выписка из письма за 4 ноября. Часть войск неизвестна.
Е. Г. Таращенко, Одесса, штаб партии травления мин. заградит. Черн. мор. тральщик. № 253.

На австрийском фронте забастовало 3 корпуса солдат, не захотели наступать; даже были действительно поезда остановлены. Затем в Москве и Петрограде идут страшные бунты. А также я слыхал, что и в Одессе был бунт. Если правильно это, что был в Одессе бунт, так, значит, и в Москве и в Петрограде бунты. (Письмо отправлено по назначению с зачеркнутыми местами.)

№ 104.

Выписка из письма за 15 ноября. Часть войск неизвестна.
К. П. Голубу, Харьков. губ., Старо-Бельского уезда, Ново-Боровской волости, хут. Скарговка.

Наверно, папаша, слышно дома или нет, что бунты почти начинаются. В городе Кременчуге солдаты забунтовали, поразбивали все здания, 60 душ полиции убили и много разных зданий побили. Казаков требовали на усмирение, но казаки ни один и руки не поднял, а

присоединились к ним. В Харькове тоже была большая катастрофа: солдаты разбили тюрьмы, повыпускали всех каторжников, также требовали на усмирение солдат, но они все присоединились к ним. На фронте уже солдаты бунтуют, не хотят итти в наступление. Мне солдат рассказывал, что когда ехали эшелоном сюда под Румынию, то они, говорит, так раза два наши брали Кремль, возьмут в руки и укрепятся, а потом, говорит, скомандуют наступать, только бьют, говорит, людей наших и только; так мы, говорит, два раза взяли, а потом нам скомандовали отступить, то мы тогда отступили, и больше нам не командовали наступать, и больше мы не пошли наступать и так стояли, то они нас заменили и везут сейчас на румынский фронт, то мы, говорят, и там навоюем. И так войска наши почти что начинают бунтовать, так что, пожалуй, к новому году совсем забастуют, и вот на ст. Раздельная тоже 4 эшелона забастовали: побили лавки и станцию за дороговизну,—их начали, было, усмирять, но нельзя было их усмирить, потому что они вооружены, выставили свои пулеметы и винтовки, тоже побили полицию... Солдаты тянут все в один гуж, а один солдат прислал письмо сюда к нам до одного и пишет так с австрийского фронта: слава богу, говорит, мы поладили с австрийцами. Каждый день, говорит, утром и вечером сходимся чай пить, а потом слухи нам пришли, что 12-я дивизия генерала Брусилова забастовала, не хотят итти, так что, наверное, скоро все забастуют. (Письмо отправлено в развед. отд. штаба Одесского военного округа.)

№ 105.

Выписка из письма за 2 декабря. Часть войск неизвестна. Капрогу, Кунеево, х. Саржа.

Вы писали, что зять Степана Григорьевича Галопенко был в отпуску, у нас отпуска нет, я хотел утекать, я здесь в Раздельной, что недалеко — 103 версты домой,— так что скоро будет мир. На австрийском фронте взбунтовались войска, и на германском фронте тоже взбунтовались войска, а теперь перегнали с этого фронта на другой фронт, так что не захотели наступать, а сидели по 3 и по 5 дней голодные. Може, на сей месяц буду дома, потому что войска не хотят воевать. (Письмо передано жандармской власти.)

№ 106.

Выписка из письма за 7 декабря. Часть войск неизвестна. К. С. Гавве, Одесса, Сергеевское артилл. училище, ком. нижн. чинов.

Новости у нас такие: в Кременчуге был сильный бунт, взбунтовалось 15 тысяч солдат пехоты, не хотели итти на позицию. Разбили коменданта всю канцелярию, попалили все списки и бумаги, разбили тюрьму и повыпускали арестантов, побили много магазинов и полицию. Вызвали казаков на усмирение, но казаки пошли и тоже начали бить и грабить. Вызвали много солдат—кавалерии, и началась стрельба еще больше, чем на позиции. Кричат «ура», пулеметы тыркают, а винтовки бухкают. Много солдат побили, друг друга поранили. Отдали генералу Брусилову дело на разбор. Когда он здоровался с нами, то некоторые молчали, а другие кричали «ура». Их всех арестовали, ко-

торые виноваты, и предали суду, а других отправили на позицию. (Письмо отправлено по назначению, недозволенное вычеркнуто.)

№ 107.

Выписка из письма за 10 декабря. Часть войск неизвестна. Я. В. Чернову. Херсонской губ., Тираспольского у., Дубовской вол., того же села.

Напишу вам новости, что, может быть, скоро будет мир, потому что не хотят уже воевать. Наши хотели наступать, и била артиллерия по окопам и разбили чисто окопы, а потом скомандовали пехоте вперед, и никто не хотел выходить из окопов, ни наши, ни враги, и был отпуск, а теперь уж закрылся, потому что в России забастовка есть. Словом, у нас слыхать, что скоро будет мир. (Письмо отправлено по назначению, недозволенное вычеркнуто.)

№ 108.

Выписка из письма за 13 декабря. Часть войск неизвестна. П. Г. Коченко, Бердянск, Гавриловка.

Дорогие родители... стоим в горах на границе Румынии и Австрии... У нас прошел приказ не отсылать наши письма, не отсылать потому, что в России у нас волнение. Написать вам нельзя, потому что письма проверяются офицерами. Посылаю с маркой, один едет в командировку и его повез. Солдаты теперь тоже стали молодцы: приказывают наступать, и не хотят итти, а это очень хорошо, и здесь в армии большое волнение; теперь вам известно, почему нельзя писать так, что по этому настроению солдат должен наверное быть мир, потому что не хотят уже исполнять, что приказывают — выходи вперед, и они себе сидят, еще говорят, и здесь хорошо будет, нам вперед незачем итти. (Письмо передано жандармской власти.)

№ 109.

Выписка из письма за 14 декабря. Часть войск неизвестна. В. И. Шевинко, Тайга, Томской губ., Алексеевская, № 3.

В Гомеле на этапе у коменданта собралось около 5 000 человек, на просьбу отправить их на фронт комендант сказал, что нет поездов. Люди жили все вместе, и вот за какой-то проступок одного казака выпороли, ему закатили 25 горячих, ну солдаты и пошли!.. Кончилось тем, что высланные на усмирение солдаты отказались стрелять. Ну, так и разошлись сами... Ну, пока прощай, следи зорко и ко всему прислушивайся, а мы не дремлем в борьбе с врагом. Будем биться, пока будет окончательно выиграна победа. (Письмо задержано.)

№ 110.

Выписка из письма за 23 декабря. Часть войск неизвестна. К. Ильченко, Кривой рог, Черногорка.

Теперь в окопах не хотят итти в наступление, стоят, никуда, и прямо идут бунты, и бог его знает, что будет дальше,— он соглашается мириться, а наш никак не хочет. (Письмо зачеркнуто.)

№ 111.

306 пех. Белгородский полк.
Вольск, Замятиной.

Мы стоим все время на одном и том же месте, как я вам говорил, в Яблоницах. Это место самое плохое, самое проклятое из всех мест. Как водится, положение наше не из завидных: стало всюду плохо, стали появляться разные нехватки и недостачи, а с этим стало иссякать человеческое терпение и изнашиваться наши железные нервы... Нет уже того, чем каждый твердо дышал и высоко держал голову; все ходят с опущенными головами; все от мала до велика стали сознавать свое бессилие, к которому привели нас те, которые руководят или, вернее, руководили судьбой великой России. Конечно, это великий секрет, но, между прочим, я должен сказать: 15 сего ноября наша дивизия должна делать наступление на одну самую высокую гору. Задача по взятию этой горы была возложена вперед на наш полк. Было все приготовлено... Был открыт артиллерийский огонь — это ночью, а утром перед рассветом полк пошел в наступление. Было пройдено некоторое расстояние... Во время этого наступления все офицеры, за исключением одного, попрятались где-то и в дальнейшую атаку не пошли, а где-то просидели... Солдаты, видя себя без офицеров, заропгали и итти в атаку отказались совершенно... Командир полка, стоявший на наблюдательном пункте, ждал атаки, но ее все нет и нет. Тогда он, обеспокоенный, приехал к полку и приказал, чтобы наступать, но солдаты отказались наотрез. Узнав об этой забастовке, начальник дивизии приехал сюда в полк и не застал ни одного офицера на месте, они были все где-то спрятаны. Одного только офицера-подпоручика застал на своем месте, которого заставил командовать полком и приказал сию минуту же итти в атаку, но и здесь все роты отказались итти, крича: «Давай есть, одевай и обувай, а то воевать не будем или все пойдем в плен!» Дело было серьезное и даже критическое, узнай при этом неприятель, он забрал бы всех нас голыми руками. За нашим полком забастовал Царевский полк, а там и другие полки нашей дивизии. Два батальона одного полка нашей дивизии целиком пошли в плен добровольно. А также забастовали на той же почве и другие дивизии... Дело, можно сказать, очень серьезное. Всех офицеров нашего полка отстранили от должностей, даже и командира полка, за исключением одного. Всех солдат хотели расстрелять, хотели, было, отобрать винтовки, бомбы и другое оружие, но солдаты не дали, да и забастовали и другие дивизии, так что некому и расстреливать: все бастуют. Всех офицеров у нас сменили, заменили другими. Да и как не забастовать — ходят чуть ли не босые, голодные и холодные, даже смотреть душа сжимается! С худыми, рваными сапогами или даже без них, в каких-нибудь гамашах, постоянно день и ночь на морозе, под открытым небом, нервы не выносят, смотря на эту только картину. Теперь что будет с нашим полком, а также и с другими, не знаю, но с позиции эти полки все сняли и заменили другими... Эти полки изолируются...

VIII. БРАТАНЬЕ С ПРОТИВНИКОМ.

№ 112.

39 кор. Воинская часть неизвестна.
Петроград, лейб.-гв. Преображ. зап. бат., 2 рота, Панченку. 28 марта 1916 г.

Я вышел и стал возле блиндажа. Австриец один начал петь. А я и говорю дневальному: «Зови его чай пить». Наш начал кричать: «Пане, иди чай пить», а он кричит: «Чай у нас свой есть». А мы кричим: «Ну, иди, хлеба дадим». Австриец говорит: «Хлеба дай» и говорит: «Иди, пане, дадим водки». Потом он кричит: «Слушай, пан, мы заиграем», и стали играть на двух скрипках. Потом мы кричим: «Слушай, пане, теперь мы заиграем», и стали играть на гармонии. Так мы с ними говорили часа два. Потом они что-то заговорили про турка, но нам это непонятно стало.

№ 113.

321 Окский п., Емельян Семенюк.
Д. Дечиль, Ровенского у.

На пасху мы с своим врагом сходились, дружески здоровались с ними и снимались на карточках. У нас нашлось много подлецов, которые, пойдя к немцу, назад не возвратились и остались там в плену.

№ 114.

44 батарея, 26 арт. бригады, Александр Парабалюк.
Житомир, хутор Хинчака.

Немцы от нас находятся на расстоянии 200 шагов. На пасху, когда сестры милосердия выдавали нам подарки, то все войска вышли из окопов, наши и немецкие, начали кланяться друг другу, затем три немца подошли к нашим проволочным заграждениям, один из них перелез их и пробыл у нас долгое время,—наши дали ему подарки и отвели его обратно, после чего к нам приходили еще 4, и они просились, чтобы их забрать.

№ 114/а.

Действ. армия.
Житомир. Апрель 1916 г.

Первый день пасхи бои совсем прекратились, немцы ходили к нам, а мы к ним в гости, нас угощали водкой, а мы хлебом, а на второй день местами началась перестрелка. Как-то чудно было: вмиг стихли раскатные выстрелы орудий и неугомонная трескотня ружей и пулеметов; люди, закаленные враги, повыходили из своих нор, гордо подошли друг к другу и подают братскую руку... Как-то не хочется верить, что они завтра будут искать случая лишить жизни друг друга.

№ 115.

Часть войск неизвестна.
Новоузенский монастырь, Пелагее Миловановой.

На первый день светлого воскресенья сходились много солдат австрийских и наших. Много они давали нам водки или ром, а еще

давали они печенье, а наши бросили хлеба им, так что мы радовались, и они вместе с нами. Прежде мы ходили все скрытно, но на первый день они ходят, и мы тоже. Ваш сын Петр Семенович.

№ 116.

Воинская часть неизвестна.
Минской губ., Лоевской волости, дер. Крупеск, Александре Костюченко.

В первый день получилась интересная картина: на участке нашего Новотроицкого полка и казачьего поприходили неприятельские солдаты в окопы к нашим поздравлять с праздником, принесли нашим солдатам яиц, и наши угостили их,—вот два человека пришли к нам в окопы в плен, но наши их не взяли и отправили, сказали, что у нас сегодня в плен не берут,— вот вышли наши за проволочные заграждения, вот их офицеры пришли с аппаратом и сняли наших солдат и сказали, что принесут завтра карточки.

№ 117.

Пол. почт. контора № 123.
Ст. Казатин, с. Дубовые Махаринцы, Исааку Бандаруку.

Окопы от окопов близко, одни других через бойницы видят, а потому нас сменили, что наши познакомились с австрийцами и одни других возят по реке Стыри лодками и возили водку от них,— вот и сменили их, нас вправо, а их влево.

№ 118.

Пит. т. Р. О. Кр. эт. п.-т. отд. № 230.
Макарьев, Костромской губ., Карцевой, Марии Ивановне.

Первые три дня солдаты наши и австрийские, вопреки приказанию, устроили перемирие, т. е. не выпустили ни одного снаряда, ни одного выстрела, ходили друг к другу в окопы, наши угощали их хлебом, а те наших земляков ромом, дружба была полная: как говорят, ходили и офицеры; даже снимались группами. Не правда ли, чудно?..

№ 119.

Д. а. Финляндский стр. п., 16 рота, Терентий Лагута.
М. Казатин, Нижегор. лаз. № 22, Якову Дунину.

На посту стояла тишина и спокойствие. Австрийцы приходили к нам в окопы днем 40 человек, христосовались, их наши 20 человек пустили обратно, а 20 захватили в плен.

№ 120.

Воинская часть неизвестна.
Ст. Набережное, Ю.-в. ж. д., с. Царево, Марфе Барабанщиковой.

На велик день наши солдаты ходили к австрийцам в окопы христосоваться, и они их не тронули, а напоили чаем и поднесли водки по чарке и говорили по-хорошему: «Когда мир будет?» Наши говорят

им: «Мы будем еще воевать два года, а на своем поставим». Но они говорят: «О нет, пане, мы больше месяца не будем, пусть германец как хочет!»

№ 121.

Андрей Инзук, 41 Селенгинский п., 8 рота.
Казатин, Киев, Каленику Ищуку.

В первый день пасхи, когда мы уже разговелись, отдохнули немного, и у нас все тихо, ни одного выстрела, стали мы из своих окопов махать шапками до своего врага, и он тоже начал махать, и стали звать друг друга к себе в гости, и так, что мы сошлись помаленьку с австрийцами на средину между проволочного заграждения, без никакого оружия, и начали христосоваться, а некоторые австрийцы были православные, то целовались с нами, и некоторые с жалости заплакали и угощали друг друга, вместе плясали, как настоящие товарищи, а потом разошлись, и, должно быть, наша история вписана в газетах.

№ 122.

5 бат., 68 арт. бригада.
Д. В. Коноплеву, Москва, Медвежий пер., 1.

Опишу вам свои впечатления. Я был свидетелем удивительного сближения немцев с русскими. Утром 10 апреля часов в 9 немцы вылезли из своих окопов и стали махать белыми платками в знак дружелюбия и, наконец, перелезли через свои проволочные заграждения и приглашают то же делать и нашим солдатам, которые сперва по одному, а потом и партией человек в 30, пошли навстречу немцам, без оружия те и другие, и вот, когда сошлись человек 70, стали угощать друг друга папиросами, сигарами, меняться деньгами, часами и др. вещами и, хотя друг друга не понимали, но объяснялись мимикой, смеялись, плясали и никаких враждебных наклонностей не проявляли, и через полчаса мирно разошлись каждый на свое место, и такие собрания были всюду и продолжались два дня, но начальство обеих сторон запретило собрания под страхом военного суда.

№ 123.

24 пех. Симбирский п.
А. А. Мансфельд, Москва, Кремль.

На праздник все немцы против наших окопов повылезли из своих окопов, и чем только возможно стараются друг друга угостить. Немцы угощают вином, папиросами, а наши хлебом. Хлеб немцы очень охотно кушают и объясняют, что у них хлеба мало. Разговаривают и объясняются мимикой и гримасами. Немцы очень ободраны, такие голодранцы, что, если бы вы встретили такого тина у Иверской, то, вероятно, подали бы ему пятак. Обуты кто в чем, некоторые в ботинках, другие в сапогах и некоторые в каких-то деревянных туфлях.

№ 124.

7 инженерная раб. дружина.
А. П. Волковой, Москва, Введенский пер., № 19/28.

Боев сейчас нет, сделали замирение, так что враг нас угощает водочкой, но и мы его не забываем, что у нас есть, и мы делимся с ним,

а что у нас есть, я вам не скажу, так что после такого гостеприимства очень скверно будет воевать. У них всюду расставлены белые флаги, говорят, что смерть умерла, и мы ждем мира и большого боя.

№ 125.

24 пех. Симбирский полк.
Л. Ф. Вершинской, Москва, Марьина роща, свой дом.

На первый день пасхи наши и немцы не стреляли, а делали друг другу визиты. Немцы угощали наших вином и сигарами, а наши давали им хлеба. Очень забавно было, как наши Фильки здоровались с немецкими. Те и другие выходят через проволочные заграждения, останавливаются на известном расстоянии, берут под козырек, затем быстро подходят друг к другу и пожимают руки. У одного немца оказался фотографический аппарат, он выстроил наших и немцев в шеренгу и снял. Через два дня фотограф просил притти за снимками, наши, конечно, не пошли, а на второй день началась обычная перестрелка.

№ 126.

Печать «Действ. армия».
И. М. Громову, Москва, Казанский вокзал.

Уведомляю, что мы в первый день пасхи ходили к австрийцам в окопы, здоровались с ними, курили вместе и говорили кое-что по-мирному, одним словом, как товарищи. Я разделил две пачки папирос, а они мне дали две своих, спрашивали у них — нет ли водки, они сказали, что скоро привезут рому, но нам дожидаться не пришлось, а который был у них, они принесли к нашим окопам, от нашей батареи наши окопы верстах в 2½. Нас в батарее пошло 5 человек, кругом ходы сообщения, они нас предостерегали от тех мест, где заложены мины; были у них в окопах, угощались, говорили, а потом их офицер сказал, чтобы мы пошли домой. Ихние солдаты говорили: «Ишь, им жалко что ли, что мы пришли в гости?»

№ 127.

Печать «Действ. армия».
В. Н. Герасимову, Москва, Славянский базар.

На пасху нас поздравляли — дивизионный командир, полковник и батальонный — и дали нам разрешение сходить к австрийцам, так и вышло — на первый день мы ходили и носили им, я понес им 1 ф. ситного, два яйца, а они нам поднесли по сотке водки красной, очень крепкая, а наши солдаты передавали им черный хлеб, за нашу порцию в два с половиной фунта давали по своему рублю, и они говорили, что у них черного хлеба не дают, а белого два фунта в день, а супу дают только 1 раз в день в 11 час. Они... говорили: когда будем наступать, то они на нас не пойдут в атаку, а сдадутся в плен. Когда мы пошли от них, австрийцы 36 нижн. чинов, 2 офицера и 1 батальонный пришли к нам, поздоровались с нашими ротными и просили отослать их в наш штаб, ибо они сдаются в плен, и остались.

№ 128.

81-я арт. бриг.
Е. Х. Котрановой, Москва, Раушская наб., № 169.

Вы, вероятно, читали в журнале о взаимных поздравлениях наших и немцев. Я, со своей стороны, этому никогда не верил, но теперь вот пришлось быть очевидцем, даже сам хотел сходить поздравить, только нельзя было покинуть пост. А ей богу интересно. Сходятся, здороваются друг с другом, угощают, кто чем может, и так далее. В одном даже месте образовался русско-немецкий клуб. В 21 играли, только жаль — офицеры разогнали, а другие даже снимались. Так, по крайней мере, знаю одну группу, с одной стороны — немец, а с другой — румын. Все стоят обнявшись. Не правда ли, очень интересно? Ведь у вас в Москве этого не увидишь.

№ 129.

Печать «Действ. армия».
В. Ф. Тапло, Москва, Фурманный пер., 18.

На позиции теперь у нас еще лучше, чем здесь, так как солдаты на пасхе сговорились с австрийскими солдатами не стрелять и все ходят совершенно свободно, но близко друг к другу, понятно, не подходят, потому что запрещено строго настрого разговаривать и приказано брать всех в плен, но зато на далеком расстоянии делай, что хочешь. Долго, конечно, продолжаться это не может, ибо у австрийцев очень часто меняются полки, и их заменяют немцы, и тогда опять пойдет пальба.

№ 130.

Часть неизвестна.
Л. И. Билану, Москва, 3 школа прапорщиков.

С австрийцами заключили 3-дневное перемирие. Многие из офицеров ходили к австрийцам в гости, даже один представитель от учебной команды ходил. Австрийцы к нам приходили, два дня вместе пили и снимались. Наконец, сдружились до того, что австрийцы заранее наших предупреждали, когда будут по нашим окопам открывать огонь по приказанию высшего начальства, чтобы наши прятались. Не знаю, долго ли такое отношение продолжалось, так как австрийские офицеры выражали не раз свое желание до конца войны в таком духе воевать. Но тут случилось недоразумение — на смену нашему полку пришел 5 пограничный полк и подложил нам свинью. Дело в том, что на пасхе наши вместе с австрийцами снимались, но карточки готовы не были для обмена, и этот обмен решено было сделать, когда все будет готово. В назначенный день офицер нашего полка пошел на свидание в заранее условленное место, с разрешения командира 5-го полка, на участке которого дело происходило. Когда же к нашему офицеру подошел австрийский офицер, то по приказанию командира 5-го полка солдаты его окружили и отправили в штаб дивизии. Такой варварский поступок командира 5-го полка нас поразил, тем более, что когда наши ходили к австрийцам в гости, то иногда до того напивались, что не могли дойти до своих окопов, и то австрийцы их не оставляли у себя, а с провожатым отсылали в наши окопы. Это происходило втайне, а теперь все вышло наружу.

№ 131.

Выборка к отчету по Киевскому военному округу за 20/V—1/VI 1916 г. Воинская часть неизвестна.
В штаб V/III армии, 2 зап. пул. р., 3 взвод. Фил. Васил. Савченку.

На первый день мы с австрийцами сходились, за руку здравствовались, и, признаюсь тебе, прелюбезный народ, не верь, что пишут про них наши книжонки.

№ 132.

Выписка из адресованного в Лифляндскую губернию письма рядового 6-го Туккумского батальона.

Вчера был первый день пасхи, я первый раз увидел немца. Дело было так: в нашем взводе есть латыш, который владеет немецким языком, тот начал в субботу вечером говорить с немцами (немецкие окопы находятся в двух-трех стах шагах), пожелали друг другу хороших праздников и обещали погоститься друг у друга и во время праздников не стрелять. Вчера показался из своих окопов близ леса немец, держа в руках белый платок, из наших окопов вышел тот же самый латыш, также держа белый платок. Немец дал так знак рукой, и оба стали приближаться друг к другу. Встретились, поздоровались и пожелали друг другу приятных праздников, потом пошли еще несколько латышей туда, а также пришли немцы, закурили и ложились на лужок. В конце концов собралось их довольно порядочно с обеих сторон, после разговоров разошлись, еще раз пожелав друг другу всего наилучшего.

Немцы передали, что с ними обращаются очень скверно, кушанье плохое, вина не дают, и многие не имеют даже рубашек. Каждый ждет мира, чтобы положить конец этим мучениям.

№ 133.

Выписка из адресованного в Лифляндскую губернию письма нижнего чина 480 пехотного Даниловского полка.

Во время пасхи сражения не было. В первый день пасхи немцы из своих окопов высунули белые флаги, что и мы со своей стороны сделали. Заключили мир на два дня, и потом немцы угостили наших своими сигарами и праздничными вышивками, так что два дня мы немного жили. На третий день пушечные выстрелы и шрапнели напомнили нам, что пора начать работать. Между нашими и немецкими окопами находится один большой погреб с картофелем, туда наши идут за картофелем, но раз случилось, что немецкие и наши солдаты там встретились. Немцы набивали мешки картофелем и, по дружески раскланявшись, ушли своей дорогой, теперь картофель уменьшается, что вызывает ссоры, и некоторые из-за ссоры положили там свою жизнь.

№ 134.

Выписка из адресованного в гор. Гельсингфорс письма нижнего чина 47 Сибирского стрелкового полка Павла Лукерьина.

В 12 часов дня мы увидели германцев, машущих белыми платками. Наши тоже пошли. Встретились на одной речке Миссе. Они начали

плясать под нашу гармонь. Они кидают папиросы, а мы им яйца, они нас очень благодарили за угощенье, — говорят, что надо бросить воевать.

№ 135.

Письмо в Гельсингфорс, транспорт «Рига», Мих. Марк. Светличкину от солдата Вас. Ив. Степанова (воинская часть не указана). 3 Кавказский стрелк. полк. Письмо датировано 10 апреля 1916 г.

На первый день пасхи мы ходили христосоваться с германцем в 11 часов дня, и гуляли мы с ними до вечера; они очень были нам рады и угощали нас ромом, кто напился допьяна, и цыгарками угощали нас, и собиралось нас по сто человек и по двести в кучке. У нас была гармонь, наши играли, а германцы плясали, также и наши, и ходили все по-открытому между наши и ихние, и мы были все очень рады, что нам никому не угрожала смерть. Германцы все ждут мира и просят.

№ 136.

Выписка из письма от 19 ноября. Часть войск неизвестна. А. Н. Сурилову, Одесса, Ст. Дача.

Солдаты теперь сильно рвутся вперед, хотят сильно увидеть Берлин, на-днях у нас 40 человек сами ушли в плен, а что будет дальше, то бог его знает, наверно, скоро совсем бросят воевать. Мы теперь с германцами живем совсем мирно. Частенько с ними вино выпиваем; некоторые бывали в германских окопах, часто беседуем, они говорят: «Рус, довольно уже воевать». Говорят: «Вы больше не наступайте, а то бить вас будем, а мы тоже не будем наступать». Говорят: «Если только не замирите эту зиму, то мы будем иным способом воевать, — если орудиями вам ничего не сделаем, то газами задушим вас». (Письмо отправлено в жандармское управление.)

№ 137.

Выписка из письма за 24 ноября. Часть войск неизвестна. Е. Новачуковой, Одесса, Успенская, 17, кв. 3.

Мы теперь работаем на передней линии, на болоте делаем газ, и очень тяжело нам. Если бы я рассказал, то вы бы не говорили, что так приходится на свете жить. Затем расскажу вам новость — в октябре в нашей местности приходили германцы в наши окопы и говорили, что они не хотят воевать, приносили водку и вино нашим солдатам, а у наших солдат просили хлеба и еще просили наших солдат, чтобы наши тоже не стреляли и не шли в наступление, так наши солдаты не пошли в наступление, — так хотели отнять оружие, но они хотели бунтоваться, а теперь так сидят в окопах и не стреляют, и германцы тоже не стреляют,—так нам хорошо работать, но всетаки опасно, — не все же хорошие, найдется какой плохой. Мы работали в ста шагах от его окопов, и видно, как и они там работают. (Письмо отправлено в штаб Одесского военного округа.)

№ 138.

Часть войск неизвестна.
70 пех. Ряжский полк, пулеметная команда, А. Можаеву.

Сейчас стоим очень тихо, ходим друг к другу в гости, а боев с сентября нет, потому что солдаты не идут в наступление, вот немцы дают нам ром, вино, спирт и коньяк, а мы им хлеба и сахару, а иначе жить нельзя: у них окопы на горе, а наши в болоте, так что поневоле приходится дружиться. (Письмо задержано. Выясняется воинская часть).

№ 139.

Часть войск неизвестна.
237 Грайворонский п., 1 р., Петру Дубцеву.

Солдаты наши ходят к германцам, а они к нам и говорят: «Рус, не стреляй, и мы не будем».

IX. ИНТЕРЕС К ВНУТРЕННИМ СОБЫТИЯМ И НАРАСТАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО НЕДОВОЛЬСТВА.

№ 140.

Воинская часть неизвестна.
Тульской г., Холмуш. почт. отд., с. Астряцово, Михаилу Гавриловичу Овсянникову. Январь 1916 г.

Война скоро должна окончиться, потому что все уже стали выдыхаться. После войны будут большие смуты за границей и у нас.

№ 141.

Воинская часть неизвестна.
Петроград, набережная Черной речки, д. № 47, кв. 41, Мусатову. Январь 1916 г.

Я не могу представить себе той радости, когда узнал, что наши товарищи братья торжественно ознаменовали день 9 января. Я очень доволен, что наши братья не пали духом. В каком положении находится наше государство, общий дух народа, имеется ли связь с армией, что предполагают в дальнейшем действия наших социалистов и вообще пролетариата всех стран? Я думаю, что вы все это знаете и подробно сообщите.

№ 142.

334 пех. Ирбитского п.
з. Меламеду в Бердичев, Русский торг.-пром. банк.

Да, что-то готовится там в тылу... И если правительство во-время не оглянется, несдобровать ему. (Подпись — Л ю д в и к.) Представлено начальнику военно-ценз. отд. штаба главнокоманд. армиями юго-зап. фр. при рапорте 8 марта № 15.)

№ 143.

Пол. почт.-тел. контора № 8.
Рязань, 250 зап. б., 2 р., 4 взвод, М. Лещинеру.

Интересует конечно Государственная дума, хотя нам нет чего хорошего ожидать...

№ 144.

Воинская часть неизвестна.
Петроград, просп. Забалк., 126, С. Фролову. Март 1916 г.

Эта война всех нашла, только не находят стражников, а то всех гонят, не разбирают никого, и неизвестно, когда подавится эта война.

№ 145.

Воинская часть неизвестна.
Одесса, Моск. ул., 158, И. Носоцкой. III. 1916 г.

Кормят хоже собак, изнуряют работами хоже каторжников... Не ждать нам свободы от наших правителей, а лишь большого рабства и нищеты в будущем... Куча богачей, утопая в роскоши, жмет наших жен и детей бронированными кулаками толстопузой полиции. Все до нас доходит, и мы прекрасно знаем, что там делают с вами, хотя и стараются между вами и нами пускать облако скрывающего тумана.

№ 146.

Благовещенск, Березники, Евд. Антоненко. 15 марта.

Мы все надеялись на Думу, авось что-либо хорошего сделает для нас, но, видно, надежда-то плохая.

№ 147.

Полк. подвижн. госп.
Москва, Б. Царицынская, 25, А. Н. Крюковой.

В том [1905] году мы сами были дураки, убивали своих ради нынешних врагов.

№ 148.

31 пех. див.
Белгород, Садовая ул., Макагоновой. Октябрь 1916 г.

...Пора настанет для восстания наших братьев, когда не будет слышно грохота пушек.

№ 149.

Воинская часть неизвестна.
В 52 пех. п., ст. унт.-оф., Александру Кудряшову.

...И вот теперь наш корпус заступил 16 сентября, и хотят начальство наступать, но солдаты упираются, не хотят выходить в наступление, потому что ничего не выйдет... Не знаю, что будет, солдаты стали поговаривать о другом.

№ 150.

Воинская часть неизвестна.
Одесса, Раскидайловская ул., 12, А. Н. Коньковой. Октябрь 1916 г.

Слышно, что полки не хотят итти в наступление. В общем, пора кончать братоубийственную войну. Враги за спиной, а не впереди. (Письмо отправлено в жанд. упр. г. Одессы.)

№ 151.

Письмо в «Армейский вестник», анонимное.

Просим напечатать, что все нижние чины требуют, чтобы призваны на позицию были стражники, городовые и жандармы, без которых мы воевать не будем больше, а если не призовут их, то поголовно все пойдем в плен. Кого они оберегают в России? Только бьют наших жен да берут взятки.

№ 152.

Выписка 4 декабря. Воинская часть неизвестна.
Одесса, Раскидайловская, № 26, В. Оровиц.

Всем надоела война... Больше ждать, чем ждали, уже не будем, недовольство растет с каждым днем. Оно переходит в глухое раздражение[1]). Мы стоим на пороге великих событий. Можно многое еще сказать, да нельзя.

№ 153.

Воинская часть неизвестна.
П. Н. Мазенцовой, Бердянск, Гостиная ул.

Здесь в армии большое волнение, надоело уже очень воевать, уже несколько раз приказывают итти в наступление, но солдаты не выходят из окопов и конец, — так что наступление оставляют... У нас слышно, что в России у вас волнение. К нам письма теперь идут очень плохо, — если мы отсылаем, то проверяются офицером, и немного не в порядке—разрывают письмо. (Письмо передано жандармской власти.)

№ 154.

Выписка из письма за 15 декабря. Часть войск неизвестна.
Л. Д. Шерр, Одесса, Елизаветинская, мебл. комн. «Надежда».

Жизнь становится и здесь дороже, а уж там я не говорю, что с каждым днем до ужаса подымаются цены. Боже, до каких размеров дойдет все это и можно ли существовать всем малоимущим, не говоря уже, что всем беднякам грозит смерть!.. Живется хорошо только кучке мародеров. (Письмо отправлено по назначению, недозволенное вычеркнуто.)

X. СОЛДАТЫ И ВОПРОС О ЗЕМЛЕ.

№ 155.

Через вашу редакцию прошу спросить «Киевлянку». Где наша земля? Спросить каждого солдата, этого защитника земли русской, и он вам ответит, что служил до войны у какого-либо помещика и для пропитания своего зарабатывал кусок хлеба, а теперь за их барскую жизнь ставь свою голову под неприятельский меч.

Спросите, и каждый солдат вам ответил бы, как он жил и где находился в мирное время. 10% нашего брата ответят, что имеют 1/4 десятины земли, а остальные все вам скажут, что жили у помещиков, на фабриках, в Америке и прочих местностях, не имея своего постоянного приюта. А что же вы думаете, будет после войны не то же самое, что было и раньше? Служили в подчинении у помещиков, да то же и бу-

[1]) В подлиннике «рассужденне».

дет после войны. Когда началась война, то раньше всего обратились к этим защитникам, — как вы говорите, — которые не имели и не имеют своего приюта, обеспечивающего будущую жизнь. Вы, наверное, знаете, как обеспечены наши семьи, оставившие свои места по случаю занятия их противником. При такой дороговизне разве можно прожить сутки за 20 коп.? Хорошо, кто может заработать себе кусок хлеба, а кто остался с маленькими детьми или старики, какое они испытывают горе, сколько их теперь ушло из-за этого на тот свет.

Посмотрите вы на высших, как мы их называем, помещиков, офицеров и прочих, — да вообще их много есть, которым мы служили раньше и подчиняемся теперь. Они обеспечены, получают хорошее жалованье, семьи обеспечены всем необходимым, хотя они и находятся на позициях, но не там, где мы, а за 4—5 верст, исключительно прапорщики находятся с нами в окопах, которые из таких, как и мы. Почему же им при таких условиях не воевать?

Кто больше страдает в эту пагубную войну, не наш ли брат? Кого больше погибает, не нашего ли брата, страдающего не только в настоящее время, а также в прошедшее? А что вы думаете, что может быть лучше будет нам после войны?

На каждом шагу услышишь от нашего брата слова: «За что нам воевать, у меня ничего нет, за что мне голову класть? Такую жизнь, какую я имел в России в мирное время, я найду везде, и думаю, что в Германии или Австрии будет не хуже жить, чем в России при таких обстоятельствах». Сердце болит и исходит кровью при слышании таких разговоров. Этих слов, конечно, начальство не слышит и слышать никогда не может. От чистого сердца сознаюсь, что почти все солдаты стремятся попасть в плен, особенно в пехоте, и если высшее правительство не улучшит положения бедного крестьянина, который может спасти еще Россию от унижения, то славившаяся дорогая родина останется униженной навсегда. Почему наша Россия осталась в таком плохом положении, а потому, что наше правительство заглушило жизнь бедного крестьянина, которому не за что класть свою голову. Давно пора покончить с этим делом. Тогда только русский воин не будет сдаваться в руки противнику, когда его жизнь будет обеспечена.

Если хотите узнать, какое настроение в наших войсках, которые находятся на позициях, то вы переоденьтесь в форму нижнего чина пехотинца и поживите между нами хотя несколько дней, тогда увидите все, чего нам нужно, какое в армии настроение.

Бедный крестьянин.

14/I 1916 г. Действующая армия.

Благоволите об этом довести до сведения высшего командования. Редакция штаба XI армии часто сообщает, что настроение в нашей армии очень хорошее, но она тяжело ошибается в таких известиях. Прошу убедиться в этом деле.

№ 156.

16 рота 497 Белецкого полка, А. Кулеш. Киев, Левашовская, 22, кв. 3, барону Менгдену фон-Альтенвоге. Март 1916.

Я уже несколько раз натыкался на такое солдатское мнение, что в России большие господа, лучше сказать, крупные помещики, затеяли

войну, дабы истребить мужиков, чтобы избавиться, так как мужики посягают на помещичью землю, — надо разъяснить.

№ 157.

Прочитай своим солдатам, передай дальше по ротам [1]).

Я, крестьянин, обращаюсь к вам, братья, докуда будем губить себя, т. е. крестьянина, настанет время, надо губить тех зверей, которые губят миллионы людей. За какие-то интересы чужие кладем свои головы. Мы были рабами тех же зверей и останемся тех же зверей работниками. Не все ли равно, быть работниками под властью царя Вильгельма... У нас в России ценят труд обжоры, которые жиреют нашим потом. Помните, братцы, чтобы убить зверя, который миллионы губит людей за свой интерес, надо действовать, пока оружие в руках. Первое: долой царя, убить его, поубивать пузанов, которые сидят в тылу, да в тепле гребут деньги лопатой и губят нас, крестьянина... Долой царя, долой правительство!

1917 год.

I. НЕУДАЧИ НА ФРОНТЕ И ВЛИЯНИЕ ПОРАЖЕНИЙ НА НАСТРОЕНИЕ СОЛДАТ.

№ 158.

Часть войск неизвестна.
Ново-Астрахань, Ефиму Оридочан.

Наши военные дела не весьма важные... Повидимому, так и кончатся на неблагоприятных условиях; это потому, что мы можем только на бумаге расписывать хорошо, а на деле пусть обзывается кто-нибудь другой. Все расписывали, что выступление Румынии нашему противнику собьет спесь, и погибнет [его] армия, а он с перепугу да занял Бухарест, с которым уже надо распрощаться навсегда, так, как и нам с Польшей, а на бумаге мы все забираем и забираем и похвалиться прежде времени умеем. Мы будем похваляться на бумаге и расписывать в газетах, а войска наши будут бить и свою землю отдавать.

№ 159.

Полевая военная хлебопекарня.
Харьков, Медицинский институт, Анне Завьяловой.

Наши чудо-богатыри уронили дух храбрости, а мечту о возврате потерянного, т. е. изгнание неприятеля, оставляют в покое. В настоящее время, кажется, ни один солдат не верит в то, что неприятеля можно разбить в прах. Теперь мысли наших солдат иные. Я от многих слышал разочарование в победе, хотя всем без исключения нежелательно оставаться в таком конфузном положении дел, но нет надежды на лучшее теперь, в ожидании другого (как бы это тяжело ни было) конца.

---

[1]) Письмо было адресовано I роте одного из полков 42 Сибирской стрелковой дивизии 7 стрелкового армейского корпуса, в июне 1916 г. — *О. Ч.*

II. БРАТАНЬЕ.

№ 160 [1]).

210 пех. Бронницкий полк, команда связи.
19 артилл. бригада, 4 батарея, Сенькевичу.

Мы стояли в Берести, то с немцами сходились и вино у них пили... Но не так наш полк, как 209. Тот уже сходится опять, так что и наш скоро поладнают. (Письмо отправлено начальнику 58 пех. дивизии.)

№ 161.

209 пех. Богородский полк, 4 рота.
178 пех. запасный полк, Зюзину.

...Мы ходили к нему в гости, и он к нам, мы ему давали сахару и хлеба, а он нам табаку, вина... (Письмо отправлено начальнику 58 пех. дивизии.)

№ 162.

405 пех. Льговский полк, 3 рота, от Брянова.
237 пех. запасный полк, 12 рота, Фиранову.

У нас наши солдаты сходятся с германцами, наши солдаты дают им хлеба, а они нашим дают вино.

№ 163.

Печать «Действ. армия».
Г. И. Попову, село Ялты, Екатер. губ.

В одно прекрасное время наши герои и немцы сошлись вместе и поздравляли друг друга, подали руки и поцеловались; они нас угощали папиросами и водкой и коньяком, спиртом, а мы им давали нашего хлеба, который нужно было рубить топором, и им хлеб не понравился, и сказали, хотя им и мало дают хлеба, но не такую гадость, — давали им сахар. Германцы чисто одеты и веселый народ. Наши и полевые караулы вместе всю ночь сидят, гуляют, а утром возвращаются пьяные. Да, подружились с немцами.

№ 164.

39 саперный бат.
А. Н. Стрельниковой, Москва, Введенский п., 15.

У немцев теперь рождество, и наши ходят к ним пить чай. Живут, видимо, дружно. Из окопа видно их, они такие старые, угрюмые, хотя каждый день и у них слышна музыка, или граммофон, или еще что нибудь. Я думаю сходить к ним на рождество.

---

[1]) №№ 160, 161 и 162 — выборки из писем за период с 15 декабря 1916 г. по 15 января 1917 г. по Киевскому военному округу. №№ 163 и 164 — выдержки из писем из действующей армии, просмотренных Московской военной цензурой и представленных при обзоре от 16 января 1917 г.

№ 165.

12 гренад. Астраханский полк.

Андреевской, Москва, Каланчевская, № 11. Выдержка из письма из действующей армии. Представлена при обзоре от 13 февраля 1917 г. цензурой при Моск. военном округе.

Стоим на Волыни, и вот наши окопы и немецкие бывают очень близко, и вот такие случаи бывают, что австрийцы переходят к нам каждый день по 5, 10 и целыми ротами, а то был один случай такой,— конечно, на позиции всегда возят обед и ужин вечером темно, для того, чтобы не было обстрелу, и вот наш один солдат набрал каши котелок и заблудился, вместо своих окопов он попал в австрийские; они кашу съели, а его напоили пьяным и послали обратно к нам и сказали: «Рус, не стреляй, и мы не будем стрелять», и просят: «Дайте нам хлеба, сахару, а мы вам вина», — то наши солдатики наденут буханок хлеба на штык и кидают им в окопы, — и так делают, есть большие воронки близ окопов от вырытых снарядов, то наши кладут туда хлеба, а сами делают засаду на них, и приходят австрийцы, а наши ловят, но они просят: «Рус, отпусти нас, потому что нашим семьям не дадут пайка», но наши тоже пускают их обратно, а то записки кидают в наши окопы и называют свои фамилии, что они сегодня придут в плен. Есть еще и другие случаи, но этого нельзя писать.

№ 166.

2 кавалерийский корпус.

Село Юрино, Нижегородской губ., Павлу Алякринскому. Выборка из писем за период с 15 декабря 1916 г. по 15 января 1917 г. по Киевскому военному округу.

...Больше нас интересует теперь не война, так как она уже надоела, а наша внутренняя жизнь... Теперь только для всех стало ясно, насколько хорошо наше правительство и на что оно способно. Ведь вся наша разруха, дороговизна и разные кризисы только благодаря нашему мудрому правительству, которому и сейчас не хочется оставить свою власть, и оно все еще держится, несмотря на то, что Государственная дума и Государственный совет и даже бывший оплот — дворянская организация — все говорят, что с таким правительством совместная работа невозможна, и потому оно должно уйти, и оно не уходит, хотя и заменяет одного министра другим.

№ 167.

Печати нет.

В. И. Петрову, Москва, Москворецкая ул., маг. Седакова. Январь 1917 г.

Следя по газетам за нашей внутренней жизнью, невольно напрашивается вопрос: да где же и кто опасней из врагов, тот ли, с которым мы боремся здесь в окопах, или же там у вас сидящие на верхах и заправляющие судьбами родины?

№ 168.

Воинская часть неизвестна.

В 172 пех. зап. полк, 12 рота, 2 взвод, Павлу Матв. Горланову. 1 января 1917 г.

Сейчас простоим до 12 января в резерве, а сменились 29 декабря, а потом опять придется заступать в окоп, опять на проклятую сопку придется лезть, которая страшнее даже пули: на нее когда лезешь, то проклинаешь все на свете. Третий год уж как воюют, третий год уж как нас бьют, а враги все торжествуют... Долго ли будет это рабство, долго ли мы будем молчать? Эх, товарищи, пора бы эти цепи разорвать! Товарищи, смелее за спасение жен, детей, грудью встанем на бандитов, Русь избавим от цепей! Павлуша, этот рассказ солдат, наши ребята сочинили. Письма я тебе часто пишу, но не знаю, почему не доходят.

№ 169.

Воинская часть неизвестна.

В действ. армию, в 254 зап. п., 14 р., 3 взвод, Гр. Гр. Ердякову.

Нового ничего нет, а мир — вы спрашиваете про него — тоже скоро не будет, потому что мир у солдат в руках, а их много еще серых,— когда все обумятся, тогда и мир будет... Прибил бы все начальство, не побоялся греха, но солдаты дурака валяют, не могут себя освободить.

№ 170.

78 пехотный запасный полк, Алексей Брандловский.

Пища дрянь... Я с нетерпением ожидаю минуты, когда фронт повернется в обратную сторону лицом и потребует оплаты по счетам. Я стараюсь сделать все возможное в этом направлении, настроение у всех скверное, озлобленное. Говорят, Москва начинает шевелиться, но правильно узнать нельзя. (Письмо препровождено начальнику штаба.)

№ 171.

Из сводки по Петр. военной цензуре с 25/I по 10/II 1917 г.

Не враг-германн нам страшен, его наши бьют, а страшен внутренний враг, которого разбить нелегко.

№ 172.

Отчет о настроении войск Особой армии по письмам за февраль 1917 г. и выдержки к нему.

а) 38 Тобольский пех. полк.

Смотрите, дети, здорово на жизнь и отличайте тех добрых людей, которые народу желают просвещения и одного добра, а также тех, которые Россию довели до полнейшего разложения. А раз вы сведущие люди, то вы хорошо будете понимать, кто с народа пот и кровь пьет и кто народу просвещения и добра желает, тому народу, который в эту тяжелую войну всю тяжесть войны несет на своих плечах и за это по-

лучает ежемесячно от 75 коп. до 9 руб., а там вдали на родине семья его почти с голода в России помирает. Честность и справедливость любите больше всего на свете, хоть бы за правду пришлось от нашей полиции и помереть. За свободу честного, справедливого народа не бойтесь и смерти получить. Будьте же вы по гроб своей жизни честны и справедливы, хотя бы за это от полиции и умереть пришлось! Смерть за правду не бойтесь получить. (Письмо отправлено начальнику штаба.)

б) Часть неизвестна (34 корпус).

Мы кое-что знаем: как часть людей голодает, другая утопает в вихре безумных страстей и увлечений. Ненасытная алчность одних и горе других не может объединить всех в одной общей цели, нельзя мечтать о славе и победе, когда царит такой невообразимый хаос. Мы все видим и знаем, но бог еще терпит...

в) С тыла.

Дорогой мой, идут все время в г. Верном забастовки, бабы начали душить купцов, посадили 50 женщин в тюрьму, ну, и неизвестно, что будет им, и так все время по г. Верному ездят казаки вооруженные и солдаты для усмирения бунтов. (С помарками отправлено по назначению.)

Московский Военно-революционный комитет

Под таким же заглавием в XXIII томе «Красного архива» была опубликована часть хранящихся в Центрархиве секретарских записей Московского Военно-революционного комитета.

Настоящая публикация заключает в себе остальную часть этих секретарских записей, дополненную вновь разысканными документами. Кроме того в нее включены те отчеты о заседаниях Московского Военно-революционного комитета, которые были опубликованы в выходивших в дни октябрьских событий 1917 г. «Известиях Московского Военно-революционного комитета» и «Известиях Московского совета».

Указание секретарей Московского Военно-революционного комитета — тт. С. Б. Бричкиной, А. Ф. Темкиной, Р. Орловой, Е. Ломтатидзе и А. А. Додоновой, приведенное в предисловии к первой публикации, о том, что «среди обсуждения серьезнейшего вопроса неожиданно врывалось новое событие, требовавшее исключительно спешного разрешения, вследствие чего приходилось возвращаться к одному и тому же вопросу по нескольку раз», что сказывалось на самом изложении секретарских записей, нуждается еще в одном дополнении: так как заседания носили затяжной, или, как говорят некоторые воспоминатели, «перманентный» характер, то присутствовавшие на них секретари вели запись поочередно, но каждый на своем листе бумаги. Делалось это, очевидно, с тем, чтобы при оформлении протокола связать отдельные записи на разных листах в единое целое. Но оформленные протоколы в архивных фондах находим главным образом только за последние дни существования Московского Военно-революционного комитета.

На сохранившихся же секретарских записях мы сплошь и рядом не находим указаний ни на время заседания, ни на имена его участников. В этом сказалась как малая опытность работников, так и их усталость: и заседания и записи велись сплошь и рядом не знавшими отдыха в течении ряда суток людьми. Поэтому совершенно ясны причины нечетких формулировок и подчас трудно поддающихся расшифровке записей.

В настоящую публикацию включены следующие вновь публикуемые документы: 20 секретарских записей заседаний и журналов постановлений Московского Военно-революционного комитета, 3 записи, сделанные на его заседаниях одним из представителей районов, 7 отдельных постановлений Московского Военно-революционного комитета, 3 секретарских записи Замоскворецкого районного военно-революционного комитета, 1 постановление партийного боевого центра, 2 протокола собраний представителей районных военно-революционных комитетов и 1 протокол междупартийного совещания 6 ноября. Всего 37 документов.

Неразысканными остались секретарские записи, протоколы и журнальные постановления двух заседаний — в ночь с 25 на 26 и 31 октября.

В XXIII томе «Красного архива» было опубликовано 22 секретарских записи.

В целях систематизации всех этих документов в предлагаемой вниманию читателей публикации два неразысканных и 22 опубликованных в «Красном архиве»

документа включены в общую нумерацию публикуемых документов (без изложения их текста) в хронологическом порядке.

Примечания к данной публикации по их характеру можно разбить на три группы:

1) Примечания к неразысканным секретарским записям (заседания в ночь с 25 на 26 октября и 31 октября) являются попыткой восстановить происходившее на этих заседаниях на основании архивных документов и современных газет.

2) Примечания к публикуемым документам заключают в себе разъяснения, на основании архивных документов, существа данной записи, ссылки на другие архивные документы и публикации, а иногда и тексты разъясняющих документов, а также разъяснения, почему данный документ, если он не датирован, отнесен составителем к тому, а не другому дню.

3) Некоторые примечания к документам, опубликованным в XXIII томе «Красного архива», увязывающие их с вновь публикуемыми документами.

В примечания, как правило, включены и указания на те ошибки, которые были допущены в прежних публикациях и важнейших воспоминаниях.

Так как объем настоящей публикации заставляет редакцию разбить ее на несколько частей ввиду технической невозможности ее опубликования в одном томе, вступительная статья соответствующе разбита на части и относится к тем документам, которые публикуются в каждом данном томе.

***

По получении телефонограммы В. П. Ногина и В. П. Милютина о совершившемся в Петрограде перевороте образованный утром 25 октября партийный боевой центр большевиков еще до избрания московскими советами Военно-революционного комитета приступил к боевой работе. По его распоряжению революционными войсками были заняты почта и центральный телеграф, установлена военная охрана совета и здания Политехнического музея, где происходило вечером 25 октября заседание пленума московских советов; послана была и военная охрана в Государственный банк. Приняты были меры к закрытию буржуазной печати.

Районным комитетам партии было предложено избрать районные боевые центры, организовать свои боевые центры на фабриках и заводах, занять комиссариаты милиции.

Московская партийная организация мобилизовала всех своих агитаторов и организаторов для приведения в боевую готовность рабочих и солдатских масс Москвы.

С образованием Московского Военно-революционного комитета, приступившего к работе после 12 часов ночи на 26 октября, партийный боевой центр продолжал вести работу совместно с большевистской частью Военно-революционного комитета.

В состав Военно-революционного комитета входили, кроме большевиков, меньшевики и объединенцы. В Петрограде Военно-революционный комитет как орган боевого действия сконструировался только из большевиков и левых социалистов-революционеров.

Дезорганизаторские попытки вошедших в состав Военно-революционного комитета меньшевиков не увенчались успехом: большевистское большинство проводило все свои решения, не обращая внимания на их протесты и возражения.

Как видно из публикуемого здесь вновь разысканного журнала заседания Московского Военно-революционного комитета 27 октября, немалое влияние на деятельность его оказывала также правая часть фракции Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов, примыкавшая к так называемой «каменевской» ориентации.

По настоянию приехавшего утром 26 октября из Петрограда В. П. Ногина, при поддержке этой группы, были начаты переговоры с командующим Московским военным округом полковником Рябцевым.

Неуверенность отдельных товарищей в том, какую позицию в дни восстания займет московский гарнизон, поскольку президиум Совета солдатских депутатов находился в руках эсеров и меньшевиков, несмотря на то, что при выборах в районные думы в сентябре московский гарнизон отдал 90% своих голосов за списки большевиков, и слабая вооруженность московских рабочих и солдат,— вот те мотивы, которыми В. П. Ногин и другие обосновывали необходимость вступления в переговоры с командующим войсками Московского военного округа полковником Рябцевым.

Партийный боевой центр и Военно-революционный комитет на совместном заседании большинством 9 голосов против 5 решили переговоры с Рябцевым вести.

В принятии этого решения немалую роль сыграла та информация, которую 26 октября привез из Петрограда В. П. Ногин. В своем сообщении исполнительным комитетам московских советов В. П. Ногин сказал, будто бы взявший власть в свои руки Петроградский Военно-революционный комитет составлен из представителей всех фракций совета, подчеркивая при этом бескровный характер совершившегося переворота.

Рябцев, заявлявший, что он подчинится воле демократии, т. е. органу власти, составленному из представителей всех социалистических партий, переговоры вел до момента получения им сообщения из ставки об отправке с фронта подкреплений Московскому комитету общественной безопасности.

Развернувшаяся в районах по указаниям партийного боевого центра и Военно-революционного комитета работа по организации советской власти в районах и мобилизации масс не прекращалась ни на минуту, несмотря на происходящие переговоры. Сам факт переговоров был встречен протестами рабочих и солдат.

В ночь на 27 октября Московский комитет партии вынес постановление о прекращении переговоров с Рябцевым.

Переговоры имели своей задачей получение согласия Рябцева как командующего войсками округа на выдачу оружия для Красной гвардии. Рябцев от прямого ответа по этому вопросу увиливал. Условием ведения переговоров об оружии он поставил отмену Военно-революционным комитетом отданных им частям московского гарнизона распоряжений и замену охранявших Кремль революционных частей юнкерами. На это Военно-революционный комитет не пошел, и 27 октября переговоры закончились предъявлением Рябцевым ультиматума о роспуске и аресте Военно-революционного комитета.

Нападение юнкеров на отряд «двинцев», вызванный Военно-революционным комитетом в Совет, во время его следования по Красной площади было началом открытия боевых действий.

Юнкера повели наступление на Совет, охватив его тесным кольцом.

В 6 часов утра 28 октября партийный боевой центр, для того чтобы обеспечить руководство восстанием в случае, если Военно-революционный комитет будет отрезан от районов, перешел в один из районов, оставив в Военно-революционном комитете для связи и руководства двух своих членов (И. Н. Стукова и В. И. Соловьева).

Военно-революционный комитет перешел в решительное наступление, встретив дружную поддержку рабочих и солдатских масс Москвы.

В следующем томе «Красного архива» будут опубликованы документы Московского Военно-революционного комитета, освещающие дальнейшие этапы героической борьбы московских рабочих и солдат.

Э. Рожен.

№ 1. Заседание Московского Военно-революционного комитета в ночь с 25 на 26 октября 1917 г.

(Протокольные записи не разысканы) [1]).

№ 2. Постановление Замоскворецкого районного военно-революционного комитета [26 октября 1917 г.] [1]).

Во 2-м Пятницком комиссариате смещены и арестованы комиссар и его помощники. Арестованы и доставлены в районный Замоскворецкий революционный военный комитет, который постановил освободить их, с устранением от должности. Временно, по соглашению с районными управами, посты замещены.

В 1-м Пятницком комиссариате смещены и арестованы старший помощник комиссара и два помощника комиссара, которые отказались подчиниться Замоскворецкому революционному военному комитету и по постановлению Замоскворецкого революционного военного комитета освобождены.

Также смещены не повиновавшиеся комиссары в 1-м и 2-м Серпуховском комиссариате. Комиссариаты функционируют нормально. 1-й и 2-й Якиманский работают в полном контакте с Замоскворецким революционным комитетом *).

Учреждена охрана из Красной гвардии на электрической станции «Общества 1886 года» силами рабочих [2]). Постановлено назначить комиссара для контроля **).

(Подлинная запись карандашом, ЦАОР, ф. МВРК, п. 1, л. 509.)

№ 3. Заседание Замоскворецкого военно-революционного комитета [26 октября] 4 часа дня.

В ответ на телефонограмму из центра о выступлении послан т. Фельдман для выяснения [1]).

Во 2-м Пятницком комиссариате освобожденные комиссар и помощники вернулись в комиссариат и начали вести агитацию за Временное правительство; на их сторону стали милиционеры.

Постановлено:

Во 2-м Серпуховском комиссариате помощник комиссара не подчиняется Замоскворецкому революционному военному комитету и не дает сведений.

Постановлено: [2])

(Подлинная запись карандашом, ЦАОР, ф. МВРК, п. 1, л. 509.)

№ 4. Постановления Замоскворецкого военно-революционного комитета 26 октября 1917 г.

1. Заслушав телефонограмму из центра, постановили занять строго выжидательную позицию [1]).

---

*) Далее зачеркнуто: «Постановлено на просьбу вернуть реквизированный автомобиль из командного комитета штаба инспектора инженерной части требовать от штаба представить удостоверение от [зачеркнуто: Центрального комитета] Солдатского комитета».

**) Далее зачеркнуто: «Постановлено выработать инструкцию Арматурному».

II. Поручить районным управам озаботиться приглашением комиссаров в те участки, где комиссары сняты или сложили свои полномочия [2]). Для выяснения положения дел в комиссариатах командировать в объезд стрелков и Арутюнянца. 9 часов *).

III. Поручить т. Крукле [?] реквизировать второй автомобиль на фабрике Брокар [3]).

IV. Назначить т. Ротшильда помощником начальника районной Красной гвардии [4]).

V. Утверждается Красный крест, организованный Союзом молодежи, и поручается ему все организовать, обещая поддержку и средства [5]).

VI... **).

(Подлинник карандашом, ЦАОР, ф. МВРК, п. 1, л. 507.)

№ 5. [Запись представителя одного из районов, присутствовавшего на заседании Московского Военно-революционного комитета]. 27 октября 1917 г. [1]).

При каждой воинской части — представитель.

Информация.

Связь с советами.

О продовольствии.

В контакте с районными думами, советам назначить продовольственных комиссаров.

Реквизиция пищевых продуктов — через центр.

[Районные] комиссары создают себе помощников, которых присылают в центр для доклада в комиссию по организации районов Военно-революционного комитета [2]).

В распоряжении [районных комиссаров находятся: 1)] милиция [и 2)] Красная гвардия.

О военной силе обращаться в центр, [по телефону совета] 64—20, доб. 20 и 25.

Электрическое освещение. Стратегические цели. О военных операциях [3]).

Связь с Кремлем [4]).

Связь с полковыми комитетами. Попечитель части [5]).

Контроль и в свои руки милицию, почту и телеграф.

Инструкция [6]).

Весь район в боевом порядке.

Союз милиционеров — все чины находятся в полном подчинении военно-революционным комитетам. Союз дает советам телефон [7]).

Занимать комиссариаты милиции или ставить к ним контролеров ***). При назначении считаться с пожеланием милиционеров.

(Подл. запись карандашом, ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 588 и оборот.)

№ 6. Продолжение.

50 городов присоединилось (в том числе Киев, Харьков). Черноморский флот — наш. Балтийский флот — наш. Северный фронт — наш. Центрофлот колеблется. Железнодорожники колеблются [1]).

---

*) Слова: «9 часов» написаны в строку и отчеркнуты.

**) На этом текст обрывается.

***) Далее зачеркнуто: «Они, по возможности, выбираются милиционерами».

Конфисковать запасы спирта. Обход ночных чайных. Закрытие кофеен. За торговлю спиртом арестовывается владелец и ставится свой приказчик.

Военно-революционный комитет организовал автомобильный отдел, телефоны 3—17—08 [и] 64—20, доб. 19. Заведует М. И. Рогов. С союзом шоферов — трения [2]).

На телеграфе [поставить] цензоров [3]).

При комиссаре создать из милиции парламент [4]).

Телефон 64—20, доб. 3, — адъютант штаба Перлин [5]).

Сейчас из Кремля вывезти оружие трудно. Нет надежд на оружие сейчас [6]).

Караулами ведает подпоручик Ершов (64—20, доб. 3) [7]).

Комиссия по снабжению населения тканями. Ею выставляются агенты торговой инспекции. Их наметить в районах. Будет телефонограмма [8]).

Вчера Николаевский [железнодорожный] телеграф [в Петрограде] не передает большевистских депеш ни в Питер, ни из Питера. Викжель (большевики) предложил заменить солдатами. Пошли занимать. Но Викжель занял двусмысленную позицию, телеграфисты заявили, что испортят телеграф в случае занятия его войсками [9]).

Заявление Перлина: ночью предполагается окружить Кремль [10]).

Получено сообщение, что Викжель образовал пятерку. Затем пятерка вышла, остался Рязанов. Несогласные переезжают в Москву [11]).

О прод[овольствовании] 55 запасного пехотного полка.

О медикаментах

О собрании студентов [12]).

(Подл. запись карандашом, ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 587 и оборот.)

№ 7. Продолжение.

Автомобильное сообщение с центром.

Создается штат инструкторов, которые будут ездить в слабые районы. Решено предложить Военно-революционному комитету допустить туда с правом совещательного голоса нашего представителя [1]). Устроить заседание с членом Военно-революционного комитета 29 октября в 11 ч. утра. Ежедневно собираться в 3 часа вечера.

Обращение к рабочим не собираться на улицах, а к остальному населению приказ. Об уличных собраниях: [не допускать их] по ночам; [о] погромных собраниях: а погромные разгонять и днем.

Пустить патрули по улицам на усмотрение каждого комиссара.

Рябцев поставил ультиматум о роспуске центра,—если не исполнят, будут открыты действия [2]).

(Запись карандашом, ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 586.)

№ 8. Журнал заседания Московского Военно-революционного комитета 27 октября утром [1]).

Об охране Кремля и арсенала [2]).

Поручается тт. Ногину, Емельнову *) и Смирнову урегулировать вопрос об отозвании из Кремля [роты] 193 [запасного пехотного] полка

*) Так в подлиннике вместо: «Емельяну Ярославскому».

и [пяти рот] 56 [запасного пехотного] полка путем переговоров с этими полками и Рябцевым [3]).

О телефонограмме президиума Совета солдатских депутатов [4]).

По поводу рассылки президиумом Совета солдатских депутатов по полковым и ротным комитетам телефонограммы с приказом, чтобы они не присылали своих делегатов на сегодняшнее заседание Совета солдатских депутатов, постановлено поручить тт. Муралову и Смидовичу выяснить, действительно ли президиум Совета солдатских депутатов рассылает такие телефонограммы; если да, то предложить их не рассылать. В случае же отказа—разослать телефонограмму от Военно-революционного комитета с указанием, что телефонограмма Совета солдатских депутатов недействительна, так как идет вразрез с постановлением Военно-революционного комитета. Полкам и ротам предложить обязательно прислать своих представителей [5]).

О сокрытии начальниками железных дорог продовольственных грузов и вывозе их Земеким союзом.

О сокрытии администрацией железных дорог продовольственных грузов довести до сведения т. Шефлера. Поручить группе товарищей, совместно с представителями продовольственного комитета [и] железнодорожного союза произвести ревизию всех товарных станций московского железнодорожного узла и пристаней, с тем, чтобы все грузы, предназначенные фронту, были немедленно туда отправлены, и реквизировать все подозрительные грузы в смысле спекуляции для передачи в продовольственный комитет московскому населению. Предписать всем чинам милиции и воинским частям оказывать этому всемерное содействие.

Об отобрании и уничтожении населением «Труда» на улицах.

Выпустить воззвание с указанием, что все газеты, допущенные Военно-революционным комитетом к выпуску, помимо распоряжения Военно-революционного комитета конфискованы никем быть не могут [6]).

Заявление Шубникова [7]).

На заявление т. Шубникова об ультиматуме Рябцева разгрузить грузовики с винтовками, под угрозой оставления за собой свободы действий [8]), дан ответ, что этот вопрос урегулируют Ногин и Смирнов, уехавшие к Рябцеву [9]).

О положении рабочих конфискованных типографий [10]).

Довести до сведения профессиональной группы («девятки»), что Военно-революционный комитет обсудит вопрос о сокращении времени невыхода газет.

Предложить центральному бюро профессиональных союзов обсудить вопрос о положении в смысле оплаты печатников закрытых типографий и о принятом решении довести до сведения Военно-революционного комитета.

Вопрос о допустимости стачек.

Вопрос о допустимости в настоящий момент стачек, начатых еще до переворота, поручено обсудить профессиональной группе («девятке») [11]) и довести до сведения Военно-революционного комитета.

О б о х р а н е к о м и с с а р и а т о в.

Ввиду ухода комиссаров и всей службы из некоторых комиссариатов решено обеспечить охрану их. Поручается комиссару милиции т. Пупко [12]) снестись по этому поводу с Вознесенским [13]), а также районными думами и районными советами. Смещение комиссаров и замена их другими в тех случаях, когда это явится необходимым, по всем комиссариатам допускается только по соглашению с районными советами и районными думами.

О д е л е г а ц и и н а з а с е д а н и е С о в е т а с о л д а т с к и х д е п у т а т о в.

Делегируются на собрание Совета солдатских депутатов сегодня в 3 часа дня тт. Усиевич и Мостовенко, где им поручается внести вопрос о переизбрании Совета солдатских депутатов [14]).

З а я в л е н и е м е н ь ш е в и к о в о в ы х о д е и з В о е н н о - р е в о л ю ц и о н н о г о к о м и т е т а.

Ультиматум тт. меньшевиков [15]) и заявление о выходе из Военно-революционного комитета [16]) смотри в конце [журнала].

Заявление о выходе принимается к сведению.

О к о о п т а ц и и [п р е д с т а в и т е л я] о т с о ю з а г о р о д с к и х с л у ж а щ и х [и р а б о ч и х].

От центрального союза городских служащих [и рабочих] постановлено кооптировать в Военно-революционный комитет одно лицо с правом решающего голоса [17]).

О п р о к л а м а ц и я х, в р а ж д е б н ы х В о е н н о - р е в о л ю ц и о н н о м у к о м и т е т у, и а р е с т е н е к о т о р ы х л и ц.

Печатание и разбрасывание прокламаций, враждебных Военно-революционному комитету, предложить революционному штабу прекратить без применения для этого вооруженной силы. Происходящие при этом аресты лиц, разбрасывающих прокламации, поручается ликвидировать штабу по своему усмотрению [18]).

П о р у ч е н и е С м и д о в и ч у.

На основании заявления т. Смидовича ему поручается войти в переговоры с товарищами меньшевиками по поводу их ультиматума Военно-революционному комитету [19]).

О з а н я т и и Л а т ы ш с к о й п а р т и е й п о м е щ е н и я и т и п о г р а ф и и.

Вопрос о реквизиции Латышской объединенной секцией РСДРП помещения на Покровке, 41, для своих организаций передать на заключение районного совета рабочих депутатов. Латышскую черносотенную газету «Дзименес Адбалс» закрыть, передав ее типографию Исполнительному комитету Московской латышской объединенной организации [20]).

О с в я з и с ж е л е з н о д о р о ж н и к а м и и п о ч т о в о - т е л е г р а ф н ы м и с л у ж а щ и м и.

В целях установления тесной связи с железнодорожниками и почтово-телеграфными служащими ввести представителей этих центральных союзов в Военно-революционный комитет, поручив переговоры по этому поводу вести т. Смидовичу [21]).

З а я в л е н и е т. С м и д о в и ч а и к о о п т а ц и я е г о в В о е н н о - р е в о л ю ц и о н н ы й к о м и т е т.

Тов. Смидович заявляет, что он, не будучи членом Военно-революционного комитета, будет исполнять поручения комитета, но счита-

ет своей обязанностью заявить, что до получения директив из Петрограда вся линия поведения с переходом к наступлению, принятая Военно-революционным комитетом, считается им ошибочной [22]).

Постановлено: кооптировать т. Смидовича в состав Военно-революционного комитета с правом решающего голоса [23]).

Запрещение митингов на Скобелевской площади.

Запретить митинги на Скобелевской площади, поручив проведение этого постановления т. Аросеву [24]).

Заявление Пятницкого о Викжеле.

Поручить т. Пятницкому представить кандидата для делегации в Викжель от Военно-революционного комитета. Наметить также кандидата для делегации в Петроград с целью урегулирования наших сношений с Петроградом. Кандидатов представить на утверждение Военно-революционного комитета [25]).

Арест охраны Военно-революционного комитета в «Московском листке» [26]).

Поручить т. Муралову снестись с военным штабом *), предложив ему освободить нашу охрану, арестованную юнкерами в помещении «Московского листка», и вывести оттуда юнкеров. Тов. Аросеву поручается приготовить части для охраны типографии [27]).

Переговоры с президиумом Совета солдатских депутатов.

Ввиду заявления т. Смидовича, что в переговорах с отдельными членами президиума Совета солдатских депутатов, в частности с Урновым, замечается желание сговориться с Военно-революционным комитетом и не противодействовать ему, поручается т. Смидовичу вести и дальше переговоры со всем президиумом [28]).

Запрос Минского совета рабочих депутатов.

Снестись с Петроградом для получения директив для действий Минского совета рабочих и солдатских депутатов. С своей же стороны предложить Минскому совету рабочих и солдатских депутатов установить контроль над военным штабом, подчинив его себе, а если есть возможность, организовать свой собственный штаб [29]).

Арест Сухова и трех двинцев, реквизиция Советом солдатских депутатов автомобилей и выпуск им враждебных прокламаций.

Сообщения об аресте Сухова и трех двинцев юнкерами в Экономическом обществе офицеров [30]), о самостоятельной реквизиции Советом солдатских депутатов автомобилей и о выпуске враждебных прокламаций [31]) принимаются к сведению.

В связи с этим и другими полученными сведениями решено обсудить вопрос о новой наступательной линии Военно-революционного комитета, для чего созвать полное собрание комитета [32]).

Продвижение трех эшелонов казаков в Москву.

Сведения о продвижении через Раменское в Москву трех эшелонов казаков сообщить Викжелю и районному железнодорожному совету рабочих депутатов [33]).

О распоряжении штаба об автомобилях.

---

*) Так в подлиннике. Надо: «со штабом военного округа».

Признать, что все автомобили и мотоциклетки находятся в распоряжении Военно-революционного комитета и могут предоставляться в пользование отдельным лицам или организациям по соглашению с нашим автомобильным отделом. На этих основаниях будут предоставляться автомобили и военному штабу [34]).

Заявление социалистов-революционеров.

Заявление социалистов-революционеров (левых и центра) об их желании войти в Военно-революционный комитет, при условии реорганизации комитета на следующих основаниях:

7 членов от Советов рабочих и солдатских депутатов, выбранных на основе пропорционального представительства.

1 член от Совета крестьянских депутатов.

1—от городской думы, 1 — от земства, 1 — от Викжеля, 1 — от союза почтово-телеграфных служащих, 1— от Центрального бюро профессиональных союзов, 1 — от Красной гвардии,— все с правом решающего голоса, и 1—от военного штаба *) с правом совещательного голоса.

В основу работы кладутся следующие принципы: вооружение рабочих. Комитет является полновластным органом впредь до создания центральной власти. Создание в центре однородной социалистической власти [35]).

Постановлено: принять в принципе создание такого органа, пополнив его состав одним представителем от Совета районных дум и одним — от Губернского совета рабочих депутатов. Признать основным принципом совместной работы поддержку Петроградского совета рабочих депутатов, если же социалисты-революционеры будут настаивать на отсутствии этого указания, то, при их признании этого принципа на словах, не упоминать об этом, в то же время исключив и простое указание на создание однородной социалистической власти [36]).

Ультиматум социал-демократов меньшевиков.

Условием совместной работы в Военно-революционном комитете меньшевики ставят:

1) Подпись всех семи членов Военно-революционного комитета на исходящих от комитета бумагах, а при подписи двух-трех лиц они [меньшевики] оставляют за собой право апеллировать к населению при помощи газет и отдельных листков;

2) делегирование от Совета рабочих депутатов представителя в Комитет спасения при городской думе;

3) выполнение всех соглашений, достигнутых в переговорах со штабом округа.

Мотивированное заявление меньшевиков при выходе из Военно-революционного комитета.

При уходе из Военно-революционного комитета товарищи меньшевики мотивировали это тем, что их не допустили на собрание Совета солдатских депутатов с полковыми и ротными комитетами сегодня в качестве делегации от Военно-революционного комитета; отказались от рассмотрения их ультиматума; подтверждая, что действия большин-

*) Слово «военного» вписано карандашом над строкою. Следовало бы вместо «Военного штаба» — «штаба военного округа».

ства Военно-революционного комитета авантюристичны, они не берут на себя ответственности за действия комитета.

(Подлинник на пишущей машинке, Музей революции СССР, ф. МВРК, п. 1б ЕА.)

№ 9. Заседание Московского Военно-революционного комитета 28 октября 1917 г.[1])

(См. «Красный архив», т. XXIII, стр. 68—71.)

(Продолжение следует.)

ПРИМЕЧАНИЯ

К № 1.

Московский Военно-революционный комитет был избран пленумом Московских советов рабочих и солдатских депутатов вечером 25 октября 1917 г. в следующем составе: члены комитета от большевиков — Н. И. Муралов (солдат 2-й запасной автомобильной роты), А. Ломов (Г. И. Оппоков), В. М. Смирнов (поручик артиллерии), Г. А. Усиевич; кандидатами: А. Я. Аросев (прапорщик пехоты), П. И. Мостовенко (солдат 5-й мастерской 2-й запасной автомобильной роты), А. И. Рыков (зам. председателя Совета рабочих депутатов), С. Я. Будзынский (солдат 55 запасного пехотного полка); от меньшевиков членами комитета — М. И. Тейтельбаум и Николаев; от объединенцев — членом комитета Константинов и кандидатами — Л. Е. Гальперин (Коняга) и Ясенев.

Из этого состава Московского Военно-революционного комитета А. И. Рыков, выехавший в Петроград на 2-й Съезд советов и назначенный последним народным комиссаром внутренних дел, в октябрьские дни в Москву не возвращался и информировал Московский Военно-революционный комитет о происходящем в Петрограде. А. Ломов (Г. И. Оппоков) участвовал во 2-м Съезде советов и приехал в Москву только 27 октября утром. Таким образом в первом заседании комитета не принимали участия ни А. Ломов (Г. И. Оппоков), ни А. И. Рыков. Кроме того на этом заседании не присутствовал и С. Я. Будзынский, ведший организационную работу в 55 запасном пехотном полку в Замоскворецком районе.

По отношению первоначального состава Московского Военно-революционного комитета в московских газетах того времени была допущена опечатка, которая впоследствии — до настоящего момента — повторялась во всех появившихся публикациях: вместо: «П. Н. Мостовенко» в газетах была напечатана фамилия: «Москалев».

А. Я. Аросев пишет, что в первом же заседании Московского Военно-революционного комитета в его состав был кооптирован А. П. Розенгольц. Впоследствии был кооптирован еще ряд товарищей (см. док. № 8 и примеч. 11 и 12). Членом Московского Военно-революционного комитета был, так сказать, по должности и начальник московской Красной гвардии А. С. Ведерников.

Так как протокол первого заседания Московского Военно-революционного комитета не разыскан (в ночь на 28 октября 1917 г. протоколы были сожжены), мы ниже восстанавливаем происходившее на этом заседании на основании документов, опубликованных в «Известиях Московского совета» и «Социал-демократе» 26 октября, на основании отчета представителей меньшевиков в Московском Военно-революционном комитете, опубликованного в газете «Вперед» от 27 октября, и на основании других архивных документов.

I. На основании отчета представителей меньшевиков в Московском Военно-революционном комитете происходившее на первом заседании в ночь с 25 на 26 октября восстанавливается в следующем виде:

1. Предложение меньшевиков о пополнении состава Военно-революционного комитета представителями других демократических организаций отвергнуто, и Военно-революционный комитет приступил к обсуждению и разрешению текущих вопросов.

2. Предложение меньшевиков сделать попытку мирного соглашения со штабом Московского военного округа отвергнуто.

3. О подчинении гарнизона издан следующий приказ, опубликованный 26 и 27 октября в «Известиях Московского совета» и «Социал-демократе»:

«От Военно-революционного комитета Московского совета рабочих и солдатских депутатов.

Революционные рабочие и солдаты г. Петербурга, во главе с Петербургским советом рабочих и солдатских депутатов начали решительную борьбу с изменившим революции Временным правительством. Долг московских солдат и рабочих поддер-

жать петербургских товарищей в этой борьбе. Для руководства ею Московский совет рабочих и солдатских депутатов выбрал Военно-революционный комитет, который и вступил в исполнение своих обязанностей.

Военно-революционный комитет объявляет:

1) Весь московский гарнизон немедленно должен быть приведен в боевую готовность. Каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанию Военно-революционного комитета.

2) Никакие приказы и распоряжения, не исходящие от Военно-революционного комитета или не скрепленные его подписью, исполнению не подлежат.

Военно-революционный комитет Московских советов рабочих и солдатских депутатов».

(«Известия Моск. совета р. д.» №№ 197 и 198, от 26 и 27 октября 1917 г.).

Проф. В. Сторожев неправильно относит этот документ к 27 октября («Октябрьское восстание в Москве», стр. 182—183).

4. О вооружении рабочих и солдат.

Для обеспечения вооружения рабочей Красной гвардии и солдат гарнизона, поскольку расквартированные в Москве запасные пехотные полки были вооружены только на 20 и меньше процентов, Московский Военно-революционный комитет решил в первую очередь закрепиться в Кремле, где были расквартированы пять рот солдат революционно настроенного 56 запасного пехотного полка, и его арсенале, где находилось оружие.

Для этого Военно-революционный комитет назначил комиссаром Кремля Емельяна Ярославского, который, по собственной инициативе, вместе с О. М. Берзиным решил усилить гарнизон Кремля преданной советам частью (в ту же ночь Ем. Ярославский привел к совету, а затем в Кремль одну роту 193 запасного пехотного полка, который отказался 25 октября выполнить приказ штаба военного округа об отправке на фронт). (См. сборник «Москва в октябре 1917 г.», стр. 49—50). Комиссаром по выдаче оружия из кремлевского арсенала Военно-революционный комитет на этом же заседании назначил прапорщика расквартированной в Кремле 8-й роты 56 запасного пехотного полка О. М. Берзина. Последний находился на телеграфе и почтамте в качестве начальника и комиссара двух рот (11-й и 13-й) 56 запасного пехотного полка, занявших эти учреждения по постановлению партийного боевого центра большевиков в 1 час. 30 мин. дня 25 октября; исполнителями этого постановления были начальник московской Красной гвардии А. С. Ведерников и А. Я. Аросев (см. воспоминания О. Берзина, «Пролет. револ.», 1927 г., № 12). Фактическим руководителем занятия почтамта, центрального телеграфа и междугородной телефонной станции был солдат 56 запасного пехотного полка Сергей Шорычев.

5. О закрытии буржуазных газет «Русское слово», «Русские ведомости», «Утро России» и «Раннее утро».

Это постановление Московского Военно-революционного комитета явилось лишь оформлением состоявшегося около полудня 25 октября постановления партийного боевого центра большевиков, формулированного в следующем документе:

«Товарищу В. И. Соловьеву.

Московский комитет, Областной комитет, Окружный комитет и Военная организация при МК РСДРП уполномачивают т. В. И. Соловьева принять меры к недопущению выпуска буржуазной прессы и занятию типографий буржуазной прессы.

25 октября 1917 года. За секретаря Военного центра А. Розенгольц».

(Подлинник, бланк и печать МК РСДРП, Музей революции СССР, 7913 л.).

По поводу подписи А. П. Розенгольца на этом документе необходимо сказать следующее: А. П. Розенгольц в состав партийного центра не входил; секретарем же его был В. И. Соловьев. А. П. Розенгольц подписал данный документ, так как 2 ноября все члены партийного центра разошлись по районам, а В. И. Соловьев не мог подписать себе документа сам.

Исполнителем этого постановления был Г. К. Голенко. В. И. Соловьев в своих воспоминаниях ошибочно пишет: «Утром вышли только «Известия» и «Правда». — Утром 26 октября вышли не только «Известия» и «Социал-демократ», но и эсеровский «Труд» и меньшевистский «Вперед» (см. В. Соловьев, «В Совете и районах». сб. «Москва в Октябре 1917 г.», М. 1919, стр. 62).

6. Сообщение о том, что юнкера, занявшие манеж и здание городской думы, где заседал образованный постановлением городской думы 25 октября вечером эсеровско-меньшевистский Комитет общественной безопасности, после ввода в Кремль Ем. Ярославским и О. М. Берзиным роты 193 запасного пехотного полка, оценили Кремль.

Военно-революционный комитет решил двинуть воинские части к Кремлю, чтобы окружить его и вооруженной силой захватить Кремль, арсенал и т. д. Для этого были посланы товарищи в районы и в 251 и 192 запасные пехотные полки. В жизнь проведено не было (см. следующий пункт).

7. Заявление меньшевиков по поводу воззвания, распространявшегося 26 октября в районах от имени партии большевиков с призывом к рабочим и солдатам перейти в активное наступление против открывшего военные действия штаба Московского военного округа с полковником Рябцевым во главе, о котором упоминается в этом же отчете представителей меньшевиков в Военно-революционном комитете, относится уже к утру 26 октября и в ночном заседании, конечно, не разбиралось.

Приводим текст этого воззвания, которое многими из публиковавших свои воспоминания относится к самый разнообразным датам:

«Штаб, во главе с Рябцевым, переходит в наступление. Задерживаются наши автомобили, есть попытки задержать Военно-революционный комитет. На митингах по фабрикам и заводам надо выяснять это положение, и массы должны немедленно призываться к тому, чтобы показать штабу действительную силу. Для этого массы должны перейти к самочинному выступлению под руководством районных центров по пути осуществления фактической власти советов районов. Занимать комиссариаты».

(Подлинник чернилами, ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 530.)

(См. примечание 1 к № 3).

М. Ф. Владимирский неправильно относит этот документ к вечеру 27 октября (сб. «Очерки по истории Октябрьской революции в Москве», стр. 279).

Меньшевистский документ, в котором изложение содержания этой телефонограммы совпадает с приведенным текстом, дает возможность установить точно дату этой телефонограммы: утро 26 октября.

Заявление меньшевиков заключает в себе требования немедленной приостановки движения воинских частей к Кремлю и выдачи оружия из арсенала, посылки делегации к Рябцеву «для того, чтобы столковаться с ним о мерах, могущих предотвратить кровопролитие» (см. «Вперед» № 193 от 27 октября 1917 г.).

II. На основании документов ,опубликованных в «Известиях Московского совета» и «Социал-демократе» от 26 октября, перечень вопросов, рассматривавшихся на первом заседании Московского Военно-революционного комитета, дополняется следующими пунктами:

1. Об издании воззваний: 1) «К товарищам солдатам», 2) «К товарищам крестьянам», 3) «К товарищам железнодорожникам» и 4) «К почтово-телеграфным служащим».

2. О борьбе с пьянством и погромами — издано воззвание.

3. Утверждена «Инструкция районным комиссарам Военно-революционного комитета».

4. Постановлено опубликовать утвержденный Московским советом 24 октября «Устав Красной гвардии». Все перечисленные документы опубликованы полностью в указанных газетах 26 октября.

III. На основании других документов, разысканных в архивных фондах, устанавливается, что на этом же заседании Военно-революционного комитета был принят ряд организационных мероприятий, из которых важнейшие:

1. Организация отдела по организации районов.

2. Разработка директив этому отделу, сущность которых ясна из следующего документа, переданного во все районы гор. Москвы:

«Телефонограмма.

Комиссия по организации районов Военно-революционного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов предлагает [такому-то] районному совету наметить лиц, могущих быть представителями [Московского] Военно-революционного комитета в [таком-то] районе и сообщить немедленно их имена для утверждения Военно-революционным комитетом по телефону 64—20, доб. 23.

Комиссару предлагается немедленно по утверждении его комитетом и не ожидая детальной инструкции приступить к исполнению обязанностей и в частности: а) назначить именем районного комиссара Военно-революционного комитета отдельных комиссаров в имеющиеся в районе войсковые части для представительства и взаимной информации; б) назначить особого комиссара по милиции; в) особого комиссара почт и телеграфа; г) организовать при помощи Красной гвардии и милиционеров охрану района и прочее. О всех возникающих новых вопросах предлагается обращаться в комиссию по организации районов Военно-революционного комитета. [телефон] 64—20, доп. 20.

Уполномоченный комитета, член Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов Борзов».

(Подлинник карандашом, ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 577).

3. Утверждение инструкции комиссарам отдельных учреждений и предприятий (текст инструкции — ЦАОР. ф. МВРК, п. V, л. 139).

4. Назначение комиссаром милиции гор. Москвы С. Л. Пупко (см. публикуемый в тексте документ № 8 и примеч. 12).

К № 2.

1) Все три публикуемые документа (№№ 2, 3 и 4) являются секретарскими записями заседаний Замоскворецкого районного военно-революционного комитета за 26 число. Это единственные разысканные в архивных фондах протокольные записи, освещающие работу районных военно-революционных комитетов. Очевидно, в районах протоколы местных военно-революционных комитетов не велись: постановление претворялось тотчас же в жизнь, и только в некоторых случаях, когда это вызывалось необходимостью, излагалось в приказе, распоряжении, мандате и т. п. Член военно-революционного комитета Сокольнического района Ф. Д. Медведь мне лично сообщил, что никаких протоколов и записей в этом районе не велось.

Районные военно-революционные комитеты организовывались в районах согласно распоряжению партийного боевого центра большевиков, разосланного в районы после 12 часов дня 25 октября.

В архивных фондах разыскана только одна секретарская запись — именно, о создании Замоскворецкого районного военно-революционного комитета, которую приводим:

«[Заседание] Исп[олнительного] ком[итета]25 октября 1917 года.

Создание центра из пяти человек. Предлагают: 3 большевиков — Шиллерт, Витковский, Коссиор; 1 меньшевик — Еремин; 1 (левый) социалист-революционер — Судаков.

Пятерка будет вполне самостоятельна и в полном контакте с Центральным советом и Красной гвардией *).

В пятерку включают т. Файдыша как начальника Красной гвардии **).

(Подлинник карандашом, архив МК ВКП(б), ф. Замоскв. р. к-та, папка «Материал за 1917 год»).

Из этого документа явствует, что Исполнительный комитет Замоскворецкого районного совета обсуждал вопрос о составе районного военно-революционного комитета 25 октября. По всей вероятности, это происходило после окончания заседания пленума московских советов, т. е. уже к утру 26 октября. Протокол заседания Замоскворецкого районного совета, избравшего военно-революционный комитет, не разыскан. На полях указаны изменения в составе Замоскворецкого рев. комитета, происшедшие впоследствии (введение П. К. Штернберга и Б. Волина; И. Цивцивадзе вошел как представитель партийной организации).

В других районах организация военно-революционных комитетов происходила позже: 26 октября, 27 октября и даже 28 октября (Петровский военно-революционный комитет был организован только после собрания районных дум 27 октября).

Публикуемый документ (№ 2) дает картину той работы, которая была выполнена в Замоскворецком районе утром 26 октября во исполнение телефонограммы отдела Московского Военно-революционного комитета по организации районов (см. примечание к док. № 1, II, 2).

Еще до этого заседания состоялось назначение районного комиссара Замоскворецкого района, о чем свидетельствует:

«Телефонограмма № 716 [Московскому Военно-революционному комитету].

26 октября 1917 года. Замоскворецкий районный совет рабочих депутатов назначает комиссаром по Замоскворечью т. Фельдмана, Сергея Дмитриевича, и просит Военно-революционный комитет немедленно утвердить его.

Председатель И. Коссиор»

(Подлинник чернилами, с подлинной подписью, архив МК ВКП(б), ф. Замоскв. р. к-та, папка «Материал за 1917 год»).

2) Занятие электрической станции «Общества 1886 года», с одной стороны, обеспечило охрану Замоскворечья со стороны Каменного моста, с другой — дало

*) На полях справа другим почерком карандашом написано: «Ротшильд, Илья Цивцивадзе, Штенберг, Б. Волин».

**) На полях справа другим почерком написано: «Шиллерт, Витковский, Коссиор, Ротшильд, Илья Цивцивадзе, Штернберг, Б. Волин».

возможность освещать районы, занятые красными, и выключать электрическое освещение в районах, занятых белыми. Так, например, в дни боев без электрического освещения были оставлены все важнейшие, занятые белыми, здания: городская дума, штаб округа и др. Охрана электрической станции из рабочих красногвардейцев 31 октября или 1 ноября, по распоряжению П. К. Штернберга, была усилена 50 солдатами 55 запасного пехотного полка под командой прапорщика Я. А. Грицмана.

К № 3.

1) «Телефонограмма из центра о выступлении» — очевидно, документ, который процитирован нами в примечании к док. № 1. Публикуемый документ позволяет точнее установить время издания этой телефонограммы Московским Военно-революционным комитетом, а также причины, побудившие к переходу к активным действиям.

По распоряжению Военно-революционного комитета, утром 26 октября в Кремль из Моск. совета и районов были направлены грузовики за оружием. Первые три грузовика прошли в Кремль, были там нагружены оружием, но выйти оттуда не могли, так как Кремль был оцеплен юнкерами (см. рапорт генерала Кайгородова от 8 ноября 1917 г.—«Борьба классов», 1930 г., №№ 6—7). Другие же грузовики, прибывавшие из районов, задерживались юнкерами.

Попытка задержать членов Военно-революционного комитета была произведена юнкерами, когда в Кремль приехали для переговоров с Рябцевым В. П. Ногин, И. Н. Стуков и солдат от 56 полка (предположительно Данилин) в сопровождении посредников в переговорах — членов президиума Московского совета солдатских депутатов эсера Урнова и меньшевика Маневича. И. Н. Стуков рассказывает, как эту делегацию от Никольских ворот отвели в манеж, где членов Военно-революционного комитета подвергали разным оскорблениям и угрозам и только после этого пропустили обратно к Никольским воротам и в Кремль к Рябцеву (Ин. Стуков, «Областное бюро и Военно-революционный комитет», сб. «Октябрьское восстание в Москве», М. 1922, стр. 42).

По воспоминаниям Ем. Ярославского, это посещение Рябцева в Кремле В. П. Ногиным и др. произошло в послеобеденное время, т. е. после 12 часов дня. (Ем. Ярославский, «Как пролилась кровь», сб. «Москва в Октябрьские дни», стр. 51).

Таким образом телефонограмма о выступлении была передана районам не раньше полудня 26 октября, очевидно, еще до возвращения В. П. Ногина и др. из Кремля в Моск. совет (см. док. № 4, примеч. 1).

2) Постановления не разысканы. Возможно, что содержание их совпадает с содержанием постановления II док. № 4.

К № 4.

1) Ем. Ярославский в своих воспоминаниях сообщает, что сам он не присутствовал при переговорах В. П. Ногина, Н. И. Муралова и др. с Рябцевым, но узнал, что 56 полк останется на местах и охрана Кремля будет поручена какой-нибудь другой части (намечались роты 192 полка). Рябцев же настаивал на том, чтобы охрана Кремля и арсенала была поручена юнкерам (Ем. Ярославский, «Как пролилась кровь», сб. «Москва в Октябре 1917 г.», М. 1919, стр. 51).

В. П. Ногин на заседании Исполнительного комитета Московского совета 26 октября сообщил о ходе переговоров с Рябцевым, что «стороны пришли к выводу, что все действия, которые были произведены обеими сторонами, должны быть ликвидированы. Юнкера будут уведены, а Военно-революционный комитет отведет свои части... По вопросу о вооружении рабочих Рябцев просил прислать представителя Военно-революционного комитета, чтобы совместно выработать норму вооружения».

В связи с переговорами «было созвано совместное заседание партийного центра и большевистской части Военно-революционного комитета. Обнаружились две точки зрения. Первая: раз гражданскую войну мы начали, — поздно итти назад, да, собственно, хода назад и нет. Если не итти вперед, пойдут вперед противники. При данных условиях передышка в гражданской войне несет передышку не нам, а нашим противникам, которые во время ее стягивают и организуют свои силы; нас же передышка только дезорганизует, так как массы организуются в действии, а не во время переговоров в четырех стенах. Кроме того, пойти назад — значит оставить без поддержки Петроград. Следует порвать переговоры с Рябцевым и начать решительное наступление на думу.

Вторая точка зрения: у нас мало сил, мы не знаем, на кого опереться, нам нужна передышка для организации сил. Необходимо вести переговоры с Рябцевым.

Несмотря на решительные возражения представителей Областного бюро [партии], большинством 9 против 5 решено было вступить в переговоры с Рябце-

вым» (Доклад В. Н. Яковлевой на пленуме Областного бюро РСДРП(б) 9—10 ноября 1917 г.).

Результатом этого постановления, очевидно, и явилась «телефонограмма из центра», отменяющая прежнее распоряжение о выступлении (см. док. № 3) и предлагающая занять строго выжидательную позицию.

Вечером в Кремль прибыли Н. И. Муралов и А. Я. Аросев и после нового разговора с Рябцевым предложили вывести роту 193 полка из Кремля. Рота стала готовиться к выходу (но выведена была только утром 27 октября, когда юнкера сняли на время оцепление). Ем. Ярославский вместе с А. Я. Аросевым уехали вечером 26 октября из Кремля (Ем. Ярославский, «Как пролилась кровь», сб. «Москва в Октябре 1917 г.», М. 1919 г., стр. 51—53).

Когда 26 октября вечером на собрании в Замоскворецком районном комитете РСДРП(б) И. Цивцивадзе сделал собравшимся информационный доклад о решении держаться выжидательной политики, рабочие резко критиковали это решение. Собрание постановило послать в центр тт. Пана и Сычева, чтобы настаивать на более решительных действиях (И. Цивцивадзе, «Замоскворецкий район», сб. «Год борьбы 1917», М.—Л., 1927, стр. 99—100).

2) См. док. № 3 и примеч. 2.

3) Реквизиция автомобилей, принадлежавших фабрикам и заводам, производилась рабочими повсеместно. В Замоскворечьи были реквизированы автомобили и на электрической станции Общества 1886 года. Одновременно реквизировались и автомобили частного пользования.

4) О Ротшильде см. примечание 1 к № 2.

5) Красный крест одновременно был организован и при Московском Военно-революционном комитете. Первым его организатором был М. И. Рогов (см. ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 511).

К № 5.

1) По свидетельству А. Я. Аросева («Московский совет в 1917 г.», М., 1927, стр. 27), второе заседание Московского Военно-революционного комитета, притом очень многолюдное, состоялось 27 октября. В промежуток между первым и вторым заседаниями работу вели дежурные члены Военно-революционного комитета, что создавало впечатление «непрерывного заседания Военно-революционного комитета», на что находим ряд указаний в опубликованных воспоминаниях участников Октябрьской революции в Москве. Точно так же проходила работа Военно-революционного комитета и в последующие дни.

Остальные члены Военно-революционного комитета 26 октября вели организационную работу в районах, на гарнизонном собрании, некоторые принимали участие в переговорах с Рябцевым. В 7 часов вечера 26 октября в отделе по организации районов происходило собрание избранных в районах районных комиссаров Военно-революционного комитета. Очевидно, его постановления обсуждались на заседании Военно-революционного комитета 27 октября.

Публикуемые три документа (№№ 5, 6 и 7) представляют собою неоформленные беглые записи, без указания имен участников заседания. Из отдельных формулировок видно, что делались они одним из районных работников.

Документ № 7 по своему содержанию должен бы быть помещен, как более поздний, после публикуемого журнала заседания 27 октября (док. № 8). Однако, поскольку все три документа (№№ 5, 6 и 7) написаны одним почерком, мы их поместили подряд.

2) См. примечание 1, III к № 1.

3) В данных записях, очевидно, отражено обсуждение общего плана революционной армии, сводящегося к следующему:

«1) Все военные действия направляются к одному центру.

2) Роль районов заключается в планомерном стягивании к центру своих военных сил. Сепаратные операции предусматриваются, поскольку они не нарушают общего плана.

3) Не упускать из виду, что тыл для районов не безопасен и что может явиться возможность операций революционной армии вне Москвы.

4) Действовать решительно и энергично.

5) Наивозможно меньшее пролитие крови.

6) Охрана безопасности населения».

(ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 600).

Первые четыре пункта этого плана были разработаны штабом Московского Военно-революционного комитета, два последних — добавлены при утверждении этого плана Военно-революционным комитетом. Эти два пункта (5 и 6) приписаны карандашом к тексту первых четырех пунктов, написанных чернилами. Весь текст написан

рукою работавшего в штабе левого эсера подпоручика А. Владимирского. Очевидно, этот план был принят в первоначальной его редакции (без двух последних пунктов) состоявшимся в 7 час. вечера 26 октября собранием представителей районов, созванным Московским Военно-революционным комитетом.

4) 26 октября в 3 часа утра юнкера, вооруженные пулеметами, заняли городскую думу, где заседал Комитет общественной безопасности, и манеж. После ввода в Кремль приведенной Ем. Ярославским и О. М. Берзиным роты 193 запасного пехотного полка, юнкера оценили Кремль, выставив посты у всех входов. Центральная телефонная станция была занята юнкерами. Разговоры Военно-революционного комитета подслушивались. Вопрос о связи с Кремлем стоял чрезвычайно остро. О. М. Берзин в своих воспоминаниях пишет, что с 27 октября телефонная связь с Кремлем была прервана юнкерами («Пролет. револ.», 1927, № 12).

Замоскворецкий район установил наблюдение за происходящим внутри Кремля из электрической станции.

5) Под «попечителем» следует понимать политического организатора, прикрепленного к данной войсковой части, к данному полковому комитету. Так, в 55 запасном пехотном полку таким «попечителем» был рабочий завода Михельсона Н. Стрелков. Ем. Ярославский был таким организатором в 193 запасном пехотном полку, в Хамовниках (Ем. Ярославский, «Воспоминания о Хамовниках», сб. «Октябрь в Хамовниках», М. 1927, стр. 149—151).

6) Речь, очевидно, идет об инструкции комиссарам отдельных учреждений и предприятий (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 139), а также об инструкции районным комиссарам Московского Военно-революционного комитета (ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 581).

7) Профессиональный союз милиционеров, входивший в центральный союз городских служащих и рабочих, принял сторону Военно-революционного комитета и выполнял его распоряжения. Участковые комитеты милиционеров сместили своих комиссаров и выбрали новых. Смещенные комиссары прибыли с докладом к комиссару градоначальства А. А. Вознесенскому, который предложил им сохранять свои посты и вернуться к исполнению своих обязанностей, «уступая при необходимости только насилию» («Вперед» № 195, от 29 октября).

28 октября тот же Вознесенский в приказе всем участковым комиссарам милиции за № 1088/3, в связи с объявлением Рябцевым Москвы на военном положении, угрожал арестом, увольнением со службы и преданием суду всех лиц командного состава и милиционеров, не подчиняющихся власти Временного правительства и не исполняющих его приказаний. Одновременно Вознесенский объявил распоряжения Военно-революционного комитета и всяких других организаций незаконными и не подлежащими исполнению (МОАУ, ф. Моск. градоначальства, 1917 г.).

До 28 октября телефон союза милиционеров, помещавшегося в доме градоначальства, выходившем в Гнездниковский пер., обслуживал нужды Военно-революционного комитета. 28 октября представители союза были Вознесенским арестованы, а телефон использован для перехватывания предназначавшейся для Военно-революционного комитета информации. Об этом Вознесенский сам рассказывает в своей книге «Москва в 1917 году».

К № 6.

1) Эта информация была доложена Военно-революционному комитету в заседании 27 октября, поскольку помнит автор примечаний, Г. А. Усиевичем.

2) Вечером 27 октября состоялось экстренное заседание делегатов союза шоферов вместе с представителями гарнизонных комитетов для обсуждения распоряжения командующего войсками Московского военного округа полковника Рябцева о непредоставлении автомобилей Военно-революционному комитету. По призыву центрального бюро профессиональных союзов собрание, после краткого обмена мнений, единогласно решило подчиняться только приказаниям Военно-революционного комитета («Социал-демократ», № 195, от 29 октября 1917 г.).

3) Установление цензуры на телеграфе (точнее: не цензуры, а контроля за содержанием отправляемых и поступающих телеграмм) было поручено В. Н. Подбельскому. До 1 ноября это дело организовано не было. Однако и Центральный и районные военно-революционные комитеты получали от преданных делу революции работников телеграфа информацию обо всех важнейших телеграммах. Так, например, было задержано отправкой несколько провокационных телеграмм социал-соглашательского Московского областного бюро советов (Мобюс).

4) Речь, конечно, идет об организации выборного комитета (совета) при каждом участке (комиссариате) милиции.

5) Вл. Перлин — юнкер Александровского военного училища, большевик, явившийся в распоряжение Московского Военно-революционного комитета, был назна-

чен адъютантом штаба, причем на него было возложено установление связи по линии разведки.

6) Вывоз оружия из Кремля делало невозможным оцепление Кремля юнкерами (см. примечание 1 к № 3).

7) Подпоручик Ершов — левый социалист-революционер, первоначально ведал караулами в Моск. совете. Затем его сменил большевик-прапорщик 85 запасного пехотного полка О. Ананьин. С установлением власти советов Ершов был назначен комиссаром управления московского воинского начальника. Впоследствии оказался авантюристом.

8) Такой телефонограммы не разыскано, да и вряд ли она была дана, так как с началом боевых действий вопросы об организации распределения тканей, торговой инспекции и т. п. отошли на задний план.

9) Комитет Николаевской железной дороги в Петрограде 26 октября взял в свои руки управление дорогой и рекомендовал Московскому комитету этой дороги взять в свои руки железные дороги (см. ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 423).

10) Сообщение, сделанное Вл. Перлиным, основано на следующих донесениях, поступивших в стол разведки Военно-революционного комитета:

I. «Дежурный член Кулешев из союза булочников сделал нам заявление: на состоявшемся собрании юнкеров в Александровском военном училище постановлено сегодня ночью занять Кремль и арестовать Революционный комитет. Действия начать немедленно».

(ЦАОР, ф. МВРК, п. II, лл. 460 и 371).

II. «Городской район получил сведения о том, что юнкерам дан приказ брать Кремль».

(ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 174).

11) 26 октября Викжель, в связи с арестом Временного правительства, взял на себя управление министерством путей сообщения, для чего выделил бюро («пятерку») в составе: Крушинского (левый эсер), Вомпе (с.-д. межрайонец), Гара (эсер-центровик), Стаммо (левый эсер) и Дементьева (меньшевик-оборонец). Часть этой «пятерки», в лице Гара, должна была иметь своим местопребыванием г. Москву. Назначенный Советом народных комиссаров комиссаром путей сообщения Д. Б. Рязанов фактически в управление министерством не вступал, а лишь участвовал в переговорах о конструкции власти, организованных Викжелем.

12) О собрании студентов в Военно-революционный комитет поступило следующее сообщение:

«Студенты Московского университета, заслушав доклады Лазаревского и Коммерческого института, а также предложение Московского [военного] округа явиться немедленно в Александровское военное училище всем записавшимся в студенческие боевые дружины за дальнейшими инструкциями, или же (предоставляется на усмотрение каждого записавшегося) предоставить себя в распоряжение городской думы, приняли на сходке всех факультетов 27 октября в богословской аудитории подавляющим большинством (приняли резолюцию, даже не голосуя) — о вооруженной поддержке штаба, думы и Временного правительства. Запись в дружинники производится со вчерашнего дня [26 октября] в здании университета по инициативе партии народной свободы (кадетов).

Бельведерский — Кантор».

(ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 33).

К № 7.

1) Этот пункт может служить доказательством, что запись велась представителем одного из районов, присутствовавшим на заседании.

2) Наличие пункта об ультиматуме Рябцева разрешает вопрос о том, к какому числу должна быть отнесена публикуемая запись.

Ультиматум Рябцева был передан В. П. Ногиным Н. И. Муралову по телефону, находившемуся в комнате заседаний, во время заседания Военно-революционного комитета. Это было в 6—7 часов вечера. В. Н. Яковлева в своем докладе пленуму Областного бюро РСДРП(б) говорила, что ультиматум был предъявлен в 11 час. вечера. Одновременно Рябцев отдал приказ об объявлении Москвы на военном положении.

Содержание ультиматума: 1) немедленная ликвидация всех действий Военно-революционного комитета и упразднение его; 2) немедленный вывод из Кремля 56 запасного пехотного полка (у Игнатова: «85 полка» — ошибочно); 3) немедленный возврат вывезенного из арсенала оружия. Срок ответа на ультиматум — 15 минут. В случае неполучения ответа к этому сроку будет открыта артиллерийская стрельба. (М. Владимирский, «Перед боем», сб. «Очерки по истории Октябрьской револю-

ции в Москве», стр. 279; Игнатов, «Моск. совет раб. деп. в 1917 г.», стр. 368). В своем докладе пленуму Московского областного бюро партии большевиков 9—10 ноября 1917 г. В. Н. Яковлева заявила, что В. П. Ногин скрыл от Военно-революционного комитета пункт ультиматума о предании его членов суду.

После получения ультиматума Рябцева Военно-революционный комитет принял ряд важнейших решений, которые отражения в разысканных протокольных записях не нашли.

Восстанавливаем важнейшие решения по газетам и архивным документам.

1. Всем воинским частям разослана телефонограмма:

«Все воинские силы должны, подчиняться распоряжениям только Военно-революционного комитета, избранного Московскими советами рабочих и солдатских депутатов. Ни одно распоряжение без утверждения Военно-революционного комитета не должно приводиться в исполнение.

Военно-революционный комитет».

2. Выпущено воззвание «К рабочим» с призывом к всеобщей забастовке за подписями Военно-революционного комитета, Центрального совета профессиональных союзов Москвы, Московского комитета РСДРП(б) и Московской организации социал-демократии Польши и Литвы.

3. Выпущено воззвание «К солдатам» с изложением хода событий и призывом к оружию.

4. Выпущено воззвание к солдатам о подготовке к выборам в Учредительное собрание, назначенным на 12, 13 и 14 ноября.

(Все четыре документа — см. «Известия Моск. совета р. д.» № 199, от 28 октября 1917 г.).

5. Проведено общее собрание районных дум, постановившее организовать Совет районных дум; образованному исполнительному революционно-хозяйственному бюро Совета районных дум поручено срочно разработать проекты мероприятий по вопросам продовольственного снабжения и распределения городских финансов и охраны революционного порядка.

(«Известия Моск. В.-Р. к-та» № 2, от 4 ноября 1917 г.).

6. Издан «Приказ районным комиссарам гор. Москвы».

«По приказанию Военно-революционного комитета все вооруженные красногвардейцы должны быть в полной боевой готовности. Невооруженные должны немедленно следовать к совету в распоряжение Военно-революционного комитета.

Член Военно-революционного комитета А. Ведерников.

За секретаря П. Кушнер».

Октября 27 дня 1917 г.

№ 271/в.

(Подлинник на пиш. маш., бланк и печать В.-Р. к-та, ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 508).

К № 8.

1) Журнал заседания Московского Военно-революционного комитета 27 октября утром публикуется впервые. Этот документ выясняет ряд вопросов, которые до сих пор оставались темными и спорными.

Может возникнуть вопрос, каким образом этот документ уцелел, если в ночь на 28 октября все протоколы Военно-революционного комитета были сожжены. Поскольку помнит составитель примечаний, этот журнал был отпечатан секретариатом Военно-революционного комитета тотчас же после заседания по требованию Ем. Ярославского, который тут же и получил один оттиск этого документа на руки.

2) В течение всей империалистической войны охрану Кремля, его сокровищниц и арсенала несли части 56 запасного пехотного батальона, впоследствии переформированного в полк. В октябре на охране Кремля стояли пять рот (1-й батальон и 8-я рота 2-го батальона) этого полка. 56 запасный пехотный полк был одним из наиболее большевистски настроенных полков Московского гарнизона. На совещании представителей районов и воинских частей 23 октября его представители заявили, что полк выйдет на борьбу с оружием в руках по первому призыву Московского комитета и Военного бюро большевиков (О. Варенцова, «Военное бюро при МК РСДРП(б)», сб. «От Февраля к Октябрю», 1923, стр. 79).

Особое значение Кремля для восставших рабочих и солдат заключалось в том, что его арсенал являлся единственным в Москве складом винтовок и пулеметов, в которых так нуждалось руководство восстанием для вооружения рабочих и слабо вооруженных солдат московского гарнизона. Назначение Военно-революционным комитетом в его первом заседании в ночь с 25 на 26 октября специального комиссара Кремля (Ем. Ярославского) и комиссара по выдаче оружия из кремлев-

ского арсенала (О. М. Берзина) имело своей целью обеспечить вооружение восставших. Тогда же в Кремль были направлены грузовики за оружием и рота 193 запасного пехотного полка (см. № 1, примечание, ч. I, п. 4).

Этот план был разрушен юнкерами, оцепившими Кремль утром 26 октября (см. примеч. 1 к № 3).

26 октября начатые В. П. Ногиным, только что приехавшим из Петербурга, переговоры с Рябцевым закончились решением вывести роту 193-запасного пехотного полка из Кремля и уходом из Кремля его комиссара Ем. Ярославского (см. примеч. 1 к № 4).

3) Формулировка этого постановления полностью подтверждает изложенное в воспоминаниях Ем. Ярославского «Как пролилась кровь» (сб. «Москва в Октябре 1917 года», М. 1919), первоначально опубликованных в ноябре 1917 г. в «Социал-демократе». Единственная поправка, в которой нуждаются эти воспоминания,— это исправление дат. Постановление не дает никаких директив о пределах возможных уступок Рябцеву.

По свидетельству О. М. Берзина, 27 октября в Кремль никто больше из Моск. совета не приезжал («Пролет револ.», 1927, № 12). Следовательно, переговоры с Рябцевым 27 октября велись или в другом месте, или же по телефону.

Рота 193 запасного пехотного полка была выведена из Кремля утром 27 октября.

4) Представление о характере рассылавшихся эсеровско-меньшевистским президиумом Совета солдатских депутатов телефонограмм может дать следующий документ, в котором момент политический тесно связан с моментом прямого подлога:

«Телефонограмма № 9819.

Октября 25 1917 года. От Совета рабочих и солдатских депутатов. Полковому комитету 193 пехотного запасного полка.

Передал Мамаев. Принял Мазуров.

По всем частям города Москвы. Московский совет рабочих и солдатских депутатов предлагает всем товарищам воздержаться от всяких выступлений без призыва Совета солдатских депутатов.

Председатель Шубников.
Секретарь Мамаев».

(Подл. ВИА, д. № 447—309, л. 174).

В последующие дни президиумом Совета солдатских депутатов рассылались телефонограммы и листовки с воззванием Центрального исполнительного комитета 1-го созыва, объявляющим 2-й Съезд советов не состоявшимся (ВИА, д. № 447—309, л. 178), с воззванием Совета крестьянских депутатов, большинства Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов, Комитета советской фракции эсеров и военной организации эсеров, призывающим не исполнять приказов Военно-революционного комитета и не выступать с оружием без приказа Советов солдатских и крестьянских депутатов и провозглашающим Комитет общественной безопасности «всенародным органом», которому «принадлежит вся власть в Москве» (ВИА, д. № 447—309, лл. 180—181).

5) Телефонограмма президиума Совета солдатских депутатов, отменяющая назначенное на 27 октября заседание Совета солдатских депутатов, не разыскана. Эсеры и меньшевики из Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов, очевидно, не хотели допустить этого собрания из опасения, чтобы на нем не повторилось того, что было на гарнизонном собрании ротных комитетов 26 октября, большинством 212 голосов против 1, при 23 воздержавшихся, принявшем следующую резолюцию:

«Ротные комитеты признают единственной властью Советы рабочих и солдатских депутатов. Ротные комитеты будут подчиняться только распоряжениям Военно-революционного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов и требуют слияния обоих советов и перевыборов в кратчайший срок Совета рабочих и солдатских депутатов». Посланная этим собранием к Рябцеву делегация требовала увода из-под Кремля юнкеров и освобождения осаждаемых солдат 56 запасного пехотного полка. В случае отказа со стороны Рябцева собрание требовало от Военно-революционного комитета «самых решительных мер для освобождения арсенала и 56 полка. Рабочие и солдаты должны быть немедленно вооружены» («Социал-демократ», 1917 г., № 194).

В результате принятых Военно-революционным комитетом мер собрание Совета солдатских депутатов состоялось (см. примечания 28 и 35).

6) Уничтожалась населением не только газета «Труд», но и газета «Вперед». Газета «Труд», орган московской организации партии эсеров, в дни Октября была

официальным органом Комитета общественной безопасности и публиковала все его воззвания, распоряжения и информацию. От нее не отставала и меньшевистская газета «Вперед».

Рабочие и солдаты Москвы отбирали у продавцов номера «социалистических» газет и тут же уничтожали их.

7) Шубников — правый социалист-революционер, солдат, интеллигент, товарищ председателя Совета солдатских депутатов, принимавший активнейшее участие в Комитете общественной безопасности как представитель Совета солдатских депутатов. Теперь — член ВКП(б).

Возможно, что Шубников лично делал свое заявление в заседании Военно-революционного комитета, так как президиум Совета солдатских депутатов до момента предъявления ультиматума Рябцевым в 7 часов вечера 27 октября оставался в здании Моск. совета и, по свидетельству А. Я. Аросева, «заседал на третьем этаже и стряпал прокламацию к Московскому гарнизону, в которой уговаривал солдат никуда не выходить, большевиков не слушать и поддерживать Керенского» (А. Аросев, «Как было», сб. «Москва в Октябре 1917 г., М. 1919, стр. 73). После предъявления ультиматума Рябцевым А. Я. Аросев, подпоручик Ершов (см. примеч. 7 к № 6) и прапорщик В. П. Янушевский побежали срезать телефоны в здании совета. «Тут подбежал Шубников,— рассказывает А. Я. Аросев,— и спрашивает, куда мы идем. «Мы телефоны срезаем, идите по добру по здорову» (Сб. «Октябрьские дни в Москве и районах», М. 1922, стр. 32).

В документах Комитета общественной безопасности находим указание, что вместе с эсером Шубниковым из здания совета был удален и другой член Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов меньшевик Мазур.

8) 26 октября утром за оружием в Кремль были отправлены грузовики как штабом Военно-революционного комитета, так и районами. В Кремль их прошло только три. Остальные были задержаны оцепившими к тому времени Кремль юнкерами. В тот же день по требованию О. М. Берзина из кремлевского арсенала было выдано 1 700 винтовок, часть которых пошла на вооружение роты 193 запасного полка, а остальные были погружены на грузовики (рапорт генерала Кайгородова от 8 ноября, «Борьба классов», 1930 г., № 6—7). Разгрузки этих грузовиков и возвращения этих винтовок в арсенал требовал Шубников от имени Рябцева.

9) Включенный в делегацию по переговорам с Рябцевым Ем. Ярославский (см. первое постановление публикуемого журнала) в переговорах с Рябцевым 27 октября не участвовал. После сделанного Ем. Ярославским 26 октября категорического заявления Рябцеву от имени Военно-революционного комитета, что Кремль будет охранять 56 полк, что этот полк добровольно не уступит своих постов юнкерам, что, как только юнкера войдут в Кремль, кровопролитие неизбежно (Е. Ярославский. «Как пролилась кровь», сб. «Москва в Октябре 1917 г.», М. 1919, стр. 52), — выполнение поручения «урегулировать вопрос о б о т о з в а н и и... 56 полка» из Кремля путем переговоров с тем же Рябцевым для Ем. Ярославского стало невозможным.

Переговоры В. П. Ногина и В. М. Смирнова с Рябцевым происходили не в Кремле, так как, по свидетельству О. М. Берзина, 27 октября из совета никто в Кремль не приезжал, а Рябцев, уехавший из Кремля вечером 26 октября, туда не возвращался.

Вероятно, В. П. Ногин вел эти переговоры с Рябцевым единолично по телефону. Закончились они предъявлением ультиматума о сдаче Военно-революционного комитета (см. примеч. 2 к № 7).

10) Запись неточная: ни одна из типографий «конфискована» не была. Вопрос о реквизиции типографий разрешился уже после Октябрьской победы, если не считать единичного случая с типографией латышской газеты «Дзименес Адбалс» (см. примеч. 20).

11) Профессиональная группа («девятка») была избрана 26 октября на созванном М. В. Рыкуновым, по поручению Московского Военно-революционного комитета, заседании правлений московских профессиональных союзов, в следующем составе: Козловский (Козелев?), Г. Н. Мельничанский, Шалаев, П. И. Кушнер, М. В. Рыкунов, Андреев, Шуленков, Кошутин и Мышкис. На избранную комиссию возлагалась координация действий профессиональных союзов в области экономической с Военно-революционным комитетом и помощь последнему в деле организации экономической жизни.

По предложению Военно-революционного комитета профессиональные союзы должны были выделить двух представителей в состав Военно-революционного комитета. На данном заседании решено было выделить в Военно-революционный комитет трех товарищей, что было поручено сделать избранной «девятке» совместно с центральным бюро профессиональных союзов и его секретариатом (Профархив, ф. № 408, д. № 1, лл. 121—130).

Избранными в Военно-революционный комитет оказались И. И. Кушнер, М. В. Рыкунов и Г. Н. Мельничанский.

12) Других указаний на то, что С. Л. Пупко был назначен комиссаром милиции гор. Москвы, в архивных фондах не разыскано. 1 ноября, после взятия центральной телефонной станции, С. Л. Пупко получил назначение комиссаром телефонной сети.

13) А. А. Вознесенский — комиссар Московского градоначальства, назначенный Временным правительством, с момента начала боевых операций руководил обороной занятого белогвардейцами здания градоначальства; после взятия градоначальства ему удалось скрыться.

В своей книге «Москва в 1917 году» А. А. Вознесенский подробно освещает все перипетии борьбы, в которой он участвовал, как сторонник Временного правительства. Данное комиссару милиции С. Л. Пупко поручение «снестись с Вознесенским» по вопросу об обеспечении охраны оставленных комиссарами комиссариатов свидетельствует о наличии каких-то иллюзий относительно возможности совместной работы с этим в то время определенным белогвардейцем (см. примеч. 7 к № 5).

14) См. в этом же журнале пункты «о телефонограмме Совета солдатских депутатов» и примечание 4, «переговоры с президиумом Совета солдатских депутатов» и примечание 28, «заявление социалистов-революционеров» и примечание 35.

Никаких документальных указаний на то, что на заседании Совета солдатских депутатов 27 октября обсуждался вопрос о его перевыборах, не разыскано.

15) В воззвании меньшевиков: «Ко всем рабочим, солдатам и ко всему населению г. Москвы», опубликованном в газете «Вперед», этот «ультиматум» меньшевиков изложен в следующей формулировке:

«1. Все решения Военно-революционного комитета принимаются только на его заседаниях после совместного обсуждения.

2. Официальными решениями комитета считаются только те, которые приняты единогласно и под которыми имеются подписи и меньшевиков.

3. Немедленно должны быть прекращены все действия, направленные к захвату Кремля и арсенала.

4. Военно-революционный комитет, с целью восстановления единства революционного фронта, немедленно предлагает Исполнительному комитету Советов рабочих и солдатских депутатов принять меры к организации общедемократического комитета с участием представителей всех революционно-демократических организаций» («Вперед» № 194, от 28 октября 1917 г.).

16) Подлинное заявление меньшевиков об их выходе из Военно-революционного комитета в архивных фондах не разыскано. От Военно-революционного комитета на заседание Совета солдатских депутатов были делегированы Г. А. Усиевич и П. Н. Мостовенко (см. предыдущее постановление), меньшевики же пытались выступать на заседании совета от имени Военно-революционного комитета в явочном порядке, не имея на это мандата.

17) Центральный союз городских служащих и рабочих делегировал на основании этого постановления в состав Московского Военно-революционного комитета члена своего правления, председателя стачечного комитета, максималиста, впоследствии ставшего преданным коммунистом, С. Л. Пупко. С. Л. Пупко, старый политкаторжанин, работал на ответственной работе сначала в ВЧК, а затем до конца своей жизни в НКПС. Умер в 1933 году.

18) Враждебные Военно-революционному комитету прокламации, воззвания, листовки в дни Октября в Москве выпускались главным образом Комитетом общественной безопасности и эсеровско-меньшевистским президиумом Совета солдатских депутатов. Московский комитет меньшевиков в основном публиковал свои воззвания в газете «Вперед». Московский комитет социалистов-революционеров в отношении издания воззваний и листовок отставал главным образом потому, что вся его энергия уходила на работу в Комитете общественной безопасности. Воззвания Комитета общественной безопасности выпускались не только в виде прокламаций и листовок, но и в виде «Бюллетеней», которых было выпущено четыре номера (26, 27, 28 и 31 октября). Оригиналы этих воззваний можно найти в МОАУ, в деле Совета солдатских депутатов за 1917 год, «о захвате власти большевиками». Одну листовку, кроме того, выпустил 26 октября эсеровский Исполнительный комитет Московского совета рабочих депутатов (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 9).

19) Указаний на участие заместителя председателя Московского совета рабочих депутатов П. Г. Смидовича в первом заседании Московского Военно-революционного комитета нигде не находим. На заседании 27 октября он присутствовал как член президиума Московского совета и докладывал: 1) о переговорах с меньшевиками, вышедшими из Военно-революционного комитета (см. выше и примечания

15 и 16); 2) о необходимости ввести в состав Военно-революционного комитета представителей Железнодорожного (Викжеля) и Почтово-телеграфного союзов и 3) о необходимости продолжать переговоры с эсеровско-меньшевистским президиумом Совета солдатских депутатов. Проведение этих переговоров было Военно-революционным комитетом возложено на П. Г. Смидовича. Переговоры с меньшевиками по поводу их ультиматума (примеч. 15) не увенчались успехом, и дело закончилось заявлением меньшевиков об их уходе из состава Военно-революционного комитета (примеч. 16).

20) О реквизиции типографии см. примечание 10.

С эвакуацией в связи с империалистической войной ряда заводов из б. Прибалтийского края руководство Латышской объединенной секции РСДРП (так называемой «Северной группы») переехало в Москву. Латышская объединенная секция РСДРП по основным программным вопросам целиком примыкала к ленинскому течению в партии и вошла в ряды большевиков.

21) П. Г. Смидовичу этим постановлением было поручено вести переговоры с Московским бюро Викжеля и советом союза почтово-телеграфных служащих. Политическая линия этих организаций предопределялась их классовым составом. Всероссийский исполнительный комитет железнодорожных союзов (Викжель) был избран на учредительном железнодорожном съезде в Москве в июле-августе 1917 года в составе 41 человека: 14 эсеров (из них 9 — левых), 6 меньшевиков, 3 большевика, 6 других партий и 12 беспартийных. Кроме того в Викжель входили 6 представителей крупнейших железнодорожных союзов по профессиям: железнодорожных служащих, телеграфистов, мастеровых и рабочих и т. д., продолжавших существовать как самостоятельные организации и после организации Викжеля.

Преобладание в составе Викжеля представителей мелкобуржуазных течений сделало Викжель одним из центров контрреволюционного соглашательства. Занимая формально нейтральную позицию, Викжель в Октябрьские дни настаивал на прекращении гражданской войны и создании однородного социалистического правительства — от большевиков до народных социалистов включительно. По получении первых известий о готовившихся в Петрограде событиях, Викжель в полном составе выехал из Москвы в Петроград, оставив в Москве Бюро Викжеля, в которое входили: социалист-революционер А. А. Гар, народный социалист Эндимионов, беспартийные: Беляков, Добытин, А. А. Платонов (впоследствии член ВКП(б)) и Федотов. В Москве же остался по болезни и член Викжеля большевик Кравец, а также председатель ревизионной комиссии Викжеля П. Стефановский. Вплоть до 1 ноября один из членов Московского Бюро Викжеля присутствовал в Комитете общественных организаций (см. дневник П. Стефановского, опубликованный в сборнике Истпрофтрана № 2, 1923 г.).

Еще более правой организацией был совет союза почтово-телеграфных служащих, возглавлявшийся Войцеховичем.

Московский Военно-революционный комитет был осведомлен о позиции, занятой Викжелем, из следующего документа:

«Телеграмма [Викжеля] 25 октября 1917 г. Всей сети, Центральному исполнительному комитету Советов рабочих и солдатских депутатов и Военно-революционному петроградскому комитету.

23 числа Петроградский совет рабочих и солдатских комитетов образовал Революционный комитет в числе пяти лиц: трех большевиков и двух социалистов-революционеров. Вчера Керенским в предпарламенте было заявлено о решении Временного правительства употребить все силы для подавления готовящегося выступления большевиков и всех, кто будет с ними, и отдано было распоряжение об аресте Революционного комитета, и в связи с этим Временное правительство вызвало отряд юнкеров, так как части петроградского гарнизона солидарны с Петроградским советом. Сего числа, по постановлению Революционного комитета, предпарламент распущен и произведены аресты некоторых членов Временного правительства. Временное правительство передало всю полноту власти генералу Багратуни, Кишкину, Пальчинскому, Рутенбергу.

Революционный комитет объявил Временное правительство низложенным, и в настоящее время фактически власть находится в его руках. Центральный исполнительный комитет [советов] рабочих и солдатских депутатов и социалистические партии, за исключением большевиков, относятся отрицательно к лозунгу «вся власть Советам» и свое отношение к создавшемуся конфликту точно не выявили, но в то же время не могут примириться с властью указанных лиц и, приходя почти что единодушно к выводу о необходимости народного социалистического министерства, считают передачу власти в такой момент цензовым элементам неправильным и недопустимым. Всероссийский съезд советов еще не вынес своего решения. Растет опасность торжества контрреволюции, когда под предлогом подавления большевистского движения

народ и армия могут быть введены в заблуждение, могут быть двинуты войска в Петроград и разгромлены все советские организации. Центральный исполнительный комитет Всероссийского железнодорожного союза в своем заседании 25 числа вынес следующую резолюцию:

«Сознавая свою реальную мощь, как орудие активной борьбы, которая может быть таковым лишь в руках большинства и ни в коем случае не может служить какому то ни было меньшинству или отдельной политической партии, Викжель постановил поддерживать Центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов как в настоящем его составе, так и в том, который будет избран Съездом советов. Товарищи! Ваш комитет считает недопустимым террор и насилие какой-либо партии над большинством демократии. В то же время является абсолютно недопустимым упразднение советов под флагом борьбы с так называемым большевизмом. Учитывая все изложенное, находясь в полном единении с большинством социалистических партий, Викжель постановил все передвижения казацких войск на Петроград немедленно приостановить. При передвижении войск и других родов оружия на Петроград их количество, куда, с какой целью и по чьему приказу они направлены немедленно сообщать в главные дорожные комитеты и в Петроград, Викжель, и только в случае получения распоряжения от Викжеля принимать все меры к их задержанию вплоть до разбора путей, угона паровозов и т. п. Стратегическое движение войск ни в коем случае нарушено не должно быть. В сознании всей глубины ответственности товарищи должны руководствоваться во всех сомнительных случаях указаниями Викжеля. Викжелем избрано бюро из 5 лиц в Петрограде для разрешения вопросов, связанных с передвижением войск, и для распоряжения в экстренных случаях и для контакта с Военно-революционным комитетом и Съездом советов рабочих и солдатских депутатов. Члены бюро: Антонелевич, Стаммо, Грунин, Кондратьев» (Сборник Истпрофтрана, № 2, 1923 г., стр. 59—60).

22) Выступая с своим заявлением об ошибочности наступательной линии Военно-революционного комитета, П. Г. Смидович выражал точку зрения значительной части фракции Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов (Е. Н. Игнатов, К. Г. Максимов, Г. Н. Корзинов, Орехов-Маликов и др.).

23) Кооптация П. Г. Смидовича в состав Московского Военно-революционного комитета, несмотря на его заявление о несогласии с линией последнего, также как и кооптация других членов Военно-революционного комитета, в том числе и члена президиума Совета рабочих депутатов Е. Н. Игнатова, вызвала протест партийного боевого центра большевиков, о чем докладывала В. Н. Яковлева на пленуме Областного бюро РСДРП(б), состоявшемся 9—10 ноября 1917 г. Об этом рассказывает и Е. Н. Игнатов («Моск. совет рабочих депутатов в 1917 г.», М. 1925, стр. 403).

24) Меньшевики и социалисты-революционеры использовывали стечение рабочих и солдатских масс, спешивших к Моск. совету по вызову Военно-революционного комитета, для организации летучих митингов, на которых вели контрреволюционную агитацию против Военно-революционного комитета, распространяя провокационные слухи о продвижении казаков с фронта к Москве и пытаясь всеми средствами дезорганизовать и запугать массы.

25) О. А. Пятницкий отправился первоначально на Николаевский вокзал, где находились и Московское бюро Викжеля и железнодорожный районный совет рабочих депутатов. Вместе с ним туда же поехал и П. Г. Смидович для выполнения поручения Военно-революционного комитета об установлении связи с железнодорожниками и почтово-телеграфными служащими. В опубликованных в октябрьском номере «Вестника путей сообщения» 1918 года воспоминаниях О. А. Пятницкий рассказывает следующее:

«На утреннем заседании Военно-революционного комитета 27 октября... я предложил попытаться снестись с Питером через Викжель... Военно-революционный комитет принял это предложение и делегировал меня и еще одного товарища [П. Г. Смидовича] в Викжель. Принял нас член коллегии пяти, выбранной Викжелем для руководства министерством путей сообщения, гражданин Гар (правый эсер). Он нам заявил, что Викжель постановил объявить себя нейтральным по отношению к воюющим сторонам, а потому не может дать нам возможности самим говорить с Петербургом, но он может вызвать кого-либо из Викжеля и спросить то, что нужно. Мы согласились на это; он позвонил по телефону в Питер, подошел член Викжеля Стаммо (эсер).

На поставленный нами вопрос, что делается в Петербурге и на фронтах, Гар заявил, что нейтралитет Викжеля не допускает такой информации, и в результате всех разговоров с Питером мы узнали только состав Совета народных комиссаров.

Мы предложили Бюро Викжеля... послать своего представителя в Военно-революционный комитет, хотя бы с совещательным голосом, для контакта. Гар ответил: «Нейтралитет Викжеля не дает возможности это сделать», — но это не помешало господину Гару [присутствовать] на заседании Комитета общественной безопасности втечение целых двух дней.

Так как миссия, по поводу которой мы были посланы, не была выполнена, мы направились в военно-революционный комитет железнодорожного района, где нами был поставлен и решен в положительном смысле вопрос о занятии нами комнаты Викжеля, где находится телефон с Петербургом. Мы вызвали из Северной дороги т. Поздеева, которому и решили поручить это выполнить. Ознакомившись с вопросом, он смеясь заявил, что все это совершенно лишнее, ибо прямой провод Викжеля из Петербурга идет через телефонную станцию Северной дороги и что главный петербургский провод находится у них на Северном вокзале. Мы информировали обо всем этом Военно-революционный комитет, и я, совместно с т. Поздеевым, отправились в главный дорожный комитет Северной дороги. В вышеназванном комитете было три активных члена нашей партии: Поздеев, Миронов и Костин, несколько интернационалистов, а остальные — социалисты-революционеры, но чувствовалось, что руководство было как раз у первых.

Мы отправились к аппарату, вызвали члена Викжеля интернационалиста Хрулева (он с Северной дороги), и он информировал нас о положении дел в Петербурге. Первое сведение было не из важных: он сообщил нам, что первый отряд Красной гвардии был разбит у Гатчины Керенским...»

Таким образом была установлена телефонная и телеграфная связь Московского Военно-революционного комитета с Петроградом.

Постановление Военно-революционного комитета в части, касающейся установления представительства Военно-революционного комитета в Бюро Викжеля, выполнено не было и, как видно из воспоминаний О. А. Пятницкого, предусматривало также и введение представителя Викжеля в состав Военно-революционного комитета.

О выполнении второй части постановления — посылка делегатов в Петроград с целью урегулирования сношений Московского Военно-революционного комитета с Петроградом — никаких документальных указаний не находим. По словам М. П. Томского, он присутствовал на заседании партийного боевого центра 24 октября и был последним послан в Петроград для выяснения ряда вопросов в Центральном комитете партии. И. С. Вегер в своих воспоминаниях, опубл. в сб. «15 лет», изд. Обществом политкаторжан, рассказывает, что он был послан в Петроград московской партийной организацией. Его поездка закончилась тем, что он возвратился в Москву 5 ноября в качестве комиссара отряда, посланного Петербургским Военно-революционным комитетом на помощь Москве.

26) 25 октября помещение и типография «Московского листка» в Ваганьковском переулке были заняты отрядом анархистов из группы братьев Гординых. Редактор-издатель эсеровской газеты «Земля и воля» В. Орлов 26 октября подал об этом заявление в Московский совет (ЦАОР, ф. МВРК, п. 1). Указаний на то, что отряд анархистов был сменен отрядом Военно-революционного комитета, нигде не находим. 27 октября «Московский листок» был занят юнкерами, а революционный отряд был ими арестован.

27) Велись ли по этому поводу переговоры со штабом, неизвестно. Но поскольку типография «Московского листка» находилась в районе, занятом юнкерами, можно с уверенностью сказать, что приготовленные А. Я. Аросевым части для ее охраны отправлены туда не были.

28) Переговоры с отдельными членами президиума Совета солдатских депутатов вел не П. Г. Смидович, а Г. А. Усиевич, который об этом докладывал Московскому совету 7 ноября. Переговоры вели с 3 социалистами-революционерами, двое из которых — из Совета солдатских депутатов и один — из Совета рабочих депутатов. Результатом этих переговоров явился проект соглашения, изложенный ниже (см. «Заявление социалистов-революционеров» и примечание 35).

29) В Минске находился штаб западного фронта. Связь фронта с Петроградом была прервана в связи с наступлением войск Керенского—Краснова на Петроград. Ставка делала попытки наладить связь фронта с Петроградом через Москву (см. «Ставка и Московский комитет общественной безопасности», док. №№ 7 и 9 и примечания к ним, «Красный архив», т. LXI). С запросом в Москву, очевидно, обращался Минский Военно-революционный комитет (В. Кнорин, Мясников, Калманович, К. И. Ландер, Фрейман и др.), образовавшийся 26 октября.

Указания на то, что Московский Военно-революционный комитет запрашивал или получал директивы из Петрограда для Минского совета рабочих и солдатских депутатов, в архивных фондах не разысканы.

30) В магазин Экономического общества на Воздвиженке 27 октября штаб Московского Военно-революционного комитета послал за полевыми книжками, применение которых значительно упростило бы делопроизводство штаба. Вероятно, арестованные Сухов и три двинца должны были выполнить это поручение. Арест их произошел, поскольку помнит автор примечаний, в оружейном отделении магазина. Полевые книжки получены штабом так и не были.

31) Автомобили реквизировались Советом солдатских депутатов для развозки по городу воззваний и прокламаций. Об этом свидетельствует запись заседания Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов (без большевиков), происходившего в помещении Губернского совета рабочих депутатов 30 или 31 октября.

32) См. примечание к док. № 9.

33) В архивных фондах никаких документов, указывающих на «продвижение через Раменское в Москву трех эшелонов казаков», не разыскано. Есть только документ, относящийся не раньше, чем к 26 октября (он записан на обороте листовки с радиотелеграммой из Петрограда, выпущенной 26 октября Московским Военно-революционным комитетом), согласно которому, «от станции Кашира на деревню Сосновицы, по уведомлению верного крестьянина по связи, идет эшелон из 200 подвод казачества; уведомили уже об этом Сокольнический район, и примите к сведению сами. Товарищ связи Басманного района Л. С о к о л о в».

34) См. док. № 6 — пункт об образовании автомобильного отдела под руководством М. И. Рогова.

35) Предложенный социалистами-революционерами (левыми) проект реорганизации Военно-революционного комитета явился результатом тех переговоров, которые с ними вел Г. А. Усиевич (см. примечание 28). Этот проект и был доложен Г. А. Усиевичем на состоявшемся 27 октября заседании Совета солдатских депутатов совместно с районными, полковыми и пр. комитетами, в котором участвовало более 2 000 человек (см. доклад Г. А. Усиевича Моск. совету 7 ноября, опубликованный в сборнике «Октябрьское восстание в Москве», М. 1922, стр. 11—12). Доклад этот создал у солдат такое впечатление, будто бы соглашение достигнуто и в новом органе власти большинство обеспечено за большевиками. Никакой резолюции по докладу принято не было. Впоследствии Военно-революционный комитет не считал нужным отказываться от этой формулы организации власти.

27 октября московский городской голова В. В. Руднев (он же и председатель Московского комитета общественной безопасности) прислал в Московский совет рабочих депутатов письмо следующего содержания:

«В связи с производимой партией социал-демократов-большевиков попыткой захвата власти в Петрограде и на местах, по соглашению нижеследующих организаций, в Москве образован Комитет общественной безопасности. Представители организаций: 1) городской думы, 2) уездного земства, 3) президиума Совета солдатских депутатов, 4) Исполнительного комитета крестьянских депутатов, 5) Московского совета Всероссийского почтово-телеграфного союза, 6) Центрального бюро всероссийских железных дорог.

Задачи комитета: 1) Охрана безопасности населения Москвы в период кризиса государственной власти впредь до разрешения его компетентными органами демократии. 2) Комитет принципиально устраняет какую-либо политическую платформу. 3) Организации объединены кроме вышеуказанной текущей задачи только одним гражданским убеждением: не может быть в республике признан законным способ насильственного захвата власти меньшинством против воли большинства, каковым являются действия Военно-революционного комитета.

Комитет общественной безопасности предлагает Совету рабочих депутатов представить своих делегатов из тех, кто стоит на вышеуказанной точке зрения.

Московский городской голова В. Р у д н е в».

(Подлинник на бланке Моск. гор. головы, Музей революции СССР).

Совет рабочих депутатов своего делегата в Комитет общественной безопасности не избирал, но от фракции меньшевиков Совета солдатских депутатов в нем сидел некий Калмыков, который был меньшевиками оттуда отозван после вооруженного нападения юнкеров на отряд «двинцев» вечером 27 октября, так как «партия (меньшевиков) считает недопустимым присутствие ее членов в таких учреждениях, действия которых выражаются в применении вооруженной силы против рабочего класса, хотя бы и заблуждающегося в своем выступлении» (заявление Калмыкова в Комитет общественной безопасности — см. газ. «Вперед» № 194, от 28 октября 1917 г.).

Характерно, что приведенное письмо Руднева было заготовлено еще 25 октября, о чем свидетельствует его дата: первоначальное «25» переделано на «27» почерком Руднева и теми же чернилами, которыми сделана подпись.

Можно предположить, что ответом на письмо Руднева явилось переданное через меньшевика Исува в ночь с 27 на 28 октября письмо за подписью П. Г. Смидовича, в котором предлагалось в Москве организовать «Революционно-демократический комитет, [который] состоит из представителей Совета рабочих и солдатских депутатов в числе семи лиц, пропорционально фракциям, из представителей Совета крестьянских депутатов, городской думы, земского самоуправления, железнодорожного союза, штаба (совещательный голос) и других общественных, профессиональных демократических организаций. По соглашению участников особого совещания, созываемого для создания указанного органа и состоящего из представителей советов (всех трех), городской думы и партии (три фракции РСДРП и с.-р.), первым делом совещания является принятие спешных мер, гарантирующих отсутствие возможности столкновения между отдельными частями. Все решения совещания, принятые единогласно, обязательны для всех организаций, участвующих в совещании. Созданный орган является единственным и высшим органом г. Москвы, распоряжениям которого все учреждения и организации гор. Москвы, как частные, так и общественные и государственные, безусловно подчиняются. Состав учреждаемого органа утверждается пленумом советов. Само собою разумеется, что утверждаться состав может и другими участвующими в совещании организациями». Проф. В. Сторожев (сб. «Октябрьское восстание в Москве», М. 1922, стр. 199—200) и Е. Н. Игнатов («Моск. совет рабочих депутатов в 1917 г.», М. 1925, стр. 371—372) считают, что это согласованное с меньшевиками предложение было послано в ответ на ультиматум Рябцева. См. док. № 7, примеч. 2.

Как видим, в основу этого предложения были положены те же условия организации нового органа власти, о которых докладывал Г. А. Усиевич на гарнизонном собрании 27 октября.

36) Впоследствии эти же условия выдвигались Военно-революционным комитетом и при переговорах с Комитетом общественной безопасности в согласительной комиссии при Викжеле —30 октября и при переговорах с представителями «нейтрального» блока социалистических партий —1 ноября, и даже после Октябрьской победы при обсуждении вопроса об организации власти 5 ноября.

Передавший это письмо по назначению меньшевик Исув в 3 часа утра 28 октября возвратился с ответом, что Комитет общественной безопасности в какие бы то ни было дальнейшие переговоры до исполнения ультиматума вступать отказывается.

К № 9.

1) 10 февраля 1926 г. находившимся в то время в Москве участникам Октябрьской революции в Москве, работавшим в Октябрьские дни в Московском Военно-революционном комитете и его штабе, было разослано следующее приглашение:

«Повестка.

Инициативная группа активных участников Октябрьской революции в Москве приглашает вас прибыть 13 февраля с. г. в 8 часов вечера в Белый зал Московского совета на товарищескую встречу для восстановления деталей происходившего в течение революционно-боевой Октябрьской недели в Москве. Товарищей, имеющих на руках материалы, связанные с Октябрьской революцией в Москве, просят принести их с собою.

Муралов. Розенгольц. Рогов. Темкина».

10 февраля 1926 г.

На состоявшемся собрании председательствовал М. И. Рогов. Протокол вела А. Ф. Темкина.

После открытия собрания С. Б. Бричкина огласила сохранившуюся у нее стенограмму заседания Московского Военно-революционного комитета 28 октября 1917 г., в которой подробно были изложены прения по вопросу: уходить ли Военно-революционному комитету из здания советов в один из районов или же оставаться в совете. Подлинная стенограмма этого заседания Военно-революционного комитета была унесена С. Б. Бричкиной домой, когда было решено, чтобы все ненужные для защиты совета товарищи покинули его здание, и была расшифрована впоследствии. Содержание этой стенографической записи не соответствовало изложению протокола заседания Военно-революционного комитета 28 октября, составленного А. А. Додоновой и опубликованного в «Красном архиве» (т. XXIII, стр. 68—71).

А. А. Додонова тут же объяснила, что этот протокол был ею составлен уже после Октябрьской победы по памяти, в связи с тем, что все протоколы Московского Военно-революционного комитета перед уходом работников секретариата из здания совета были сожжены.

Из содержания зачитанной С. Б. Бричкиной стенограммы составитель данной публикации помнит запись о том, что кем-то из присутствовавших на заседании Военно-революционного комитета было предложено опросить всех работников штаба, которые и были вызваны на заседание. Опросом их было установлено, что подавляющее большинство их (а может быть, и все) были против оставления здания совета руководством, причем некоторые из них указывали, что оставление позиции без боя деморализует бойцов, а такой позиции, как здание совета и гостиница «Дрезден» (Московский комитет партии большевиков), которые были центром движения в предбоевой период,— в особенности.

В стенограмме было записано о том, что опрошенные солдаты, находившиеся в большом числе в здании совета, категорически отказались уходить из совета.

О последнем моменте находим указания также и в воспоминаниях участников. «Наш резерв, расположенный в доме совета, узнав о нашем решении оставить совет, решительно заявил о своем желании лучше умереть здесь — в здании совета, чем малодушно сдать его белогвардейцам» (сб. «Москва в Октябре 1917 г.», М. 1919, стр. 58).

Выступавшие на собрании критиковали линию поведения в Октябрьские дни И. Г. Смидовича, отдавшего секретарям распоряжение об уничтожении протоколов и настаивавшего в заседании Военно-революционного комитета на уходе последнего из здания совета в один из районов. И. Г. Смидович в двухчасовой речи говорил о том, что им руководило, прежде всего, стремление спасти товарищей от совершенно ненужного риска, тем более, что надежда на то, что при содействии меньшевиков и эсеров можно будет договориться о бескровном переходе власти в руки советов, по его мнению, в тот момент не была потеряна.

С. Б. Бричкина подлинный документ (расшифрованную стенограмму) передала председателю собрания М. И. Рогову, а последний — секретарю собрания А. Ф. Темкиной.

Протокол, составленный А. Ф. Темкиной, не разыскан.

Таким образом, не отрицая фактов, изложенных в протоколе от 28 октября, приходится отнестись к ним с определенной осторожностью, так как при составлении протокола «по памяти» не исключена возможность включения в него моментов, относящихся к другим дням.

Так например, в 1918 г. О. А. Пятницкий писал, что 26 октября «поздно вечером состоялось собрание Московского комитета большевиков, которое высказалось против ведения переговоров с противной стороной и предложило боевым центрам начать решительную борьбу». Поэтому казалось бы, что первый пункт протокола 28 октября, о категорическом отказе от ведения переговоров с Комитетом общественной безопасности под условием роспуска Военно-революционного комитета, должен быть отнесен к 27 октября.

Пункт о задержании офицеров тоже должен быть отнесен к более раннему времени: 27 октября офицеры, появлявшиеся в районе совета, уже задерживались и приводились в Военно-революционный комитет.

Пункт о конституции военного штаба, казалось бы ,тоже должен был бы быть отнесен к 27 октября, когда принимался и план боевых действий (см. док. № 5, примеч. 3).

Пункт об охране телефонной станции или должен быть отнесен к 27 октября или же посылка охраны запоздала, так как 28 октября утром юнкера заняли уже почтамт и центральный телеграф, а, следовательно, и телефонную станцию.

Пункт «о прибытии 192 полка» может быть отнесен и к 27 октября, поскольку в архивных фондах находим следующий документ:

«В Московский Центральный революционный комитет.

Удостоверение.

Революционный комитет 192 пехотного запасного полка сим удостоверяет, что член революционного комитета Огнев Сергей делегирован революционным комитетом 192 пехотного запасного полка в Центральный революционный комитет московского гарнизона с поручением ходатайствовать о предоставлении в распоряжение революционного комитета 192 пехотного запасного полка для нужд связи между теми или иными частями не менее двух автмобилей и для самозащиты не менее пятидесяти револьверов.

Председатель революционного комитета Д. Орлов. 27 октября 1917 года.

Секретарь комитета В. И. Ф...» (№ 744).

(Подлинник чернилами, бланк полкового комитета 192 пех. зап. полка. ЦАОР ф. МВРК, п. I, л. 30.)

Пункт «о продовольствии» отнесен правильно к 28 октября, что подтверждается следующей записью в тетрадке исходящих бумаг штаба Московского Военно-революционного комитета 28 октября:

«№ 6. Приказ комиссару 2-го Тверского комиссариата милиции об отпуске 24 пудов сена для 1-й запасной артиллерийской бригады».

(Подлинник, МОАУ; отдельная тетрадка).

Пункт «о представительстве в Военно-революционном комитете 9 профсоюзов», во-первых, неправильно записан: см. примечание 11 к № 8; во-вторых, в состав Военно-революционного комитета были кооптированы П. И. Кушнер и М. В. Рыкунов — членами (см. «Известия М. В.-Р. К-та № 6) и Г. Н. Мельничанский заместителем (см. «Красный архив», т. LIV—LV, стр. 113, № 706); в-третьих, избрание «девятки» и представителей в Военно-революционный комитет произошло 26 октября, следовательно, вопрос об их включении в состав комитета слушался 27 октября; кроме того им был предоставлен не совещательный, а решающий голос.

Пункты «о перенесении центра борьбы в районы» и «о захвате штаба юнкеров», очевидно, относятся к 28 октября, хотя, с другой стороны, вопрос «о захвате штаба юнкеров» должен бы обсуждаться немедленно после получения ультиматума Рябцева (см. примеч. 2 к № 7).

О переходе партийного центра первоначально в Городской, а затем в Замоскворецкий район, см. доклад В. Н. Яковлевой на пленуме областного бюро РСДРП(б) 9—10 ноября 1917 г.

Пункт «заявление левых социалистов-революционеров», конечно, должен быть отнесен к 27 октября: ведь Комитет общественной безопасности в ночь на 28 октября ответил на письмо П. Г. Смидовича, что до исполнения ультиматума он отказывается вступать в какие бы то ни было переговоры (примеч. 35 к № 8).

Пункт «об уходе т. Ярославского в район» может быть отнесен или к 28 или к 27 октября. Вообще же решение такого вопроса компетенции Военно-революционного комитета не подлежало, поскольку Ем. Ярославский, на основании постановления Московского комитета РСДРП(б) от 25 октября (см. сб. «От Февраля к Октябрю», М. 1923, стр. 278), входил в партийный боевой центр как представитель Военного бюро при Московском комитете. Заявление же об уходе в район т. Ярославским, действительно, было сделано.

Пункт «заявление т. Ногина» относится к заседанию 28 октября. Постановление же о роспуске центра относится к решению вопроса о переходе в районы (см. выше). Это постановление было фактически отвергнуто после обсуждения вопроса, которое изложено было подробно в неразысканном протоколе С. Б. Бричкиной.

Пункт «об охране типографии», очевидно, обсуждался в связи с ультиматумом Рябцева, поэтому, казалось бы, должен быть отнесен к 27 октября.

Пункт «об утверждении т. Саблина членом» вызывает сомнения по следующим соображениям: Г. В. Саблин только что приехал из Петрограда, где был на II Съезде советов. В архивных фондах находим следующий документ:

«У д о с т о в е р е н и е.

Военно-революционный комитет удостоверяет, что прапорщику Саблину поручается командование отрядом специального назначения.

Октября 28 дня 1917 года.

Член Военно-революционного комитета С м и р н о в.

Секретарь... ».

(Подлинный отпуск на пиш. маш., печать М. В.-Р. К-та, МОАУ, ф. МВРК, д. № 1. л. 21).

«Отряд специального назначения» — это отряд, которому было поручено вести борьбу с засевшими в здании градоначальства на Тверском бульваре № 26 юнкерами. 29 октября градоначальство после удачного орудийного выстрела из орудия, стоявшего на Страстной площади, сдалось. Г. В. Саблин повел наступление на Никитские ворота, был ранен и помещен в лазарете Военно-революционного комитета. 2 ноября днем, во время переговоров о капитуляции, принимал участие в заседании Военно-революционного комитета как член штаба, а не комитета.

К истории революции 1905 года на заводе „Сормово“

(Дневник Нижегородского фабричного инспектора за 1905 г.).

Дневник фабричного инспектора Д. Г. Дмитраша, публикуемый ниже, хранится в Историческом архиве Горьковского крайуправления, в фонде «Старшего фабричного инспектора Нижегор. губ.». Официальное название его «путевой журнал»; по существу он является служебным дневником участкового фабричного инспектора. Дневник велся на форменных бланках в $^1/_6$ листа, сброшюрованных по 100 листов; в начале каждой книжки имеются правила ведения дневника.

Большую часть дневника составляют записи по заводу Сормово,— записи, касающиеся других фабрик и заводов участка автора дневника, занимают в нем очень немного места, так что по существу данный дневник целиком почти относится к Сормову.

Материал дневника ценен с фактической стороны как записки очевидца революции на заводе. Однако не нужно забывать, что этот очевидец был представителем самодержавия, к которому рабочие относились отрицательно, и что записи его часто сделаны со слов администрации (мастеров, начальников цехов и директора) завода, а оценка событий весьма субъективна.

Наиболее поучительным в публикуемом дневнике фабричного инспектора в Сормове за 1905 год является изображение нарастания революции, революционной энергии рабочих

В документах фабричной инспекции исследователи давно уже находили материалы об эксплоатации рабочих. Сравнительно меньше внимания уделялось ими документам фабричной инспекции о стачечном движении: полицейские материалы были среди других официальных документов эпохи царизма подробнее и ярче. Публикуемый дневник заставляет внимательно приглядеться и к соответствующим данным фабричной инспекции.

Дневник не оставляет места сомнениям, что автор его — активный враг рабочих. Если отдельные рабочие еще верят в начале 1905 г. уговорам фабричного инспектора, то в середине года авторитет фабричной инспекции совершенно подорван. И не зря.

Уже 16 февраля в вагонной кузнице фабричному инспектору кричат, что он поддерживает «интересы завода» (капиталистов). 1 мая фабричный инспектор, совместно со старшим фабричным инспектором, лично обозряет «защитников» администрации в их борьбе против рабочих и по существу выполняет шпионскую работу для царских войск.

С каким затаенным торжеством заносит инспектор в свой дневник записи о том, что рабочих удалось отговорить от стачки, согласиться на уступки администрации и т. д. А 2 июня рабочий болтового цеха Баранов говорит на митинге, что «фабрич-

ный инспектор при всем желании прибавить не может, нам надо такого инспектора, который поддерживал бы наши интересы, поэтому, товарищи, плюнем на фабричную инспекцию».

Еще в 1895 г. Ленин писал по поводу правил о штрафах: «Фабриканты и фабричные инспектора — такие близкие друзья-приятели, что верят друг другу на слово. К чему отягощать фабриканта правилами, когда он «уверяет», что не будет нарушать интересов рабочих? Ну, а если бы рабочий попробовал просить у инспектора или министра освободить его от правил, «уверяя», что он не нарушит интересов фабриканта? Такого рабочего сочли бы, вероятно, за сумасшедшего» [1]).

«Друг-приятель фабриканта» — фабричный инспектор рассматривает события как посторонний рабочему движению и враждебный ему наблюдатель. Это особенно ощущается при сопоставлении его дневника с воспоминаниями старых рабочих большевиков. Тем не менее и он чувствует где-то позади рабочих выступлений организующую руку партии. В решительные моменты выступают листовки РСДРП, а по мере нарастания революции ораторы рабочих митингов все определеннее именуются и в дневнике социал-демократами.

Роль партийного авангарда тем более велика, что велика еще и разнородность рабочей массы, находящейся на разных ступенях роста классового сознания. Ленин писал, что в революции 1905 г. пролетариат России политически осознал себя, завершил превращение свое в «класс для себя». Это ленинское указание освещает характерный для 1905 года общий подъем классового сознания, даже у отсталых рабочих. И это — результат работы большевиков.

Хорошо виден рост массы по ее отношению к религии. Так, 1 февраля забастовавшие подручные мостового цеха потребовали, кроме прибавки зарплаты, чтобы была «поставлена икона с киотом в цеху». А 7 июня на собрании церковно-приходского попечительства, где председательствовал священник Орловский, рабочие кричали: «Что за председатель длинноволосый? Долой попа!». 2 июля инспектор заносит в дневник по поводу молебна: «Отношение рабочих к религиозной стороне совершенно отрицательное»...

***

«Прибыл на завод в 10 час. утра; застал дымящееся место пожара: сгорела лесопилка № 1»,— так начинается первая запись инспектора от 4 января 1905 г. «Под 4 января, — продолжает инспектор, — найдено 29 прокламаций в механическом цеху и 5 в судостроительном под заголовком: «Рабочие всех стран, соединяйтесь! К сормовским рабочим»... Драматический колорит событий, направляющая рука партии чувствуется с первых строк дневника.

В августе 1904 г. на Сормове была уже большая упорная стачка.

11 января 1905 г. рабочие бастуют, получив известия о расстреле 9 января. Нижегородский комитет РСДРП выпустил специальную прокламацию. Вот как описывала январские дни 1905 г. в Сормове корреспонденция в № 10 (февральском) листке Нижегородского комитета РСДРП [2]).

«Когда дошла до нас весть о геройской борьбе петербургских товарищей, о всеобщих стачках во всех крупнейших городах, жажда борьбы загорелась и у нас... 10 января на сходке в 200 чел. ораторы горячо призывали к поддержке петербургских товарищей... Но у нас слишком мало товарищеского единения между рабочими

---

[1]) Ленин, Сочинения, изд. 3-е, т. I, стр. 416.

[2]) См. сб. Илларионова «Материалы по истории революционного движения», Н.-Новгород, 1920, т. I, стр. 43—44.

разных цехов, все идут врозь, в каждом цехе думают только о своих мелких интересах. На другой день бросили работу только в паровозо-механическом да в паровозной сборке... Стачки только в отдельных цехах начинались, но не могли слиться в одну общую стачку. За это время наша администрация хорошо подготовилась к отпору: собрала из уезда массу полиции, лишние двери в цехах заперты и заколочены. Мещерский (князь, директор) организовал из пожарной дружины и нескольких изменников рабочих целую шайку, которая должна была избивать стачечников... Жертвой этих негодяев сделался т. Мокин... 26 января забастовали подручные котельного цеха. Требовали: 1) прибавки поденного жалованья (вместо 60—70 коп.), 2) распределения расценок пропорционально жалованью... 28-го рабочие механического цеха предъявили заведующему Кабачинскому требование уволить негодяев: Кадетова, Куликова и др., избивших Мокина... 3 февраля забастовали в мостовом и котельном, а к 12 часам дня примкнул и судостроительный. Требования: 1) повышение платы до 80 коп., 2) распределение приработка пропорционально заработной плате. Цеха не работали три дня».

Январь и февраль — это месяцы, когда сормовичи «раскачиваются», что нашло отражение и в дневнике: как бы мелкая зыбь пробегает по заводу — мелкие экономические стачки то в одном, то в другом цеху... Но сравните приведенную выше рабочую корреспонденцию с записями инспектора. Корреспонденция ясно говорит о движущих пружинах рабочего движения, о работе партии. В дневнике инспектора события разрознены. Случай с избиением черносотенцами Мокина инспектор изобразил так, что получилась картина простой драки, где неизвестно, кто виноват.

Экономический характер рабочего движения этих месяцев понятен, между прочим, и потому, что экономическое положение рабочих, особенно малоквалифицированных, малолетних, подручных, было очень тяжелым. Подручные мостового цеха получали 55—60 коп. в день при малом приработке (запись от 1 февраля). 5 февраля, уже после требований рабочих, директор предложил установить плату мальчикам в котельном цеху на клепке от 30 до 45 коп., держальщику 55—60 коп., молотобойцу 65—70 коп., а при таких расценках не удивительно, что клепальщики требовали повышения расценков всем рабочим на 70% (7/II). Экономические требования предъявлялись рабочими разных цехов и в июле и даже еще в ноябре, но завод упорно сопротивлялся требованиям рабочих, вплоть до локаута в июле — августе, изображенного инспектором как простой перерыв в работах и результат упадка производительности труда (записи от 16/VII и др.).

В итоге, насколько можно судить по дневнику инспектора, несмотря на частичное повышение платы отдельным разрядам рабочих в отдельных цехах, уровень зарплаты в Сормове в 1905 г. сколько-нибудь существенно не повысился. Еще в ноябре, напр., молотобойцы (правда, швеллерного, а не котельного цеха) получали 65—70 к., держальщики — 45—50 к., мальчики — 30—35 к. (запись от 19/XI) [1]).

К этому надо прибавить условия труда (12-часовой рабочий день, а потом — 10-часовой; санитарно-гигиенические условия труда). Мы упоминали о стачке в котельном цеху. Вот как описывает, напр., условия труда сормовских котельщиков современный наблюдатель: «При клепке котлов и цистерн рабочему котельщику часто по нескольку часов приходится проводить внутри самого котла или цистерны. Оглушительные звуки ударов молотка во время клепки делают то, что уже к концу первого года слух котельщика значительно понижается». Рабочие цехов переделоч-

[1]) В этом смысле положение немногим отличалось даже от положения в самом начале XX века, когда получали (минимум) 55 к. чернорабочие — 40 к., клепальщики — 50 к. (плюс приработок) См. А. Р., «Рабочие сормовских заводов», ст. в журн. «Народное хозяйство», 1912 г., кн. IV, стр. 94.

ного, литейного, кузнечного работали при высокой температуре (до 35°Р), а судостроительного цеха — все время на открытом воздухе, переходя от летней жары к адскому зимнему холоду [1]). Любопытно, что фабричный инспектор не отмечает даже в дневнике этих условий работы: ведь это так «обычно»...

Уже в период разрозненных экономических стачек выступают однако и принципиальные требования. Так, 14 февраля рабочие котельного цеха самовольно уменьшили рабочий день до 9 часов, бросив работу до гудка, а сталелитейный цех потребовал работы в три смены, т. е., по существу, 8-часового рабочего дня!

1 апреля рабочее движение доходит уже до столкновений с полицией. Настроение рабочих уже при этом резко отличается и от стихийного бунтарства, характерного для сормовского «бунта» 1899 г., и от картины, типичной для знаменитой сормовской первомайской демонстрации 1902 г., когда активный авангард был еще невелик. А 1 апреля 1905 г. «толпа человек 1 000 одновременно высыпала из разных цехов как бы по сигналу — дело, видно, было организовано», показал директор Заварицкий. Возможно, цифру в 1 000 человек директор и преувеличил — «у страха глаза велики», но «дело», несомненно, «было организовано»! И если по случаю небольших экономических столкновений стали возможны такие события, как 31 марта, то это значит: «не бунт, а революция» [2]). Записи фабричного инспектора начинают звучать документальной иллюстрацией к положению Ленина о перерастании экономической стачки в политическую и политической — в вооруженное восстание.

И это подтвердили уже первомайские события. В записи от 22 апреля инспектор описал один из красочных эпизодов 1905 года в Сормове: маевку на лодках и ж.-д. насыпи 20 апреля (вместо 17 апреля — 1 мая по новому стилю). О событиях 1 мая и роли в них фабричной инспекции было сказано уже выше. В итоге первомайских событий рабочие добились фактической свободы слова, и это отразилось на напряженности стачечной борьбы мая—июня.

В связи с полугодовщиной 9 января — 9 июля — массовка в лесу, 11 июля — демонстрация сормовичей в Нижнем (не отмеченная фабричным инспектором) и т. д. 16 июля директор завода решил прибегнуть к локауту. 18 июля об этом было вывешено извещение. 1 августа завод стал. Август скудно представлен в инспекторских записях.

Инспектор умалчивает о том, почему вновь началась работа на заводе. Участники же событий указывают, что за время локаута большевистская организация отпечатала две прокламации — о бойкоте Госуд. думы и о мире с Японией с призывом к вооруженному восстанию. После III съезда партии рабочие Сормова стали практически обучаться искусству владеть оружием. Учитывая боевое настроение рабочих, администрация завода должна была начать с ними переговоры об открытии завода: соглашение состоялось в средине августа [3]). 17 августа начались ремонтные работы в цехах.

Период высшего подъема революции 1905 г., перехода от политической всеобщей стачки к вооруженному восстанию (октябрь—декабрь), скупо отражен в «путевом журнале» фабричного инспектора.

Характерна запись от 17 октября: «Ходят слухи о готовящейся забастовке. Вчера из города было приставу сообщение о начале забастовки в 9 часов утра сегод-

---

[1]) А. Р., «Рабочие сормовских заводов», стр. 86—87. Ср. также запись инспектора от 29/III о больнице.

[2]) 1 апреля произошло также столкновение рабочих с полицией в Сормовской народной столовой (см. запись инспектора от 2/IV, а также сб. «1905 г. в Нижегородской губ.», Н.-Новгород. 1931, стр. 88 и сл.). Инспектор описал довольно картинно панику среди полиции после 1/IV в Сормове.

[3]) Сб. «1905 г. в Нижегородской губернии», стр. 110.

ня. От исполняющего должность губернатора получено предложение при подавлении беспорядков патронов не жалеть. Вчера привезли патроны». Знаменитая фраза треповского приказа — «патронов не жалеть» — привела в восторг инспектора.

С 18 по 21 октября в Сормове прошла политическая забастовка. В Нижнем 18 октября состоялся митинг [1]). Рабочие Сормова активно готовились к восстанию (дружины, народная милиция). Ноябрь в Сормове слабо освещен в литературе, и потому записи инспектора здесь дают ценный дополнительный материал. Решительное настроение сормовских рабочих в ноябре сказывается очень резко.

3 ноября рабочие вывезли на тачке заведующего центр. магазином Матвеева. Такие же случаи повторялись и впоследствии. «Среди рабочих митинги происходят беспрестанно по разным вопросам»,— отмечает инспектор. 7 ноября забастовал железнодорожный отдел завода (требования: 8-часовой рабочий день и повышение платы), и директор почти немедленно устроил совещание с выборными от рабочих, превратившееся в митинг, — совершенно новые формы «общения» дирекции с рабочими: раньше того никаких «совещаний» и «митингов» дирекция и полиция не допустили бы. Но времена были другие, и 10 ноября директору Приемскому пришлось даже состязаться в красноречии на митинге с социал-демократическим оратором («Бебелем» — А. Суховым, меньшевиком). Директор уверял рабочих, что «Бебель» «не знает сормовского дела», что «он сам, Приемский, плачет кровавыми слезами» по случаю закрытия завода, и эти слова вызвали законную насмешку рабочих.

Железнодорожная сормовская стачка закончилась 12 ноября. А 19 ноября забастовали подростки швеллерного цеха, выставив экономические требования. 25 ноября вновь появляется угроза локаута. Буржуазия действует в полном контакте с самодержавием. 29 ноября — небольшая экономическая стачка в железопередельном цеху.

Декабрь — месяц, отмеченный вооруженным восстанием. Обычно описание восстания начинают с митинга 7 декабря. Но что именно стачка переросла в восстание, видно из того, что уже вечером 1 декабря забастовал почти весь Сормовский завод (запись от 2/XII).

Движение в Сормове направлялось общероссийской революционной волной. Лозунги знаменитого «финансового манифеста» Петербургского совета рабочих депутатов нашли отклик и в Сормове. 7 декабря на митинге ораторы требовали уплаты золотом, что, как известно, должно было ухудшить финансовое положение самодержавия. Этот митинг инспектором не отмечен. Вообще «храбрый» инспектор был в Сормове в декабре 2-го, 9-го, а затем уже только 20-го — после подавления восстания — и 30-го.

Ему было чего опасаться. 9 декабря инспектор записал, что рабочие потребовали от дирекции получки золотом и «готовились дать последнюю битву отживающему режиму — бастовать». «Директор сообщил также, что рабочими заготовляется оружие в громадном размере — горны и точила заняты, и забирается много стали самовольно, а также переделываются напильники и проч.).

Рабочие деловито и упорно готовились к вооруженному восстанию, к которому призывали их большевики. Восстание началось 12 декабря (восстание в Москве началось 9 декабря, а 12-го и 13-го восстание шло уже в Сормове, Екатеринославе, Ростове-на-Дону, во многих пунктах Донбасса, в Харькове и т. д. [2]). Восстание описано в дневнике инспектора в записи от 20 декабря по собранным им сведениям. Несмотря на его краткость, оно представляет насыщенное фактами описание восстания день за днем.

[1]) См. воспоминания т. П. Керженцева в т. I «Материалов», под ред. Илларионова.

[2]) В. Невский, «Советы и вооруженные восстания в 1905 г.», М., 1932 г., стр. 241. См. также работу Е. Ярославского о декабрьском восстании 1905 г. в сб. «1905 г. в очерках».

По сведениям инспектора, рабочие забастовали 12 декабря в 8 часов утра. В 11 часов утра началась перестрелка. Утром 13-го рабочие стали строить баррикады. 14-го утром в рабочих стала стрелять артиллерия. Рабочие ответили из самодельных маленьких двух пушек и одной мортирки. Казаки подожгли народную столовую. 15, 16 и 17 декабря в Сормове неистовствовали казаки: «победители» боялись «побежденных» — казаки, — записал инспектор, — боялись быть взорванными.

Восстание было подавлено: 23 убитых, 51 раненых, 100 арестованных, рассчитаны все рабочие завода...

Восстание было подавлено, но революция жила!

***

Таково основное содержание «путевого журнала» нижегородского фабричного инспектора за 1905 год. Дневник врага рабочих займет свое место в числе источников для истории сормовского пролетариата и революции 1905 года.

Текст дневника подготовил А. В. Чернов.

В. Зельцер.

1905 год

4 января.

Сормовский завод. Прибыл на завод в 10 ч. утра, застал дымящееся место пожара: сгорела лесопилка № 1; пожар начался в 8¼ вечера, и в 11 ч. опасность для соседних зданий миновала. Осталось каменное здание кочегарки с поврежденными котлами и сушилка. Рабочих в лесопилке 323 человека. Предлагается к увольнению до 200 человек рабочих, станочники же будут распределены по другим работам. Будет уволено также 20—22 человека из вагонно-сборочной. Об увольнении будет выставлено объявление после обеда.

Под 4 января найдено 29 прокламаций в механическом цеху и 5 в судостроительном под заголовком: «Рабочие всех стран, соединяйтесь! К сормовским рабочим», с обвинением фабричного инспектора в невнимании к рабочим судостроительного цеха, требовавшим прибавки во время забастовки на 10 коп.

При опросе в судостроительном цеху оказалось, что наряды на руки стали выдавать. Расценки выставлены не везде,— например, в слесарне их нет.

7 января.

Посетил мастерскую Общества «Ока». Найдены нарушения:

1) Заведывающего И. И. Калашникова в мастерской не оказалось, и объявления о его заместителе не было выставлено.

2) В мастерской висят правила внутреннего распорядка, исправленные заведывающим красными чернилами, с оговорками за его подписью.

3) Рабочие подрядчика Зиновьева, занятые клепкою на караване Общества тут же в затоне, на учете при мастерской не значатся, и в отношении их не соблюдаются правила о надзоре и о взаимном отношении с...[1]).

Записано в ревизионную книгу:

1) Выставлять на случай отъезда объявление о заместителе.

---

[1]) Запись в подлиннике не закончена.

2) Предварительно выставлений исправленных правил в мастерской надо представить на утверждение старшего фабричного инспектора.

3) В отношении всех рабочих, занятых производством, исполнять все требования устава о промышленности, касающиеся взаимных отношений фабрикантов и рабочих.

Посещена льнопрядильная фабрика [Молитовская] по жалобе рабочих.

Согласно расценкам ткачам время простоев должно оплачиваться по среднему поденному заработку за последние три дня. Это не всегда исполняется[1]). Так.

а) Ткачу Овчинникову Герасиму не записаны простои за 14, 15, 16 и 29 декабря, которые, несомненно, как выяснилось, имели место.

б) Ткачихе Вахрамеевой Наталье записан простой 8 часов, когда, по ее мнению, она не могла работать, за неимением основы, с 7 часов утра до 9 часов вечера, т. е. 14 часов. Это обстоятельство квалифицировано как невнимательное и неправильное ведение той части расчетной книжки, где записываются заработки.

Предложено выдать новые штучные книжки, а надлежащ...[2]) и вести учет только согласно с действительностью.

11 января.

Посещено Сормово (с 9 ч. утра до 4 ч. веч.).

В 8 ч. утра директор завода Мещерский сообщил по телефону, что в паровозных цехах начинается забастовка. Прибыл на завод в 9 ч. утра. Оказалось следующее.

Паровозо-механический цех.

Помощник мастера Антипин показал: в ¼ 8-го утра трое неизвестных лиц в возрасте 17—22 лет зашли в цех от кочегарки, направились по рельсам цеха с криком «Бросай работу»; эту фразу они произносили часто, почти у каждого станка; из паровозо-механического отделения пошли в паровозо-сборочную, повернув туда у средних ворот. Что было дальше, не знает. Во время выкрикивания мастеровые стояли у своих станков и — кто работал, а кто нет. Волнения крики никакого не произвели, и рабочие не выказали попытки уходить, и поведение их от обычного ничем не отличалось.

Паровозо-сборочный цех.

Помощник мастера Морозов показал: около 7 ч. или в начале 8-го видел издали, что трое лиц вышли из прохода от паровозо-механического цеха, останавливались кое-где у рабочих и что-то говорили и прошли в ворота к поворотному кругу. Старший рабочий Слепнев и Смирнов Иван указали на них ему со словами: «Вот кто подговаривает бросать работу, выгнать бы их нужно». На что он посоветовал не обращать внимания.

Мастер цеха Смирнов показал: при входе в мастерскую, около ¼ или ½ 8-го, некоторые рабочие сказали ему, что мешают работать и некоторые что...[3]) одевались. Он посоветовал не обращать внимания,

[1]) Подчеркнуто автором.
[2]) Неразборчиво.
[3]) Неразборчиво.

но все же партий 5 из 30 были одеты и просили уйти, отзываясь боязнью; приступили к работе, но две партии, человек 50, отпустил. В 9 часов за ними послал, и они стали на работу.

Паровозо-котельный цех.

Около 7½ ч. утра толпа человек 20 ворвалась с палками в цех (дубинками), разбилась на 3 группы и прошла по цеху с криком: «Бросай работу». Мастеровые перестали работать, но каждый стоял на своем месте. Через 20 м. — ½ часа работа пошла полным ходом.

Исправник сообщил, что в паровозо-кузнечном цеху подстрекавшему рабочему отвечали мастеровые: «Убирайся, а то мы вас», причем угрожали...[1])

Паровозо-кузнечный цех, 2¼ часа.

Утром ничего не было заметно в цеху. После обеда, около 2 часов, 7 мальчишек от паровозо-механического цеха вбежали в боковые двери с криком: «Бросай работу», а часть из них свистала. Не успел Мосин выскочить на шум, как мальчишки уже вылетели из цеха, показав ему спины. Один из молотобойцев опознал одного — Федьку, который раньше служил в вагоноклассном цеху и уволен в августе.

По слухам, была вчера сходка с участием 700 рабочих и 25 приезжих из города. Решено забастовать 11 или 12 января, но вести себя спокойно.

По словам Знаковского, в 2 часа дня ходил по паровозо-механическому цеху молодой человек Новиков Александр, № 12285, работает в электрическом цеху с 1900 г., убеждал рабочих бросать работу. Поступил на работу без рекомендаций.

13 января.

Посещено Сормово (с 10 ч. утра до 12 ч. 14 января).

Директор завода сообщил, что он не знает, как быть с губернатором: в 10½ ч. по телефону он запросил директора, отчего не приняты им меры по пойманию тех 11 человек, которые, по донесениям властей, бегали по заводу и требовали прекращения работ 11 января, что это его обязанность, что он отвечает за порядок на заводе. Он пытался объяснить, что в пределах возможного он принял меры к воспрепятствованию проникать посторонним в завод и наблюдении за порядком в цехах, но губернатор грубым тоном прервал, что «вы отвечаете за порядок», положил трубку и не пожелал слушать.

Для наблюдения им, директором, поставлено 60 сторожей у забора, по два сторожа у ворот, 6 патрулей, постоянно обходящих заводский двор, подметальщиков по ночам с 5 до 7½ ч. для наблюдения, когда рабочих нет в заводе; кроме того, отдельные лица еще по цехам; начальникам и мастерам с помощниками велено постоянно быть в цехах и смотреть за порядком. Больше сделать не может, а равно и не может приказать рабочим самим ловить неблагонадежных лиц. Из 11 лиц опознано 7 человек.

В 6¾ ч. Н. Л. Мануйлов по телефону сообщил Заварицкому, что кучка каких-то лиц у Дарьинской проходной кричала после шабаша выходящим рабочим: «Товарищи, неужели мы не забастуем и не под-

[1]) Неразборчиво.

держим наших петербургских товарищей?» В ответ слышались им угрозы, ругательства по матерному и фразы: «Где полиция, забрать бы их». Через 10—15 минут, когда рабочие прошли, все кончилось.

14 января.

Посещена льнопрядильная фабрика по случаю забастовки.

Прибыл в 3½ часа пополудни. Застал на дворе у фабрики кучку человек 200 рабочих, состоявшую из малолетних (около 50), женщин (около 60), из других около 50 — кардовщиц и взрослых рабочих человек 20. В толпе были бастовавшие и не бастовавшие. На вопрос, в чем дело, отвечали одинокие голоса:

1) Раньше было жалованье ватерщикам — мужчинам 60 коп., женщинам 55, теперь 50 и 45. Просят прибавить: «если не прибавят, все бросим работу».

2) Ватерщицы указали: есть сменная работа 9 час. и поденная — 11½ ч., а жалованье, одинаковое, что обидно.

3) Мотальщицы заявили, чтоб не было сверхурочных работ, которые производить заставляют[1]).

4) В казармах не все могут жить, — пусть дают тем, что на частных квартирах, квартирные деньги.

5) Полагается баня, а в бане холодно.

6) У ватеров стоять мокро,— просили сделать скамейки — не делают.

Пообещав разобрать жалобы, насчет прибавки сказал, что это дело уговора с управлением. Они заявили свои желания, управление их знает, завтра желающие выходят на работу, а через две недели, если прибавку не сделают, нежелающие могут бросить работу. Сейчас посоветовал итти домой (в 5½ ч. вечера), а завтра выходить в свою очередь. Толпа сейчас разошлась, а мальчишки прокричали «ура». Возбуждения заметно не было.

15 января.

Посещена Молитовская фабрика.

С утра все рабочие-ватерщики стали на работу, за исключением 9 чел., из которых 4 сменных, — все мужчины.

С обеда не явились...[2])

18 января.

Посещено Сормово с целью ревизии.

21 января.

Посещено Сормово.

1) Не выдаются рабочим, работающим на стороне, расчетные книжки (Прохоров).

2) Некоторым выдаются, но без правил внутреннего распорядка.

25 января.

Посещено Сормово для освидетельствования котла № 363[3]).

---

[1]) Разрядка подлинника.

[2]) В подлиннике запись не закончена.

[3]) Дальше описание осведетельствования парового котла, которое нами опускается.

Вагонная кузница.

Только вечером, около 7 ч., узнал случайно, что подручные собрались утром во время свистка и заявили о прибавке, чтобы было такое распределение, как в паровозной кузнице. Я с 10 часов в заводе, и никто ни слова.

26 января.

В 8 ч. утра директор сообщил по телефону, что в котельном цеху подручные прекратили работу. Прибыл в 10 часов. К этому времени работу возобновили. Узнал:

Механический цех. Около 10 часов утра в цех в ворота что от главной проходной, ворвалась кучка рабочих человек 30 и направилась по средней главной линии с криком: «Бросай работу!» Мастера у главных станков стали группироваться в кучку, видимо, стараясь оттиснуть возбудителей от рабочих; человек 20 повернули назад, а остальные пошли вперед, силою отталкивая работавших от станков. Из них один ударил работавшего слесаря Кадетова по голове чем-то и рассек ему бровь. Тогда рабочие стали их колотить. По словам Любавина, 5 человек были избиты сильно, четверо все же удрали, а один остался на месте окровавленный. Свезли его в больницу. Оказался он рабочим-слесарем болтового цеха Мокиным Василием.

Котельный цех. Временно заведывающий цехом Капелькин сообщил, что еще вчера, во время вечернего шабаша, рабочие подручные собрались к нему, прося увеличить заработок так, как это есть в вагонной кузнице. Он обещал подумать и, что возможно, сделает; ему отвечали, что бывший заведующий обещал не раз, а ничего нет. С этим рабочие разошлись.

Сегодня в 8 ч. утра подручные собрались в кучу, бросив работу; когда он к ним подошел, то они ему сказали то же, что и вчера. Явился директор около 8½ ч.

Директор А. П. Мещерский сообщил: рабочие вели себя смирно, добродушно. Жаловались, что мало зарабатывают, и на одежду нехватает. У говорившего на руках были дорогие перчатки; директор в опровержение малости заработка указал на них. «Три года собирал на них» — отвечал тот. Обещал вопрос рассмотреть; рабочие требовали, чтоб это было сделано к 1 февраля. Отказался наотрез. Обещал втечении февраля и предложил стать на работу — стали в 9½ часов. Во время переговоров подошел один из мастеровых и предложил выбрать из рабочих и из администрации комиссию для рассмотрения сего вопроса. Подручные отвечали: «Их не надо, они все будут гнуть на свою сторону».

Вагонная кузница. Около 9 часов вбежала с криком толпа и стала кричать: «Бросай работу». Рабочие, было, взволновались, но потом сейчас же успокоились и продолжали работу.

Сталелитейный цех. В 12 ч. Васильев сообщил, что у них не было даже ничего слышно.

Штамповальный отдел. Начальник Проппер сообщил, что, когда раздались крики: «Бросай работу», он побежал в слесарку, там ничего не было. Думает, что возбудители — оттуда. После замешательства все оказались на местах, кроме Мокина.

После обеда. 2 рабочих железо-передельного цеха Голованов, № 2627, и Носов, № 2094, бросились к полускатному цеху, где работали чернорабочие, с криком: «Бросай работу», но тут же были задержаны.

Забастовали в котельном цеху. Из подручных: взрослых 90, подростков 13; из них молотобойцев 57 чел., держальщиков 18, подавальщиков 13, др. подростков 15, всего 103 чел.

27 января.

Посещена льнопрядильная фабрика по жалобе рабочих. Оказалось:

1) Нет объявления о моих приемных днях и часах; одно оказалось в старом корпусе современное, остальные — старые, другие — относящиеся к Дегтяреву.

2) За простои станков проборщикам не платят. Пошло мало пряжи с декабря; в ноябре же — хорошо. По заявлению мастера Лапшина и проборщиков, при 11½ часовой работе можно пробрать 5 000 зубьев. Проборщики считают простоем перерыв между основами более полчаса. Согласились взять за основу выработку за ноябрь и по ней рассчитаться за декабрь и ноябрь.

3) Единогласно проборщики (4) заявили, что мастер Лапшин систематически принуждает работать сверхурочно. За ноябрь оказалось у них 180 часов.

28 января.

Посещено Сормово (с 10 ч. веч. до...[1]).

Директор завода сообщил: около 2 часов дня рабочие механического цеха собрались в количестве около 200 человек и заявили ему, что они не чувствуют себя в безопасности, если среди них будут находиться лица, подобные Кадетову, который изувечил Мокина, что его, Мокина, можно было вывести, выгнать, но не увечить без всякого повода, поэтому они требуют его увольнения. Директор объяснил, что у него есть достоверные сведения, что Кадетов защищался, что его сначала ударил Мокин болтом по голове. Полицией протокол составлен и, если окажется, что Кадетов останется по суду виновным, то будет уволен. Рабочие как бы удовлетворились. Вечером с гудком собрались опять, и с ними беседовал Приемский. Сначала рабочие требовали увольнения участвовавших в драке Сутягина и Куликова, но потом остановились только на Кадетове. С Приемским пришли к решению: опросить всех рабочих по станкам выборными — от завода Кабачинским, от рабочих — Шмельковым.

29 января.

Спрошенный в больнице Мокин показал, что не помнит ничего, но не обвиняет Кадетова.

1 февраля.

Посещено Сормово.

В 2 часа дня сообщено, что в мостовом цеху подручные забастовали. Поспешил туда. Жалоба — малое поденное жалование — 55—60 к.; малая приработка. Молотобойцы желают получать поденно 70 коп., чернорабочие 60. Частные жалобы: 1) иногда наряд дают дол-

[1]) В подлиннике не дописано.

го спустя после начала работы, так что старается рабочий напрасно, ибо впоследствии ставится малая цена; 2) не уплачивают за те дни, поденно, когда нет работы, или мало. Прибыл директор; долго беседовал, что листовое железо плохое, не оправдывает общих расходов. Добавить жалованье не может. В настоящее время взяты резервуары.

Не выдаются расчетные книжки работающим на пароходе работы. В 4 ч. рабочие стали на работу, пожелав, чтобы 1) был поставлен куб с горячей водой и 2) поставлена икона с киотом в цеху. Обещано удовлетворить немедленно.

Записал в книгу:

Не выдаются расчетные книжки работающим на пароходе рабочим от подрядчика Пудова, столярам и плотникам.

2) В мостовом цеху наряды выдаются иногда долго спустя после начала работы.

3 февраля.

(С 8 ч. утра до 7 ч. вечера 5 февраля).

Сормово. В 7½ часов утра по телефону сообщено, что котельный цех забастовал. Оказалось:

Котельный цех. На работу стали во-время; приблизительно в 7 час. или около того тендерные рабочие вбежали в котельный цех и закричали: «Бросай работу»; работа остановилась. Когда Капелькин стал говорить, отвечали, но далеко не единодушно, что желают распределения заработной платы на рубль.

Директор объяснил, что определенных требований не слышал. Приглащал стать на работу тендерщиков, что вопрос о распределении платы разрабатывается, и указал им, что теперь, с уходом Грейнера, будет заведывать котельным делом Русаков, и он введет те же способы распределения платы, как и в паровозо-котельном цеху (на рубль жалования). За работу, было, принялись. Но вбежавшая толпа из судостроительного цеха нарушила порядок, и работы уже не возобновлялись. Часть рабочих ушла, часть отпущена: рабочие ссылались на причину неработы — боязнь насилий — гайками бросают.

Мостовой цех. На работу стали в 6½ часов утра.

Стали забегать из котельного цеха и волновать; бросали работу; после убеждений опять приступали, и так до 3 раз, пока из судостроительной партии, взяв по пути котельный цех, не выперли всех из цеха. Это было около 9½ часов утра; рабочих 240; после обеда 197, утром 201.

Судостроительный цех. Около 8 ч. утра из котельной ворвалась в цех толпа человек 45 с палками, ломами и стала сгонять с работы. Человек 200 выгнала из цеха за ворота, бросая по пути чем-то в окно; в крыльце выбито 3 стекла; часть рабочих разбежалась; на работе осталось 547 человек. После обеда вышли 936 чел.; всего в цеху 1 158 чел.

За 2 часа до вечернего свистка молотобойцы и подручные судостроительного цеха прекратили работы, требуя всем поденным чернорабочим и подручным добавить денное жалование до 70 коп., ибо весь приработок съедают старшие.

Просят поставить куб с горячей водой, чтоб было определенное время для завтрака, а не ругали постоянно за то, что съешь кусочек хлеба. С гудком разошлись. Жаловались на грубое обращение...[1]).

4 февраля.

Мостовой цех. Вышло утром по номерам 223 человека. После обеда вышло столько же. Работали весь день.

Котельный цех. Вышло утром 574 человека, после обеда 446. Ночная смена [?] человек бросила работу и ушла в 8 ч. вечера. Бастовали весь день.

Судостроительный цех. Вышло утром 1 060 человек.

Работа, было, началась, но начали мешать, и работа не производилась весь день.

Вагонная кузница. Утром на работу стала, хотя и была заминка. После обеда к работам совсем не приступала. Вышло 388 ч...[2]) 108, вышло 92 ч.[3]).

5 февраля.

Котельный цех.

Вышло на работу 880 чел. В 8 ч. утра в контору явились 8 депутата и потребовали: 1) прибавить всем подручным 10 коп. к поденному жалованью, 2) приработку делить % поденной плате, 3) чернорабочим добавить 10 коп., 4) заплатить за 1½ дня забастовки. В 10 ч. утра директор предложил депутатам установить на клепке жалованье:

1) На клепке:

а) мальчику 1-му	30—35	к.
б) » 2-му	40—45	»
в) держальщику	55—60	»
г) молотобойцу	65—70	»

д) поденщикам 55—60 » и гарантировать приработок по 10 коп. в день.

На сборке: подручным 55—60 к.

2) Из приработка выделять жалованье; остаток делится пропорционально коэффициентам — подручному на жалованье определенное, клепальщику на 1 р. 50 коп. и клепальщику на 1 р. 90 коп.[4]). В 11½ ч. депутаты, переговорив с выборщиками, объявили, что после обеда станут на работу. До обеда не работали, после обеда работали.

Вагонная кузница. Утром не приступала к работе и до обеда не работала. После обеда не приступала к работе; предложено выбрать...[5]).

7 февраля.

В 7½ ч. утра сообщено, что судостроительный цех не работает, требуя тех же уступок, что и котельный цех. Прибыл в 10 часов. Начальник цеха Обухов сообщил, что им рабочим объявлено:

---

[1]) Дальше одно слово не разобрано.

[2]) Дальше не разобрано.

[3]) Приписка карандашом: «½ дня 97 чел.». По всей вероятности, указание на число бастовавших рабочих.

[4]) Так в подлиннике.

[5]) В подлиннике запись не закончена.

1) будет выставлено объявление того же содержания, что и в котельном цеху;

2) будут сделаны такие же прибавки и то же распределение плат, что и в котельном цеху.

При мне вручено 2 экземпляра объявления для развешивания и сказано громко, что слышали и присутствовавшие в конторе рабочие, что будет для них сделано все, что и в котельном цеху. Около 8 часов утра стали на работу. После обеда на работу не вставали и собрались во дворе; на мой вопрос, чего собрались, отвечали, что выбирают депутатов. Часа в 2½ явились депутаты:

1) от клепальщиков 6 человек; потребовали:

а) повышения расценков всем на 70%,

б) дать расценок на заклепку диаметром ⅞″ и 1″,

в) согласны делить заработок пропорционально тому жалованию, которое теперь получают. Было сказано, что вопрос будет рассмотрен втечении февраля, а пока пусть работают, — удалились. В 5 часов часть других клепальщиков заявила о прибавке жалованья, отказано им в этом, также о нежелании пропорц... [1]).

2) От подручных. Потребовали добавки жалованья до 70 к.; отказано; предложено, как в котельном цеху, т. е. установить жалованье по категориям, а именно:

а) мальчику	1-му	30—35 к.
б) »	2-му	40—45 »
в) держальщику		45—50 »
г) подручным		55—60 »
д) молотобойцам		65—70 »

причем низший предел новичкам, а высший — на 2-й год и следующие. Поговорив, явились вновь и требовали на 10 коп., а в 4½ часа только требовали уже прибавки 5 коп.

3) Сборщики просят давать также цены по нарядам, чтоб было 50% приработки к поденному жалованию. Отказано, ибо приработок у них есть. Согласны и далее желали делить заработок пропорционально поденному жалованью. Приработки гарантированной требовали потому, что долго не даются наряды, иногда по три и более месяца, и они, работая интенсивно, часто не вырабатывают поденного жалованья. Заводоуправление отказало, но обещало пересмотреть наряды, чтоб они были мельче. На мое замечание, что, если наряд не подходит, они в праве работать поденно, отвечали, что, если наряды не принимаешь, угрожают расчетом (указали при этом на Волкова).

В 5½ часов рабочие разошлись по домам.

8 *февраля.*

Утром не приступили к работе: я прибыл в цех около 7 часов утра. Рабочие стояли толпой во дворе. Попросил пригласить депутатов от подручных. Повторили желание всем прибавить 5 коп. Предложено, согласно телеграмме директора из Петербурга, обещать всем подручным гарантированный приработок 10%. Отказались, ибо уже есть человек 70 из 700, именно таскальщиков листов, имеющих гарантированные 10%. Согласны получить гарантированную прибавку, но желают

[1]) Так в подлиннике.

сверх того и 5 коп. В 8½ часов рабочие разошлись. Говорил с толпой часов около 8. Заявили, что, если не прибавят, потребуют расчет. Часов около 8¼ часть рабочих отделилась, направилась к лесопилке № 2, выбила стекла и потребовала остановки работ. Лесопилка стояла ½ часа. Остальная толпа уходя повалила забор у мостового цеха. Около 7½ ч. утра явились сверловщики и требовали прибавки жалованья до 1 рубля и такой расценки, чтоб цена была и от диаметра дыры и толщины листа, а не так, как теперь, только от одного диаметра, когда приходится сверлить дыры до 3 листов, сложенных вместе. В прибавке отказано, а расценку обещано рассмотреть втечении февраля.

Характер забастовки таков, что если бы стали подручные, то старшие рабочие тоже работали бы.

После обеда к работам не приступили. По телеграмме директора удовлетворено требование, что все подручные и чернорабочие получают 60 к. и гарантированную 10% приработку. Рабочие заявили мне, что теперь они довольны и пойдут на работу, но тут же некоторые стали спрашивать, будет ли им засчитан прогул 2½ дня. Пока шли разговоры, причем подручные шли на работу, стали бастовать сборщики, требуя 20% гарантированной приработки, а по истечении наряда — 40%. Сказано им Мацкевичем подождать директора; согласия не последовало. Их около 120 человек. Часа в 3½ стали рабочие расходиться, причем подручные заявили, что их стоняют с работы сборщики, так что с обеда 8 февраля забастовали и сборщики.

Предложено с утра вывесить объявлений 2: одно ко всем, что если с 9 февраля не приступят к работе старшие на условиях, означенных в книжках, а подручные на принятых 8 февраля условиях, то все будут немедленно рассчитаны; второе — о прибавке до 60 к. и 10% приработки.

Судостроительный цех.

9 февраля утром все стали на работу и таковую продолжали и далее. Были вызваны войска к 12 часам 8-го. Приезжал губернатор с прокурором окружного суда. Губернатор редактировал объявления. Уехал часов около 8½ вечера под 8-е число.

По 8-е число включительно сообщено заводоуправлением о забастовке в судостроительном цеху по моим данным старшему фабричному инспектору от 8/II за №№ 1281 и 1282.

10 февраля.

(С 2½ часов дня до 4 ч. 50 м. 11 февраля).

Сормово. Вызван по телефону в 2½ часа; прибыл в 3¾ часа. Котельный цех не работал с обеда. Явились депутаты 5 человек. Требовали:

1) Всем подручным прибавить по 5 к.

2) Подручных у некоторых сборщиков поднять до положения молотобойцев, т. е. платить поденные 65—70 коп.

3) Делать приработку пропорционально тому поденному жалованью, которое записано в расчетную книжку сейчас.

Директор объявил:

1) В прибавке 5 коп. отказал и будет держаться обещаний, принятых подручными 5 февраля.

2) На второе требование отвечал, что сам это имел в виду, когда говорил с ними 5 февраля.

3) Отказать делить пропорционально жалованью, ныне существующему, ибо заработки подручных сильно повысятся, а старших понизятся.

4) Оставляет в силе распределение, предложенное 5 февраля, с тем, что в выработке норм этого распределения примут участие 5 уполномоченных, о чем и будет выставлено объявление, при условии, впрочем, что работы, остановленные подручными, будут безостановочно продолжаться. В 5½ ч. вечера стали на работу [1]).

11 февраля.

Утром работа производится, после обеда также.

Меднотрубный цех. 10 февраля выставлены новые расценки с небольшим понижением. Рабочие говорили Ухонжину, что теперь не время понижать; если б это было сделано раньше, когда согласились на понижение — месяца два назад, а теперь везде повышают. После обеда 11-го вышли и не приступали к работе. Ухонжин обещал выставить старую, но рабочие дружно, как солдаты, вышли из цеха в 2¼ часа и разошлись по домам. Людей 190, подручных подростков 22.

12 февраля.

Сормово. Прибыл в 8 ч. 40 м. утра.

1) Меднотрубный работает с утра, оставлен расценок старый.

2) Судостроительный работает, выбираются депутаты от групп для ведения переговоров по разным вопросам.

3) Паровозо-механический, паровозо-сборочный, паровозо-котельный и арматурный цеха (2 408 чел.) в 12 ч. дня с гудком не пошабашили, а самовольно стали работать до 2 ч., с тем, чтоб впредь всегда по субботам шабашить в 2 ч. Директор обещал выработать желаемое ими правило к 1 000 паровозу в начале марта, до тех пор работать по-старому. Обещали, разошлись. Котельный цех ушел в 3½ часа вместо 5-ти. Мостовой ушел в 4½ часа вместо 5 часов.

14 февраля.

Сормово. Прибыл в 4½ часа. Судостроительный цех не работает с обеда; во дворе толпа, застал директора беседующим с выборными от сборщиков. Сборщики-депутаты заявили, что не согласны на гарантию 10% приработки. Подручные требовали 70 к. поденно. До 5½ часов на работу не вставали; в 5½ часов стали принципиально. М. Г. Субботин дал сборщикам на чай 25 р. До обеда на работу не становился [2]).

Котельный цех. Ночная смена под 14 февраля бросила работу в 2 ч., уменьшив день до 9 часов.

Вагонно-товарный цех. В 2 часа дня рабочие с верстаков сгоняли с работ; заведывающий уговорил стать на работу. Требовали повышения расценков.

Паровозо-сборочный цех. В 6½ ч. вечера рабочие обратились с просьбой выбрать депутатов; проканителились до 7 ч. и разошлись; результаты неизвестны.

Сталелитейный цех. Рабочие в ¼...[2]) утра обратились с просьбой работать в 3 смены.

---

[1]) Приписка карандашом: «650 чел. ½ дня».

[2]) Так в подлиннике.

15 февраля.

Судостроительный цех начал работу во-время и проработал до обеда. Явились депутаты. Требовали:

1) Держальщики: всем объявленное поденное жалование 50 коп. с февраля.

2) Сборщики: гарантированную 10% приработку на все выданные наряды до 15 февраля; за январь будет выдана приработка в конце месяца, по остальным по окончании нарядов.

3) Подручным кололыщиков 60 к. и гарантия 10% приработки с 1 февраля.

4) Чеканщикам обещано 10% по нарядам, выданным по 15 февраля.

С обеда до 4 часов цех к работе не приступил; подручные требовали поденно 70 коп. Субботин обещал всем 70; после этого часть закричала: «На работу»; остальная масса не шла и слышались голоса: «Давай 75». Выставлено объявление о всех сделанных уступках.

Вагонная кузница.

Весь цех бросил работу в 9 ч. утра. Явилась депутация от кузнецов; требовала: всем поденным 80 к., кузнецам 1 р. 30 к., и до обеда не работали; после обеда в 2½ ч. весь цех ушел.

Котельный цех.

Подручные бросили работу в 8 ч. утра. После обеда выставлено объявление об увольнении; к работе цех не приступил.

Вагонно-товарный цех.

С утра весь день не работал; рабочие требовали: повысить расценки на 50% и поденные на 50%, сменить мастера Балыкина. Отказано; предложено избрать депутатов, и разговор с ними будет вестись при том условии, что остальные будут работать.

Швеллерный цех.

Бросил работу в 8 ч. утра и не работал весь день. Требования те же, что и в вагонно-товарном.

Паровозо-котельный цех.

С разрешения стоял 2 часа после обеда для выбора депутатов.

Лесопилка № 2.

Стояла после обеда 1 час, просили увеличить расценки и поденные на 5 коп. Ответ обещал в четверг. Предположено добавить им за то время, когда вследствие пожара работали в 3 смены вместо 2-х и зараб.... [1]) с 60 до 26%, на день коп. 10—15.

Вагонно-классный цех.

После обеда совсем не работали (слесаря, фонарщики), требовали...[2]).

[1]) Неразборчиво.
[2]) В подлиннике запись не закончена.

Малярный цех.

После обеда не работал, две артели в 137 чел. на классных вагонах требовали увеличить цену с 150 до 230 р.

Мостовой цех.

После обеда не работал, выбирали депутатов (бросили работу через 1 час, т. е. в 2½ часа) и предъявили требование: 1) поденная плата чернорабочим 80 к., мальчикам 50 к. и отряд раскладывать на поденную плату; 2) увеличить поденную плату мастерам на 30%; 3) все расценки увеличить на 50%; 4) проработанные наряды не покрывать; 5) за прогул мастеровых не смещать с работы, на которой он находится; 6) увольнение мастера Гордеева.

1) Относительно поденных плат будет установлен минимум, а через год прибавка по совету с мастеровыми.

2) Наряды не покрывать на разных работах, но на одинаковых будут суммироваться.

3) Будет выставлена расценка на сверловку, колку и др., кроме сборки, где невозможно.

В 5 ч. вечера рабочие пытались остановить работы в котельном цеху, но были встречены угрожающе с молотами, и тут же разошлись по домам.

16 февраля.

Сормово. 8½ ч. утра. Не работали с утра цеха: мостовой — 200 чел., судостроительный — 2 033 чел., швеллерный, вагонно-товарный — 235 чел., вагонно-кузнечный —356 чел., и малярный —284 чел.

В 10 ч. мостовой приступил к работе.

В 10 ч. швеллерный, 216 чел., тоже.

В 10 ч. рабочие вагонной кузницы ушли домой.

В 2 часа в механический цех вбежала толпа человек, по рассказам, 100, из вагонной кузницы и остановила работы. После этого цех больше не работал, выбирал депутатов и в 5 часов разошелся.

В 2½ часа рабочие судостроительного цеха стали бить окна — вытеснила их полиция, утром им было выставлено (9 ч.) объявление о расчете.

В 3 часа исправник из вагонной кузницы вытеснил рабочих, которые не расходились после объявленного им утром расчета и бросали кирпичи в окна механического цеха. Остальные упомянутые цеха не работали весь день.

Директор говорил с депутатами.

Мостовым объявлено директором:

1) подручным 1-й год работы по 55 коп., 2-й — 60, а через 3 года 65 к.; 2) обещано расследовать жалобу на мастера Гордеева, который будто бы взял взятку с рабочего Александра Городкова, № 18701; 3) при работе по нарядам не покрывать нарядами прораб. лишь в том случае, если работа не однообразна и не на одинаковых заказах; 4) в марте выставить расценки на все почти работы кроме сборки. В прибавке расценок на 50% отказано.

Вагонно-товарный цех: 1) прибавка жалованья: клепальщикам до 1 р. 10 к., молотобойцам 70 коп., мальчикам 35—45 коп., держальщикам 50 коп.; 2) сборщикам и обшивщикам — первым изме-

нить расценку, где низка, вторым — добавить поденное жалованье до 90 к.

Швеллерный цех. Рабочие отказались называть свои претензии «требованием» и назвали просьбой; обещано говорить завтра. В 8 ч. утра стали на работу.

Малярный цех. Директор признал справедливым требование прибавить цену на окраску вагона почтового, который мастером приравнен к багажному. Предложено представить ему подробную расценку всех операций окраски багажного и почтового вагонов. Не работали целый день.

Я говорил с рабочими вагонной кузницы после обеда; просили прибавить кузнецам расценки. Установить правильную точку зрения на свои обязанности отдельным личностям удается, но из толпы раздаются крики, что поддерживаю интересы завода.

Мостовой цех. Не работал весь день; ушел около 5 час. вечера; пытался нарушить работу в котельном цеху, но был встречен угрожающе с молотами.

17 февраля.

Мостовой цех с утра не приступал, было, к работе, но в 7 ч. стал.

Чугунно-литейный цех.

Обрубщики просят прибавки с 3 до 4 коп. с пуда. Предложено: свыше пуда 3 коп., до пуда 4 коп.

Судостроительный цех.

Закрыт.

Вагонная кузница.

С 9 часов утра идет запись всех уволенных рабочих на поступление на работу на условиях: всем молотобойцам 70 коп. в день, приработок—кузнецу 75%, молотобойцам 25%. Рабочие обещают стать на работу после обеда.

Мостовой цех.

Директором предложено: мальчикам 35—45 к., держальщикам 55—60 к., молотобойцам 65—70 к., подручным 55—65 к., сборщикам минимум 90 к., клепальщикам 80 к., кузнецам, прессовщикам минумум 75 к.; прибавки 2 раза в год — 1 июля и 1 января, по совету с мастерами, но без обязательства ему следовать; в марте будут выставлены расценки.

После обеда вагонная кузница стала работать усердно.

Швеллерный цех требовал:

1) Увольнения пом. начальника цеха Мирошниченко.

2) Вежливое обращение, сокращение рабочего дня и без перерыва работать до 2 ч. в субботу.

3) Куб, 4) отмена штрафов, 5) беспрекословно выдавать увольнительные записки, 6) неприкосновенность депутатов, уплата за забастовку, 7) повышение поденной платы, расценков на 50%.

Вагонно-товарный цех.

1) Повысить поденную плату, 2) платить такую цену, чтоб было 50 р. в месяц, 3) на частную работу давать наряды; прибавка расценков на 25—50%.

18 февраля.

(С 10 ч. утра до 7 ч. вечера).

Льнопрядильная мануфактура.

Директор фабрики Иванов сообщил следующее.

17 февраля утром все рабочие вышли на работу в нормальном количестве. В 9 часов появилась перед фабрикой толпа человек 300 рабочих разных заводов; ворота в фабрику были заперты, и толпа стала перелезать через забор. Скоро весь двор был заполнен. От толпы отделилось человек 10 и заявили директору Иванову, чтоб тот остановил фабрику, иначе они не ручаются за последствия. Фабрика была остановлена. Рабочие вошли в числе 10—15 человек на фабрику и стали выгонять народ. Когда Иванов спросил, чего собственно им надо, отвечали: «Требуем остановки фабрики, чтоб выхлопотать восьмичасовую работу». Женщины-ватерщицы стали, было, бомбардировать выгонялыщиков катушками, но были остановлены директором. К 10 часам фабрика опустела. Пришедшая толпа, захватив с собой человек 100 рабочих, пошла на завод Яковлева и другие заводы. Губернатор прислал 80 чел. войска около 12 часов. К 1 часу дня пришло на работу около 200 чел., которые проработали до 6 час., засветло, боясь насилий. В это же время другая часть рабочих, около 500 чел., не вошла в фабрику, а остановилась во дворе, главным образом, ткачей; последние требовали прибавки 10 коп. на кусок, а палатку работать на $^7/_4$ станках поденно по 60 коп. в день. Директор обещал 5 коп. прибавки на все сорта и предложил на этих станках палатку больше не работать (тяжелы), а только эту доработать за цену — поденным 1 р., сменным 1 р. 10 коп. за кусок. Не согласились и разошлись часов в 5 вечера.

Сегодня, 18 февраля, вышло людей на фабрику только на 150 чел. меньше. В 9 час. утра на фабрику явились 2 пьяных ткача и стали выгонять ткачей и других рабочих. Ушло с фабрики ткачей 213, банкаброшниц и ленточниц человек 15, ватерщ. 15 и кордовщиков человек 70. Работало, таким образом, до обеда около 1 200 человек.

После обеда, т. е. к часу, когда должна была заступить 2 смена, и к 1½ час., когда должны были выйти денные после обеда, у фабрики за забором образовалась толпа человек 500, препятствовавшая желающим проходить на фабрику. Когда у ворот стал солдатский караул, толпа перестала препятствовать проходить желающим, и рабочие пошли на работу. Набралось рабочих на фабрике около 800 человек, из коих было около 180 ткачей; не были, главным образом, все чесальщики и кордовщики. Число людей на фабрике:

Ватерное	отд.	629	чел.,		из коих	смен.	160 чел.
Приготовит.	»	625	»		» »	»	500 »
Чесальное	»	134	»	1 684 ч.	» »	»	000 »
Мотальное	»	221	»		» »	»	60 »
Мастерская		75	»		» »	»	000 »
Ткацкое отд.		774	»		» »	»	538 (?) чел.

Указанные 800 чел. проработали до 6 час. и разошлись; толпа у ворот разошлась постепенно к 5 час. Мне претензии заявили только ткачи и чесальщики, требуя прибавки: ткачи по 10 к. на кусок и палатку работать поденно по 60 к., а чесальщики чрез депутатов Кропина Якова, Антипова Александра, Антипова Алексея и Барышева Фе-

дора требовали: при расценке число гребней в счет не принимать; платить: до 40-го гребня включительно 65 коп., 60 и 80—70 к., спуск—вычес 50 к. и очес 12, спуск без вычесу 16 коп. и давать 16 пудов, обдержки 15 к. и давать 20 пудов; кроме того уменьшить день до 10½ ч. Директор предложил ткачам, как и прежде, по 5 к. на кусок и 1 р. для денных и 1 р. 10 к. для сменных за палатку; соглашения не состоялось, и те и другие отказались работать. Ткачей однако несогласных была лишь небольшая часть, ибо из них стали на работу до 200 человек. Чесальщикам предложено: спуск без вычеса 14 к., спуск с вычесом 60 к.; с гребней: 3 × 40—62 к., 3 × 80—68, 2 × 22—46 к., 2 × 26—51 к., 2 × 30—54 к., 2 ×40—57, обдержки 11 к. Кроме того в толпе раздавались требования о выдаче квартирных денег тем, которые живут на частных квартирах, до 2 р. на человека. В этом отказано.

19 февраля директор сообщил, что утром и после обеда работа шла почти нормально, не вышло человек около 300. Пришлось рассчитать человек около 25. В 2 часа дня часть кардовщиков бросилась требовать прекращения работ, но была окружена караулом, тоже часть ткачей и чесальщиков. Все рассчитаны за дурное поведение.

19 февраля.

(С 7½ час. утра до 4½ час. дня).

Сормово. Работа с утра идет своим порядком. Расчет рабочих судостроительного цеха произведен 18-го при полном порядке. При расчете рабочие спрашивали, когда будет запись опять на работу.

Были мною вызваны депутаты мостового цеха.

С утра выставлено объявление по цехам от директора с предложением избирать в каждом цеху депутатов и представить директору желания, общие для завода и цеховые, чтоб со временем можно было их обсудить совместно с депутатами от всего завода. Стали поступать заявления.

Котельный цех проявляет поспешность. Уже сегодня предъявлено требование собрать представителей от всех цехов завтра для обсуждения общих вопросов.

1 марта.

Сормово. Прибыл для освидетельствования котла № 540...[1]).

4 марта.

Сормово. Имел беседу с директором об его условиях с сборщиками, клепальщиками и др. лицами, нанимаемыми в судостроительном цеху. Разъяснено, что условие о плате и выдаче премий за более раннее окончание работы может быть допущено при условии, что задержек в работе со стороны заводоуправления не будет.

Нельзя однако допустить:

1) Обязанности участников групп доносить о необходимости своевременного уведомления ими администрации завода об увольнении излишних подручных.

2) Что в случае забастовки участники артели не получат сдельного заработка, а только поденный, и настоящее условие считается нарушенным.

[1]) Запись по освидетельствованию парового котла опускается.

3) Что в случае, если работы для всей группы не будет хватать—сами участники устанавливают очередь посменной работы; рабочие, нанятые на срок окончания работы, вправе будут потребовать возмещения убытков за простои вследствие нехватки работы в рабочие дни.

5 марта.

(С 5 час. дня до 10 ч. вечера 6 марта).

Сормово. Прибыл на собрание депутатов от рабочих. Явилось 140, не явилось 28. Один из рабочих предложил почтить вставанием память петербургских товарищей — принято.

1) 8-часовой рабочий день. Говорило несколько. Мотивы: досуг для образования, сохранения здоровья и, как следствие, увеличение производительности. Директор возражал, что у 80% рабочих сознания указанных нужд нет; при 8-часовом дне многие предадутся удовольствиям или станут вести жизнь, разрушающую здоровье. За границей 8-часового рабочего дня, установленного законом, нет. Обещал установить с 1 апреля день 10-часовой; пред праздниками кончать в 2 часа дня. Рабочие на непрерывных работах требовали 8-часовой; отказано, но выражено желание потом говорить по этому поводу отдельно по цехам и ввести, где возможно. Обещано обеспечить четырехдневный отдых. Часть рабочих желает праздновать воскресенье, часть — 3 смены.

2) Директор объявил, что желает ввести уплату заработка каждую субботу, а кто не явится в субботу по уважительной причине, в ближайший понедельник, остальным — в день следующей получки. Согласились с удовольствием.

6 марта. 7½ ч. вечера.

Почтена, по предложению рабочих, память петербургских товарищей вставанием. В просьбе допустить корреспондентов «Нижегородского листка» отказано.

1) Прочитано письмо директору от правления общества потребителей отложить введение выдач заработной платы по субботам до 1 июля. Такое же письмо к депутатам. Отложено.

2) Снова поднят вопрос о 3 сменах на непрерывных работах. Отложено, чтоб не выходить из программы.

3) Относительно отпуска на 1 месяц в году, как общей меры, отказано. Выдаются отпуска на 1 день в неделю. На непрерывных и постоянных работах — охотно тому, кто поставит вместо себя заместителя на это время.

4) О сверхурочных работах — просили уничтожения и гарантии добровольности. Обещано сохранить только в случаях крайней необходимости. Никому их не нужно, гонит на них голод; в конторе по найму много кандидатов, можно их принять,— говорили рабочие. Как гарантию, что гнать на сверхурочную работу не будут, платить за нее вдвое. Принуждают работать сверхурочно. Обещано сократить их до минимума.

5) Уничтожение найма на срок определенный. Психологическое объяснение недовольства: как знание смертного часа расстраивает человека, так и знание срока найма действует подобно Дамоклову мечу. Решено на всех постоянных работах нанимать на сроки неопределенные.

6) Уничтожение подрядчиков. Решено брать подрядчиков только для работ не заводских. Требование свое рабочие объясняли сочувствием к рабочим подрядчиков [1]), доли которых присваивает подрядчик.

7) Относительно нормы поденной платы отказано — она определяется рынком. Выяснилось, что за нынешний год плата за 24 дня по 1 р. 41 к. в день. «Отчего плата повысилась?»—спросил Шмельков [2]),— «оттого ли, что стали платить лучше или оттого, что производительность рабочих увеличилась благодаря интенсивности труда и усовершенствования станков?» Возможно, что от этого.

8) Обыски —отменить. Единогласно решено предавать воров суду.

9) Штрафы за прогулы отменить. Рабочие доказывали, что мера бесполезная. Решено, что отмечать в книжке прогулы, с тем, чтоб пользоваться законным правом увольнять за прогул больше 3 и 6 дней, а также и за прогул втечении месяца 3 дней по понедельникам, т. е. после получек. Относительно опоздания директор допустил безнаказанное опоздание до 10 минут. Какие меры принять за опоздание большее? Рабочие предложили писать ¾ дня вместо 1 дня, штраф же — позор. Отложено решение.

8 марта.

Сормово. Предполагавшееся собрание депутатов не состоялось.

10 марта.

(С 5 ч. утра до 4 ч. 50 м. 11 марта).

Сормово. Заседание депутатов. Явилось 131...[3]).

15 марта.

(С 9 ч. утра до 9½ часов вечера).

Сормово.

1) Утром в паровозной кузнице 15 человек чернорабочих потребовали прибавки и не приступали к работе. 8 чел. стало, 7 ушло. После обеда вышли все; прибавки не сделано.

2) В 6½ ч. вечера у Дарьинской проходной при шабаше образовалась толпа тысячи две. Человек 40 образовали тесную группу; между ними один, поднятый, держал речь — настаивать о 8-часовом рабочем дне и других требованиях. Через ¼ часа толпа разошлась.

3) Жалобы: 1) на неправильный учет половинного пособия увечному, 2) неправильное увольнение рабочего немедленно, убившего в драке своего товарища в деревне Дарьине.

18 марта.

Посещена льнопрядильная фабрика по жалобе рабочих. Посещен завод Крюкова и Лапичева по жалобе рабочих.

19 марта.

Посещен завод «Сормово».

1) Базилевский сообщил о возражениях депутатов против удержания копейки в церковно-приходское попечительство.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Шмельков В.—рабочий механического цеха, депутат рабочих завода для обсуждения вопроса о школах в Сормове.

[3]) В подлиннике запись не закончена.

Шмельков сказал:

а) Школа хотя и имеет расширенную программу, но эта программа не исполняется. Недовольство школою — не каприз: были опрошены лучшие ученики школы и кончившие; они прекрасно знают тропари, кондаки, богослужение, как если бы готовились в попы; когда же он спросил их о том, чему сам учился лет 15 тому назад в уездном училище, то оказалось, что они ничего не знают.

б) Школа организована именно так, что светские предметы и должны находиться в пренебрежении: 1) из 57 учителей, окончивших духовную семинарию — 23, епархиальное училище—11; из них 10 преподавателей закона божия; из учительской семинарии только 1 учитель, из гимназии и прогимназии 7 учителей, учительниц; 2 учителя-семинариста — кандидаты в священники, и обучают по необходимости, ввиду мест и приискания невест; школа для них не родное дело. 2) Жалованье 840—420 руб. в год получают священники-законоучителя, светские только по 300 руб.

На бумаге школа хороша, а образования не дает, поэтому и хотят земскую школу и по расширенной программе.

Относительно копейки директор выражал явную неправду, что удержание производится по записям в книги, предъявляемые церковно-приходским попечительством, когда всем известно, что рабочие обязываются уплачивать записью в книги, предъявляемые им при приеме на работу.

22 марта.

Посещено «Сормово» для проверки расценок.

1) Записано в ревизионную книгу об уплате пособия за «больные дни»: сдельный заработок за предыдущий месяц делится на число проведенных на работе дней, частное — действительный заработок рабочего в день; пособие в месяц — половина произведения из этого частного на число рабочих дней в том месяце, когда лечение производится.

2) **Малярный цех.** Рабочие подростки заявили директору жалобу — Красичков, Лапин, Кокуркин, Китаев, Медведев, Шишарин, Мартынов, Сорокин, Булавин, Солоденков, Надыгин, что в пятницу в получку (18 марта) рабочие-депутаты Сергей Васильев, № 13051, Егор Буйдинов и рабочие Варнавий Бочкарев и Иван Деулин, поддерживаемые всей артелью, требовали с них клепку[1]) за прибавку жалованья им по 5 коп. За отказ Васильев угрожал изгнать из артели и задержал №№ Другие же мальчики, давшие по 1 рублю, ушли беспрепятственно. Десятник, выбранный рабочими во время забастовки, Сергей Мыльников подтвердил, что Васильев требовал назойливо клепку, так что он его сам останавливал. Мальчики: Деулин, Миронов, Квашов, Старцев, Мартынов Степан, Сорокин Константин, Солоденков Василий, Надылин Алексей, Коровин, Кисельников — показали, что никто не требовал клепки, всегда так делается: если получают прибавку взрослые, то и они участвуют в клепке. Дали по 1 р. добровольно, сами участвовали в выпивке и даже подрались.

---

[1]) Угощение.

29 марта.

Сормово.

Справка о деятельности больницы за 1903—1904 год:

Лежало больных	1 957	чел.
Амбулаторных первичных	43 325	»
» повторных	55 567	»
Всего амбулаторных	98 892	чел.

Был совместно со старшим фабричным инспектором. При чтении совместно отчета за 1903—1904 г. усмотрено, что в нем на стр. 4 под заголовком «По общим расходам завода» значится расход 2 507 р. 50 коп. по статье «Содержание канцелярии фабричного инспектора». Обращено тут же внимание Базилинского на помещение такой гадости, причем старший фабричный инспектор также согласился, что это «неудобно», тем более, что, по объяснению Базилинского, «это расход по канцелярии юридического отдела», что им тут же и было проверено суммированием цифр расходов на содержание писарей и канцелярских принадлежностей.

30 марта.

30 марта утром начальник паровозной кузницы Маслов прибежал в контору и заявил, что не знает, что делать с рабочими: стоят, не работают и требуют введения новых правил внутреннего распорядка немедленно (выставлены 24 марта). Обещано введение правил на собрании депутатов 1 апреля. Рабочие, пристыженные, что не могут подождать 2 дня, стали работать.

31 марта.

В электрическом цеху разорвало спускной кран у парового котла системы Приемского. 3 человека рабочих обварено, двое легко, один же каменщик Коровин Николай Иванович настолько сильные получил ожоги, что умер. Чрез паровой проход в отхожее место из соседнего машинного отделения и мастерской [1]). Окна в паровой двойные, заделаны решетками и сетками. Записал их уничтожить — сетки и решетки.

1 апреля.

Сормово.

Директор сообщил: в 6½ часов вечера вчера 31 марта стала собираться толпа около конторы во дворе: собралось человек около 500. Требовала директора; вышел Заварицкий и сказал, что директор болен. Рабочие спросили, отчего до настоящего времени не назначается собрание членов церковно-приходского попечительства, которое обещано директором в марте. Заварицкий объяснил, что директор болен, выздоровеет — назначит. Толпа стала редеть. Оставалось человек 150. Находившийся в толпе один из городовых дал знак задержать одного постороннего человека, который говорил какую-то речь рабочим. За это городовой получил удар по лицу от одного рабочего. Городовой бросился на обидчика, рабочие стали защищать, и произошла свалка. В несколь-

[1]) Так в подлиннике.

ко минут толпа разбежалась. Все кончилось к 7 часам. Депутат рабочих Олимпиев, монтер, в кочегарке электрического цеха показал по этому поводу, когда я разбирал несчастный случай с обваренными рабочими, что стали мирно расходиться. В это время полиция и черная сотня, частью из рабочих, частью из посторонних лиц, стала хватать говоривших рабочих. Из рабочих никто полицию не бил. Может, после и ударил кого-нибудь во время самозащиты [1]). Когда пристав Гольдгаммер рассказывал Приемскому, что было нападение на городового, сам Приемский сказал, что это неправда, никто из рабочих на полицию не нападал.

Фасонно-сталелитейный цех сегодня с 6½ утра не приступал к работе, ночная смена в 5 часов утра не ушла и соединилась с дневной сменой, ждали, чтоб говорить с директором. В 8½ часов пришел директор. В 9 часов денная смена стала, а ночная ушла.

Аркадий Аркадьевич Васильев сообщил: в субботу на прошлой неделе он совместно с выборными от различных артелей установил поденное жалованье, по общему согласию, такое, одобренное директором:

	Старое жалов.	Новое	Прибавка
1) 115 чел. формовщиков . . .	—	—	40 к.
2) 5 мальчиков	30—50 коп.	35—55 коп.	5 »
3) 23 обрубщиков	60 »	70 »	—
4) 20 шишельников — как формовщикам.			

Всего людей до 300 чел.

Рабочие ночные бросали несколько раз работу с вечера, требуя условленного жалованья, которое должно быть с 1 марта, заявляя, что их обманывают. В книжки не было вписано потому, что было мало времени — условие о платах было только 26 числа. Заварицкий успокоил, что будет вписано. Не работали с 9 ч. до 9½ ч. и потом с 12½ ч. до 1 часу. Утром требовали повышения расценок. Рабочих на смене: взрослых 135, подростков 15, на двух сменах 270 и 30.

Ночью требовали директора для переговоров; когда Заварицкий пришел и указал, что они выбрали странное время для разговора и что директор будет говорить, стали на работу.

По поводу собравшейся толпы Приемский сообщил: разговоров не слышал, видел — толпа стала расходиться, осталось человек 100. Вдруг раздался крик: «Выручай» — он увидел, что два полицейских взяли под-руки одного из рабочих; на них накинулись рабочие для выручки, на подмогу бросились другие полицейские, произошла очень короткая свалка, и затем все разбежались. Одному из рабочих, стоявших в стороне, слегка камнем, или чем-либо другим, ранило лицо. Никто задержан не был. Он слышал от одного из полицейских, что держали рабочего, что был схвачен тот, который его ударил за его попытку обратить внимание товарища на постороннего рабочего.

Заварицкий показал: толпа человек 1 000 одновременно высыпала из разных цехов как бы по сигналу — дело, видно, было организовано. Передние из толпы спрашивали, когда будет наконец собрание членов попечительства, что обещано в марте и не исполняется. Он им объяснил, что будет на-днях, что директор болен. Толпа сзади закричала: «Не хотим копейки». Послышались голоса: «Подождем еще день-два»,

[1]) Так в подлиннике.

и толпа стала редеть. В это время вдруг произошла драка, и почти вмиг все кончилось.

Утром 31 марта в паровозную кузницу забегал какой-то субъект и потребовал депутатов. Когда к нему двое явилось, приказал рабочим быть вечером у конторы. Кто он, депутаты не знают.

2 апреля.

В 10½ часов утра директор сообщил, что вчера, 1 апреля, в 9¼ часов вечера в народной столовой, после лекции врача Карманова о холере, стали говорить речи рабочие против существующего строя, сопровождавшиеся криками: «Долой самодержавие!». При выходе раздались крики: «Бей полицию», а затем и выстрелы со стороны публики, продолжавшиеся и на улице. Всех выстрелов было 8. Один городовой контужен. Этот случай на полицию навел такую панику, что 16 городовых отказались от мест и получили расчет. Один из находившихся в столовой городовых разделся и выпрыгнул со 2 этажа ремесленных классов, а прикомандированные из уезда для усиления штата просятся назад на свои места.

3 апреля.

Собрание прихожан состоялось с 2½ до 4½ часов. Мещерский открыл заседание перед аудиторией в 2 500—3 000 человек чтением отчета за 1903 год. Послышались крики: «Ничего не надо, говорите о копейке». Мещерский предложил высказаться. Депутат паровозо-механического цеха говорил, что копейка наша, значит, и школы наши: земство обещало взять школы, с тем, чтоб было обеспечено только отопление (?). А это расход небольшой, и должен нести его завод. Стоял шум, дело шло беспорядочно. Мещерский предложил, что он предложит подписку по цехам, кто не желает — скажет, и собрание закрывает. Когда после собрания священники запели «Достойно есть», послышался крик: «Не надо пения! Что за пение!» Начался свист, гам, топот. Полиция выжала из церкви публику. По заявлению Базилинского, Мещерский желает сохранить копейку до сентября, ввиду известного обязательства перед учителями, чтоб служили до сентября.

5 апреля.

Посещено Сормово по случаю забастовки.

1. Котельный цех. Подручные с утра волновались и в 7½ ч. окончательно бросили работу. Требовали прибавки, т. е. дать всем высший предел жалования и делить приработок пропорционально поденной плате. В прибавке отказано, кроме молотобойцев, которым всем добавлено до 70 к. В 8 ч. стали на работу и велись переговоры с депутатами. Просьба их платить за инструмент плотникам удовлетворена — в месяц плотнику 30 к. и столяру 50 к. Просили клуб для рабочих — обещано построить здание, если будет он разрешен. Если командируют на работу вне завода, чтоб не увольнять — если командировка кратковременна — да, если продолжительна — завод за собой оставляет право.

Весь день работа продолжалась.

2. Меднотрубный цех в 8 часов утра ушел весь домой. Причина: начальник цеха Тилли объяснил, что вчера вечером рабочий пришел с нарядом и депутатом и объявил ему, что гнуть 8″ трубу за

8 р. дешево, и он не желает. Предложено работать поденно, чтоб установить цену, — отказался. Тогда ему предложено было получить увольнение и принести книжку для записи. Сегодня в 8 ч. утра принес книжку и заявил, что отживать [1]) 2 недели не желает. Предложено уволиться сейчас. Попросил отпуск, вышел из конторы, и чрез минут 6 весь цех остановил работу. На вопрос о причине, отвечали: «Зачем уволили рабочего Андреянова?» Объяснено, но на работу не стали. Начальник цеха пошел доложить директору, а когда возвратился, то цех уже был пустой.

3) Железо-передельный цех. 2-я смена, — когда директор в 3 часа дня обсуждал требования рабочих среднесортного стана, цех вдруг забастовал. На мой вопрос о причине отвечали, что требуют немедленного ответа на требования, заявленные в конце февраля. Другие, что и работали бы, да гайки летят. Заявили, что работать не будут, а завтра явятся все 3 смены и потребуют от директора ответа, а до ответа работать не будут. В 7½ часов вечера ушли домой.

6 апреля.

В железо-передельном цехе вышли все 3 смены. Заведывающий цехом объявил, что директор категорически заявил, что не станет с ними говорить до тех пор, пока не станут на работу. Стали выбирать депутатов для переговоров по специальностям и в 7 часов утра на работу стали. Таким образом не работали:

2 смена с 3 часов дня до 10 часов вечера
3 смена с 10 часов вечера до 6½ часов утра } 5 апреля.
1 смена с 6½ часов утра да 7 часов утра — 6 апреля.

Меднотрубный цех.

Цех вышел в 6½ часов утра, но к работе не приступал, заявил, что желает говорить с директором. В 8 часов утра прибыл директор, и депутаты представили ему письменно требования:

1) Признать право участия выборных в установлении расценок совместно с администрацией.
2) Признать право за мастеровым регулирования жалованья.
3) Заплатить за прогульное время.

Из объяснений выяснилось, что

1) Бросили работу потому, что поведение заведывающего сочли оскорбительным: он вышел к цеху и, когда его спросили: «Зачем увольняете?» отвечал, что его уволит и других 20, а то и всех, кто не будет исполнять законных требований.

2) Что цен зря они не говорят, и потому такая цена и должна быть принята.

3) Андреянову Тилле точно не объяснил, что при поденной плате ему будет положен настоящий процент.

Директор признал: а) что для установления цен они будут приглашаться, б) что согласен оставить Андреянова на работе, если он будет исполнять работу, но за прогул не уплатит. Долго цех волновался и в 10 часов приступил к работе, но кто-то крикнул: «Не сметь работать» — все бросили. Депутаты зашептали: «Один там подлец все мешает». Чрез ½ часа стали на работу, когда из разговоров со мной

[1]) Отработать.

как бы убедились, что требование неосновательно — их не выгоняли, сами ушли.

13 апреля.

Сормово. Совершено 4 засвидетельствования соглашения о вознаграждении за увечье.

22 апреля.

Сормово. Узнал: 20 апреля на железнодорожном мосту чрез речку Ливнуху и около, от вокзала с ½ версты, после обеда, часов в 5—6, собралась толпа человек 2 000—3 000. Катающиеся в лодках у моста из нескольких лодок сошли на насыпь; один из них стал говорить речь. Так как толпа мешала маневрированию поездов, то заведующий железной дорогой просил полицию устранить публику. Явился исправник и 4 конных; публика не расходилась, и речи политического содержания продолжались. Говорят, исправник выстрелил первый, в ответ послышалась стрельба. Подошедшие в подкрепление городовые открыли стрельбу. Было выстрелов 60. В конце концов, была публика от насыпи отогнана, а оратор с единомышленниками ушли в лодке. Чрез час все кончилось. Двое было арестовано, но, по распоряжению начальника охранного отделения, выпущены (узнать фамилии).

Вчера около 1 часу у пристани легкого пароходства каталось много публики. На двух больших лодках публика каталась с красными флагами и песнями. Полиция стояла на берегу. Губернатор прислал баркас ловить демонстрантов. Прислано в село Сормово 15 казаков для порядку.

30 апреля.

Сормово. Дело ограничилось выдачей пособий рабочим и...[1]) прав и обязанностей относительно вознаграждения за увечье[2]) Петра Григорьевича Козулина.

Количество поступлений в штрафной капитал уменьшается до ничтожности:

В марте поступило 143 р.

В апреле » 11 р. 50 к., выдано же пособий в апреле 285 рублей.

Послано 30 апреля 1905 г., за № 4103, директором завода заявление в Нижегородскую сберегательную кассу о выдаче 500 рублей с разменом соответственно количества ренты. Заявление подписано мною за № 181, с приложением казенной печати.

Сообщено, что 28 числа на Дарьинском мосту около 8½ часов вечера образовалась толпа до 2 000—3 000 человек. Говорили речи несколько ораторов. Разъяснялось современное положение, что сделано правительством с Финляндией, Польшей и проч. Приглашались рабочие являться на собрание с оружием. После речей толпа направилась к главной улице с пением марсельезы и еще одной какой-то песни. Конная полиция пыталась остановить толпу, но была встречена залпами из револьверов. Услышав выстрелы, полиция бросилась спасаться и на бегу отстреливалась. Ранено 5 человек, трое тяжело: из раненых двое рабочих завода. К 9½ часам толпа разошлась.

---

[1]) Одно слово не разобрано.

[2]) Во время работы на заводе.

Вчера, по слухам, тоже была сходка рабочих в конце села, где приглашались рабочие запасаться оружием.

В малярном цеху не выставлены расценки, засвидетельствованные еще... [1]).

Около 6 часов вечера тоже 1 мая [2]) директор завода по телефону сообщил, что исправник Косткин обратился к губернатору с требованием прислать в Сормово войска, так как на улицах Сормова собралась большая толпа рабочих и обывателей.

По мнению директора, требование войска не вызывается необходимостью, так как толпа ведет себя мирно: в настоящее время войска садятся на пароход для отправления в Сормово.

Тотчас сообщено мною о том же старшему фабричному инспектору, и я уехал на пристань. На пристани сошлись со старшим фабричным инспектором и вместе отправились на пароходе финляндского общества в Сормово. Войска на 2-х пароходах в количестве 5-ти рот шли за нами в расстоянии около 3 верст, а затем расстояние было не более 200 саженей. Мы высадились на пристани пароходства, а пароходы с войсками уплыли дальше в затон и высадились у судостроительной верфи. Подойдя к воротам железнодорожного пути, мы застали небольшую толпу пассажиров и гуляющих, которых сторож не пропускал через шлагбаум, запирающий ход на дорогу в Сормово, останавливая ее (толпу) словами, что «там беспорядки». Нам заявил сторож: «Не ходите в завод, там громят». Пройдя железнодорожный путь до поворота к конторе, услыхали шум и крики голосов; минут через пять после этого подошли к главному входу в контору и увидели следующее: пред входом в завод стоит толпа людей человек 30, из которых некоторые с обломками досок в руках и криком, угрозами и потряханием досок препятствуют находящейся за воротами толпе проникнуть в завод. Толпа снаружи кричит и чем-то старается разбить ворота, ведущие в завод. По истечении некоторого времени толпа защитников начала редеть, и уговоры инженера Заварицкого и заведывающего магазином Матвеева перестали оказывать действие. Мы тогда сказали защитникам, что скоро будут войска и им немного только надо постараться не пустить толпу в завод. Поддержка оказала действие, и защитников прибавилось человек до 40. Большие толпы рабочих стояли у цехов и в защите активного участия не принимали. К концу защитники так воодушевились, что пытались отворить ворота и ударить на нападающих, но я оттоворил их это делать, чтоб не смешаться с толпой и не попасть невинно под ответственность. Минут чрез 20 после нашего прихода к воротам послышался барабанный бой, и отряд солдат с губернатором впереди прошел через главные ворота наружу завода. Нападение прекратилось, как только был услышан бой барабанов. Полицейских чинов в ограде завода при защитниках не было, за исключением какого-то маленького роста урядника, который старался, но без видимого успеха, воодушевить толпу защитников. Разгром продолжался 1/2 часа.

Зиновьев (служащий) и др. служащие, бывшие очевидцами, объяснили, что от церкви к заводу шла толпа человек 15 подростков и несколько взрослых и несла на палке красный платок; по другой же

[1]) В подлиннике запись не закончена.
[2]) Начало первомайских записей в дневнике отсутствует.

стороне улицы шла толпа любопытных, в которой были женщины и дети. Нападение на проход в завод было, повидимому, случайно: начали бить окна в конторе и у пристава подростки. Разбитие окон производилось номерными бляхами, которые были взяты из контрольной комнаты у ворот, куда забрались нападавшие, после разбития окна с улицы. В одной комнате конторы разбросала и порвала толпа неважные бумаги. В комнате пристава также порваны некоторые бумаги. По рассказам очевидцев, упомянутая толпа, подойдя к заводским воротам, стояла в нерешительности, как бы не зная, что делать. С пристани в это время несли икону в церковь в сопровождении священника. Когда икона была пронесена, вслед ей некоторые из толпы бросили камни и произносили сквернословия. Тут находившийся десятский, упрекнувший хулителей святыни в кощунстве, был избит.

По рассказу Удовиченко, один из толпы подошел к нему и сначала спросил, законно ли их сборище, и затем попросил папироску. На предложение кого-то бить окна был слышен голос, чтоб этого не делать. Вскоре был услышан звон разбиваемых стекол: человек 8 из толпы откуда-то добыли толстую доску и ею, как тараном, начали разбивать ворота, а также пытались ею, как рычагом, поднять ворота с петель. В толпе слышались слова: «Долой монархию» и «Давайте революцию». О другой толпе, собравшейся на улицах Сормова, достоверного известно мало. Очевидец, инженер Заварицкий, проезжавший по Сормову часов в 7 вечера, говорил, что улицу запрудила толпа рабочих человек 300, любопытных же было две-три тысячи. Проехать ему по этой улице не удалось и, что делалось в толпе, не узнал.

3 мая.

1) Вчера часов около 5 минут 7-го пред конторой собралась толпа человек 250, потребовала директора и заявила, что в настоящее время народная столовая для обедов закрыта, в ней помещены казаки, присланные для их усмирения. Так как столовая выстроена на их деньги, то они требуют из столовой казаков убрать и открыть действия столовой. Директор обещал их желание исполнить.

2) В октябре 29 числа 1904 г. на работе моста чрез Самарку в Самаре подломились мостки, и рабочие в числе 9 человек упали, получив увечья,—Федор Григорьев Секлетеин умер, и др. До настоящего времени о них не присланы заявления о несчастных случаях, даже по форме 1-й.

3) В малярном цеху до настоящего времени не выставлены расценки, засвидетельствованные 2 апреля.

13 мая.

Сормово. Рабочий Николай Жарков жаловался, что Мирошниченко (вагонно-товарный цех) больно лют — объяснений не допускает. Жарков повздорил с товарищем, тот пожаловался, и его рассчитывают. Вся артель находит, что Жарков не виноват, но Мирошниченко неумолим.

Жарков — депутат и его увольняют, товарища же оставляют на работе.

Около 2½ часов дня возле железо-передельного цеха...[1]) Смена человек 250 предъявила требование не рассчитывать 13 человек, ко-

[1]) Одно слово не разобрано.

торым заявлен расчет сегодня: Трусов Иван, Самарин Василий, Глазунов Василий, Ерофеев Петр, Удалов Иван, Трошин Василий, Ковалев Никанор, Соколов Николай, Головкин Александр, Федоров Константин, Евдокимов Иван, Перепелкин Михаил, Иванчиков Михаил. Рабочие рассчитываются, по мнению администрации, за неимением работы, — по мнению рабочих, потому, что они отказались работать сверхурочно в воскресенье 8 апреля, потребовав двойную плату, а когда не дали, ушли. Зам. директора обещал рабочим найти места в других цехах втечении 2 недель, а в это время они будут или работать или ждать дома, если работы не будет.

Рабочие бросились в электрическую станцию и потребовали остановить машины, за исключением одной, чтоб печи не застыли, так что все моторы стали, и почти весь завод стал. Во время переговоров рабочие заявляли, что теперь не те времена, чтоб вышвыривать рабочих по капризу — в других цехах работа есть, и должны переводить на работу в другие цеха за недостатком работы, согласно постановления на общем совещании директора завода с депутатами в марте. После переговоров начальника цеха Н. Ф...[1]) с заместителем директора Заварицким рабочим объявлено, что 4-х человек сейчас переводят на работу в другой цех, остальные втечении 2 недель. Через 20 минут — ½ часа работы везде возобновились.

Всех слесарей 49 и масленщиков 10 человек, из них подростков 20 — они и остановили работу, так что цех не работал вынужденно. Всего бастовало собственно 59 человек, из них подростков человек 30.

16 мая.

Сормово — по случаю забастовки.

1) Мостовой цех прекратил работу в 8 часов утра; требования заявляли: 1) чернорабочие о повышении поденной платы с 55 до 60 коп., 2) разметчики по шаблонам о введении расценки. Отказано и обещано только выполнить прежнее постановление: чернорабочим прибавлять до 60 к. чрез год и тем из них, которые работают в подручных, чрез 6 месяцев. Кроме того, чернорабочим гарантируется по наряду 15% приработка с записью в наряд, каковой работы хватит до октября. Стали на работу в 1½ часа дня. Забастовка продолжалась с 8 до 12 час. дня.

2) В 4 часа забастовал швеллерный цех — клепальщики и их подручные потребовали: 1) выдачи наряда на дополнительную работу на клепку казенных цистерн, где приходится ставить 40 лишних заклепок, а дают цену 3 р. 20 коп., как за обыкновенную цистерну. Цены не знают, хотя работают с апреля и заклепали 5 рам. 2) Тормозная платформа имеет больше заклепок на 32 штуки обыкновенной; просят прибавить цену. 3) Тяжело вытаскивать готовые рамы, прежде складывали тут же, когда работы было мало, теперь стало тесно в сарае, и много теряют времени на уборку их. 4) Тоже приходится таскать тяжелый материал самим. Заведующий: 1) прибавил на цистерну 80 коп., 2) расценку на тормозную раму обещал пересмотреть; 3) и 4) будут тяжелые вещи и рамы выгонять рабочие Мазуринской артели. Рабочие обещали стать на работу в 6½ часов утра 17 мая. В 6 часов разошлись.

[1]) Так в подлиннике.

Число рабочих бастовавших:

Мостовой цех.

Мальчиков 29, обрезчиков 5, слесарей 6, болторез 1, шорник 1, наметчиков 4, чернорабочих 110, подручных 32, строгальщик 1, старших рабочих 2, плотников 7, прессовщиков 9, молотобойцев 35, ...[1]) 4, маляров 5, кузнецов 3, клепальщиков 11, правщиков 3, точильщик планок 1, сверловщиков 18, держальщиков 8, рубщиков 11, сборщиков 20, токарей 2, прочих 2, — всего 330 человек, из коих подростков 29 человек.

Швеллерный цех.

Клепальщиков 29, подручных 29, держальщиков 29, подавальщиков 29, — всего 116 человек, из коих подростков 57 человек.

18 мая.

Болтовый цех.

Прекратили работу в 9 часов утра, в 10 часов стали опять на работу. Требовали введения обещанной увеличенной расценки, выработанной совместно с рабочими в апреле (13 числа). Обещано ввести с 1 июня.

Чернорабочие тоже требовали увеличения поденного жалованья — получают 55—60—65 к., с премией по 4 коп. с пуда в артели со слесарями. Этим отказано.

Вагонная кузница.

Кузнецы прекратили работу в 7½ часов. Требовали увеличения цен вещей, работаемых по нарядам, заявив, что заработали в апреле меньше 2 рублей, а мартом довольны. В 9½ часов ушли из цеха, часть домой, а часть побежала в паровозную кузницу и остановила печи. Через ½ часа, в 10 часов, работа в паровозной кузнице возобновилась.

В вагонной кузнице бастуют исключительно кузнецы, около 100 человек.

После обеда с гудка вышло в вагонную кузницу не больше ⅕ части, все больше молотобойцы и очень мало кузнецов. При попытке со стороны инженера Заварицкого вступить с ними в переговоры, кузнецы сорвались[2]), а остальные, поговорив о разных посторонних вопросах — зачем полиция является, чуть только остановится работа, разошлись к 3 часам дня.

19 мая.

По телефону инженер Заварицкий сообщил, что цех с утра не приступал к работе. Просили прибавки, чтоб заработок был 2 рубля, а хоть все расценки уничтожь. После требований заявили, что посоветуются, и ушли в 8½ часов из цеха. Часть молотобойцев попросилась на другие работы и осталась на работе.

20 мая.

Сормово. В 8 часов утра вагонно-кузнечный цех разошелся, не пожелав выбрать депутатов для переговоров, как было предложено сде-

[1]) Одно слово не разобрано.
[2]) Так в подлиннике.

лать Заварицким. Требовали, главным образом, пересмотреть наряды и прибавить.

После обеда с 5½ часов началась выдача получки. Явилось много пьяных. Во время разговоров с отдельными кучками не удалось выяснить определенных требований. Обещали завтра стать на работу с утра и выбрать депутатов. Слышались жалобы, что мозолит глаза полиция. Работали весь день 207 человек.

21 мая.

С утра не стали на работу, как обещали, и часов в 8 разошлись; оставалось на работе человек 200.

22 мая в воскресенье директор вел переговоры с кузнецами: решено прибавить на вагонные части в расценке от 6 до 10% и представить на засвидетельствование. Что касается вещей, не входящих в расценку, при недовольстве кузнеца ценой, заявлять выборному, который и переговаривается с начальником цеха о цене. На этом покончено, с понедельника станут на работу.

21 мая была попытка вызвать забастовку в других цехах, с каковой целью бегала толпа из цеха в цех, но успеха пока попытка не имела.

23 мая.

Сормово. Директор вел переговоры с кузнецами в воскресенье — решено сдалать некоторые прибавки к расценкам. С утра цех в понедельник стал на работу. В 10 часов утра машинисты на молотах заявили, что они в числе 24 человек не бастовали, и требуют записи 4 дней — среды, четверга, пятницы и субботы. Директор обещал возместить им убытки от простоя так, что за сверхурочную работу будет вписывать дни вдвое на ремонте, например, за 2 ч. — день (чтоб в 4 раза покрыть убыток), но прямо не запишет, — что только этим путем возместит простой, но не иначе. То же заявили чернорабочие штамповального отдела, но выяснить, сами они ушли или их отослали, нельзя: рабочие говорят, что услали, а начальник отдела Проппер, что просил их работать, но они ушли, ссылаясь на то, что боятся работать — летят гайки; часть из них заявила, что гайки не летали, а сами ушли, и просят, нельзя ли записать простой днем. Проппер отказал.

После обеда работа везде идет нормальным порядком.

25 мая.

Сормово — по случаю забастовки.

Вчера после обеда молотобойцы паровозной кузницы потребовали делить заработок пропорционально жалованью. Заведующий обещал переговорить с директором. Доработали до свистка. 2-я смена в 6 часов вечера к работе не приступала и потребовала ответа. В требовании отказано и предложено взять расчет, сами не хотят. Простояв до 7½ часов, разошлись, выгнав рессорщиков и штамповщиков и на буферных стаканах, всего человек 45.

25-го утром сошлись молотобойцы обеих смен, работать не стали. В 7½ часов разошлись. Всех молотобойцев на обеих сменах 100 человек, по 50 на смене; кузнецов 68, всего в цеху 550 человек. Все рабочие, кроме молотобойцев, работают и настроены, видимо, мирно.

После обеда. Вышли обе смены в 2 часа, молотобойцев 100 человек и чернорабочих 25 человек. Молотобойцы требовали распределения жалования на рубль, чтоб повысить свой заработок и понизить заработок кузнецов, которые, по их мнению, слишком много получают. Помощник директора категорически отказал. Чернорабочие требовали или повысить жалованье (получают 60 коп.) или дать премию. Обещано в июне выработать. В 3 часа рабочие разошлись, остались работать только 2-я смена рабочих человека 4.

Ремонтные слесаря железо-передельного цеха стали уходить по праздникам, считая себя необязанными работать по праздникам, вопреки правилам. Состоялось соглашение: работать по праздникам и воскресным дням, с правом на 4 дня свободных; за праздники будет платиться полуторно, за 4 свободных дня тоже, если не будет соглашения на большую плату; работать, как и теперь, с 6½ часов утра до 6 часов вечера с перерывом на 1½ часа на обед.

27 мая.

Молотобойцы с утра стали на работу, ничего не говоря, и продолжают таковую. 26 мая праздновали.

28 мая.

Сормово. Засвидетельствованы соглашения и составлены акты.

В 2 часа дня, во время шабаша, пред конторой собралась толпа человек 300 молодых рабочих. Спрошенные мною рабочие ответили, что хотят потребовать принятия тех рабочих, которые до настоящего времени не приняты после августовской, прошлого года, забастовки. Два рабочих отправились к директору и принесли ответ, что директор не берет рабочих не потому, что считает оставшихся непринятыми человек 20 рабочих, а руководствуется интересами дела. Во всяком случае, чтоб ответить, почему не берет, требует представить список этих лиц. Рабочие, выслушав это заявление и выразив свое неудовольствие несколькими восклицаниями, через ½ часа разошлись.

30 мая.

Сормово — по жалобе рабочих фасонно-сталелитейного цеха на грубое обращение мастера Павла Ивановича Усова и на конторщика Телешева Василия Ивановича на неправильности в записи цен за сдельные работы, с требованием увольнения их из цеха.

31 мая.

Сормово — по случаю забастовки чугунно-литейного и медно-литейного цеха, всего 600 человек.

1) Утром рабочие обратились к начальнику цеха за разрешением собраться на 1½ часа о своих делах. Проговорив до 8 часов, на работу не стали, а мастера, приглашавшего их на работу, прогнали и разошлись; после обеда на работу не явились совсем.

2) После обеда мостовой цех на работу не стал и не заявлял никаких[1]) общих требований. При попытке выяснить причину было высказано недовольство сборщиками (18 человек) на то, что им поставлены в наряд расценки сборки моста, чего раньше не делалось, а также

[1]) В подлиннике «от каких».

сборки при строительных фермах фонаря, который к строительным фермам не относится. В 3 часа рабочие разошлись.

1 июня.

Сормово — по случаю забастовки.

1) Мостовой цех с утра собрался, но к работе не приступал, потребовал директора, который через начальника цеха отказался разговаривать со всеми. Помощник директора Заварицкий им подтвердил, что никаких уступок не будет сделано и, если не станут на работу, цех будет закрыт. В 10 часов мне вручили письменное изложение требований с припиской, что, если не будет сделано прибавки, объявляют забастовку. Я обещал передать директору. В 11 часов разошлись.

2) Чугунно- и медно-литейный цех с утра не работает. Рабочие требуют директора. Заварицкому объяснили, что, раз его, директора, требуют 700 человек, то он обязан явиться; находят объявление о расчете за самовольный уход всех поступком некорректным.

Объявлено, что директор разговаривать не будет. Просидели в цеху до обеда.

После обеда. Был в чугунно-медно-механическом цеху; не работают. Собрались в круг, рабочие объяснили: 1-й оратор — что главное требование вентиляции и сметание пыли со стронил и...[1]) два раза в год и побелка. Директор обещал, но ничего не делает. 2-й оратор — что это второстепенное; главное — прибавка жалования и увеличение расценок. Выработали требование, изложили письменно и ждут для вручения директора. Требуют повышения расценок и поденного жалованья. В 5 часов цех разошелся, не приступив к работе.

Мостовой цех. После обеда на работу не стали. Говорили с директором. В прибавке отказано — повысить всем поденное жалование и расценки.

В 6 часов с гудком цех разошелся, не приступив к работе.

2 июня.

Сормово — по случаю забастовки.

1) После обеда забастовал швеллерный цех 260 человек из-за кольщиков, которые потребовали повышения платы и по их же требованию были немедленно рассчитаны.

2) Цеха чугунно- и медно-литейный и мостовой весь день не работали.

3) В 6 часов собралась толпа человек 1 500 между механическим цехом и чугунно-литейным из рабочих разных цехов.

Я был в толпе и Заварицкий. Один из ораторов — Баранов (болтового цеха) — заявил, что «фабричный инспектор при всем желании прибавить не может, нам надо такого инспектора, который поддерживал бы наши интересы, поэтому, товарищи, плюнем на фабричную инспекцию».

7 июня.

Сормово — по случаю забастовки.

1) Швеллерный цех весь день не работал. До обеда находился в цеху, после обеда совсем не вышел и собрался, по слухам, в лесу.

---

[1]) Одно слово не разобрано.

2) Цеха чугунно-литейный и мостовой рассчитаны.

3) Директор предполагает образовать в чугунно-литейном цеху артель из надежных людей и только по их рекомендации выбирать членов артелей, для чего поручил мастеру Острину пригласить человек 8 для переговоров.

4) Собрание церковно-приходского попечительства... [1]) состоялось в церкви. Председательствовал священник Орловский. Сразу же раздались крики: «Что за председатель длинноволосый! Долой попа! Соберемся на улице для обсуждения своих дел!» Все разошлись, обсуждали свои дела в народной столовой. Решено пригласить из Петербурга членов Педагогического общества для выработки лучшего типа школы. Был возбужден вопрос о праве собственности на здание школы, но как решен — неизвестно. Директор сказал, что будет выставлено с благословения архиерея объявление о прекращении деятельности церковно-приходского попечительства.

8 июня.

Швеллерный цех не работает, утром вышло человек 30, но не работали; после обеда начальник цеха, по распоряжению директора, послал за несколькими рабочими поговорить, которым было объявлено, что некоторым категориям добавляется 15—50% к расценкам. Разошлись в предположении 9 июня стать на работу с утра.

Директор вел переговоры с представителями чугунно-литейного цеха до 8 часов вечера.

9 июня.

Швеллерный цех на работу не вышел. Выставлено объявление об увольнении и расчете в субботу 11 июня.

С чугунно-литейным цехом переговоры окончились неудачей — представители отказались образовать артели и приступить к работе.

10 июня.

Сормово — по жалобе рабочих:

На самовольное изменение условий найма конторою в а) швеллерном цеху: Придесяцов Василий, № 11130, нанят сборщиком; получает 80 к., вместо прибавки надписали на книжке «помощник» и прибавки не сделали; б) Соловьев Яков, № 11007.

22 июня.

Сормово. Работа производится во всех цехах, за исключением мостового и швеллерного.

Директор завода сообщил: нанято в швеллерный цех 19 человек, которые вчера, 21-го, с утра работали до шабаша. При выходе из завода эти рабочие были избиты прежними рабочими швеллерного цеха. Сегодня с утра эти 19 человек отказывались стать на работу из боязни, но были уговорены и стали под охраной полиции (12 человек). Около $7^3/_4$ часа утра к швеллерному цеху стали собираться из разных цехов рабочие; собралось до 300 человек, больше молодежи. Потребовали прекращения работы, что и было исполнено, и 19 человек ушли из завода. Начальник цеха Юшков решил заняться подсчетом мате-

[1]) Пропуск в подлиннике.

риала цеха и стал с магазинерами его перекладывать. Стук и шум при этой работе были, очевидно, приняты за продолжение работ, и формовщики фасонно-сталелитейного цеха, в числе около 70 человек, бросили работу в цеху и отправились помешать работать. Не застав рабочих, разогнали полицию и чрез ½ часа, в 9 часов, стали опять на свою работу.

25 июня.

Сормово. Вчера с обеда забастовали рабочие Мазуринской артели — 150 человек, работающих в лесопилке по выноске стружки, опилок, погрузчиков...[1]) и проч. Потребовали поденное жалованье добавить до 80 к. Отказано. В 4 часа пополудни разошлись. Сегодня утром, собравшись в 6 часов, пытались разогнать тех 150 рабочих Мазуринской артели, которые работают по магазинам и др. цехам. Полиция вытеснила их с судостроительного цеха, куда они направились в 11 часов. Всем объявлен расчет. Взяли расчет 24 человека, остальные не приходят.

Все рабочие забастовавшие не снабжены расчетными книжками и на учете в заводе не значатся.

27 июня.

Сормово.

1) Директор завода заявил, что посылал несколько раз к забастовщикам рабочим швеллерного цеха прислать депутатов для переговоров, но безрезультатно — не идут. Ввиду того, что вследствие помехи, производимой рабочими других цехов, швеллерный цех нельзя пустить в ход, предполагает 30 июня вывесить объявление, что, если швеллерному цеху не будет позволено рабочими других цехов работать, закроет весь завод.

2) В обеденную пору на помощника начальника вагонно-товарного цеха Мирошниченко напали трое рабочих около вокзала в Сормове и сильно избили — один спросил, когда начнется работа в швеллерном цеху, и тем привлек его внимание, а двое поленом и куском доски стали наносить удары до потери сознания. Тут же стоял городовой, но помощи не оказал.

1 июля.

Сормово. Забастовка.

Меднотрубный цех вышел 1 июля на работу во-время, но к работе не приступал, требуя прибавки медникам всем огульно 15 коп. к поденному жалованью каждого (90 человек) и подручным (90 человек), прослужившим 2 года, назначение поденного 80, а меньше 2 лет— 70 коп. (теперь минимум 60 и до 80 к. в зависимости от индивидуальных качеств). С 1 июля обещана прибавка со стороны завода и выполнена ассигнованием определенных сумм по артелям: 1) пароходной на 80 человек 3 р. 10 к., 2) ресиверной 18 человек 70 коп., 3) мелкие трубы 40 человек 1 р. 10 к. в день с тем, чтоб артели сами распределили между собой, кто достоин. 2 группы согласились, а на мелких трубах нет, и эта группа повлияла на остальных. Весь день цех на работу не выходил, уйдя из цеха около 12 часов.

[1]) Одно слово не разобрано.

2 июля.

Сормово — по случаю забастовки.

1) Меднотрубный цех утром вышел частью, получил получку и ушел домой, не работав.

2) Было в здании паровозо-механического цеха торжество по случаю выпуска 1 000-го паровоза. Участвовали цеха: 1) паровозо-механический, 2) паровозо-сборочный, 3) арматурный, 4) паровозо-котельный, 5) паровозо-кузнечный, 6) малярный, 7) полускатный. Отслужена в 12 ч. панихида по Богданове и Фоссе. Затем молебен. При пении «многая лета» раздался голос: «Товарищи, отслужим панихиду по убитым товарищам». Было требование поддержано, и панихида отслужена по «убиенным». Когда последнее слово провозгласил диакон и хор запел «Вечную память», раздался громкий вопрос: «За что убиенным?» Флаг, на котором была надпись «Боже, царя храни», во время торжеств сорван. Отношение рабочих к религиозной стороне совершенно отрицательное. По окончании панихиды рабочие разошлись сначала по цехам, а потом и по домам. Больше оставался паровозо-механический цех, говорились речи. Потом дано Соколовым 20 р. на чай, разошлись. Пред молебном рабочие депутаты просили, чтоб не было полиции, иначе за порядок не ручаются, и никого из полицейских не было.

3) Приходили два депутата от швеллерщиков и просили прибавить плату на вагонные детали, которые работали в механической мастерской, в размере $^1/_2$ разницы между механическими ценами и платимыми, а именно:

№ детали	ц. механ.	ц. швелл.
89 направление	4 коп.	2 коп.
942 тяга	4 »	$2^1/_2$ »
894 шарнир.	4 »	$2^1/_2$ »
97 подвеска	3 »	3 »
302 скоба	$3^1/_2$ »	2 »
895 тяга 6 дыр	10 »	5 »
301 —	1 »	$^1/_2$ »

Директор обещал прибавить, и рабочие обещали выйти в понедельник.

4-го с утра швеллерный цех возобновил работу.

5 июля.

Сормово — забастовка.

1) Рабочие меднструбного цеха в понедельник 4 июля вышли утром, но к работе не приступали. Обещано было им добавить 15 р. в день на цех... [1]) соглашению с заводоуправлением, но с тем, чтоб они работали 9 отдельными группами. Рабочие не согласились и в понедельник около 12 ч. ушли.

5 июля совсем не вышли.

2) Сорок человек чернорабочих паровозо-механического цеха с утра забастовали, требуя выдачи от завода рукавиц. Предложено выдавать деньгами в зависимости от паровоза, но не согласились.

---

[1]) Одно слово не разобрано.

3) В вагонной кузнице вчера с утра забастовали мальчики, подручные болтовщиков, требуя отчисления в свою пользу не 22, а 25% сдельного заработка. Сегодня с утра и до обеда не работают, после обеда также. Число их 20 человек.

4) Около 11 часов прекратили работу цеха: 1) паровозо-сборочный, 2) паровозо-механический, 3) полускатный, 4) паровозная кузница, 5) паровозо-котельный цех. Требовали разделить ассигнованные правлением 10 тысяч между паровозными цехами. Котельный кроме того: 1) выдавать голицы, 2) для вытирания станков — вместо тряпки давать пеньку, а для рук — концы, 3) устроить столовую в цеху для принятия пищи, 4) чернорабочим добавить до 80 к., 5) подручным котельщика не менее 1 р., 6) установить прежний комплект масленщиков в смену по 2 человека, 7) мальчикам жалованье не менее 50 коп., 8) чеканщикам с котла 145 р. (вместо 100), 9) повысить цену токарной работы: резка с 50 коп. до 1 р., отрезка с 25 до 50 коп., точка с 40 до 80 коп., сверловка с 65 до 1 р., 10) обрезка дымовых труб с 1 коп. до 1½ коп., 11) все цеха — дать получку 8 вместо 9 июля.

6 июля.

Сормово.

1) С утра забастовала вагонная кузница: требование принять мальчиков-болтовщиков. Директор обещал к 20 июля их дело пересмотреть. После обеда работа продолжалась с гудка.

2) С утра забастовали чернорабочие — 19 человек — меднолитейного цеха: требование — давать по 2½ коп. не с пуда чистого литья, а с завалки. Обещано улучшить их положение и объявить о том 14 июля. После обеда стали на работу с гудка, но в 4 часа ушли из цеха.

3) Забастовали 23 человека чернорабочих паровозо-котельного цеха. Требуют отульно добавить жалованье, чтоб был минимум 65 к. Обещано 60 — не согласились; не работали весь день и не пускали других их заменить.

4) Выставлено объявление в 9 часов утра в меднотрубном цеху об увольнении всех рабочих. Сегодня собрался весь цех и потребовал работать одной артелью, а со всем остальным согласны, т. е. на прибавку 15 р. поденного жалованья на цех, прибавку подручным до 70 и 80 к. и уплату за дни забастовки.

Заявили мне требование переговорить, а если я ничего не сделаю, то вызвать старшего фабричного инспектора. В 2 часа старший фабричный инспектор прибыл и говорил с рабочими. Требования прежние; директор отказал. Рабочие в 3 часа разошлись и стали приносить книжки для расчета. Работа все время не производилась до увольнения.

5) После обеда забастовал швеллерный цех, предъявив требование поставить рабочего обрубщика Пугина старшим. В требовании отказано.

После того стали требовать поставить его на фрезерный станок. Директор отказал и заявил депутатам, что все рабочие швеллерного цеха, если не станут на работу, будут немедленно уволены, как не работавшие до 6 дней, согласно правил внутреннего распорядка. Пугину же, как взволновавшему всех рабочих, предложено оставить завод.

Рабочие стали на работу в 5 часов, а депутаты пришли к директору просить оставить Пугина на работе на его месте, и они дают ручательство держать его в должных границах. Пугин оставлен. Он был уволен за 10 дней до забастовки за дерзости и ругательства в отношении мастера. Рабочие предъявляли также требование увеличить поденное жалованье. Сказано работать, а их желания будут рассмотрены начальником цеха Юшковым.

7 июля.

1) Швеллерный цех с утра работает.

2) Чернорабочие паровозо-котельного цеха работают с утра условно до понедельника, когда им обещано дать ответ.

3) Медно-литейный цех рассчитывается.

4) Чернорабочие медно-литейного цеха собрались с утра, но к работе не приступают. Стали на работу в 4 часа дня.

5) С обеда забастовали молотобойцы 100 человек, и чернорабочие 25 человек паровозо-кузнечного цеха, требовали: молотобойцы 10 коп. прибавки, до 80 коп., и чернорабочие 5 к.

6) С утра 5 июля забастовали чернорабочие паровозо-механического и сборочного цехов 40 человек, требуя голицы и минимум 80 коп. жалованья в день. Рабочие сами не работали и не пустили до работы других — хозяйственного цеха. Работа не производилась весь день 5 июля и до 12 часов дня 6 июля.

7) В понедельник 4 июля в 2 часа дня в железо-передельном цеху забастовали 40 человек слесарей и приостановили работу во всем цеху. Требовали принять 11 слесарей, уволенных 13 июня. Обещано поместить шесть 5 июля в железо-передельном цеху, остальных втечении недели. Угрожали вывезти на тачке начальника цеха Гарновского. Во время разговора пролетела гайка. Работа возобновилась только с 6½ часов утра 5 июля.

8) 5 июля явились депутаты к директору от паровозных цехов с требованием послать от их имени телеграмму в правление о раздаче 10 000 рублей поровну между числом лиц, числившихся в цехах во время празднеств. Директор склонен раздать.

Во время моего разговора с депутатами выяснилось, что у них есть намерение часть денег собрать в их капитал, который и сейчас есть для удовлетворения различных целей. Официально кассы нельзя устроить для всех желаемых целей, лучше поэтому выдать по рукам. Когда же настанет время, что можно будет устроить кассу как следует, то для ее устройства у них свои деньги найдутся.

8 июля.

Сормово — забастовка.

1) Молотобойцы паровозной кузницы вышли, но в 8 часов ушли, не приступив к работе, а равно и чернорабочие. Кузнецы взяли отпуск до понедельника.

Остальные цеха работали, кроме меднотрубного и мостового.

2) Рабочим выдана получка сегодня. Многие рабочие, до половины, взяли отпуска, чтоб завтра на работе не быть. После обеда некоторые цеха отпуска брать не пожелали (механический), но сказали,

что не выйдут. Решено гудка не пускать 9 июля, о чем и выставлено объявление по цехам [1]).

11 июля.

Сормово.

9 июля были попытки остановить поезда, но поезда ходили с конвоем.

Рабочие собирались в лесу. Были флаги черные и красные [2]).

12 июля.

Сормово — забастовка.

1) Молотобойцы паровозной кузницы собрались, но к работе не приступали. По их желанию, я прибыл к ним в 11 часов утра. Заявили, что требуют: а) чтоб из приработка молотобойцу отчислялось из 1, 2 и 3 молотобойцев, 30, 40, 50% вместо 25, 30 и 38%, б) чтобы жалованье было 80 коп. вместо 70 коп., в) выдавались бы рукавицы. Если директор так не хочет, то, вместо всех требований, чтобы заработок делился пропорционально поденной плате, как она сейчас есть.

Директор отказал и в 12 часов выставил объявление об увольнении всех молотобойцев.

2) По рассказам, 9 июля с утра были 2 попытки остановить движение поездов группою человек 30. Поезда ходили со стражей.

Вечером в лесу за больницей было собрание рабочих. Войска (130 человек) и 75 казаков находились там же. Когда публика отделилась, то осталось человек 400, которые выбросили флаги черные и красные, пели. Часам к 12 разошлись.

13 июля.

С утра мостовой цех начал работу в полном составе.

16 июля.

Сормово. Директор объявил мне, что вынужден закрыть завод, так как постоянные забастовки и нежелание, например, сталелитейного цеха работать по воскресеньям делают производство убыточным. Так, производительность печей в сутки:

№ 1 и 2 по 550 пуд. плавки, по 3 завалки . . .	5 500 п.
№ 3, 4 по 900 п. по 3 плавки	5 400 »
№ 5 и 6 по 1 000 п. по 3 плавки	6 000 »
	16 900 п.

[1]) 9 июля — полугодовщина 9 января 1905 г.

[2]) К записи приклеена газетная вырезка следующего содержания: «Официальное сообщение. От нижегородского губернатора ген.-лейтенанта П. Ф. Унтербергера редакцией «Нижегородского листка» получено для напечатания следующее: 12 июля в 11 ч. 30 минут ночи в Сормове рядом с зданием, в котором размещена воинская часть, раздался оглушительный взрыв, а вслед затем револьверные и ружейные выстрелы. По обследовании местности нашли разорванный взрывом труп неизвестного человека, как впоследствии оказалось, служащего в сормовской лавке общества потребителей. Стоявший на посту часовой объяснил, что он увидел быстро приближавшихся двух мужчин, которых он в шагах 40—50 остановил окриком, но в это время раздался взрыв, за ним выстрелы из револьверов, на которые он ответил стрельбой. Рядом с трупом лежало два заряженных револьвера».

При выходе 75% это составит 12 000 пудов. Вследствие неработы по воскресеньям в год является недостача до 500 000 пудов стали.

18 июля.

Сормово. С утра выставлено объявление об увольнении рабочих 1 августа. Как объявление принято рабочими, пока неизвестно.

Директор завода объяснил, что сумма неоплаченных заказов достигает до 2 миллионов, и правление категорически потребовало закрытия завода.

19 июля.

1) С утра молотобойцы и кузнецы возобновили работу.

2) Котельный цех самовольно ушел домой в 2 часа дня, простояв в цеху обеденную пору.

Судостроительный и мостовой цеха тоже были обеденную пору частью в цехах, но после обеда работали до 5 часов вечера.

22 июля.

Сормово.

1) Приходили депутаты от рабочих к директору с требованием уплатить им вознаграждение с 1 по 13 августа и — когда будет выдан окончательный расчет. Обещано ускорить дело и выдать 9 августа, о чем будет объявлено в понедельник, в отказе же 1) вознаграждения с 1 по 13 отказал [1]). Я был спрошен, вправе ли они получать вознаграждение, и я объяснил, что вправе.

2) Были депутаты от медников, что станут на работу. Отказано, обещано взять по нескольку человек для окончания некоторых работ до 1 августа, ибо завод будет закрыт.

3) Было собрание рабочих в лесу вчера по поводу действий медно-трубного цеха. Собранием было объявлено депутатам, что, если они будут мешать, то собрание попросит полицию насильников вывести. Сегодня депутаты просились на работу всем цехом.

4) Предположено выдать окончательный расчет 1, 2 и 3 августа, чтоб избежать вопроса о вознаграждении за оттяжку времени.

22 июля.

Лесопильный завод А. П. Сергеева по случаю забастовки. Рабочих в числе:

Рамщиков	2
Пилоправ	1
Станочников	1
Чернорабочих	16
Итого . . .	20 ч.

Забастовали с утра, требуя убавки рабочего дня до 10 часов с $11^1/_2$.

Найдены нарушения:

1) Сверхурочным работам совершенно не ведется учет.

2) За сверхурочные работы 2 июля выдано вознаграждение рабочим, но в расчетные книжки их не вписано.

[1]) Так в подлиннике.

3) Выдаются кредитные записки в лавку Варенкина, а соответствующие суммы вписываются в расчетные книжки в выдачу. Варенкин деньги получает с Сергеева. Составлен протокол.

23 июля.

Рабочим отказано в удовлетворении их ходатайства, и они, проработав до обеда, пожелали получить расчет, что и исполнено тотчас же.

25 июля.

Завод Сергеева по жалобе рабочих Воронцова, Кучерова на неуплату за сверхурочные работы.

Рабочих:

Сменные:

Рама:		Круглая пила днем:	
Рамщик	1—1		
Подрамщиков . . .	2—2	Станочник	1
Опилочник	1—1	Подавальщик	1
Относчиков	3—3	Сортировщиков . . .	2
Подвозчик	1—1	Относчиков	3
	8—8		7

Вспомогательные рабочие:

Пилоточ	1—0	днем
Машинист	1—1	по 12 час.
Масленщик	1—1	
Кочегар	1—1	
Помощники их . .	1—1	

Завод П. М. Мотова (ревизия).
Завод работает в одну смену, перерабатывает черный лес.

Рабочих на 1 июня:

Рамщик . . . 1 Подрамщик . 1	В прошлом году завод начал работу только в сентябре. Работает больше на одну раму.
Навальщик . 1 Относчик . 4 Подводчик . 1 Опилочник . 1 9	Если работает пила (обрезка), то рама останавливается — мало пару.
Машинист . 1 Кочегар . . 1 Пилоправ . 1 3	Вспомогательные:

25 июля.

Сормово.

1) Рабочие меднотрубного цеха записываются на работу (записано 20 человек).

2) Засвидетельствовано соглашение о вознаграждении за увечье с Жадовым.

27 июля.

Меднотрубный цех со вчерашнего дня стал на работу в числе 20, сегодня стало еще человек 30.

16 августа.

Завод Сергеева.

Работу начал 30 числа, простояв с 23 по 29 включительно — 6 дней.

Работа производится в 1 смену. Уведомление о начале работ послано мне не было.

19 августа.

Сормово.

Начиная со среды, 17-го, начались ремонты в цехах.

Сталелитейный цех. В четверг начат разогрев 3 печей, сегодня, 19-го, еще 2 печи. 1-я плавка предполагается 23 августа.

Паровозо-кузнечный цех. С четверга работа гаубиц и артиллерийских снарядов, на что был заготовлен материал.

Судостроительный цех. Канонерки будут работаться.

Железо-передельный цех. Прокатка предполагается в среду, 24-го, для швеллерного цеха.

К 8 сентября предполагается развить завод полностью.

Всего сейчас работает около 1 700 человек с ремонтными рабочими.

22 августа.

Сормово.

Сталелитейный цех и фасонно-сталелитейный цех организованы, и работа началась.

При приеме рабочих в завод от них отбирается подписка, что они поступают с таким-то увечьем и претензий за него к заводу иметь не будут.

Двое рабочих мне заявляли жалобу, что боятся давать подписку, и объяснили требование таковой безнаказанной возможностью их уволить без риска уплатить за увечье.

Двое рабочих мне заявляли жалобу, что боятся давать подписку, с простым констатированием факта увечья, без добавки о неимении претензий, так как такая подписка гарантировала бы завод от предъявления претензий за увечье, полученное вне завода, и не давала бы оснований думать, что завод пользуется случаем ликвидировать несчастные случаи, бывшие в заводе до 1904 года.

В 11 часов дня рабочие сталелитейного цеха чрез депутатов благодарили Приемского за введение 3-й смены, даже в предположении, что будут меньше зарабатывать.

27 августа.

Сормово.

Поступило рабочих около 6 200 человек. На работе — днем 5 000 человек, ночью 1 000. Не работают лишь цеха ковочный и бондарный.

29 августа.

Сормово.

Директор Приемский сообщил, что в фасонно-сталелитейном цеху он выдает расчетные книжки на 1 месяц, мотивируя такую меру неуверенностью, что рабочие будут спокойно работать, чтоб рассчитать, причем думает, что и в этом случае может быть применен порядок предупреждения за две недели, если до срока останется более 2 недель. После моего указания на ошибочность такого расчета и непопулярность найма на срок неопределенный среди рабочих от предполагаемой меры отказался.

Работа производится очень хорошо.

29 августа.

Посещен завод Крюкова и Лапичева по жалобе.

Завод бездействует за неимением работы с 27 августа. В заводе рабочих только кузнецы.

На стороне — 60 чел., в Самаре, на клепке резервуаров Нобеля (7 шт.). Просмотрена книга для записи несчастных случаев. Оказалось несчастные случаи, бывшие с рабочими в Рыбинске, в сей книге не вписаны.

Льнопрядильная фабрика в Молитовке посещена по жалобе рабочих на неправильные увольнения за прогул менее 3 дней.

1 сентября.

Молитовская фабрика.

Около 60 человек ткачей и частью ватерщиков заявили директору ряд пунктов о своих требованиях. Работа не прерывалась, так как в 1 час дня эта смена уже освободилась от работ.

1. Давать по 2 р. квартирных в месяц.
2. 8-часовой рабочий день.
3. Устроить отдельную столовую.
4. Держать в лавке доброкачественные продукты.
5. За прогул не штрафовать.
6. Отменить обыски при выходе.
7. Малолетним работать не более 6 часов.

Обещано дать ответ в понедельник 5 сентября. Работа в пятницу и субботу продолжалась.

2 сентября.

Сормово.

Вчера после обеда 1-я смена ждала, работав, 2-ю смену, чтобы вместе предъявить требования. В 3 часа заявили, что не желают работать на условиях, объявленных объявлением при найме, т. е. не желают иметь вторых подручных рабочих, а только формовщиков; при неудовлетворении требования заявляют, что не будут работать. Не работают с 2-х часов 1-го числа. Число людей: 30 формовщиков, 30 под-

ручных, 60 рабочих, в трех сменах по 40 человек. Выставлено объявление в 4 часа дня 1 сентября о прекращении с ними договора на основании статьи 104 п. 1 и выдаче расчета 3 сентября в субботу в 1½ ч. дня. При моем объяснении с рабочими выяснено, что они не желают иметь в своей среде чернорабочих, которых придется обрабатывать, ибо они ничего не умеют. Согласны работать по старой расценке и без чернорабочих.

Заводоуправление не соглашалось. Заместитель директора Тенчинский признал, что требование рабочих отчасти справедливо:

1) Дать им только в группу по одному чернорабочему и дать по 2 чернорабочих в смену возить тележку в сушку, всего 6 человек.

Мною было предложено стать на работу до понедельника, когда будет директор. Рабочие не согласились и разошлись домой, ночью не работали.

3 сентября в субботу с утра работу возобновили с 6 часов утра и работали все время на условиях, предложенных заводом.

5 сентября.

Льнопрядильная фабрика по случаю забастовки.

12 сентября.

Сормово.

1) Записано в книгу о плате в паровозо-котельном цеху по расценке за паровозные топочные рамы.

2) Записано о взимании гербового сбора, если расписки в получении пособий выдаются на отдельных листах.

3) Предложено поспешить с предоставлением расценков на постоянно изготовляемые предметы...[1]) таковых нет (движение паровозов).

19 сентября.

Сормово.

1) Представлено мне прошение о пособии из штрафного капитала с надписью заводского врача, что больному необходимо ехать для лечения в Казань, на что и испрашивается пособие. Разъяснено, что, раз врач признает необходимым больному ехать в Казань, то поездка и расходы по лечению лежат на обязанности завода.

2) В вагонно-товарном цеху развешены расценки...[2]) рабочие на работу после забастовки, не засвидетельствованные фабричной инспекцией. Записано о необходимости представить их на засвидетельствование.

23 сентября.

Сормово.

Не представлены до настоящего времени расценки по мостовому цеху на засвидетельствование, хотя о представлении таковых 16 числа директор дал письменное обещание старшему фабричному инспектору.

[1]) Одно слово не разобрано.
[2]) Неразборчиво.

27 сентября.

Сормово — по случаю забастовки в судостроительном цеху.

Инженер Тенчинский объяснил: в 3 часа 800 человек прекратили работу и жаловались:

а) на переписку без их ведома срока найма до 20 декабря, когда им желательно быть на сроке неопределенном, как везде в заводе;

б) на уплату за многие изделия не по объявленной расценке;

в) на недоступность начальника цеха Васильева;

г) на увольнение некоторых старых рабочих заслуженных и взятие на их место новых.

Прибыл в 6 часов, когда рабочие уже расходились. Заявили жалобу по пунктам «а» и «б». Оставил 4 человека для выяснения дела, остальных просил итти домой. Тотчас разошлись. Объявил рабочим в 6½ часов, что будут наняты на срок неопределенный и уплачено по расценкам. Обещали стать на работу. Тенчинский объяснил, что заказов нет, и к 20 декабря все равно рабочие будут уволены. Рабочие с этим согласились, но чтобы срок был неопределенный.

28 сентября.

С утра к работе не приступали. После согласия на срок неопределенный требовали увеличения расценок. Сначала Тенчинский отказал. Около 12 часов прибыл начальник цеха Васильев, пообещал вместе с рабочими цены пересмотреть и при участии инженера Некрасова. Рабочие разошлись и обещали 29 сентября стать на работу.

Расценки засвидетельствованные сняты со своих мест, платится за колку дыр по 1 р. 40 к., за...[1]) 80 к. с 1 000, а по расценке № 193 полагается 1 р. 45 коп. и 1 р. 50. Выставлены незасвидетельствованные расценки с ценами на эти работы 1 р. 70 коп. и 1 р. 10 к.—полный кавардак. Составлен протокол о невыставлении расценок.

30 сентября.

Льнопрядильная фабрика по жалобе рабочих. Замечено:

1) не висит на фабрике мое объявление о приемных днях, а висит Дегтярева;

2) в чесальной и отделении гекль-машин отсутствие вентиляций — обилие пыли;

3) в книге для записи штрафов не отмечаются точно нарушения рабочих оштрафованных;

4) с 14 августа книга для записи сверхурочных работ не ведется, хотя работы производятся все время.

4 октября.

Сормово — для составления актов и соглашений по несчастным случаям:

1) Акт с И. С. Митрофановым.
2) Соглашение с А. С. Гуляевым.
3) То же с А. И. Гречиным.
4) Акт с Н. В. Букановым.
5) То же с В. И. Здобновым.
6) Соглашение с И. М. Памятновым.

[1]) Одно слово не разобрано.

7 октября.

Лесопильный завод А. П. Сергеева по жалобе рабочих на неправильное увольнение.

14 октября.

Сормово.

1) За сентябрь железо-передельный цех сработал 270 тысяч пудов против обыкновенных 200—210 тысяч.

2) Паровозо-механический цех — 25 паровозов, в октябре предполагается 28, против нормы 18.

1) Записано в ревизионную книгу о недостаточном ограждении: а) пил круглых — с боков ничем не ограждены, а сверху накрываются досками, свободно положенными на ряд железных прутьев, которые не всегда кладутся; б) станок № 27 — не ограждены ремни — особенно опасно положение уборщика из станка реек.

2) Представить расценки на изготовление цистерн вагонов по цехам вагонно-товарному, швеллерному, по судостроительному и паровозо-механическому на приготовление частей движения паровозов, которые до настоящего времени не представлены.

3) В заводскую черную книгу, по словам Виноградова, записано человек 50 специально оскорбителей, воров, покушавшихся на жизнь служащих. Относительно политических убеждений никаких препятствий нет, что и было после августовской забастовки в прошлом году уничтожено.

17 октября.

Сормово.

В пятницу 14 октября после свистка в 6 часов собралось у арматурного цеха около 150 рабочих. Был возбужден вопрос о школах и забастовке. Когда речь началась не о школе, то стали рабочие расходиться, и чрез ½ часа все разошлись.

Ходят слухи о готовящейся забастовке. Вчера из города было приставу сообщение о начале забастовки в 9 часов утра сегодня. От исполняющего должность губернатора получено предложение при подавлении беспорядков патронов не жалеть. Вчера привезли патроны. Предложено собраний не допускать. Тенчинский передал, что говорил исправнику — полицию и войск в завод не пускать, если только будут мирные собрания. Ходят слухи о забастовке 20 и 23 октября.

19 октября.

Сормово.

Завод с 11 часов утра 18 октября прекратил работу, и рабочие разошлись. Вечером 18-го состоялся в клубе митинг, на котором решено праздновать 18, 19 и 20 октября, но электрическая станция, сталелитейный и ремонтный цеха — работать.

При посещении упомянутые работы производились. Рабочие толпами на поезде и пароходах в 12 часов отправились в Нижний Новгород, где назначен митинг.

21 октября.

Завод возобновил работу в обычное время.

21 октября.

Льнопрядильная фабрика.

С утра работа началась в обычное время после простоя с 12 час. дня 18 октября до 20 октября включительно.

Пришли посторонние рабочие, оторвали от национального флага красную полосу и удалились.

28 октября.

Сормово.

Разбросаны листки о том, что с 1 сентября рабочих заставляют производить сверхурочные работы. У директора были депутаты для переговоров о сверхурочных работах, но он отказался с ними обсуждать вопрос и предложил произвести выборы от каждой сотни по одному, и с этими депутатами он будет рассуждать.

4 ноября.

Сормово.

3 ноября около 12 часов дня рабочие вывезли на тачке заведующего центральным магазином Матвеева. Директор издал объявление-воззвание, которое, вероятно, послужит к возбуждению среди служащих, так как подозревают подстрекателей со стороны недовольных Матвеевым его подчиненных, заявлявших ранее коллективную жалобу, из коих директор двоих уволил.

Среди рабочих митинги происходят беспрестанно по разным вопросам. Решено потребовать увольнения Знаковского и Маракушина под угрозой вывоза на тачке. Завтра в 2 часа совещание выборных от рабочих по одному с каждой сотни для решения вопроса о 8-часовом рабочем дне и уничтожении сверхурочных работ.

Среди служащих митинги об устройстве союза — их до 1 000 человек. Говорят, рабочим выражено сочувствие ими за вывоз Матвеева.

7 ноября.

Сормово.

1) Забастовал вчера с утра железнодорожный отдел. Требования одежды, 8-часового дня и увеличения жалованья. Прибавка в общем выражается в размере 118 000 рублей в год.

2) Каменщики вывезли на тачке двух подрядчиков, строящих каменные здания цехов.

3) В 4 часа дня началось совещание директора завода с выборными от рабочих по поводу забастовки железнодорожников, которая грозит остановкой всего завода из-за недостатка материала. Совещание окончилось полным отказом со стороны рабочих хотя бы уступить пятачок, причем совещание обратилось в митинг с речами.

9 ноября.

Получена телеграмма правления с отказом. Заведывающие в цехах говорили речи. Большинство рабочих, повидимому, склонялось к уступке. Назначено совещание в 5 часов вечера. Рабочие изъявили желание прекратить забастовку с утра 10-го, с условием получить за забастовочные дни. Директор отказал.

9 ноября.

Завод Животовского посещен по жалобе кочегара Келейникова на неправильное увольнение и неуплату части жалованья.

Льнопрядильная фабрика с целью ревизии. Директор сообщил, что в школе происходят митинги. Был «Бебель»[1]). Говорилось, что штрафным капиталом пользуется фабрика.

Предложено директору каждое 1-е число выставлять отчет по поступлениям и пособиям.

За кардами в первом корпусе очень пыльно. Предложено пока выдать респираторы, а равно и в часальной — до постановки вентиляторов.

10 ноября.

Вечером 9-го приезжие ораторы были против уступок. Рабочие на работу не стали (железнодорожники). В 2 часа директор говорил с толпой тысяч в 6 и просил не верить «Бебелю», что он человек посторонний и не знает сормовского дела, что он сам, Приемский, «плачет кровавыми слезами» по случаю закрытия завода. «Бебель» со смехом указал на эти слезы и спросил: «А сколько, товарищи, он же получает в месяц — хороши слезы!»

11 ноября.

Сормово. Железнодорожная ветка не работает. Около 10 часов стала собираться толпа человек около 3 000 — 4 000. В толпе разметчик паровозо-механического цеха Погодин говорил речь, что Приемский врет, что получена телеграмма правления об отказе в прибавке железнодорожному цеху и закрытии завода, что все это известные штуки его, «прохвоста». Около 11½ часов собрание разошлось.

Речь Приемского рабочим 10 ноября заключалась в возражении «Бебелю», который сваливал все беды на директора за его систему запугивания рабочих и в августе и в октябре (недостаток нефти), а все с целью остановить завод под благовидным предлогом — в августе, чтоб произвести ремонт завода, а в сентябре, чтоб переменить котлы на колосники.

Вечером в 5 часов директор вызвал депутатов и показал телеграмму. Вечером предположен окончательный митинг в столовой.

12 ноября.

Около 12 ч. дня машинисты стали расшуровывать паровозы, ничего не говоря. В 2 часа 40 минут пошел 1-й поезд, и движение восстановилось. Уступок рабочим не сделано.

19 ноября.

Сормово — по случаю забастовки.

1) В швеллерном цеху забастовало 50 подростков-подавальщиков и поддувальщиков с 12 часов дня 17 ноября до 6 часов утра 19-го. Требовали повысить поденное жалованье с 35 до 40—45 коп. Уступок не сделано.

Забастовали вновь с утра во вторник 22 ноября и стали опять на работу 24-го с утра.

---

[1]) «Бебель» — с.-д. А. Сухов.

Требования (17 ноября):
1) Увеличить плату мальчикам
а) подавальщикам до 45 коп. } теперь 35—40.
б) поддувальщикам до 40 коп. }
2) Пополнить комплект мальчиков.
3) Выдача заводских голиц по одной паре в месяц.
1) Число всех мальчиков 50 человек.
2) Все подавальщики, они же и поддувальщики.
3) Не удовлетворено ничего.
4) Все рабочие подростки бастовали: 17 ноября ½ дня, 18-го — 1 день; 19 работали; 22-го и 23-го по 1 дню, 24-го с утра приступили к работе.

Являются требования и о прибавке жалованья такой:

	Желание:	Теперь:
Клепальщикам	1 р. 16 коп.	1 р. 10 (1 р.)
Молотобойцам	— 75 »	70 (65)
Держальщикам	— 55 »	50 (45)
Мальчикам	— 40 »	35 (30)

25 ноября.

В железо-передельном цеху вследствие уменьшения заказов в декабре и январе работы будет только ³/₄. Рабочие соглашаются работать 3 недели подряд и 1 неделю отдыхать.

28 ноября.

Льнопрядильная фабрика.

Осмотрено отделение гекль-машин. Два сильных вентилятора прекрасно действуют, и воздух в настоящее время чист.

Просмотрена книга, часть 1-я, для записи несчастных случаев: все совершенные соглашения и акты о несоглашениях в книгу не внесены.

Лесопильный завод Животовского.

Найдены нарушения:

1) не сообщены случаи увечий рабочих: 26 октября с Никитиным и 8 ноября с Ершевым.

2) Книги I и II совсем не ведутся.

3) Выдана рабочему Шабневу книжка старого образца без текста закона 2 июня 1903 г.

Записано в ревиз. книгу — составлен протокол.

Завод Яковлева.

Завод с места снесен и частью возобновлен по соседству. Котлы тоже сняты с места. Работа скоро не возобновится.

Общество «Ока».

Работает около 20 человек. Рабочий день уменьшен до 10 час. и в субботу кончается в 2 часа.

Правила внутреннего распорядка не согласованы с новым распределением времени.

29 ноября.

Сормово — по случаю забастовки.

В ночь с 28 на 29 ноября забастовала в 10 часов вечера 3-я смена в железо-передельном цеху на мелкосортном стане.

Требования: 1) дать приемщика, который был дан на лето; 2) прибавить одного правильщика — это требование рабочих; 3) печные № 3 требовали: увеличить плату с 100 пудов на 18%; 4) выдавать по 1 паре голиц в месяц. Отказано. Работы нет совсем для мелкосортного стана. Целый день работа не производилась всеми тремя сменами.

Рабочие все взрослые, 3 подростков, всех 42 человека. По специальностям в одной смене: сверловщиков 2 (6), вагонщиков 2 (6), мальчиков у печи 1 (3), вальцовщик 3 (9), приемщиков 2 (6), крючечник 1 (3), правильщиков 3 (9).

Рабочие приступили к работе 30 числа в 10 часов вечера.

2 декабря.

Сормово.

1) Вчера в 4 часа забастовал электрический цех и стоял до 6 часов, а с ним и почти все цеха завода. Причина — отказ директора прибавить плату, которую будто бы он обещал увеличить. Прибавить плату окончательно отказано.

2) Вчера рабочие столярного цеха выгнали заведующего цехом Ласберга с приказанием не возвращаться. Директор вывесил объявление о расчете всего цеха через 2 недели.

В том же положении мастера: 1) рессорного цеха Свистунов, 2) котельного Ляпин и 3) фасонно-сталелитейного — Усов.

9 декабря.

Сормово.

1) В железо-передельном цеху выставлено объявление, что с 23 декабря по 10 января цех будет закрыт, и желающие сохранить за собою места приглашаются заявлять о том, а не заявившие будут уволены 23-го. Предполагается уменьшение рабочих в сталелитейном, ковочном и, вероятно, в бандажном цехах.

Сегодня заявили рабочие лесопилки № 1, что согласны работать с 1 января по 2 недели в месяц, понедельно или двухнедельно меняясь. Заводоуправление соглашается на таких условиях их держать, с требованием от них подписки соответствующего содержания.

2) С 1½ до 3 часов дня сегодня пред механической мастерской состоялся митинг, собравший почти всех рабочих завода. Посторонние ораторы говорили, чтоб рабочие требовали получку золотом и готовились дать последнюю битву отживающему режиму — бастовали, как только будет сделано распоряжение. Директор дать золотом получку в субботу (завтра) обещал, за дальнейшее не ручается.

3) Депутатам, явившимся около 3 часов требовать уплату жалованья золотом, директором было поставлено на вид, что рабочие работают вяло (в декабре вместо 19 паровозов будет выпущено 12), когда хотят, уходят с работ, что при таких условиях придется закрыть завод. Депутаты ответили, что с рабочими поделать ничего не могут. Директор сообщил также, что рабочими заготовляется оружие в громадном размере — горна и точила заняты, и забирается много стали самовольно, а также переделываются напильники и проч.

20 декабря.

Сормово.

О сормовских событиях узнал следующее:

12 декабря. Понедельник. Рабочие в полном количестве собрались в 8 часов утра по гудку из электрической станции, которую взяли насилием, так как она была заперта (вышибли окно и после отворили двери), собрались, говорили речи. В 9 часов вышли. На большой дороге встретили толпу конных городовых. Пристав предложил разойтись. Раздалось несколько выстрелов со стороны рабочих и крики: «Долой полицию». Это было около 11 часов. Рабочие заняли столовую, боевая дружина расположилась у входа. Затем рабочие из столовой разошлись. В 12 часов окружившие столовую полиция и казаки стали стрелять; завязалась перестрелка. В 2 часа занявшие столовую рабочие сдались в незначительном числе.

13 декабря. Вторник. С утра постройка баррикад. В 12 часов дня в доме Чугурина убиты бомбой казак и смертельно ранены 2 городовых, в который они проникли с целью заарестовать стрелявших в них из окна и со двора. Весь день перестрелка между отдельными группами из-за домов, укромных мест и проч. Ночью из-за баррикад вылазки и стрельба.

Среда. 14 декабря. В 10 часов установлены пушки и стрельба в школу и баррикады из них; ответ дружины из двух маленьких пушек и 1 мортирки. Убит есаул и ранено 2 казака. После четырех выстрелов дружина оставила школу около 4 часов. В школе убито и ранено 12 человек. В пять часов загорелось здание народной столовой. По слухам, подожгли казаки.

Четверг. 15 декабря. С утра выставлено объявление, чтобы рабочие приносили книжки для подсчета заработка. С 8 часов утра потянулись рабочие. От главной проходной рабочих гнали казаки, били нагайками, спрашивая: «Ты за кого — за царя или нет?» При этом двое или трое рабочих были застрелены.

Пятница. 16 декабря. С утра стали собираться в главную контору служащие. В контору ворвались казаки и толчками, прикладами и угрозами стрелять всех выгнали. Директору дали пинок ногой в живот. Кулаком одному служащему казак разбил лицо, одному нанесена рана в висок. Ввиду тесноты в казарме казаки занимали помещение чертежных в старой конторе. Мацкевич объяснил по этому поводу: было условлено с властями, что рабочие будут входить в главную проходную и уходить в ворота, но власти не сделали распоряжений. Директор уклонился от всякой распорядительности и сдал охрану завода военным властям, что было ошибкой, ибо заводу никто не угрожал. Казаки безобразничали и избивали зря. Так, был убит часовщик заводский в заводе, у которого был найден револьвер.

В субботу 17 декабря убит бывший сормовский рабочий Шимборский, приведенный из своей квартиры на допрос в полицию, в заводский двор, в приемные комнаты. Выйдя из проходной на пустую улицу и поколебавшись некоторое время, пошел по Александро-Невской улице. Стоявшие у входа казаки, отпустив его на некоторое, небольшое, расстояние, послали в спину 2 выстрела и убили на месте.

18 декабря. Воскресенье. По жалобе директора, приезжал губернатор убрать казаков, которые не хотели уходить в свою казарму из старой конторы, боясь там быть взорванными. В понедельник их убрали, и стало спокойнее, и жизнь стала входить в свою колею.

21 и 22 декабря рабочие получили расчет, за исключением человек 500, которые не явились, хотя книжки и принесли или прислали. Производятся усиленные аресты — арестовано до 100 человек.

30 декабря.

По справкам оказалось убитых 23 человека, и лежит раненых в больнице 51 человек. В воскресенье 25 декабря кочегар Широков, отопляющий в подвале контору, в 7 часов вечера убит около церкви, выходя с переулка. Пуля прошла насквозь чрез легкие.

Из записной книжки архивиста

После Цусимы

(Из дневника лейт. А. С. Зарина)

Отряд крейсеров, с которым автор публикуемого ниже дневника лейт. А. С. Зарин возвращался осенью 1905 г. в Россию, находился в составе эскадры Рождественского и 14—15 мая участвовал в Цусимском бою. 15 мая, оторвавшись от главных сил эскадры, отряд крейсеров под командой контр-адмирала Энквиста повернул на юг, вначале на Шанхай, но потом изменил направление на Маниллу, куда и прибыл 21 мая с целью произвести ремонт и нагрузиться углем. Однако американские власти заявили, что могут разрешить произвести ремонт лишь при условии разоружения судов до конца войны, на что Энквисту, предварительно снесшемуся с Петербургом, 26 мая пришлось согласиться. Отряд находился на Манилле до октября 1905 г., производя ремонт повреждений, полученных в Цусимском бою. По получении разрешения покинуть Маниллу, отряд начал готовиться к походу в составе крейсеров «Аврора», «Олег», броненосца «Цесаревич» (находившегося в Цинтао), крейсера «Дианы» и вышедшего из Владивостока крейсера «Алмаз».

15 октября 1905 г. «Аврора» и «Олег» вышли в Сайгон, куда прибыли 20 октября (2 ноября); «Диана» уже находилась в Сайгоне; 1 (14) ноября крейсер «Диана» по приказанию морского министра был отправлен самостоятельно; 6 (19) ноября в Сайгон прибыл броненосец «Цесаревич» и 10 (23) ноября отправлен также отдельно от отряда; 21 ноября (4 декабря) в Сайгон прибыл крейсер «Алмаз»; 26 ноября (9 декабря) «Олег», «Аврора» и «Алмаз» вышли из Сайгона в Коломбо, куда прибыли 4 (17) декабря; 13(26) декабря отряд вышел из Коломбо в Джибути, куда прибыл 21 декабря ст. ст.; 29 декабря ст. ст. «Алмаз» вышел отдельно от отряда и прибыл в Либаву 13(26) февраля 1906 г. «Олег» и «Аврора» вышли в Джибути 30 декабря ст. ст. и прибыли в Порт-Саид 6(19) января 1906 г.; 2 февраля (20 января) крейсера прибыли в Алжир. «Аврора» прибыла в Либаву 19 февраля (4 марта) 1906 г., а «Олег» 4(17) марта 1906 г.

Автор дневника был старшим флагофицером штаба Энквиста, т. е., по существу, правой рукой командующего отрядом. Таким образом, он не случайный наблюдатель, а человек, который по своему служебному положению был в курсе дел эскадры, знал настроения матросов и офицерства. Ценность его дневника составляет то, что он велся в 1905 году и содержит некоторый материал для уяснения вопроса, как революционное движение, охватившее Россию, отражалось на людях, находившихся далеко от родины и получавших лишь отрывочные сведения о происходивших там событиях.

Зарин — убежденный монархист. Революцию он иначе не называет, как «беспорядками»; восстание для него «мятеж», а революционно настроенные матросы — «негодяи, которым противен правильный строй жизни». В политическом отношении он полный невежда. Столкнувшись лицом к лицу с известиями о происходивших в России событиях, с наличием среди команд брожения и недовольства, он растерялся. В его воображении рисуется «легион» (!) политических партий, разобраться в которых «прямо невозможно».

То же неумение разобраться в сложившейся обстановке, ту же растерянность при получении известия о революции и в связи с наличием среди матросской массы брожения и недовольства мы видим и у других офицеров эскадры Энквиста, которые пытаются спасти свое положение списанием запасных в Россию, плаванием судов отдельно друг от друга и другими мероприятиями, направленными к подавле-

нию малейшего проявления недовольства со стороны матросов.

О степени тревожного настроения офицерства эскадры можно судить по следующей записи в историческом журнале штаба эскадры за 8 декабря 1905 г.: «В командах замечается волнение умов, внутренние беспорядки в России отзываются на людях; случай на броненосце «Цесаревич» тоже способствовал общему брожению; замечается некоторое падение дисциплины и т. д., но все это столь неуловимо и неопределенно, что точно определить, есть ли действительное основание опасаться какой-либо вспышки, почти невозможно. Неудовольствие и нервность в командах доказываются на мелочах: ротные командиры говорят, что при раздаче жалования люди ведут себя иначе, чем делали это раньше, бросают сдачу на стол, вызывающе смотрят и т. д.».

Тяжелый переход 2-й эскадры (в состав которой входил отряд крейсеров) из России на Дальний Восток, изнурительные погрузки угля в открытом море, под палящими лучами солнца, пережитое во время Цусимского разгрома — все это не могло не оставить глубоких следов на матросах. Изнуренными прибыли матросы после Цусимского боя в Маниллу. Не блестяще выглядели они и с внешней стороны. Обмундирование износилось и представляло собою лохмотья. В своем рапорте в Главный морской штаб Энквист писал: «С трудом находили несколько пар для гребцов отправляемых на берег шлюпок, не было ни фуражек, ни сапог».

Для восстановления здоровья матросов, по соглашению с американским адмиралом и с его разрешения, ежедневно с «Авроры» и «Олега» отпускалось для прогулок на берегу 35 человек, а с «Жемчуга» 20 человек. Таким образом, одновременно на берегу было не более 55 человек. Пребывание на берегу давало матросам возможность получать сведения о происходивших в России революционных событиях. И естественно, что эти сведения возбуждали среди матросов толки, поднимали их настроение. Недаром американский адмирал Рейтер 24 июня 1905 г. просил собрать офицеров отряда на «Аврору» и, явившись туда, сообщил, что в городе циркулируют слухи относительно брожения в командах крейсеров. Контр-адмирал Энквист и его офицеры поспешили разуверить Рейтера в невозможности какой-либо опасности со стороны матросов. Американцы оказались настроенными менее оптимистически: «на всякий случай» они в тот же день переставили поближе к отряду монитор «Monadnock».

Вскоре однако офицерам отряда пришлось убедиться в том, что среди команд зреет недовольство, которое может вылиться наружу. Влияние событий, происходивших в России, привело к тому, что становилось «трудновато команду держать в строгом повиновении», как должен был признать Энквист.

Необходимость заставила офицерство обратить внимание на «политработу» среди команды. Первым пробным шагом в этом направлении была лекция лейтенанта Игнатьева 15(28) августа 1905 г. о восстании на «Потемкине». Очевидно, молчать о происходившем было нельзя, так как налицо была опасность, что заговорят сами матросы. Однако до открытых выступлений дело не доходило.

В нашем распоряжении не имеется никаких сведений о существовании среди матросов отряда какой-либо организации и революционной агитации. Вероятнее всего это объясняется довольно «разношерстным» составом команд. Не следует упускать из виду того обстоятельства, что в составе команд находился значительный процент людей, которым сразу же по приходе в Россию предстояло уволиться в запас и которые с нетерпением ждали этого момента.

Большое беспокойство в офицерах вызвала возможность встретиться с владивостокскими крейсерами, возвращавшимися в Россию под командой контр-адмирала Иессена. Дело в том, что крейсера эти вышли из Владивостока в разгар происходившего там восстания и, соприкоснувшись с командами судов отряда Энквиста, могли внести в их недовольство новый элемент своими рассказами о происходивших во Владивостоке событиях.

С матросами, призванными из запаса, которых больше всего боялись Энквист и его офицеры, поступили просто: в Сайгоне их, в количестве 133 человек матросов и 1 кондуктора, списали на пароход «Ливония» и отправили в Россию.

Отметим, что плавание судов отряда отдельно друг от друга не случайно. Дело вовсе не в тех официальных объяснениях, которые даются в рапортах Энквиста. Это система, тактика: разобщить, разъединить организацию, если она имеется, ибо по частям легче справиться.

Дневник лейтенанта Зарина, хранящийся в ЛОЦИА в фонде дневников и воспоминаний о русско-японской войне (ф. № 3465, д. № 183), представляет собой тетрадь с 34 заполненными листами с записями, веденными почти ежедневно с 2 декабря до конца декабря 1905 г., листы 1—12, 23—30—черновики

донесений в главный морской штаб о пребывании в Сайгоне и переходе из Сайгона в Джибути. Остальные листы заняты дневником.

Ф. А. Петров.

1905 год.

4 декабря.—Коломбо. Переход из Сайгона в Коломбо был очень удачный и скорый. Очистка подводной части на «Олеге» вызвала, при 12-узловом ходе, уменьшение числа оборотов на 15 против прежнего. Утром 4 декабря подошли к гавани; на рассвете нам повстречался английский крейсер «Terrible» и перед нами вошел в гавань. Все три крейсера взяли лоцманов и утром до 8 ч. вошли, — англичане прекрасно ставят, уверенно, хорошим ходом. В 8 часов утра отсалютовали нации. В гавани много коммерческих судов, в том числе «Курония» и три военных англичанина «Renown», «Terrible» и «Seatark» — маленькая шкуна.

Приехал наш здешний вице-консул А. Н. Бурнашев, повидимому, очень бестолковый и невзрачный человек, с таинственным видом прошел к адмиралу и рассказал ему, что на «Цесаревиче», ушедшем отсюда третьего дня [1]), был открыт заговор, и зачинщики были выданы командой судовому начальству.

Когда я ездил на «Цесаревич» в Nia... [2]), с какой уверенностью говорил командир о том, что на его судне нельзя ожидать ничего плохого! Факт очень грустный. Единственное утешение то, что главари были выданы самой командой.

Консул рассказывал, как все произошло на «Цесаревиче», но не совсем ясно. По его рассказу дело было так. В один прекрасный вечер к старшему офицеру пришло несколько человек машинной команды и комендоров и сообщили, что на броненосце не все благополучно и существует заговор, и выдали 28 человек главарей. Судовое начальство поступило так: снеслись с английскими властями и, уговорившись с ними, приготовились к съемке с якоря и в самый последний момент перед уходом стали вызывать по одному выданных главарей и сажать их в частный катер; вещи их тоже положили туда. Как только катер отвалил, броненосец дал ход и ушел в Джибути, куда он должен притти около пятницы 9-го. Поступить так было решено на совете, под председательством генерал-губернатора Цейлона г-на Blake; английские войска были готовы оказать в случае нужды содействие. Англичане боялись, что броненосец в случае мятежа вернется и будет бомбардировать Коломбо [1]),— опасение, мне кажется, довольно неосновательное,— и сюда был вызван из Мадраса броненосец «Renown».

Телеграфное сообщение с Россией не установилось еще, беспорядки продолжаются. Вот новости, которые мы узнали по приходе в Коломбо,— все удручены и подавлены.

В 9½ часов утра приехал с «Renown» коммодор Tyrwhitt. Адмирал говорил с ним с глазу на глаз; он тоже принимал участие в совете относительно «Цесаревича», но, повидимому, от него узнать не удалось ничего.

На следующий день ездил утром с адмиралом и консулом с официальными визитами к губернатору и генералу, командующему войсками. Губернатор очень мил; нас принимали lady Blake и ее сестра, пожилые, некрасивые женщины, расспрашивали о положении в России; мы, конечно, ничего не могли сообщить нового; по разговору видно, что они считают положение критическим; ужасные испытания для самолюбия.

---

[1]) В своем рапорте в Главный морской штаб Энквист объяснял причину посылки «Цесаревича» из Сайгона 10(23) ноября 1905 г. отдельно от отряда тем, что «считал стоянку весьма нездоровой для команды и стеснительной для порта». В историческом же журнале отряда говорится, что «благодаря трехлетнему старшинству, приобретенному командой «Цесаревича» в Порт-Артуре, она поставлена в совершенно другие условия, чем команды «Авроры» и «Олега», что может отозваться на этих последних». Телеграммой в Главный морской штаб от 4 ноября 1905 г. Энквист с беспокойством сообщал о серьезном настроении «запасных» на «Авроре» и «Олеге».

[2]) Неразборчиво.

[1]) По сообщению Энквиста, на переходе Коломбо—Джибути матросами решено было завладеть броненосцем. Разрешение на списание матросов в Коломбо английские власти,— очевидно, опасавшиеся повторения истории «Потемкина» на Одесском рейде,— дали под условием, что никаких «насильственных мер» в отношении матросов принято не будет. Воспользовавшись пребыванием в Коломбо парохода «Курония», вице-консул Бурнашев поместил на него списанных на берег 28 матросов и отправил в Россию. Военно-морским судом в России все 28 человек, за отсутствием улик, были освобождены.

6-го день именин государя. В полдень салют; англичане принимали участие; адмирал был нездоров, не присутствовал на завтраке и не говорил ничего команде; на «Олеге» Добротворский [1]) сказал большую речь, объяснял команде, что́ теперь делается в России, разницу между партиями и т. д. Офицеры говорят, что он очень толково говорил и что после этого люди с увлечением кричали «ура». Вечером бал у губернатора; мы отказались от участия, извиняясь тем, что при современном положении вещей на родине не находим возможным присутствовать на балах. Обедал на «Олеге» и выпил лишнее, дурачились и много смеялись. Не знаю,— правы ли офицеры «Олега», возлагая так много надежд на свою команду, но приятно все-таки видеть эту уверенность.

Сегодня, 7-го, с утра неприятности самого нехорошего свойства.

Добротворский прислал офицера просить, чтобы команда «Алмаза» высаживалась на разных пристанях с командой «Олега», так как есть опасение, что может произойти драка: «алмазские» ведут себя вызывающе, семафорят с полубака на «Олег»: «Беглецы, подождите, мы вас вздуем» [2]) и т. д. Последние два дня в команде «Авроры» самые зловещие признаки, к провизии придираются. Готфрид Дори и М. Шаховской [3]) весь день шпиговали меня, стараясь внушить, что положение весьма натянутое; я и сам это вижу отлично, но, конечно, имею мало случая наблюдать команду. Некий машинист пришел сегодня к Дорну и намеками старался предупредить его об опасности и очень прозрачно говорил, что грозит особенно Эймонту [4]) и И. Это отчасти понятно. И. невозможно нервен, порой доходит до обморока, и ничего не будет удивительного, если не удастся списать его, что история выйдет как раз на этой почве. Надо принимать какие-нибудь меры, несомненно, и это первая и — очень возможно — и нужная: И. списать, а Эймонта перевести на другое судно. Трудно дать себе отчет в реальности опасности, трудно уяснить себе, что́ собственно люди хотят, а главное, невозможно принять прямых мер; все как-то неуловимо, новый фактор; мы — совершенно неподготовленный к этим вещам народ.

9 декабря.— Вчера день прошел мирно, но состояние нервов столь приподнято у всех, что спокойная жизнь прямо немыслима. Особенно расходился Дорн, который многое может испортить. Говорил со Старком [1]), спрашивал его мнение. Он трезво смотрит на вещи; говорит, что, по его мнению, в команде есть настоящее основание быть недовольными пищей, за которой недостаточно присматривают; затем он находит, что гг. офицеры слишком много говорят и слишком мало делают, например, Дорн способен 6—7 часов подряд болтать на эту тему, а жалование раздать во-время свыше его сил, книгу собственных денег вести он тоже не может сам, а дает подсчитывать фельдфебелю.

Во вчерашних вечерних газетах одна телеграмма хуже другой о положении в России; повсеместно бьют евреев, и жестокостям нет пределов; существует легион разнообразных политических партий, но понять, какая чего хочет, прямо невозможно. По всей России поголовные стачки железных дорог, всех фабрик, почты, телеграфов. Чем питается манчжурская армия, неизвестно. Обаяние государя многое сдерживает еще, но и против его особы много уже говорится. Англичане, шведы посылают в Балтийское море военные суда для защиты своих подданных, немцы двинули к границе полки,— трудно разобраться как от... [2].

15 декабря.—Третьего дня вышли из Коломбо. В воскресенье 11-го адмирал говорил с командой, объявил манифест 17 октября и объяснил положение в государстве; я слышал только первую часть его речи, меня отвлек английский офицер, приехавший с письмом от cap. Campbell, который так любезно и задушевно принимал меня накануне и говорил, что англичане, или, вернее, английские моряки, искренно и горячо сочув-

---

[1]) Добротворский, Леонид Федорович, капитан 1 ранга, командир крейсера «Олег».

[2]) Присоединившийся в Сайгоне к отряду крейсер «Алмаз» до этого находился во Владивостоке и вышел оттуда на соединение с отрядом Энквиста 1 ноября 1905 г., т. е. в момент происходившего там восстания. Очевидно, боязнь того, что команда «Алмаза», успевшая кое-что увидеть в России, может повлиять на команду «Олега» в нежелательном для офицерства направлении, заставила Добротворского просить о высаживании команд на разных пристанях. Название «беглецы» относится к роли крейсеров в Цусимском бою, их уходу на Маниллу и разоружению там.

[3]) Лейтенанты крейсера «Аврора»: Дорн, Готфрид Рудольфович и Шаховской, Михаил Владимирович.

[4]) Эймонт, Борис Николаевич, мичман.

[1]) Старк, Георгий Карлович, лейтенант, старший минный офицер крейсера «Аврора».

[2] Не дописано.

ствуют нам в нашем трудном положении.

Речь адмирала, повидимому, имела хорошее влияние на команду, которая успокоилась, надо думать, на время; слышится по вечерам пение, а на баке даже плясали, чего не было уже пять месяцев [1]).

Выходить из Коломбо было трудно, но вышло хорошо. Ветер был довольно свежий, но к вечеру стихло, и эти два дня погода отличная. Не успевшие отговеть на прошлом переходе команды «Олега» говеют теперь. «Алмаз» держится пока на этом переходе несравненно лучше, чем на прошлом. «Олег» держится плохо, большею частью вне строя, а когда его спрашивают, отчего, он отвечает, что правит неопытный рулевой.

Погода отличная, и настроение у всех лучше, чем на якоре; адмирал чувствует себя неважно, жалуется на дурной сон и общее недомогание. Шаховской делает все, что только можно, чтобы кормить команду великолепно, может быть, и это помогает; по всем признакам заметно улучшение в настроении умов. В Коломбо встал на очередь серьезный вопрос о финансах отряда. Дело в том, что кредитивы «Олега» и «Авроры» уже разменены по всем параграфам, и почти все истрачено; к счастью, на «Алмазе» имеется второй кредитив, и можно рассчитывать на 200 000 рублей. Телеграфировали из Коломбо в счетный отдел [главного управления кораблестроения и снабжений], чтобы выслали нам в Порт-Санд новые кредитивы или переводы, но сообщение телеграфом не было еще надежно восстановлено, и нельзя ручаться, что телеграмма получена в Петербурге.

Адмирал остался на «Авроре» под давлением обстоятельств и, вероятно, останется на ней до России; в этом намерении его укрепили все мы в дни, когда так страшно нервничали. Дай-то бог, чтобы все обошлось хорошо; надежда на благоприятный исход понемногу воскресает, но не надо забывать, что малейшего случая довольно, чтобы вызвать совершенно неожиданный глупый бунт, и случая этого отнюдь не давать.

17 д ё к а б р я.— Плывем довольно безмятежно, делая по 285 миль суточного плавания. Вчера Шаховской говорил мне, что он имел разговор с одним очень хорошим, образцовым матросом на тему **mutiny** [1]), столь теперь популярную.

Разговор носил совершенно частный характер и интересен тем, что матрос был, повидимому, совершенно откровенен. Сущность его взгляда следующая: в команде «Авроры» имеется известный процент негодяев, которым противен правильный строй жизни, и цель их просто дебош; остальная команда, можно сказать, индифферентна, но 300 человек имеют основание желать, чтобы все было спокойно, так как они кончили срок службы и, по возвращении судна в Россию, должны вернуться по домам. К сожалению, эти 300 человек, несмотря на то, что среди них очень много прекрасных, спокойных людей, представляют из себя стадо без воли, и дурной элемент в подходящую минуту может воспользоваться их пассивностью и не ошибется в расчетах. Как пример была приведена история с недостатком хлеба в Манилле: оказывается, все дело было устроено несколькими человеками, которые, узнав, что хлеба во-время не привезли, пошли по палубе и покрикивали: «Ребята, выходи во фронт, хлеба нет, живо!» и т. п. Все пошли, как бараны, и стали во фронт: рассказчик тоже был во фронте; на вахте стоял Шаховской, который, по счастью, не встравился, когда его приказание разойтись не было исполнено, и понял, что остается только как следует поставить людей. Унтер-офицеры были выведены на фланг, команда выравнена; все эти приказания исполнялись беспрекословно, — единственно, что не исполнялось, это приказание разойтись. Шаховской послал к старшему офицеру. Прохоров [2])

[1]) Возбужденное настроение, царившее среди матросов, вынудило Энквиста телеграфировать в Главный морской штаб просьбу сообщить ему о внутреннем положении в России. На телеграмме Энквиста помощником начальника Главного морского штаба была наложена резолюция: «Прошу составить ответ в успокоительном смысле и показать мне». 12 декабря 1905 г. Главный морской штаб телеграфировал Энквисту: «Иностранные газеты преувеличивают и повторяют заведомую ложь наших революционных газет. Латыши-революционеры производят беспорядки в Курляндской и Лифляндской губерниях. Туда высланы войска для усмирения. В Москве — беспорядки, подавляемые войсками. Революционерами была объявлена всеобщая забастовка, которая, повидимому, не удалась вовсе. В Петербурге жизнь течет совершенно нормально. На днях будет распубликован закон о выборах в Государственную думу.— В и р е н и у с».

[1]) «Мятеж».

[2]) Прохоров, Константин Викторович, лейт., и. д. ст. офицера на крейсере «Аврора».

вышел, и тут начался беспорядок, потому что он вышел встравленный, прикрикнул, и команда сейчас же зашумела и сплотилась друг к дружке, приняв заносчивый вид. Рассказчик признается, что, как только Прохоров прикрикнул, он как бы окаменел, и тут, что ни делай, хоть убей, из фронта бы не вышел. Все прекратилось, только когда адмирал лично приказал разойтись, прибавив, что дело будет разобрано.

Во всем этом интересно и грустно единственно то, что волей и инициативой обладает самый дурной элемент исключительно; хороший же — тряпка. Тут кроется какая-то большая причина, которая неясно вырисовывается передо мной, и говорить о ней, мне кажется, рано еще. Все эти дни перехода неимоверно ленился,— состояние такое, что ничего невозможно делать, полная апатия и физическая усталость; не дай бог долго находиться в таком состоянии, это слишком расслабляет волю и портит человека.

Понедельник, 19 декабря.— Ночью и утром проходим Сокотру, изменили курс на Джибути, придем, вероятно, послезавтра утром. Утром написал донесение о стоянке в Коломбо; адмиралу еще не показывал, не знаю, понравится ли ему или придется изменить.

Около 1 часу «Олег» опять выкинул фортель: ни с того ни с сего поднял шары, не уменьшая хода, и говорит: «Имею повреждение в холодильнике, больше 8-ми узлов итти не могу». Только уменьшили, а он: «Повреждение исправлено», и лезет нам в корму; прибавили, а он возьми и отстань на милю; чорт знает, что за судно! Погода сегодня особенно хороша, прохладно, качки нет, дышится легко и привольно, переходы куда приятнее якорных стоянок с их дрязгами, телеграммами и т. д.

Донесение адмирал одобрил, и оно уже переписано начисто. В 6 часов вечера прибавили ход до 14 узлов; «Олег» и «Алмаз» пока держатся хорошо и неудовольствий не изъявляют; неизвестно, долго ли будут себя так хорошо вести.

Теперь начал приставать 1898-й год. Они говорят, что остальная команда смеется над ними, что все получили год льготы за плавание эскадры, а они нет; хороши гуси господа, что смеются! Ротные командиры просят рапортами, чтобы адмирал объяснил 98-му году, что они не обижены, или запросил Петербург; если действительно этот льготный год считается только к действительной службе, то это крупная несправедливость, и вряд ли это так[1]).

Вечером в кают-компании начались мистические разговоры; между прочим, я рассказал случай с Витгефтом на «Герцоге», когда он, стоя на вахте, увидел маленького человечка с седой бородой, одетого в матросскую куртку и прошедшего ему навстречу. Дори сейчас же рассказал мне, что в германском и английском флотах упорно держится поверие, что человечек такого вида бывает виден на судне перед несчастием.

В это плавание действительно у нас случилось несчастие и, как теперь я вспоминаю, человек упал с марса реи и разбился на-смерть у того места, где, по рассказу Витгефта, пропал маленький старик. Хорошо, что мы в то время не знали этого поверия, а то наверно бы нервничали!

Пятница 23 декабря — Jibuti. 21-го в 1 час пополудни стали на якорь в Jibuti. Тотчас приехало два типа, оба претендующие быть нашими консулами: один — агент «Messageris maritimes», другой — «Русского общества». Пришлось выяснять дело, телеграфировать консулу в Марсель, и теперь консульство упрочено за Ghaleb'ом («Русское общество»). Через час после нашего прихода пришел на рейд английский крейсер 2-го класса. Наши, было, уже начали традиционную речь о пресловутом нахальстве англичан, но оказалось, что 22-го должен притти сюда с визитом к губернатору губернатор Адена, и их послали для производства салютов.

Из полученных здесь адмиралом телеграмм узнали, что «Цесаревич» пришел благополучно в Суэц и выходит в Алжир, в Тулон министр запретил итти; что кредитивы высланы нам в Саид, придется менять донесение. На следующий день утром поехали с визитом к губернатору Ormiere; он, оказывается, был губернатором Габука, когда мы там были эскадрой в прошлом году.

Утром пришел губернатор Адена; для встречи его губернаторский дом был расцвечен флагами: французы и англичане усиленно дружат. Аденский губернатор прибыл с визитом к адмиралу; замечательно мил. Адмирал отвечал сегодня. Вчера вечером ездили на берег, обедали в гостинице, если можно назвать так ее, и играли до 4 ч. 50 м. в

[1]) Приказом по флоту и морскому ведомству от 29 сентября 1905 г., за № 203, было объявлено о сокращении матросам 2-й эскадры, кроме судов, сдавшихся в плен, срока действительной службы для увольнения в запас флота на один год.

макао. Я выиграл 8 фунтов, но одно время был в проигрыше около 40 фунтов; это плохой признак, признак, что могу неожиданно зарваться; надо принять меры, чтобы это не повторялось.

Ожидавшийся третьего дня с Мадагаскара «Messagerie» опоздал на 40 часов, встретил у Comores очень сильный циклон. Англичане говорят, что в Красном море холодно; надо готовить черное платье. Здесь мы проведем праздники. «Аврора» будет праздновать en grand два спектакля, из которых один, правда, «Царь-Максимилиан», и елка. Предполагается пригласить губернатора с семьей на спектакль 26-го.

Джибути совсем деревня. Французы скупятся; при желании, вложив хорошую сумму, можно было бы здесь сделать небольшой, но приличный порт; стратегическое положение города стоило бы того, на мой взгляд. Впрочем, французы говорят, что рост порта теперь обеспечен, потому что удалось найти достаточно пресной воды, чего раньше не было. Когда железная дорога будет окончена, начнется прогресс. Впрочем, я еще слишком мало познакомился с местными условиями, чтобы говорить о Джибути. Местность сама удивительно безотрадна: растительности ноль, голый песок; есть несколько только что посаженных садиков, которые, повидимому, обещают приняться.

26 декабря. — Уф! Отпраздновали вчера здорово первый день; нечего сказать, давно я так не набадывался.

Днем принимали гостей; вечером на «Авроре» была елка; адмирал был на раздаче подарков, потом поехали на «Олег». Давали «Вульбу»; поставлена пьеса была хорошо, но было так жарко и долго тянулось, что с трудом дождался конца. На «Авроре» застали последнее действие «Максимилиана» — великолепно; давно не смеялся так от души.

30 декабря. — Сегодня утром вышли из Джибути. «Алмаз» был послан вчера в Порт-Саид, чтобы облегчить нам проход каналом и подготовить все необходимое. С «местными условиями» так и не познакомился, а потому и говорить о них не могу.

Два раза съезжал вечером на берег играть в макао; оба раза выиграл, первый раз 8 фунтов, а второй 62 фунта, но на запись; долг еще очень большой, до России не разделаешься, и придется выписывать деньги, что очень неприятно. С берегом в Джибути альянсов почти не было, если не считать обеда у губернатора и спектакля на «Авроре». Губернатор Ormière был очень любезен; он рамоли, постоянно болен, но старался быть гостеприимным. Конечно, под конец стоянки «Олег» опять удружил; оказалось, что, если ему не уступят решительно всю пресную воду с берега, то он не может уйти в назначенный срок. Пришлось уступить, что вызвало вполне понятное неудовольствие на «Авроре», затем неожиданно оказалось, что с казенным углем «Олег» дойти до Порт-Саида не может; пришлось разрешить ему принять кардиф, который пришлось купить у «Afrique Orientale».

Неприятный инцидент на «Авроре» до такой степени раздражает, что просто хоть спи целый день. Я не могу так существовать; кругом одни недовольные собой и другими морды, нервные, издерганные люди. До такой степени все мрачно, что противно думать и писать.

Ответственный редактор Я. Берзин.
Редакционная коллегия: В. Максаков (зам. ответ. редактора), В. Малаховский, И. Менницкий, Ф. Ротштейн.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Первые дни мировой войны. С предисловием *А. Попова* 3

Разгром Сербии в 1915 г. и «помощь» союзников. С предисловием *Ф. Нотовича* 69

Англо-русские отношения в Персии во время мировой войны. С предисловием *Ф. Н.* 86

Солдатские письма в годы мировой войны. С предисловием *О. Чаадаевой.* 118

Московский Военно-революционный комитет. С предисловием *Э. Рожена.* 164

К истории революции 1905 г. на заводе «Сормово». С предисловием *В. Зельцера.* 193

Из записной книжки архивиста

После Цусимы. (Из дневника лейт. А. С. Зарина.) Сообщил *Ф. Петров.* 248

ОГИЗ * СОЦЭКГИЗ * КОГИЗ

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

ПОКРОВСКИЙ, М. Н.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Сборник статей. Соцэкгиз. 1934. (Институт истории коммунистической академии). Стр. 448. Ц. 4 р. 50 к., в пер. 5 р. 50 к.

ФЕЙ, СИДНЕЙ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Перевод с английского. Соцэкгиз. 1934

Том I

Перевод С. Соколова и А. Сперанского. С предисловием А. Попова. Стр. 388. Ц. 4 р. 50 к.

Том II

Перевод Б. Жуховецкого. С предисловием А. Ерусалимского. Стр. 368. Ц. 5 р.

ПЕЧАТАЕТСЯ

ПОЛЕТИКА, Н.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Соцэкгиз. Объем 40 л. Ц. 7 р. 20 к.

Продажа во всех магазинах и киосках КОГИЗ'а. Почтовые заказы направлять — Москва, Могиз «Книга-почтой». а также в «Книга-почтой» в ближайшие областные (краевые) отделения КОГИЗ'а